

МИФЫ
БЕЗ ТРАФА
МИФЫ

БОРИС СОКОЛОВ

ТРЕТИЙ
РЕЙХ

МИФЫ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мифы

БЕЗ ПЕРИФА

Сканировал и создал книгу - vtaкhankov

БОРИС СОКОЛОВ

**ТРЕТИЙ
РЕЙХ
МИФЫ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2005

Оформление серии художника *П. Волкова*

Соколов Б.

С 59 Третий Рейх. Мифы и действительность. — М.:
Яуза, Эксмо, 2005. — 480 с.
ISBN 5-699-10227-2

Книга известного писателя и историка — ниспровергателя мифов Бориса Соколова посвящена государству, существовавшему немногим более 12 лет, но оставившему по себе страшную память у всего человечества. Неудивительно, что история Третьего Рейха обросла множеством мифов. Из книги читатель узнает, каковы были истинные цели вождей Рейха, как готовилась Вторая мировая война, сколько в действительности было жертв холокоста и как родилось число 6 млн. евреев, погибших в результате гитлеровского геноцида, сколько человек потеряло человечество в развязанной Гитлером войне, собирался ли Сталин напасть на Гитлера, был ли Гитлер полководцем и могла ли Германия выиграть войну, в чем была сущность расовой доктрины национал-социализма и как нацисты относились к различным народам, каковы были подлинные и мнимые преступления Третьего Рейха и существовали ли в Освенциме газовые камеры, как повлияла личность Гитлера на организацию нацистского государства, что в этом государстве было от древних мистических учений, а что — от рационального XX века, и многое другое.

Эта книга предназначена для всех, кто хочет разгадать главные загадки Третьего Рейха и Второй мировой войны.

ББК 66.1(0)

© Б. Соколов, 2005

© ООО «Издательство «Яуза», 2005

ISBN 5-699-10227-2

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Вступление

4 сентября 1934 года рейхсканцлер Адольф Гитлер заявил на съезде Национал-социалистической рабочей партии Германии в Нюрнберге: «Немецкий порядок жизни бесспорно predetermined на тысячу лет». Но созданное фюрером государство, рассчитанное на существование в течение, по крайней мере, ближайшей тысячи лет, но погибшее под ударами союзных армий всего через 12 лет и три месяца, оставило после себя больше мифов, чем любое другое государственное образование, существовавшее в XX веке. Оно мало у кого вызывало симпатии, хотя его поклонники существуют до сих пор и отличаются сплоченностью, воинственностью и агрессивностью. И в то же время, как некое величественное зло, зло в своем предельном воплощении, до сих пор вызывает жгучий интерес миллионов и миллионов людей, к нацизму и Гитлеру не испытывающих особых симпатий. Большинство мифов носит отрицательный характер и коренится в антифашистской пропаганде, ведшейся в Германии и Европе 30-х годов, а также в союзной пропаганде военного времени, стремившейся всячески опорочить и унижить врага, выставить его в самом отвратительном свете. Есть и другая категория мифов, так сказать, положительных. Они возникли как в Германии 12-летнего периода Третьего Рейха, так и уже после войны в среде праворади-

кальных публицистов и историков, утверждавших, что холокоста не было, что нацистский режим ничем не отличался от других авторитарных режимов, столь распространенных в Европе 1930-х годов, что война со стороны Германии носила превентивный характер и должна была разрушить заговор «американско-английских плутократов», под которыми часто подразумевается «всемирный» сионистский (чтобы не говорить «еврейский», что ныне в Европе небезопасно) капитал. Главные утверждения тех историков, которых в Западной Европе называют ревизионистами, сводятся к двум основным тезисам: холокоста не было, и война Германии против России носила сугубо оборонительный, превентивный характер. Ну, на счет оборонительных и превентивных войн очень хорошо выразился русский писатель-эмигрант Марк Алданов: «Наступательных войн в истории никогда не было и не будет: все войны делятся на оборонительные и «превентивные». А холокост, к несчастью, был, о чем существует слишком большая масса свидетельств, каждое из которых, в принципе, можно подделывать, но всю совокупность которых фальсифицировать не по силам ни одному народу или государству.

Рассказать обо всех мифах и о том, как на самом деле обстояло дело, в пределах одной книги нет никакой возможности. Поэтому я постараюсь остановиться только на главнейших и наиболее, на мой взгляд, интересных из них. Для удобства изложения я располагаю мифы по хронологии истории Третьего Рейха и начинаю с той группы мифов, которая связана с образом Адольфа Гитлера.

Читателю надо помнить, что истина лежит обычно где-то посередине между двумя мифами, каждый из которых вычленяет и гипертрофирует лишь какой-то один ее элемент. И, разрушая одни мифы, люди тут же

создают взамен им другие. Наверняка то же самое происходит и в настоящей книге, хотя я, как автор, по возможности старался избегать нового мифотворчества. Все дело тут в имманентных свойствах человеческого мышления. Само понятие «Третий Рейх» является следствием одного из таких архетипов, самого древнего — троичного. Первым Рейхом Гитлер считал империю Карла Великого, вторым — империю Гогенцоллернов, созданную Бисмарком в 1871 году, а уж третьим свою собственную, которая должна была просуществовать по крайней мере ближайшую тысячу лет и подчинить германской расе Европу, а если повезет, то и весь мир. В то же время «три» — это простейшее выражение асимметрии, по формуле $2+1=3$. Наше мышление троично, чему есть масса примеров, начиная от Божественной Троицы христианства и ее аналогов в других религиях и кончая троичными структурами практически всех языков в мире — три рода, три лица, особая роль первых трех числительных и т. д. То, что мышление человека троично, объясняется асимметрией функций двух полушарий головного мозга. Если бы мышление человека было полностью симметричным, мы не обладали бы реальной свободой воли и вечно находились бы в положении буриданова осла, который умрет с голода, так как находится на абсолютно равном расстоянии от двух вязанок сена и, обладая абсолютной свободой воли, так и не сможет выбрать одну из них (этот парадокс приписывают французскому схоласту XIV в. Жану Буридану). Симметрия строения человеческого тела идет от природы, асимметрия мышления — от разума, так что троичность возникает вместе с возникновением самого мышления. Число «три» в нашем сознании символизирует некую законченность, завершенность чего-либо. Точно так же Третий Рейх в созна-

нии Гитлера и его последователей означал завершенность всемирной истории торжеством германской расы «по крайней мере на ближайшую тысячу лет», а в идеале — навечно.

Также и семеричность — один из древнейших стереотипов человеческого мышления, восходящий к семи светилам Солнечной системы, известных с древности. Без помощи оптических приборов человек может видеть на ночном небе Луну, Меркурий, Марс, Венеру, Юпитер, Уран и Сатурн. Соответственно, вместе с Землей и Солнцем людям древности было известно семь объектов Солнечной системы. Отсюда — семь дней недели, семь нот, а также семеричные структуры в мифологии и фольклоре всех народов Земли, в том числе Семь дней творения в Библии, или Семь тайн Корана, или семь холмов, на которых якобы возникли многие мировые столицы, те же Рим и Москва. Не случайно в созданной Пифагором системе цифровой магии число «семь» олицетворяло Космос. Семь — архетип более молодой, чем три, но тоже весьма древний. Он возник тогда, когда человек впервые стал внимательно вглядываться в звездное небо. И это произошло тогда, когда люди еще не делились по языкам. Раз семеричность присутствует в мифах абсолютно всех народов, значит, в человеческом мышлении она закрепилась тогда, когда все человечество еще говорило на едином языке, ныне безнадежно утраченном. Семеричные структуры также с неизбежностью присутствуют и в мифологии Третьего Рейха. В частности, руководство национал-социалистической партии первоначально состояло из семи человек, а Гитлеру молва упорно приписывала, что когда он впервые пришел в пивную, где собралось шесть человек — руководителей и единственных членов Германской рабочей

партии (ДАП) — предшественницы Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), то ему выдали членский билет № 7, а уж он потом добился впоследствии, когда стал единоличным руководителем партии, чтобы его ему поменяли на билет №1. На самом деле это не имеет ничего общего с действительностью, кроме того, что одно время, в начале 1920-х годов, число руководителей нацистской партии составляло семь человек. А любителям мистики советую подумать, не повлияло ли на политический взлет Гитлера то, что сразу после окончания Первой мировой войны он стал ефрейтором не какой-нибудь, а именно 7-й роты 1-го запасного батальона 2-го Баварского пехотного полка. Соответственно, в своем объяснении мифов я по возможности старался избегать троичных и семеричных категорий, как относящихся к особенностям моего мышления, а не сути исследуемых объектов. Но кроме троичности и семеричности, существует еще масса иных архетипов мышления, далеко еще не познанных человеком и влияющих не только на его сознание, но и на подсознание. Поэтому любой исследователь подсознательно все равно рождает мифы, ибо мифами человеку мыслить удобнее. Это и Гитлер, и его соратники прекрасно знали и использовали в достижении своих не самых благородных целей.

Как отмечает Николас Гудрик-Кларк, «маленькая, фанатически настроенная партия сумела захватить власть в европейской стране и распространить свое влияние на огромной территории от Атлантического побережья до Кавказских гор, рассматривая при этом уничтожение евреев в качестве своей основной задачи. Масштабность этих событий выделяет национал-социализм среди других сюжетов современной истории».

Обыкновенно Третий Рейх представляют себе в качестве чудовищного монстра — пожирателя людей, чужих и своих, где даже в мирное время жизнь была невыносима. Не столь многочисленные сегодня апологеты Гитлера и расовой теории, напротив, утверждают, что гитлеровский Рейх был почти идеальным государством, где все немцы были счастливы и довольны, недовольны были одни евреи, которые действительно ограничивались в правах и притеснялись, причем частично — за дело, поскольку в предыдущие десятилетия и столетия вытеснили «коренной народ» из бизнеса, искусства, средств массовой информации и даже из сферы государственного управления. При этом многие евреи, несмотря на преследования, вплоть до 1938 года, до «хрустальной ночи», не собирались покидать Германию, надеясь, что Гитлер долго не продержится, а потом, с началом Второй мировой войны, стало уже слишком поздно. Как вспоминал знаменитый фотохудожник Гельмут Ньютон, «наиболее дальновидные германские евреи отправились в эмиграцию уже в 1933 и 1934 году, но многие не осознавали размеров угрозы. О своих убеждениях Гитлер все сказал в «Моей борьбе», но тогда никто не читал «Мою борьбу». Когда мне было пятнадцать лет (в 1935 году. — Б. С.), я понял: «Это уже не изменится. Нам нужно уезжать». Ньютон в конце концов решил покинуть родину и уцелел, подавляющее же большинство немецких евреев стали жертвами холокоста. Но, утверждают ревизионисты, никто этот зловердный «малый народ» не истреблял. Разве что только тысяч тридцать диверсантов и саботажников. Евреев только хотели выселить из Германии. На Мадагаскар или еще куда-то. Да вот война помешала. Но никакого холокоста не было! Просто сколько-то евреев умерло от голода, холода и болезней. И вообще

судьба евреев — это мелочь по сравнению с величественными планами устройства справедливого и совершенного мира во главе с самой лучшей из всех германской расой. И это государство, которое действительно могло существовать на земле тысячу лет, пало жертвой заговора англо-американских плутократов и советских большевиков, спровоцировавших Вторую мировую войну. А плутократов и большевиков, в свою очередь, надоумили на это злополучное предприятие евреи, занимавшие видное место среди тех и других. И Третий Рейх пал, как благородный рыцарь, в борьбе с превосходящими силами врагов, и гибель его была величественна и наполняла даже врагов священным трепетом, как оперы Вагнера. Действительность же, как всегда, не сводится ни к одному из двух мифов. Да, Гитлер и национал-социалисты совершили чудовищные преступления против многих народов мира, включая свой собственный, германский, уничтожили миллионы невинных людей, растоптали и ликвидировали демократические институты, развязали величайшую, самую кровопролитную войну в истории, в огне которой Третий Рейх и погиб. Но при этом подавляющее большинство германских обывателей первые годы существования Нового Рейха чувствовали себя довольно комфортно. Благодаря военным заказам и общественным работам была ликвидирована безработица. Адольф Гитлер избавил Германию от гнета репараций. Он воссоединил с Рейхом Саарскую область. Начал реализовывать проект «Каждому немцу — автомобиль!». И немцы думали, что получить «народный автомобиль» — «Фольксваген» им помешала только навязанная Германии война. И аншлюс Австрии, и захват Судет, а потом и всей Чехии, а заодно и Мемеля масса германского народа приветствовала. Немцам было приятно сознавать,

что они живут в Великой Германии, что оковы Версальского мира разбиты, что почти все лица немецкой крови наконец воссоединены в составе единого и неделимого Рейха. За небольшим исключением — Данцига и некоторых пограничных польских земель. И когда из-за Данцига разгорелась мировая война, подавляющее большинство немцев ее приветствовало. Голосов критически мыслящих индивидов никто не слышал, да и выразить такого рода мнения публично не было ни малейшей возможности. Потом немцы приветствовали завоевание Польши, Франции, Дании, Норвегии, Балкан. Задумываться начали только после проигрыша битвы за Британию, а особенно — после того, как не удался блицкриг против СССР. Я уж не говорю о Сталинграде. И о преступлениях нацистов подавляющее большинство немцев не знало. Знали, что евреев переселяют куда-то на Восток, но что их там истребляют, ведали лишь десятки тысяч, задействованные в осуществлении «окончательного решения», но отнюдь не миллионы. В то же время многие солдаты вермахта и полевых частей СС мужественно сражались на фронте, совершали героические подвиги, веря, что делают это во имя Германии. Также и в тылу многие рабочие мужественно трудились под неприятельскими бомбами. Хотя их труд соседствовал с подневольным трудом иностранных рабочих и военнопленных. Но одни немцы издевались над «остовцами», другие сочувствовали и даже помогали им. Одни прониклись расовой теорией нацистов, другие их осуждали, хотя и опасались высказываться вслух. В общем, жизнь в Третьем Рейхе была достаточно разнообразной и противоречивой, несмотря на тотальную идеологическую нивелировку и основательное промывание мозгов пропагандистской машиной Геббельса.

Надо помнить и о том, что ту же Вторую мировую войну Гитлер не смог бы развязать, если бы не вольная или невольная помощь со стороны его будущих противников. Со стороны Англии и Франции эти действия были скорее невольными, а со стороны Советского Союза тщательно рассчитанными. Чемберлен и Даладье рассчитывали, что Гитлера удастся «умиротворить» за счет территорий с преимущественно немецким населением и тем самым избежать новой мировой войны, к которой западные демократии в конце 30-х годов не были готовы ни морально, ни материально. Сталин же, заключая пакт с Гитлером, прекрасно понимал, что он ведет к скорейшему началу Второй мировой войны, но ему это только и было надо для расширения сферы собственного господства. Слов нет, немцы в эпоху Третьего Рейха совершили массу военных преступлений и преступлений против человечности. Но надо признать, что и против немцев совершались военные преступления, прежде всего со стороны бойцов Красной Армии и со стороны их западных союзников. Стратегические бомбардировки Германии, и в частности разрушение Дрездена в феврале 1945 года, были куда более жестокими и привели к значительно большему числу жертв среди гражданского населения, чем бомбардировка Белграда, Ковентри и ряда других городов люфтваффе, которые были инкриминированы подсудимым на Нюрнбергском процессе. А Советский Союз, расстрелявший в 1940 году более 20 тыс. польских военных и гражданских пленных, подобно Третьему Рейху, успел отметиться на поприще преступлений против человечности, хотя и меньшего масштаба. Все это говорится не для того, чтобы оправдать злодеяния нацистов. Они величественны и бесспорны. Но беда в том, что преступления других

наций меркнут на гитлеровском фоне. А о них забывать тоже не стоит. 13—14 февраля 1945 года 1350 англо-американскими бомбардировщиками, в том числе «летающими суперкрепостями» «В-29», был стерт с лица земли Дрезден — город, в котором не было никаких военных объектов. На Дрезден сбросили более 6 тыс. тонн бомб. По разным оценкам, погибло от 60 до 135 тысяч жителей города.

Не думаю, что сожжение Дрездена — это тот эпизод войны, которыми могут гордиться британские и американские ВВС. Не говоря уж о Катыни. И за эти преступления тоже стоит приносить официальные извинения побежденным или, в случае с поляками, поработавшим.

Творец Третьего Рейха

Адольфа Гитлера по праву считают архитектором и творцом Третьего Рейха и тесно связанной с ним Второй мировой войны. Неудивительно, что вокруг этой личности возникло множество мифов. Первый миф заключался в том, что Адольф Гитлер не тот человек, за которого он себя выдает, и подлинная его фамилия — Шикльгрубер. Это — древний мифологический мотив — злодей, чтобы быть неузнанным, называется другим именем. На самом деле Адольф Гитлер никогда не носил фамилии Шикльгрубер. Вот его отец Алоис действительно до 39 лет носил фамилию Шикльгрубер, но затем в 1876 году был официально усыновлен своим фактическим отцом, крестьянином Иоганном Непомук Хюттлером, причем при записи в церковной книге Хюттлер трансформировалось в Гитлер. Рожденный же в 1889 году сын Адольф был сразу же записан Гитлером. Столь же несостоятельны

утверждения о еврейском происхождении Гитлера — популярный тезис союзной пропаганды времен войны. Он основан на том, что фамилия Гитлер достаточно распространена как среди немцев, так и среди евреев. В подтверждение газеты 30-х и 40-х годов не раз демонстрировали фотографии надгробных плит различных Гитлеров с еврейских кладбищ — якобы родственников Адольфа. Существовали и легенды насчет того, что или Гитлер, или его отец был незаконнорожденным сыном какого-то еврейского торговца или фабриканта. Называли даже одного из банкиров Ротшильдов. Ничего общего с действительностью подобного рода измышления не имеют. Это хорошо показал в своей биографии Гитлера немецкий историк Вернер Мазер. Опираясь на сохранившиеся церковные книги, он в деталях восстановил родословную Гитлера и выяснил, что все его предки происходят из крестьян Нижней Австрии.

Гитлеру приписывали самые различные заболевания, начиная от сифилиса и кончая паранойей, психическим расстройством и болезнью Паркинсона. Фюрера награждали самого разного рода половыми расстройствами и извращениями: импотенцией, гомосексуализмом, садизмом, мазохизмом, капрофагией, любовью к «золотому дождю». Нет никаких документальных данных или сколько-нибудь надежных свидетельских показаний, что Гитлер страдал чем-либо из перечисленного. Наоборот, достоверно известно, что у него и до Евы Браун был целый ряд любовниц, причем никого из них он не убивал (в том числе и свою племянницу), а одна из них, француженка Шарлота Лобжуа, в марте 1918 года родила ему сына Жана Мари, который был еще жив, по крайней мере, в начале 1980-х годов. Дошедшие до нас фрагменты дневника Евы Браун, многолетней любовни-

цы Гитлера, ставшей его женой перед самым концом, свидетельствуют, что фюрер был вполне состоятелен как мужчина, но при этом ничего экстравагантного в сфере секса не допускал. Он никогда не страдал ни наследственным, ни приобретенным сифилисом, ибо регулярно проводившиеся в бытность его рейхсканцлером анализы неизменно показывали отрицательный результат на реакцию Вассермана. Поддрагивание рук, наблюдавшееся у Гитлера в последний год жизни, могло быть следствием не болезни Паркинсона, а контузии, пережитой им во время покушения 20 июля 1944 года. Все недуги, охватившие Гитлера в последние годы войны, легко объясняются колоссальным нервным и физическим напряжением и тяжелыми стрессами, вызванными поражениями вермахта. При этом, как мы покажем далее, все принимаемые Гитлером решения, вплоть до последнего дня, были по-своему рациональны, а многие даже единственно возможными в сложившихся весьма неблагоприятных для Рейха обстоятельствах. Илья Эренбург в фельетоне 1941 года «Бешеные волки» так писал о Гитлере: «Говорит он истерически, потрясает кулаками, входя в раж, выплевывает скороговоркой длинные заклинания. Это шаман, но шаман особого типа — хитрый и расчетливый. Толпе кажется, что он в экстазе, но он, брызгая слюной, что-то прикидывает. Когда он беседует с Круппом или с заправилами «Стального треста», господином Феглером, не кричит и не плюется — он привык почтительно разговаривать с королями Рура. Его страсть — ложь. Он лжет ежечасно, лжет дипломатам и своим сподручным, лжет, когда пишет и когда говорит, — он не может не лгать... Он мстителен и злобен. Он убил своих лучших друзей во главе с Ремом. Он приказал пытать журналистов, которые когда-то

непочтительно о нем отзывались. Это дурной комедиа́нт. Он построил себе дворец на горе (если бы на равнине, очевидно, все бы было в порядке. — Б. С.). Закоренелый убийца, он вегетарианец: его оскорбляют страдания ягнят и волов».

Замечу, что ничего худого в вегетарианстве Гитлера, равно как и в его любви к животным, нет (кстати, Гитлер запретил в Германии ритуальный забой скота из-за мучительного способа, которым он производится). Человечество его проклинает отнюдь не за это. А вот представление о Гитлере как о шамане кажется слишком примитивным. Фюрер отнюдь не был примитивной личностью. Ведь он создал по-своему стройное государство (в чем-то — более стройное, чем родственное ему советское), опирающееся на хотя и не имеющую ничего общего с наукой, но весьма действенную в плане пропаганды расовую теорию. Гитлер также обладал неплохими способностями стратега, а как дипломат переиграл многих европейских политиков, тех же Чемберлена и Даладье. А о том, как именно Гитлер беседовал с капитанами германского бизнеса, Эренбург не имел, разумеется, никакого понятия. Впрочем, это неизбежные издержки пропаганды военного времени.

Представление об иррациональности действий Гитлера, о том, что он в своей деятельности руководствовался прежде всего астрологией и мистическими озарениями, имеет мало общего с истинным положением вещей. Иррациональной у Гитлера была только цель — мировое господство арийской расы, но отнюдь не средства его достижения — военные, политические и дипломатические.

Столь же несостоятельны обвинения Гитлера в трусости, в том, будто свои награды времен Первой

мировой войны он заработал только благодаря хорошему отношению со стороны своих командиров. Во-первых, Железный крест 1-го класса крайне редко жаловался рядовым или унтер-офицерам. Это был не тот орден, которым ефрейтора могли наградить за красивые глаза. Сохранилось достаточно документов и свидетельств, сделанных задолго до прихода Гитлера к власти и подтверждающих, что будущий фюрер был храбрым солдатом Первой мировой войны, самым лучшим связным в своем 16-м Баварском пехотном полку. Так, в представлении к Железному кресту 1-й степени, подписанном подполковником фон Гоудином 31 июля 1918 года, отмечалось: «Будучи посыльным (Гитлер был самокатчиком, т. е. посыльным на велосипеде. — Б. С.), он являл собой в условиях и позиционной, и маневренной войны пример хладнокровия и мужества и всегда вызывался добровольцем, чтобы в самых тяжелых ситуациях с величайшей опасностью для жизни доставить необходимые распоряжения. Когда в тяжелых боях обрывались все линии связи, важнейшие сообщения, несмотря на все препятствия, доставлялись по назначению благодаря неутомимому и мужественному поведению Гитлера. Гитлер награжден Железным крестом 2-й степени за бой при Витшете 2.12. 1914 г. Я считаю, что он абсолютно достоин награждения Железным крестом 1-й степени».

Останься Гитлер просто храбрым солдатом Первой мировой войны, ударься после ее завершения не в политику, а в живопись и архитектуру, как мечтал в юности, он остался бы достойным германским гражданином, уважаемым ветераном, даже если бы и не стал выдающимся архитектором и живописцем. Но тут возникают многочисленные «если бы»... Если бы не было свершенного Гитлером в феврале 1933 года

фактического государственного переворота, если бы не развязал он Второй мировой войны и не вел ее с нарушением всех общепринятых норм и правил, если бы не уничтожил демократию, если бы не преследовал евреев и цыган, если бы не считал большинство славянских народов нациями второго сорта, достойных быть лишь рабами у германских сверхчеловеков.

«Моя борьба» — правда и миф

Главное сочинение Гитлера — книга «Моя борьба», ставшая библией национал-социализма, породило большое число мифов. В национал-социалистическом государстве она трактовалась как Новый германский завет — взамен христианского, как текст, не подверженный никакой критике, как вещь абсолютно цельная, непротиворечивая, несущая истину в последней инстанции, новое откровение, смысл жизни и руководство к действию, и, разумеется, блестящий с литературной точки зрения. Противники Гитлера и национал-социализма, в свою очередь, рассматривали «Мою борьбу» как текст, который внушает только отвращение и ужас, текст, полный непримиримых внутренних противоречий, написанный совершенно убийственным с литературной точки зрения языком и содержащий изрядные порции лжи и клеветы. Поскольку Гитлер — человек плохой, а «борьба» — слово хорошее, особенно если оно сочетается со словом «революционный», то прежде всего в Советском Союзе, а также в некоторых других странах, где вообще-то принято переводить на родной язык названия иноязычных произведений, название гитлеровского труда давали без перевода — «Майн кампф», дабы не

связывать с именем Гитлера благородное слово «борьба». Благодаря этому название дьявольской книги оставалось зловеще непонятным, а с другой стороны — уникальным, чтобы книгу Гитлера нельзя было спутать с какой-либо другой, написанной на ином языке. Хотя, например, ни в СССР, ни в современной России никому не приходит в голову давать без перевода название «Манифеста Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Истина, как это обычно бывает, лежит где-то между двумя мифами. Я недостаточно хорошо знаю немецкий язык, чтобы судить о литературных достоинствах или недостатках «Моей борьбы» Гитлера. Существующие же ныне переводы на русский язык откровенно слабы, причем, как видно, отнюдь не из-за того, что скрупулезно передают особенности оригинала. Но даже от плохого перевода веет довольно сильной энергией. Вероятно, в оригинале энергии было еще больше. Да и вряд ли вялая и скверно написанная книга могла воодушевить миллионы и побудить их поддержать Гитлера и его партию. Не откажешь «Моей борьбе» и в цельности взглядов автора. Гитлер вообще не склонен был к рефлексии, хотя и писал свою главную книгу в мемуарном жанре, располагающем к рефлексии. Да и место создания книги для рефлексии было самое подходящее: Ландсбергская тюрьма. Но вот публика, к которой обращался Гитлер, как и он сам, не уважала рефлексирующих интеллигентов. В книге, разумеется, присутствовало немало заблуждений и неверных утверждений, но они касались причин поражения Германии в Первой мировой войне и обоснования зловредности низших рас. Здесь и легенда об «ударе кинжалом в спину» осенью 1918 года со стороны социал-демократов и прочих левых «победоносной

германской армии», и наделение евреев всеми мыслимыми пороками, обвинения их во всемирном заговоре (помогли «Протоколы сионских мудрецов» — с ними Гитлера познакомил один из идеологов национал-социализма, эмигрант из России, балтийский немец Альфред Розенберг), в стремлении разрушить созданную германской расой высокую культуру, и приписывание «арийцам» всех главных открытий и культурных достижений человечества. Но, подчеркну, в данном случае перед нами — именно искреннее заблуждение, а не ложь или клевета. Ибо сам Гитлер и его последователи искренне верили во все эти мифы и действовали в соответствии с ними. В этом и заключалась иррациональность целей национал-социализма, для достижения которых, однако, использовались вполне рациональные средства, начиная от новейших систем вооружений и кончая тщательно организованной системой концлагерей и заранее разработанными мероприятиями по претворению в жизнь «окончательного решения еврейского вопроса». Кстати сказать, в холокосте очень наглядно проявился иррационализм целей национал-социализма, порой даже пренебрегавший вполне рациональными резонами. В частности, зондеркоманды на оккупированной советской территории часто истребляли даже евреев-ремесленников, несмотря на протесты командования вермахта, указывавшего, что эти евреи выполняют заказы для нужд германской армии и что их уничтожение по меньшей мере надо отложить.

В то же время в «Моей борьбе» Гитлер был достаточно откровенен относительно своих планов экспансии в Европе и не скрывал, что германской расе суждено господствовать над миром и что в будущем германском государстве евреям и славянам придется ох как несладко. Беда была в том, что до поры до вре-

мени многие европейские политики не хотели принимать всерьез все эти людоедские откровения.

«Моя борьба» сыграла для национал-социалистов примерно такую же роль, какую для русских большевиков сыграла работа Ленина «Государство и революция». В книге, написанной в основном в период пребывания в Ландсбергской тюрьме в 1924 году, Гитлер заложил основы будущего национал-социалистического государства и его идеологии, а также предсказал победу национал-социалистической революции. При этом именно большевизм провозглашался главным врагом национал-социализма, а Россия и государства-лимитрофы — главными объектами для обретения германским народом недостающего жизненного пространства. Он прямо писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим направлением нашей довоенной политики. Мы начинаем с того, на чем остановились шесть столетий тому назад. Мы прекращаем вечное германское устремление на юг и запад Европы и обращаем взор на страну на Востоке. Мы расстаемся, наконец, с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего.

Когда мы сегодня говорим в Европе о новых землях, мы можем в первую очередь думать только о России и подчиненных ей пограничных государствах...»

И тут же Гитлер обвинил в агрессии сами потенциальные жертвы германского экспансионизма: «В русском большевизме мы должны видеть предпринятую в двадцатом столетии попытку евреев завоевать мировое господство...

Германия является сегодня ближайшей крупной целью большевизма. Потребуются все силы молодой миссионерской идеи, чтобы поднять наш народ на

освобождение от пут этой международной змеи и остановить внутреннее заражение нашей крови, чтобы направить освобождающиеся силы нации на сохранение нашего национального духа, что могло бы и в самом отдаленном будущем предотвратить повторение последних катастроф».

Как русскую революцию 1917 года, так и германскую революцию 1918 года Гитлер считал разрушительной, безусловно вредной, ведущей общество к хаосу и дающей власть вредоносному «малому народу». Гитлер настаивал: «Под удавшимся государственным переворотом мы вопреки безыдейным немецким юристам понимаем не просто переход государственной власти в руки господ революционеров, а понимаем лишь то революционное действие, которое принесло благие результаты для нации и создало для нее лучшие условия, нежели прежний режим. Ничего подобного нельзя, конечно, сказать о несчастных событиях 1918 г., явившихся результатом проделки бандитов, а вовсе не великой революцией. Но если завоевание политической власти является важнейшей предпосылкой для практического воплощения в жизнь реформаторских намерений данного движения, то ясно, что это движение с первых же дней своего возникновения должно сознавать и чувствовать себя движением масс, а не литературным клубом, где пьют чай, или обществом, где играют в кегли».

Национал-социалистическую революцию он считал направленной на сохранение мирового культурного наследия. Фюрер утверждал: «Цель подлинно здоровой революции заключается не в том, чтобы просто разрушить все старое, а лишь в том, чтобы удалить плохое и устаревшее и продолжать строить дальше на тех частях фундамента, которые остались».

пригодными. Только так можно и должно понимать прогресс человечества. Иначе мир наш никогда не вышел бы из хаоса».

Нельзя сказать, что Гитлер был здесь полностью неправ. Ленину и Сталину, равно как и Троцкому и Зиновьеву, свойственно было стремление к мировому господству под флагом мировой пролетарской революции, которой должна была оказать всемерную поддержку Красная Армия. Другое дело, что уже в середине 20-х годов евреи в высшем партийном руководстве были оттеснены на вторые роли, и миф об их будто бы решающем влиянии на политику Сталина приходилось поддерживать с помощью всяческой демонизации фигуры Лазаря Кагановича, единственного оставшегося члена Политбюро из числа евреев, и изобретением легенды о том, будто сестра Кагановича Роза была женой Сталина. На самом же деле у Кагановича сестры по имени Роза никогда не было, и ни одна из сестер Лазаря Моисеевича, как родных, так и двоюродных или троюродных, никогда не была сталинской женой или любовницей.

В то же время фюрер, при всей ненависти к «марксистам» — социал-демократам и коммунистам, многое заимствовал у них в плане тактики политической борьбы и особенно в искусстве манипулировать массами. У советских же большевиков Гитлер позаимствовал идею массового террора как средства устранения всякой оппозиции диктатуре партии и ее вождя. В «Моей борьбе» Гитлер обосновал «интересами народа» необходимость использовать как легальные, так и нелегальные методы борьбы. В этом он следовал за своими учителями — социал-демократами и большевиками: «Лишь та государственная власть имеет право на уважение и на поддержку, ко-

торая выражает стремления и чувства народа или по крайней мере не приносит ему вреда...

Когда правительственная власть все те средства, какими она располагает, употребляет на то, чтобы вести целый народ к гибели, тогда не только правом, но и обязанностью каждого сына народа является бунт...

Каждая правительственная власть, конечно, будет настаивать на том, чтобы сохранять свой государственный авторитет, как бы плохо она ни выражала стремления народа и как бы ни предавала она его направо и налево. Что же остается делать действительным выразителям народных чаяний и стремлений? Инстинкт самосохранения в этом случае подскажет народному движению, что в борьбе за свободу и независимость следует применять и те средства, при помощи которых сам противник пытается удержать свое господство. Из этого вытекает, что борьба будет вестись легальными средствами лишь до тех пор, пока правительство держится легальных рамок, но движение не испугается и нелегальных средств борьбы, раз угнетатели народа также прибегают к ним».

И фюрер подчеркивал: «На будущее, чтобы мы могли рассчитывать на успех, следует применять самые жесткие средства борьбы».

Однако к власти НСДАП, как известно, пришла вполне легальным путем, посредством демократических выборов. А вот когда власть оказалась в руках у нацистов, они стали весьма широко применять совсем не парламентские методы для устранения своих противников, начав с использования поджога рейхстага в качестве предлога для установления однопартийной диктатуры и террора против оппозиции и кончая полной ликвидацией всей неподконтрольной государству политической деятельности.

Парламентскую демократию Гитлер отвергал под тем предлогом, что «парламентарный принцип решения по большинству голосов уничтожает авторитет личности и ставит на ее место количество, заключенное в той или другой толпе. Этим самым парламентаризм грешит против основной идеи аристократизма в природе, причем, конечно, аристократизм вовсе не обязательно должен олицетворяться современной вырождающейся общественной верхушкой». К личностям же парламентариев, будь то германские, австрийские или какие-либо другие, будущий фюрер питал безграничное презрение: «Чем мельче этакий духовный карлик и политический торгаш, чем ясней ему самому его собственное убожество, тем больше он будет ценить ту систему, которая отнюдь не требует от него ни гениальности, ни силы великана, которая вообще ценит хитрость сельского старосты выше мудрости Перикла. При этом такому типу ни капельки не приходится мучиться над вопросом об ответственности. Это тем меньше доставляет ему забот, что он заранее точно знает, что независимо от тех или других результатов его «государственной» пачкотни конец его карьеры будет один и тот же: в один прекрасный день он все равно должен будет уступить свое место такому же могущественному уму, как и он сам.

Для сборища таких «народных представителей» всегда является большим утешением видеть во главе человека, умственные качества которого стоят на том же уровне, что и их собственные. Только в этом случае каждый из этих господ может доставить себе дешевую радость время от времени показать, что и он не лыком шит. А главное, тогда каждый из них не имеет права думать: если возглавлять нас может любой икс, то почему же не любой игрек, чем Стефан хуже Иоганна?

Эта демократическая традиция в наибольшей степени соответствует позорному явлению наших дней, а именно отчаянной трусости большого числа наших так называемых руководителей. В самом деле, какое счастье для таких людей во всех случаях серьезных решений иметь возможность спрятаться за спину так называемого большинства».

Когда Гитлер отвергал демократический принцип устройства общества, он был вполне искренен. Фюрер считал себя гениальной личностью, которой воля толпы — народа может только мешать. Он должен повести за собой массы, а отнюдь не зависеть от их выбора и мнения. Когда Гитлер говорил о намерениях своей партии стоять на почве легальности и уважать демократические принципы и институты, он не лукавил. После провала Мюнхенского путча 1923 года фюрер убедился, что силовым путем нацистам к власти не прийти и придется бороться за избирателей легальными средствами — с помощью газет, брошюр, листовок, митингов и собраний, где он может сполна использовать свой ораторский дар и умение гипнотизировать и зажигать толпу.

«Гнилой» австрийской, французской или британской демократии Гитлер противопоставлял «германскую демократию», которая, по его мнению, заключалась в «свободном выборе вождя с обязанностью для последнего — взять на себя всю личную ответственность за свои действия. Тут нет места голосованию большинства по отдельным вопросам, тут надо наметить только одно лицо, которое потом отвечает за свои решения всем своим имуществом и жизнью.

Если мне возразят, что при таких условиях трудно найти человека, который посвятит себя такой рискованной задаче, то я на это отвечаю:

— Слава Богу, в этом и заключается весь смысл германской демократии, что при ней к власти не может прийти первый попавшийся недостойный кандидат и моральный трус — громадность ответственности отпугивает невежд и трусов».

Гитлер нисколько не сомневался, что такой человек есть и народ его знает — это, конечно же, он сам. Только он способен взять на себя полную и безраздельную ответственность за будущее Рейха и германской расы.

Однако эта уверенность отнюдь не мешала фюреру реалистически смотреть на политическую обстановку. В частности, он подчеркивал, что пропаганда должна учитывать особенности различных слоев населения, каждому из которых должен предлагаться свой продукт: «Пропаганда вечно должна обращаться только к массе. Для интеллигенции или для тех, кого ныне называют интеллигенцией, нужна не пропаганда, а научные знания... Задача пропаганды заключается не в том, чтобы дать научное образование отдельным индивидуумам, а в том, чтобы воздействовать на массу, сделать доступным ее пониманию отдельные важные, хотя и немногочисленные факты, события, нужды, о которых масса до сих пор не имела и понятия».

От демократии национал-социалистическое государство должно было быть полностью свободно и по содержанию, и по форме. Гитлер писал в «Моей борьбе»: «Государство есть средство к цели. Его собственная цель состоит в сохранении и в дальнейшем развитии коллектива одинаковых в физическом и моральном отношениях человеческих существ. Это сохранение относится прежде всего только к тому ядру, которое действительно принадлежит к данной расе и обеспечивает ей развитие тех сил, которые заложены в этой расе. Часть этого ядра будет

обеспечивать сохранение физической жизни, а другая часть — содействовать дальнейшему духовному развитию. На деле одна часть создает предпосылки, необходимые для другой.

Государство, которое не служит этой цели, является чем-то уродливым и обреченным на гибель. Самый факт его существования еще ничего не доказывает. Ведь никто не скажет, что успех шайки флибустьеров может оправдать разбойничество как институт.

Мы, национал-социалисты, как борцы за новое миросозерцание, никогда не должны становиться на пресловутую «почву фактов», да к тому же еще фактов фальшивых. Иначе мы были бы не борцами за новую великую идею, а жалкими рабами современной лжи. Мы должны научиться строжайше различать между государством как известным сосудом и расой как содержимым этого сосуда. Сосуд этот вообще имеет какой бы то ни было смысл лишь тогда, когда он действительно имеет возможность сохранить и защитить содержимое. В ином случае сосуд этот ничего не стоит.

Итак, высшей целью действительно народного государства должна быть забота о сохранении того основного расового ядра, которое одно только способно создавать культуру, дарить человечеству красоту, достоинство и все высокое. Мы, арийцы, понимаем под государством только живой организм расы, который не только обеспечивает само существование этой расы, но обеспечивает ей также возможность дальнейшего более высокого развития всех заложенных в ней способностей до степени самой высшей свободы.

Вот чем должно быть государство. То же, что навязывают нам теперь под названием «государство», есть только печальнейший продукт тяжких человеческих заблуждений. Ну а неизбежным спутником

этих заблуждений являются неопишуемые страдания народа.

Мы, национал-социалисты, вполне отдаем себе отчет в том, что, защищая выше развитые взгляды на роль государства, мы выступаем как революционеры, каковыми нас и клеймят на каждом шагу. Однако мы мыслим и действуем совершенно независимо от того, как отнесутся к нам современники: будут ли нам аплодировать или будут нас порицать».

Гитлеровское движение с самого начала действовало как враждебное демократии и опиралось на слои, к демократии относившиеся настороженно, — на ремесленников, крестьян, наиболее консервативные круги рабочих, не подпавших под влияние социал-демократов и коммунистов, на офицеров военного времени, которым зачастую не удавалось найти своего места в Веймарской республике. В этом было существенное различие между национал-социалистической партией в Германии и большевистской партией в России. Последняя выросла из российского революционного движения, боровшегося с самодержавием под демократическими лозунгами. Эти лозунги оставили в своем арсенале большевики, не отказываясь в своих документах от самого слова «демократия». Конечно, советские коммунисты ничего общего с демократией на практике не имели и по степени тотального контроля над обществом далеко превосходили германских национал-социалистов. Однако демократический декорум в советской компартии соблюдался, поэтому, в частности, партийные руководители на местах, фактически назначавшиеся вышестоящими партийными инстанциями, формально якобы избирались местными партийными руководителями. При этом, хотя реальная власть принадлежала партийным работникам — секретарям

республиканских парторганизаций, обкомов, горкомов и т. д., в тех же областях и республиках в качестве «ширмы» сохранялись и органы советской власти, которые их формально и возглавляли. В Третьем Рейхе в демократические игры не играли, и дуализма партийных и государственных органов не допускали. Руководители парторганизаций в округах — гау — гауляйтеры не избирались, а назначались лично Гитлером. При этом они вполне официально сосредотачивали в своих руках как партийную, так и государственную власть.

И в СССР, и в Германии существовал культ вождя. Но при этом Сталин никогда ни публично, ни в узком кругу не пытался обосновать особую роль вождя в советском государстве. Гитлер же прямо говорил об исключительной роли и качествах вождя — фюрера, сосредотачивающего в руках власть над государством, партией и народом, подразумевая, естественно, себя самого. Так, он 31 марта 1942 года заявил в своей ставке в Восточной Пруссии: «При нашей нынешней форме государственного устройства для наименования главы государства лучше всего подходит термин «фюрер». Помимо всего прочего, тем самым подчеркивается, что во главе государства находится избранный вождь германского народа... Словом «фюрер» нам нельзя бросаться, и оно одно должно иметь уникальное значение».

В «Моей борьбе» Гитлер охотно подхватил легенду об «ударе кинжалом в спину» в качестве главной причины поражения Германии в Первой мировой войне, столь популярную среди германских военных и сторонников правых политических партий. Разумеется, и Гитлер также отмечал, что вину за прошедшую мировую войну следует возлагать на страны Антанты, не признавая и малейшей доли германской вины, ибо

только такой тезис будет иметь безусловный успех у большинства населения Рейха. Он писал: «Огромной принципиальной ошибкой было ставить вопрос о виновниках войны так, что виновата-де не одна Германия, но также и другие страны. Нет, мы должны были неустанно пропагандировать ту мысль, что вина лежит всецело и исключительно на противниках. Это надо было делать даже в том случае, если бы это и не соответствовало действительности. А между тем Германия и на самом деле не была виновата в том, что война началась...»

Народные чувства не сложны, они очень просты и однообразны. Тут нет места для особенно тонкой дифференциации. Народ говорит «да» или «нет»; он любит или ненавидит. Правда или ложь! Прав или неправ! Народ рассуждает прямолинейно. У него нет половинчатости».

В своем главном литературном труде Гитлер утверждал арийский приоритет во всех основных сферах культуры: «Вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники, свидетелями которых мы являемся сегодня, почти исключительно — плоды творчества арийцев. Один лишь этот факт вполне обоснованно подтверждает вывод о том, что именно ариец — родоначальник высшего гуманизма, а следовательно, и прообраз всего того, что мы понимаем под словом «человек». Он — Прометей человечества, со светлого чела которого во все времена слетали искры гениальности, всегда заново разжигающие огонь знаний, освещающий мглу мрачного невежества, что позволило человеку возвыситься над всеми другими существами Земли... Именно он заложил основы и воздвиг стены всех великих сооружений человеческой культуры».

В Германии после 1933 года вполне закономерно установился культ фюрера. Он отразился, например, в радиообращении Геринга от 20 мая 1942 года. Наци № 2 заявил: «Германский народ активен, потому что фюрер руководит им и он часть его, и еще потому, что Всемогущий благословил нас, дав нам фюрера — неизвестного солдата Мировой войны, который, не имея ничего, кроме собственной силы, в одиночку, благодаря лишь себе самому, стал ныне не только могущественным фюрером германской нации, но уже и фюрером Европы; вы думаете, что Провидение столь глупо и капризно, чтобы дать такого фюрера людям и сделать так, чтобы он спас народ от неизмеримых бедствий — и всё это только для того, чтобы в какой-то момент обрушить его в бездну? Нет, я знаю веру германского народа, который внимает предупреждениям судьбы и следует им. Это не значит, что кто-нибудь теперь может сказать: «У нас есть великий фюрер, пусть он и работает», а потом перевернуться на другой бок и спать дальше. Нет, всё это накладывает на нас обязательства постоянной готовности и — самое главное — готовности, которая должна диктоваться вашим собственным сердцем, иначе она ничего не будет стоить».

Сам Геринг, похоже, не слишком фанатично верил в Гитлера, ибо в конце войны попытался завязать переговоры с западными союзниками для спасения себя и Рейха и фактически попытался сместить Гитлера с поста главы партии и государства, за что был проклят фюрером, который прежде считал его своим ближайшим другом, смещен со всех постов и в политическом завещании исключен из партии. Но многие миллионы немцев искренне верили Гитлеру до самого конца. Геббельс сделал так, что экземпляр «Моей борьбы» был в каждой немецкой семье. Экземпляр

книги обычно лежал на видном месте, свидетельствуя о благонадежности его владельца, но в подавляющем большинстве труд Гитлера не читали не только евреи, но и немцы — прежде всего из-за большого объема. Зато «Моя борьба» стала источником лозунгов и программных установок на все 12 лет короткого и бурного существования Третьего Рейха.

Национал-социализм и германский капитал

Существует легенда, что Адольф Гитлер и его партия были чуть ли не марионетками и наемниками германского большого бизнеса, что фюрер и его соратники были просто наняты крупным капиталом для выполнения определенных политических задач. Ничего общего с действительностью эти утверждения не имеют.

Гитлер и нацисты с подозрением относились к крупному финансовому капиталу, в том числе и вследствие огромной доли евреев среди мировых финансовых магнатов. Соответственно, и германские капиталисты, в том числе и чистокровные арийцы, с подозрением относились к НСДАП, призывавшей к борьбе с «плутократами». После прихода к власти национал-социалисты провозгласили приоритет в экономике производительного, «чистого» капитала, который, как утверждал Гитлер в «Моей борьбе», «является последним продуктом творческого труда», над финансовым, «спекулятивным» или «ростовщическим» капиталом, снабженным уничтожающим эпитетом «еврейский». Вождь нацистов считал необходимым отстранить биржевой капитал от народного хозяйства и «начать борьбу против интернационализации германского хозяйства, не откры-

вая одновременно борьбы против капитала вообще как фактора, необходимого для сохранения независимого народного хозяйства». Национальный германский капитал должен был играть ведущую роль в Рейхе, а затем и во всем мире.

Гитлер воспринял идеи экономиста и одного из основателей НСДАП Готфрида Федера, лекции которого впервые прослушал еще в 1919 году. Впоследствии фюрер похвально отозвался о нем в «Моей борьбе»: «Заслуга Федера в моих глазах заключалась в том, что он с безжалостной последовательностью до конца разоблачил спекулятивный характер биржевого и ссудного капитала и пригвоздил к столбу его ростовщическую сущность. Его лекции в их принципиальной части были настолько правильны, что ни один из критиков не оспаривал теоретической верности выводов лектора. Люди только задавали себе вопрос, насколько возможно практическое проведение идей Федера в жизнь. Но и то, что в глазах других являлось слабой стороной федеровских лекций, в моих глазах составляло их сильную сторону».

В принципе финансовый капитал, как и крупный капитал вообще, в национал-социалистическом государстве играл подчиненную роль. Экономика была ориентирована на подготовку к войне и автаркию, отчего финансовые показатели, и прежде всего прибыль, утрачивали свое значение. Капиталисты не могли ни экспортировать прибыль в другие страны, ни свободно вкладывать ее внутри страны.

Вот как оценивал деятельность фюрера в экономической сфере генерал Фридо фон Зенгер-Эттерлин: «Успехи Гитлера, казалось, свидетельствовали в его пользу. Он действительно решил самую сложную для Европы проблему — ликвидировал безработицу. Он построил замечательные дороги и оживил эконо-

мику, начав производство вооружения, строительство казарм и объявив призыв на воинскую службу. Никто не объяснил народу, что большая часть его программы включала непродуктивный труд, результаты которого не могли увеличить благосостояние страны, поскольку продукт этого труда нельзя было экспортировать... Росла якобы покупательная способность государства, потому что оно печатало деньги, которые можно было тратить. Это привело к появлению нового класса потребителей и обеспечило подъем внутреннего рынка. Но что должно было случиться, когда все дороги построены были бы и армия вооружена новейшим оружием?»

Германские капиталисты достаточно быстро осознали, что при Гитлере у них нет никаких реальных перспектив, но сделать уже ничего не могли.

В то же время Германия не использовала в полной мере для финансирования войны налоговую систему, не вводя новые налоги, а предпочитая открытые и скрытые внутренние займы. В результате к концу войны внутренний государственный долг достиг 387 млрд. марок, из которых около 60 млрд. марок пришлось на внутренние займы. Бремя этих заимствований бизнесмены вынуждены были разделить с государством. Инфляция съела практически все военные прибыли концернов, так как марка не стоила ничего за пределами Германии. Бывший министр финансов граф Лутц Шверин фон Крозигк вспоминал: «Вкладчикам сберегательных касс оставался неведомым тот способ, при помощи которого они превращались в государственных кредиторов. Основана эта система была на стремлении трудящихся к накоплению и на замораживании цен. До 1943 года... эквивалент принятых вкладов направлялся в виде пенсий и пособий солдатам и их семьям или становился зара-

ботной платой рабочих военной промышленности, а после покрытия необходимых издержек существования поступал обратно в банки и сберегательные кассы в виде вкладов и сбережений, и все начиналось сначала. Начиная с 1943 года население перестало посещать рынки и магазины, и деньги стали либо превращаться в сокровища, либо идти на черный рынок, но не в сберегательные кассы, отчего денежное обращение вскоре совершенно нарушилось. Когда в 1944 году беженцы и эвакуированные изъяли из касс свои сбережения, эта система кредитования потерпела полный крах, а инфляция, искусственно державшаяся до сих пор в определенных границах, стала быстро расти». Банки и страховые компании помогали государству извлекать средства у населения для ведения войны, но сами также не могли использовать прибыли от этих операций, так как также вынуждены были отдавать их государству в виде займов. Как отмечает Шверин фон Крозигк, «еще в период подготовки к войне характерным для немецкой кредитной политики было то, что она не обращалась к свободному рынку капитала. Она... использовала вновь образующийся капитал непосредственно в местах его накопления. Превращение незанятых средств в государственные долговые обязательства проводилось по указаниям министра труда страховым кассам, министра экономики — переводному банку и управления социального обеспечения — частным благотворительным обществам».

Таким образом, к концу войны германский капитал вынужден был вложить практически все свои средства в удовлетворение военных нужд государства, причем уже в 1943 году крупные капиталисты не сомневались в грядущем поражении Германии. После войны бизнес в Западной Германии вынужден был

возрождаться практически с нуля — на государственные и иностранные кредиты.

В конце 1932 и начале 1933 года отдельные представители германского крупного бизнеса действительно рекомендовали президенту Гинденбургу назначить Гитлера рейхсканцлером. Они наивно полагали, что Гитлер сможет обеспечить политическую стабильность в стране, а это, в свою очередь, благоприятно скажется на развитии экономики. Капиталисты рассчитывали, что им удастся контролировать нацистов с помощью вошедших в правительственную коалицию правых партий и в дальнейшем сместить Гитлера с поста рейхсканцлера. Они надеялись, что мавр уйдет, сделав свое дело. И Гитлер действительно обеспечил политическую стабильность, но весьма специфическую, при которой в системе власти не было места ни оппозиции, ни крупному капиталу.

В «Моей борьбе» Гитлер также утверждал: «Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием... Государство является расовым организмом, а не экономической организацией... Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют бесчисленные примеры, очевидно, указывает на приближающийся крах государства... Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось и вскоре возникали экономические трудности...

До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства...»

Да, Гитлер и НСДАП принимали средства от отдельных представителей германского крупного капитала, не отличаясь в этом от других политических партий. Крупный капитал никогда не складывал все яйца в одну корзину. Но, кстати сказать, другие правые партии, например национальная народная партия Гугенберга, получала на порядок больше средств от бизнесменов, чем НСДАП. Годовой бюджет национал-социалистической партии в начале 30-х годов составлял, согласно максимальным оценкам лиц, со всем не симпатизировавших Гитлеру, от 70 до 90 млн. марок. А с начала 1930 до конца 1932 года большой бизнес внес в партийную кассу НСДАП 6 млн. марок. В годовом исчислении это составило менее 3% партийного бюджета — каплю в море. Так что не стоит переоценивать роль буржуазии ни в финансировании НСДАП, ни в приходе Гитлера к власти.

Разумеется, в программе НСДАП ничего о защите интересов крупной буржуазии не говорилось — это могло бы только отпугнуть избирателей. Но и придя к власти, нацисты отнюдь не плясали под дудку капиталистов. Гитлер вообще был не тот человек, который мог бы слушаться чьих-то наставлений и выполнять чьи-то требования или даже пожелания. Кое-какие мероприятия нового режима, безусловно, были выгодны крупному бизнесу, например, фактический запрет забастовок. Но, в то же время, отныне владельцы предприятий лишились возможности произвольно увольнять работников, с ликвидацией безработицы фактически исчез и рынок труда. Предприниматели, особенно те, кто был связан с военно-промышленным комплексом, с подготовкой, а потом и с ведением войны, действительно получали высокие прибы-

ли. Но при этом они были лишены возможности как экспортировать капитал, так и произвольно инвестировать его в пределах Рейха. Программа Четырехлетнего плана, а затем требования начатой Гитлером войны практически не давали возможности промышленникам и финансистам Германии свободно обращаться со своим капиталом. Начиная же с 1943 года, со второй половины войны, когда определился ее неблагоприятный исход для Германии, многие представители крупного бизнеса оказались в концлагерях, в том числе бывший президент Рейхсбанка Ялмар Шахт. Многие же бизнесмены и выразители их политических интересов вынуждены были покинуть Германию еще задолго до начала войны. Так, директор Горного и Металлургического банка и лидер Германской национальной народной партии Альфред Гугенберг уже в июне 1933 года вынужден был выйти из состава правительства и распустить свою партию. Гитлер ясно показал своим временным союзникам, кто в Рейхе хозяин. Фриц Тиссен, глава концерна «Объединенные сталелитейные заводы», одним из первых начавший финансировать партию Гитлера и в 1931 году вступивший в НСДАП, в 1939 году, протестуя против начавшейся войны, эмигрировал в Швейцарию. В 1940 году германские оккупационные власти арестовали Тиссена с семьей во Франции. Из концлагеря в 1945 году его освободили союзные войска. Высокие военные прибыли были вещью иллюзорной, поскольку их сохранение целиком зависело от победы Германии в войне. Уже с конца 1942 года любой трезвомыслящий наблюдатель знал, что Германия войну проиграет. Многие же бизнесмены не сомневались в таком исходе еще в 1939-м. Они поддерживали Гитлера, когда он аннексировал Австрию и Судеты, но очень боялись настоящей большой вой-

ны. Для бизнеса она означала прежде всего смертельный риск с весьма сомнительными перспективами на успех. Очередным мифом советской пропаганды является утверждение, будто германский капитал сам по себе являлся поджигателем Второй мировой войны, в полном соответствии с марксистско-ленинской теорией империализма как высшей стадии капитализма, стадии войн и революций. Германские финансисты и промышленники приветствовали возрождение германских вооруженных сил и наращивание вооружений, полагая, что благодаря этому Рейх сможет занять достойное место среди великих держав и обеспечить свои торговые и финансовые интересы. Но они же лучше, чем кто-либо иной, знали, что к затяжной войне Германия не готова и не будет готова в обозримом будущем, прежде всего экономически, а поражение автоматически уничтожило бы все номинально высокие прибыли военной промышленности.

Главный архитектор западногерманского экономического чуда Людвиг Эрхард в 1962 году справедливо утверждал: «Не в последнюю очередь в минувшие пятьдесят лет на мир обрушилось столько бед, потому что народы и государственные деятели оказались неспособными найти синтез между свободой и ответственностью, что недостаточно ясно проявилась воля к свободе и к противодействию любому насилию, что никак не заявило о себе, преодолевая частные и национальные интересы, чувство более высокой ответственности... В результате мирового экономического кризиса и массовой безработицы национально-эгоистическое стремление замкнуться в собственном мирке вместе с разрывом всех уз, связывающих мировое сообщество, само по себе привело к тому, что на фоне экономического и социально-

го кризиса по вине преступных элементов явился тот жуткий ад, живыми свидетелями которого мы были...»

Германский капитал, безусловно, несет свою долю ответственности за приход Гитлера к власти, но разделяет ее со всем германским обществом.

Германский историк Иоахим Фест справедливо писал: «Необычайная способность Гитлера правильно распознавать ситуацию, игру интересов, выискивать слабые места и выискивать коалиции на данный момент, т. е. его тактическое чутье, еще усиленное его даром убеждения, помогли его восхождению не меньше, чем его ораторское мастерство, помощь со стороны рейхсвера, промышленности или судебных властей или террор коричневой гвардии. Односторонние ссылки на роль элементов магии, конспирации или грубой силы в истории восхождения Гитлера... демонстрируют непонимание сути тогдашних событий... Гитлер неплохо показал себя на собственном политическом поприще. Своей ловкой тактикой, первоначальной медлительностью, своей манерой ведения переговоров, то вызывающей, то сварливой, а также тем впечатлением искренности, честолюбия и энергичности, которое он сумел внушить людям, Гитлер в конце концов заставил своих противников поддерживать и финансировать его же восхождение, за которое им к тому же пришлось расплачиваться...» И надо признать, что капитанов германской индустрии и финансов Гитлер блестяще переиграл.

В 30-е годы Гитлер признавался главе Данцигского сената Герману Раушнингу, одному из своих ближайших соратников, с 1934 года ставшему убежденным противником национал-социализма: «Я никогда не соглашусь, чтобы другие народы были равноправны с немецким, наша задача — поработить иные народы. Немецкий народ призван дать миру новый класс господ.

Буржуазия сыграла свою роль... Но и у этих «исторически уполномоченных «верхних слоев», у этого календарного дворянства (сведения о дворянских родах заносились в исторические календари. — Б. С.), у этих выродившихся потомков древних аристократических родов осталась только одна задача — «красиво умереть»... Новые «верхние слои» создают, и есть только одно средство для их создания: борьба. Отбор нового класса вождей — вот моя борьба за власть. Кто признает меня, тот призван — уже потому, что он меня признает... Великое революционное значение нашей долгой, упорной борьбы за власть в том, что в ней родится новый класс господ, призванный руководить судьбами не только немецкого народа, но и всего мира...

Вот как будет выглядеть грядущий социальный порядок. Будет класс господ — исторически сложившийся, созданный из различных элементов посредством борьбы. Будет множество иерархически организованных членов партии. Они станут новым средним сословием. И будет большая масса безымянных, вечно немых — класс служащих. И все равно, кем они будут, — представителями буржуазии или дворянства, рабочими или ремесленниками. Их экономическое положение и прежняя общественная роль не будут иметь ни малейшего значения. Все их смехотворные различия сольются в едином революционном процессе. Но ниже их будет стоять слой поработанных иноземцев, проще говоря, — слой современных рабов. А на самом верху будет новая высшая аристократия, особо заслуженные и особо ответственные лидеры. Только так, в борьбе за власть и господство внутри народа и вне его, возникают новые классы...»

Гитлер повторял подобные тезисы не только в частных беседах с ближайшими соратниками, но и публично. Он никогда не делал особого секрета из того, что буржуазии в случае прихода нацистов к власти будет особо не разгуляться. Когда в мае 1931 года его посетил главный редактор «Лейпцигер нойесте нахрихтен» Рихард Брайтинг, Гитлер прямо заявил ему: «Вы — представитель буржуазии, против которой мы боремся». И добавил, что не собирается спасать умирающую буржуазию, а, наоборот, расправится с ней еще быстрее, чем с марксистами, полностью исключив капитал из общественной жизни. Бизнесмены хотели думать, что это — не более чем пропагандистская риторика. А ведь Гитлер свое слово сдержал, если не в 1933-м, то в 1934 году, после «ночи длинных ножей», полностью исключив влияние большого бизнеса на политику. Теперь он мог опираться на безоговорочную поддержку масс, и она сохранилась до самых последних дней, когда уже вся Германия лежала в развалинах, а союзные войска стояли на Одере и Эльбе. Как писал в мемуарах адъютант Гитлера Николаус фон Белов, «фюрер стал «идолом» масс. Он мог требовать всего, чего угодно, и народ шел за ним... Противоречие между серьезными опасениями и радостной беспечностью — вот что характеризовало настроение руководящих лиц государства, вермахта и партии в 1938 году. Широкие массы народа были счастливы и довольны... Доверие к Адольфу Гитлеру и вера в его стремление к миру перевешивали все опасения».

Пропаганда и однопартийность сделали свое дело. Не только народ, но и буржуазия стали видеть в Гитлере надежду на лучшее будущее Германии, а позднее — единственного человека, который может предотвратить поражение Рейха в мировой войне.

Гитлер хотел создать пирамиду новой социальной иерархии, основанную не на социальном происхождении и современном положении в обществе, а на социально-биологическом принципе. Наверху должны были быть те, кто обладал сильнейшей волей и выказал наибольшую активность в борьбе за торжество национал-социализма в Германии и германской расы — во всем мире. А в основании пирамиды должны были находиться порабощенные представители низших рас, прежде всего славян. Но приступить к строительству этой пирамиды можно было только после победы Германии во Второй мировой войне. Ранее этого срока было опасно трогать сложившуюся социально-экономическую структуру.

Когда после выхода из тюрьмы Гитлер решил обратиться к легальной парламентской деятельности, он хорошо понимал, что для этого необходимы значительные денежные средства, которые в данный момент, пока в партии еще сравнительно мало членов, могут предоставить только люди богатые — крупные банкиры и промышленники. На протяжении 1926 года он неоднократно встречался с германскими предпринимателями и заверял их, что НСДАП не покушается на священное право частной собственности. Он доказывал, что только его партия способна обеспечить наиболее эффективную защиту от «красной опасности». Предприниматели Гитлеру поверили и стали пополнять партийную кассу сотнями тысяч марок. Туда делали взносы и такие солидные иностранные компании, как «Роял Датч Шелл», «Дженерал моторс», «Форд»... Не то чтобы все они очень любили национал-социалистов. Просто в бизнесе действовал и поныне действует принцип: не складывать все яйца в одну корзину. Поэтому германские промышленники (и не только германские), финансируя

ряд правых, националистических и центристских партий, не хотели игнорировать и партию Гитлера с ее растущей популярностью у масс. В спонсорстве они видели для себя определенную гарантию на случай прихода нацистов к власти. Надеялись, что Гитлер отблагодарит своих благодетелей и, по крайней мере, не станет вредить им. Гитлер и отблагодарил. Но по-своему, приведя к краху Рейх, а вместе с ним — и национальный бизнес.

В обращении НСДАП от 1 марта 1932 года провозглашалось: «Гитлер — это девиз для всех, кто верит в возрождение Германии... Гитлер победит, ибо народ желает его победы». Но не менее важно было то, что победы Гитлера в тот момент хотел и германский большой бизнес, видя в фюрере единственную гарантию стабилизации экономического и политического положения в стране, но отнюдь не думая, что через каких-нибудь семь лет он развяжет новую мировую войну.

В декабре 1932 года по инициативе бывшего председателя рейхсбанка Яльмара Шахта и кельнского банкира Курта фон Шрёдера группа бизнесменов обратилась к Гинденбургу с просьбой поставить Гитлера во главе правительства: «Считаем долгом нашей совести просить Ваше превосходительство... сформировать такой кабинет, который будет пользоваться поддержкой самой мощной национальной силы. Предоставление вождю самой мощной национальной организации поста руководителя президентского кабинета, состоящего из лучших деятелей с точки зрения их профессиональной подготовки и личных достоинств... привлечет к сотрудничеству миллионы людей, которые до сих пор стояли в стороне...»

В момент прихода к власти Гитлера сформированное им правительство было коалиционным. НСДАП поддержала партия Гугенберга. Но уже в июне

1933 года штаб-квартира последней была разгромлена штурмовиками, и Немецкую национальную народную партию вынудили к самороспуску. Часть ее членов влилась в НСДАП, а Гугенберг перестал играть какую-либо политическую роль. По мере роста численности партии Гитлер перестал существенным образом зависеть от финансовой поддержки крупного бизнеса. А с обретением основных рычагов власти и ликвидацией демократических процедур нацисты перестали нуждаться и в политической поддержке банкиров и промышленников.

Когда 30 января 1933 года Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером, он заявил, принося присягу: «Я отдам все свои силы на благо немецкого народа. Я буду стоять на страже конституции и прав немецкого народа, добросовестно выполнять свои обязанности и действовать во благо всех, невзирая на партийную принадлежность».

Первоначально, кроме Гитлера, в составе кабинета было лишь двое нацистов. Геринг возглавил министерство внутренних дел Пруссии и стал имперским комиссаром по делам авиации. Лидер парламентской фракции нацистов Вильгельм Фрик возглавил министерство внутренних дел Рейха. Этого оказалось достаточно для полного захвата власти. Ведь нацисты контролировали главные силовые структуры страны, за исключением рейхсвера, и имели мощную военизированную организацию — более 400 тыс. штурмовиков Эрнста Рема. Используя в качестве провокации пожар рейхстага (до сих пор неизвестно точно, был ли он организован Герингом, президентом рейхстага, или стал результатом действий психически ненормального одиночки — голландца Маринуса Ван дер Люббе, члена левацкой коммунистической

группы), нацисты развернули террор против коммунистов и социал-демократов, которых обвинили в поджоге. Впоследствии доказать эти обвинения в суде не удалось, но дело было сделано. Уже 3 февраля 1933 года, выступая перед руководством рейхсвера, Гитлер прямо заявил, что внутри страны надо полностью покончить с пацифизмом, истребить марксизм, «согнуть того, кто не дает себя согнуть», перейти к «строго авторитарному» руководству государством, ликвидировать «раковую опухоль» демократии и ввести смертную казнь «за измену государству и народу».

1 марта 1933 года специальным законом «О защите народа и Рейха» было приостановлено действие статей конституции, гарантирующих основные демократические права и свободы. Гитлер же наделялся чрезвычайными полномочиями. Ряд депутатов рейхстага от левых партий был арестован, в том числе лидер коммунистов Эрнст Тельман.

5 марта 1933 года в обстановке всеобщего запугивания противников нацистов прошли выборы в рейхстаг. Выступая в Кёнигсберге накануне голосования, Гитлер обратился к немецкому народу с патетическим призывом: «Теперь вы должны снова высоко и гордо держать свою голову! Ты больше не поработен и не закабален, германский народ, ты опять, с божьей помощью, обладаешь свободной волей».

НСДАП получила около 44% голосов. Компартия была запрещена и в выборах не участвовала, но за поддерживаемый ею список проголосовало почти 12% избирателей. Социал-демократы получили 18% голосов. Партия Гутенберга получила около 8% голосов, и вместе с ней нацисты получили наконец абсолютное большинство. У НСДАП стало 288 мандатов, Партия Центра имела 73, СДПГ — 120, коммунисты — 81, партия Гутенберга, выступавшая как Черно-бе-

ло-красный боевой фронт (с привлечением сторонников Папена, отколовшихся от партии Центра) — 52 мандата. Вскоре партия Гугенберга была распущена, и часть ее членов влилась в НСДАП. А после ликвидации летом 1934 года Эрнста Рема и низведения отрядов штурмовиков до роли органов допризывной подготовки молодежи ограничить власть Гитлера более никто не мог.

Национал-социалисты провозгласили примат духовного над материальным. Так, когда 27 ноября 1933 года в Германии в составе Трудового фронта была создана организация «Сила через радость», ведавшая вопросами отдыха, туризма и физической культуры, сам руководитель Трудового фронта Роберт Лей ее главной задачей считал «переключить внимание масс с материальных ценностей на моральные», поскольку «гораздо важнее утолить духовный голод людей, чем заполнить желудки».

Тем не менее отказываться от частной собственности в экономике Гитлер не собирался, но стремился подчинить частный капитал интересам государства. Уже незадолго до конца, 26 июня 1944 года, выступая перед промышленниками в Берхтесгадене, Гитлер торжественно заявил: «Создатель не только творит, но и берет сотворенное им под свою опеку. В этом истоки и суть того явления, которое мы обозначаем как «частный капитал», «частное владение» или «частная собственность». Вопреки утверждениям коммунистов процесс развития человечества завершится не претворением в жизнь их идеала всеобщего равенства, т. е. коммунизмом, но, напротив, именно потому, что одни добьются чего-то в жизни, а другие нет, первые в конце концов неизбежно возьмут под свою опеку последних... Единственно возможной предпосылкой для продвижения человечества на

пути к процветанию является всемерное поощрение частной инициативы. И если эта война завершится нашей победой, для германской экономики настанет эпоха расцвета частного предпринимательства. Не верьте, что я собираюсь создавать какие-либо органы государственного управления экономикой... Как только наступит мир, я тут же предоставлю полную свободу действий выдающимся деятелям германской экономики и буду внимательно прислушиваться к их советам... Лишь благодаря вам мне вообще удастся решать порожденные войной проблемы. В знак моей бесконечной благодарности я обещаю, что никогда не забуду ваших заслуг и что не найдется ни одного немца, который обвинит меня в невыполнении взятых на себя обязательств. Это означает: если я обещаю вам, что после войны наступит невиданный период расцвета германской экономики, то следует очень серьезно отнестись к моим словам. Они непременно сбудутся...

Нет сомнения, что если мы проиграем войну, то придется навсегда забыть об экономике, основанной на частной собственности. Ведь истребление германского народа, естественно, повлечет за собой полный крах германской экономики. И не только потому, что противнику не нужны конкуренты, — это слишком поверхностная оценка ситуации. Нет, речь идет о наших принципиальных разногласиях с ними. От исхода войны зависит, какая из двух точек зрения победит: или мы будем отброшены на несколько тысяч лет назад и вернемся фактически в первобытное состояние — ведь государство тогда будет регулировать всю производственную деятельность, — или же человечество будет и дальше развиваться естественным путем через поощрение частной инициативы... В случае поражения вам, господа, незачем будет заниматься пе-

рестройкой экономики на мирный лад. Ибо каждому из нас придется решать для себя проблему ухода в мир иной: сделает ли он это своими руками, даст себя повесить, предпочтет умереть от голода или же согласится отправиться на каторжные работы в Сибирь — ни о чем другом не придется размышлять».

В тот момент, после успешной высадки союзников в Нормандии и начала генерального советского наступления в Белоруссии, Гитлер вряд ли всерьез сомневался, что война Германией проиграна. Так что сказки о грядущем расцвете германской экономики в условиях господства частной собственности после победы нужны были только для того, чтобы побудить германский бизнес держаться до конца, согласившись с усиливающимся государственным регулированием, и не прибегать к акциям саботажа в расчете на благосклонность западных союзников. Одновременно Гитлер попытался обрисовать, для истории, некий экономический идеал национал-социализма. В условиях, когда Германия будет господствовать в мире, ее экономика должна давать преимущества носителям частной инициативы — тем, кто может добиться чего-то в жизни и выдается над толпой.

Более или менее острые противоречия между Гитлером и германскими бизнесменами возникли только в самые последние месяцы войны, когда неотвратимый и близкий конец был уже ясен всем. Фюрер хотел разрушить всю экономику Германии, чтобы предприятия не достались врагу. Послевоенная же судьба проигравшего войну германского народа Гитлера, принявшего твердое решение уйти из жизни, волновала мало. Но германский бизнес умирать не собирался. Промышленники стремились по возможности сохранить экономическую инфраструктуру.

И министр вооружений Альберт Шпеер нашел среди них, а также среди высших офицеров вермахта сторонников своего саботажа приказа Гитлера о проведении тактики «выжженной земли» на германской территории, ставшей полем боя с армиями антигитлеровской коалиции.

События развивались следующим образом. 19 марта 1945 года Гитлер издал приказ под кодовым названием «Нерон», где говорилось: «Борьба нашего народа за свое существование вынуждает нас к использованию на территории Рейха всех средств, ослабляющих боевую силу нашего врага и препятствующих его дальнейшему продвижению. Подлежат использованию все возможности прямо или косвенно нанести долгосрочный ущерб его боеспособности... На территории Рейха подлежат уничтожению все военные объекты, промышленные предприятия, транспорт, предприятия по снабжению населения, а также материальные ценности, которые могут использоваться врагом». Военные объекты должно было уничтожать армейское командование, а гражданские — гауляйтеры и имперские наместники. Но ни те, ни другие, за редким исключением, не проявили никакого рвения в его исполнении. Откровенно саботировал тактику «выжженной земли» и министр вооружений Альберт Шпеер, прямо порекомендовавший исполнителям не усердствовать в исполнении гитлеровского приказа. Фактически этот приказ остался на бумаге.

29 марта 1945 года Шпеер направил Гитлеру следующий меморандум: «Вчера во время нашей беседы вы провели различие между реальным осознанием положения, в результате которого можно прийти к убеждению, что войну уже нельзя выиграть, и все еще имеющейся верой в то, что все еще может кончиться хорошо. Вы задали мне вопрос, надеюсь ли я еще на

дальнейшее успешное ведение войны, или же моя вера в это поколеблена трезвыми констатациями в той специальной области, которой я занимаюсь.

Моя вера в благоприятный для нашей страны поворот оставалась несломленной до 18 марта. Это могут подтвердить все мои сотрудники и все благожелательно настроенные ко мне политики и солдаты...

Я художник, и поэтому поставленная задача казалась мне совершенно чужда и тяжела. Я сделал для Германии много. Без моей работы война, вероятно, была бы проиграна еще в 1942/43 г. Я справился с этой задачей не в силу моих специальных знаний, а благодаря качествам, присущим художнику... Я верю в будущее немецкого народа. Я верю в Провидение, справедливое и неумолимое, а значит, верю в бога.

Мне было тяжело на сердце, когда в победные дни 1940 года я видел, как мы в широчайших кругах нашего руководства потеряли свою внутреннюю выдержку. Это было то время, когда мы должны были порядочностью и внутренней скромностью выдержать испытание перед лицом Провидения. Тогда победа была бы за нами.

В те месяцы судьба взвесила нас на своих весах и нашла слишком легкими. В результате страсти к комфорту и лени мы упустили целый год драгоценного времени для наращивания производства вооружений и конструирования новой техники, и из-за этого в решающие 1944—1945 годы многое стало для нас уже слишком поздно. Любое из новшеств годом раньше — и наша судьба была бы другой! Словно Провидение само хотело предостеречь нас, но с того времени все военные события вели нас к неслыханной беде. Еще никогда, ни в одной войне внешние условия (скажем, погода) не играли такой решающей и несущей несчастье роли, как именно в

этой самой технизированной из всех войн: мороз под Москвой, туман под Сталинградом и голубое небо над зимним наступлением 1944 года на Западе (в Арденнах. — Б. С.).

И тем не менее, я убежден, что судьба все же избавила нас от самого последнего следствия всего этого и что однажды все же появится возможность обеспечить нашему народу его существование. Ибо этот народ, проявивший исторически беспрецедентное мужество и героизм на фронте и в тылу, не может прийти к своему горькому концу. Эта внутренняя вера, которая позволила мне, несмотря на все влияния и осознания, продолжать быть сильным самому и вселять веру в других, оставалась непоколебимой до нескольких последних дней.

Когда я 18 марта передал вам мое письмо, я был твердо уверен в том, что выводы, сделанные мною из нашего положения насчет сохранения нашей народной силы, безусловно получают ваше одобрение. Ведь вы однажды сами констатировали, что задача государственного руководства при проигранной войне — уберечь народ от героического конца. Однако вечером вы обратились ко мне со словами, из которых, если я вас правильно понял, ясно и однозначно следовало: если война проиграна, пусть погибнет и народ! Эта судьба, сказали вы, неотвратима. Нечего считаться с теми основаниями, которые нужны народу для его самой примитивной дальнейшей жизни. Наоборот, мол, лучше самому разрушить их. Ведь народ показал себя более слабым, и поэтому будущее принадлежит исключительно более сильному народу Востока. Те, кто уцелеет после этой борьбы, все равно малоценны, ибо все ценные — погибли!

Услышав такие слова, я был сначала потрясен. Когда же через день я получил ваш приказ о разрушении

(от 19 марта. — Б. С.), а вскоре и бескомпромиссный приказ об эвакуации, я увидел в них первые шаги к осуществлению высказанных вами намерений.

До тех пор я всем сердцем верил, что конец этой войны будет хорошим для нас. Я надеялся, что не только наши новые виды вооружений и боевой техники, но прежде всего наша фанатическая вера в свое будущее сделают народ и его руководителей способными на самые крайние жертвы. Сам я тогда твердо решил совершить на планере налет на русские электростанции и своим личным примером помочь повернуть судьбу (похоже, что и Шпеер в последние недели войны утратил всякое чувство реальности. — Б. С.).

Но я больше не могу верить в успех нашего благого дела, если одновременно мы в этот решающий момент планомерно разрушаем основу нашей народной жизни. Это такая несправедливость по отношению к нашему народу, что судьба больше уже не сможет благоприятствовать нам. Мы не имеем права разрушать то, что построено целыми поколениями. Если же это делает враг, тем самым истребляя немецкий народ, то он должен взять на себя историческую ответственность за это. Я убежден в том, что Провидение покарает тех, кто посягает на наш храбрый и порядочный народ.

Я могу работать с чувством внутренней порядочности, с убежденностью и верой в будущее только в том случае, если вы, мой фюрер, как и прежде, останетесь приверженным сохранению нашей народной силы. Поэтому я не вдаюсь в подробности того, что ваш приказ о разрушении от 19 марта 1945 года в результате поспешных мер должен лишить нас последних возможностей промышленного производства и что его опубликование вызовет у населения величайшее смятение. Все это такие вещи, которые хотя

и являются решающими, но обходят принципиальные вопросы.

Поэтому прошу вас не делать самому этот шаг к разрушению народа. Если же вы в какой-либо форме решились бы отказаться от этого, я бы вновь обрел веру и мужество, чтобы с величайшей энергией работать дальше. Поймите то, что происходит в моей душе! Я не могу трудиться в полную силу и пользоваться необходимым доверием со стороны подчиненных, если одновременно с моим призывом к рабочим обеспечить высокую производительность труда готовится разрушение нашей жизненной базы.

Наш долг — приложить все усилия, чтобы до предела укрепить сопротивление врагу. И я не хочу стоять в стороне.

Военные удары, которые Германия получила в последние недели, сокрушительны. Не от нас теперь зависит, куда повернет судьба. Только более ясное предвидение может изменить наше будущее. Мы еще сможем твердым поведением и непоколебимой верой внести свой вклад в вечное будущее нашего народа.

Боже, огради Германию!»

Гитлер прямо не ответил на оба послания Шпеера, в которых министр рекомендовал не разрушать уцелевшие производственные мощности и инфраструктуру Германии. Фюрер вынужден был смириться с тем, что охотников исполнять приказ «Нерон» не нашлось. Настойчивость в исполнении приказа грозила полной деморализацией армии и населения. 7 апреля Гитлер подписал новый приказ, подготовленный Шпеером. Он предусматривал выведение из строя только систем связи и транспортных коммуникаций, причем только в момент, когда немецкие войска оставляют данную территорию. Особо подчер-

кивалось, что «при проведении мероприятий по разрушению промышленных объектов и эвакуации населения следует в первую очередь позаботиться о том, чтобы... после победоносного окончания военных действий их последствия никоим образом не препятствовали... восстановлению производственных мощностей». Фюрер смирился с тем, что и после его гибели германский народ будет существовать в условиях союзной оккупации, и согласился не лишать его последних средств к существованию. Тем не менее в политическом завещании он требовал, чтобы все немцы и немки «были верны новому правительству и новому президенту до самой смерти». Гитлер надеялся своим самоубийством подать германскому народу пример борьбы до самого конца, убедить немцев, что смерть предпочтительнее капитуляции. И призвал в завещании «строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всемирным отравителям мира для всех народов — интернациональному еврейству». В идеале фюрер хотел бы, чтобы весь германский народ погиб вместе с ним. Но за ним последовали лишь немногие нацистские партийные руководители, опасавшиеся ответственности за преступления, да некоторые генералы вермахта, не желавшие пережить поражения. Большинство немцев, и прежде всего буржуазия, предпочли приспособиться к жизни в новых условиях и попытаться восстановить страну.

Был ли заговор Эрнста Рема?

Рем утверждал: «Только мои штурмовики добьются чистых, неискаженных национализма и социализма и сохранят их». Подобный радикальный пуризм пугал

и военных, и средний класс, на поддержку которых Гитлер рассчитывал в воссоздании германской военной мощи, а затем в борьбе за новое «жизненное пространство». Рем же хотел, увеличив численность СА до 3,5—4 млн. человек, создать государство в государстве, а затем продиктовать свои условия Гитлеру. Тот уже в июне 1933 года ликвидировал «частные» концлагеря штурмовиков и созданные ими части вспомогательной полиции. Рем возмущался: «Тот, кто требует усмирить революцию, тот предает ее. Рабочие, крестьяне и солдаты, маршировавшие под стягами штурмовиков, завершат свою задачу, не обращая внимания на приспособленцев — обывателей и нытиков». И пригрозил: «Устроит это вас или нет, — мы продолжим нашу борьбу. Если вы наконец поймете, о чем идет речь, — идите вместе с нами! Если вы не хотите — мы пойдем без вас! А если понадобится — и против вас!» На Рема давили и сотни тысяч безработных штурмовиков, которые ничего не умели делать, кроме как устраивать уличные побоища с политическими противниками. Рем требовал учреждения особой подсудности СА, по которой командиры могли бы жестоко карать за преступления своих подчиненных, но при этом те же командиры штурмовиков могли бы «осудить за убийство бойца СА до 12 человек — членов вражеской организации, замешанных в подготовке убийства». Рем также надеялся влить СА в рейхсвер и фактически поглотить его, а также создать полицию из штурмовиков. Тогда под его контролем оказались бы основные силовые структуры страны. А о «друге Адольфе» «друг Эрнст» в интимном дружеском кругу приверженцев однополой любви высказывался совсем уж непарламентски: «Адольф — подлец. Он предает всех нас. Якшается только с реакционерами. Старые товарищи для него, видишь

ли, плохими стали. Набрал себе генералов из Восточной Пруссии. Они теперь его доверенные люди... Адольф точно знает, чего я хочу. Я ему об этом не раз говорил. Не надо копии кайзеровской армии. Совершили мы революцию или нет? Нужно что-то новое... Новая дисциплина. Новый принцип организации. Генералы — старые рутинеры. У них никогда не появлялись новые идеи.

А Адольф остается штафиркой, «художником», витает в облаках. Думает о том, чтобы его оставили в покое. Будь его воля, сидел бы себе в горах и разыгрывал Всевышнего. А мы стоим без дела, хотя руки чешутся... Сейчас у нас есть уникальная возможность совершить новое, великое, перевернуть весь мир. А Гитлер кормит меня обещаниями. Хочет, чтобы шло все своим чередом. Надеется, что потом произойдет чудо небесное. Это подлинное «я» Адольфа. Хочет унаследовать готовую армию, чтобы ему ее сформировали «спецы». Когда я слышу это слово, мне хочется рвать и метать. А потом, как он говорит, сделает армию национал-социалистической. Но сперва отдаст ее под начало прусских генералов. Откуда там потом взяться революционному духу? На своих местах остаются старые козлы, которым новую войну не выиграть. Как вы все ни старайтесь, очки вы мне не вотрете. Тут вы губите душу нашего движения».

Но Гитлер понимал, что без спецов хорошей армии не создашь. А министр рейхсвера генерал Вернер фон Бломберг горячо симпатизировал фюреру. Он отдал приказ чинам рейхсвера отдавать честь членам военных формирований НСДАП и функционерам, одетым в партийную форму. 25 февраля 1934 года Бломберг отдал приказ, чтобы все военнослужащие носили на мундирах имперского орла, держащего в когтях свастику. 28 февраля 1934 года Бломберг распоря-

дился изгнать из рейхсвера всех евреев и запретил в дальнейшем принимать их на службу. А с 1 апреля 1935 года военным также было запрещено жениться на женщинах неарийского происхождения. Отказываться от услуг таких профессионалов, как Бломберг, Гитлер не собирался.

Рем между тем начал выставлять вооруженную охрану у армейских штабов и направил в министерство рейхсвера меморандум, где оборона страны объявлялась прерогативой СА, а рейхсверу отводилась только роль организатора военной подготовки населения. Разумеется, генералы с этим согласиться не могли. И Гитлер тоже понял, что с «другом Эрнстом» пора кончать. Уже в начале января 1934 года он вызвал к себе начальника гестапо Рудольфа Дильса и поручил ему собрать компромат на Рема и других руководителей СА, а также о совершенных СА террористических актах. При этом фюрер подчеркнул: «Это самая важная задача из всех, которые когда-либо ставились перед вами».

2 февраля 1934 года, выступая с большой программной речью перед гауляйтерами в Берлине, Гитлер прямо заявил: «Те, кто утверждает, что революция не закончена, — дураки. К сожалению, у нас в движении есть люди, которые понимают под революцией постоянный хаос... Главное — подбор людей способных и со слепым повиновением претворяющих в жизнь правительственные распоряжения. Партия — это своего рода орден. Она должна обеспечить необходимую стабильность всего немецкого будущего... Первый фюрер был избран судьбой; второй фюрер должен с самого начала иметь за собой верное, скрепленное клятвой объединение единомышленников. Нельзя избирать того, кто опирается на самостоятельную преобладающую силу!»

Фюрер всегда может быть только один... Такая организация, обладающая внутренней жесткостью и силой, будет держаться вечно, ее никто не сможет свергнуть. Сплоченность внутри движения должна быть небывало крепкой. Мы не имеем права вести борьбу между собой; посторонние не должны знать о наличии у нас разногласий! Народ не сможет нам слепо верить, если мы сами будем разрушать это доверие. Даже последствия неверных решений должны сглаживаться безусловной сплоченностью. Никогда один авторитет не должен использоваться против другого...

Поэтому никаких ненужных дискуссий! Проблемы, относительно которых в руководящих органах еще нет ясности, ни в коем случае не должны обсуждаться публично, ибо в противном случае их будут решать народные массы. В этом было безумие демократии, это сводит к нулю ценности всякого руководства...»

1 марта на совещании с руководством рейхсвера, СА и СС фюрер объявил, что роль штурмовиков сводится главным образом к «политическому воспитанию нации», в отношении армии функции штурмовых отрядов сводятся к допризывной подготовке молодежи. При этом Гитлер недвусмысленно пригрозил раздавить всякого, кто будет мешать осуществлению его планов. И призвал штурмовиков и военных примириться друг с другом.

На людях Рем был лоялен к Гитлеру и даже пригласил всех присутствующих на «завтрак примирения». Но среди своих единомышленников он буквально кипел от гнева. Рем (сам дослужившийся до капитана) назвал фюрера «невежественным ефрейтором» и призвал не соблюдать только что достигнутое с рейхсвером соглашение о разграничении предметов ведения.

Гитлер же, по словам Рема, — это «вероломный человек, которого, как минимум, надо отправить в отпуск». Рем не знал, что в его «ближний круг» затесался предатель. Обергруппенфюрер СА Виктор Лутце, руководитель штурмовых отрядов на севере Германии и оберпрезидент Ганновера, поспешил к Гитлеру и доложил ему о крамольных высказываниях своего шефа. Вопрос с Ремом надо было срочно решать. И Гитлер решил его самым радикальным образом.

Рем между тем устраивал марши и парады штурмовиков, интенсифицировал их военную подготовку и закупал за границей оружие. Однако сколько-нибудь четкая программа действий у него отсутствовала. Ведь кумиром штурмовиков был не только Рем, но в первую очередь — Гитлер. Бросить их в бой против фюрера не было никакой возможности. Скорее Рем рассчитывал убедить Гитлера осуществить «вторую революцию», оттеснить от власти прежние элиты, передать власть «старым бойцам». И хотел продемонстрировать фюреру, что штурмовики могут быть мощной военной силой, ни в чем не уступающей кадрам рейхсвера. Рем самоуверенно заявлял, что под его началом состоят тридцать дивизий, не зная, что судьба его уже решена и никто из штурмовиков за него не заступится.

4 июня 1934 года Гитлер встретился с Ремом и потребовал от него отказаться от идеи «второй революции», но ясного ответа не получил. Рем решил уйти в отпуск и распустил на июль также большую часть штурмовиков, однако предостерег «врагов СА» не питать «обманчивых надежд», что СА из отпуска не вернутся или вернутся значительно ослабленными. Рем предупреждал, что штурмовики дадут «должный ответ» своим недоброжелателям.

Уже с начала июня СС и СД взяли руководство СА под пристальное наблюдение и начали готовить операцию по его ликвидации. 21 июня Геббельс заявил на празднике солнцестояния на Берлинском стадионе: «Этому сорту людей импонирует только сила, самоуверенность и сила. Они это увидят!.. Им не остановить поступь века. Мы перешагнем через них». Двумя днями позже в отдел контрразведки в министерстве рейхсвера попал явно фальшивый приказ Рема штурмовым отрядам братья за оружие. Никто всерьез эту бумагу не воспринял, хотя бы потому, что среди адресатов рассылки были перечислены злейшие враги Рема — глава СС Гиммлер и шеф СД Гейдрих. Тем временем кампания давления на Рема и штурмовиков нарастала. 25 июня, выступая по радио, заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс осудил «играющих в революцию» за недоверие к «великому стратегу революции Адольфу Гитлеру» и угрожающе предупредил: «Горе нарушающим долг верности!» Он также утверждал, что «уход национал-социализма с политической сцены немецкого народа» вызовет «европейский хаос». Но он и представить себе не мог, что это произойдет в огне мировой войны.

26 июня к хору угроз присоединился глава прусского правительства Геринг. Выступая в Гамбурге, он отверг идею реставрации монархии, провозгласив: «У нас, живых, есть Адольф Гитлер!» И пообещал «реакционной своре», явно имея в виду не только монархистов, но и штурмовиков: «Когда чаша терпения переполнится, я нанесу удар! Мы работали, как никто еще не работал, потому что за нами стоит народ, который доверяет нам... Кто согрешит против этого доверия, лишит себя головы». В тот же день Гиммлер уведомил всех руководителей СС и СД о «предстоящем бунте СА во главе с Ремом», к которому могут примкнуть другие

оппозиционные группы. И он, и его подчиненные знали, что никакого путча Рем устраивать не собирается, раз отправил основную массу штурмовиков в отпуск.

Рейхсвер также начал наступление на Рема. 25 июня Имперский союз немецких офицеров изгнал его из своих рядов. 29 июня со статьей в «Фёлькишер беобахтер» выступил Бломберг. Он заявил, что армия — целиком на стороне Гитлера. Акцию против Рема поддержали также консервативные националисты, монархисты и буржуазия. Все они думали, что после ликвидации Рема легко смогут приручить Гитлера. Но в одном своем выступлении в узком партийном кругу вскоре после «ночи длинных ножей» фюрер откровенно посмеялся над подобными надеждами. По свидетельству бывшего главы Данцигского сената Германа Раушнинга, Гитлер заявил: «Я встал на путь стопроцентного соблюдения законности, и никто не собьет меня с этого пути. Все упреки, предъявленные мне, все трудности, стоящие перед нами, я предчувствовал раньше всех моих услужливых скептиков и принял их в расчет. Никакое развитие событий не застанет меня врасплох. С непоколебимой уверенностью я и впредь буду идти к великой цели нашей революции. Мне не нужны всякие там критики, которые выдают собственную лень и распушенность за закономерные недочеты нашего развития. Эти люди, которым доставляет удовольствие ежедневно пересчитывать мне на пальцах наши промахи и затруднения, неизбежные в начале любого большого дела. Не лучше ли было бы этим идиотам, вместо того чтобы подсчитывать все плохое, заострить свое внимание на положительных сторонах нашей великой работы? По крайней мере, это прибавило бы бодрости и мне. Как будто я не знаю, что власть еще не в наших руках! Но

моя воля решает все! И тот, кто не следует моим распоряжениям, будет уничтожен. Не тогда, когда его непокорность уже станет явной и общеизвестной, но только как я заподозрю его в неповиновении».

Развязка наступила вечером 28 июня, сразу после свадьбы гауляйтера Эссена Йозефа Тербовена, у которого Гитлер был свидетелем. Фюрер позвонил Рему и попросил его созвать 30 июня всех высших командиров СА для встречи с ним и откровенного разговора. Гитлер вел беседу в подчеркнуто примирительном духе и усыпил бдительность Рема. А чтобы было что подавлять, люди Гиммлера 29 июня распространили среди мюнхенских штурмовиков анонимные записки с призывами выйти на улицы, и те стали бесцельно маршировать по Мюнхену, пока разбуженные команды не вернули своих подчиненных в казармы. Но предлог для расправы уже был найден. Кроме того, СД сообщило, будто берлинские штурмовики вечером 30 июня собираются захватить правительственный квартал. И тогда Гитлер произнес заранее отрепетированный монолог: «При таких обстоятельствах я мог принять только одно решение. Только беспощадная и кровавая акция способна была еще подавить в зародыше распространение бунта...»

Рем в это время безмятежно веселился с соратниками на курорте Бад-Висзее. А Гитлер, Геббельс, глава отдела печати НСДАП Отто Дитрих и вовремя перебивший фронт Виктор Лутце уже в четыре часа утра 30 июня были в Мюнхене. В здании баварского МВД фюрер обрушился на полицейского-президента Мюнхена обергруппенфюрера СА Августа Шнайдхубера и начальника отдела личного состава в штабе СА группенфюрера Вильгельма Шмидта, объявив их зачинщиками мюнхенского бунта, сорвал с них погоны и отправил в Штадельхаймскую тюрьму. Сразу после

этого он отправился вместе со свитой в Бад-Висзее, чтобы взять Рема и его соратников еще тепленькими. Личный шофер Гитлера Эрих Кемпка вспоминал: «С плеткой в руке Гитлер вошел в спальню Рема, сопровождаемый двумя инспекторами уголовной полиции с пистолетами со взведенными курками. Он рявкнул: «Рем, ты арестован!» Рем заспанно выглянул из подушек своей постели и пробормотал: «Хайль, мой фюрер!» «Ты арестован!» — проревел Гитлер второй раз, повернулся и вышел из комнаты». По свидетельству А. Шпеера, на другой день Гитлер рассказывал в своем кругу о проведенной акции: «Мы были безоружны, вы только представьте себе, мы даже не знали, смогут ли эти свиньи выставить против нас вооруженную охрану». И возмущался гомосексуальными пристрастиями Рема и его окружения: «В одной из комнат мы застали расплох двух обнаженных юнцов!»

Никакой вооруженной охраны у Рема не было. Остальных вождей СА тоже взяли без сопротивления. Только Эдмунд Хайнес, группенфюрер СА из Силезии, которого как раз и застали в постели с любовником, стал драться с полицией, но его быстро скрутили. Некоторых группенфюреров, которые еще только направлялись в Бад-Висзее, перехватывали по дороге и направляли в Штадельхаймскую тюрьму. Там набралось всего около двухсот арестованных руководителей СА. В десять утра Геббельс позвонил в Берлин и передал пароль «Колибри». После этого Геринг, Гиммлер и Гейдерих бросили в бой берлинских эсэсовцев. Указанных в списках командиров СА арестовывали и, в отличие от их мюнхенских соратников, выводили в расход без промежуточной стадии в виде тюрьмы, ставя их к стенке лихтерфельдского кадетского корпуса. Тем временем Гитлер в Коричневом доме выпустил заявление по поводу расправы со штур-

мовиками, говоря о себе в третьем лице: «Фюрер дал приказ беспощадно удалить эту чумную язву. Он не потерпит больше, чтобы репутация миллионов различных людей страдала и компрометировалась отдельными лицами с болезненными наклонностями». Еще Гитлер говорил тогда о «тяжелейших оплошностях» и «заговоре», но еще не рискнул употребить слово «путч», которым в дальнейшем характеризовала события 30 июня нацистская пропаганда.

Лидеры штурмовиков так и не поняли, что же все-таки произошло, за что их убивают. Многие умирали со словами: «Хайль Гитлер!», но никто, что показательно, не крикнул: «Хайль Рем!» Это еще раз доказывает, что никакого «заговора Рема», а тем более «путча Рема» не было и в помине. Потому что и для рядовых штурмовиков, и для группенфюреров, и для самого Рема человеком № 1 в национал-социалистическом движении все равно оставался Гитлер. Рем в лучшем случае хотел быть № 2. И против Гитлера бороться не собирался.

Вечером 30 июня Гитлер вылетел в Берлин, предварительно поручив начальнику своей личной охраны Зеппу Дитриху вытребовать из тюрьмы в Штадельхайме заключенных, чьи фамилии в данном ему списке были помечены крестом, и немедленно их ликвидировать. Но Рема среди них не было. Ему были дарованы еще сутки жизни. Возможно, Гитлер размышлял, не устроить ли короткий закрытый суд над Ремом, но затем склонился к мысли о внесудебной расправе.

За компанию с руководителями СА прикончили бывшего имперского канцлера генерала Курта фон Шлейхера, с которым Рем пытался сотрудничать, и генерала фон Бредова, начальника канцелярии рейхсвера и ближайшего друга Шлейхера, Грегора Штрассера, секретаря бывшего канцлера Папена

Э. Юнга и другого его ближайшего сотрудника, фон Бозе. Самого Папена от смерти спасло заступничество Гинденбурга, против которого Гитлер не считал нужным идти. Зато убили бывшего главу баварского правительства Кара, бывшего редактора «Моей борьбы» патера Штемпfle, позднее рассорившегося с нацистами, убили руководителя объединения «Католическое действие» Эриха Клаузнера и некоторых других политиков и публицистов правой или центристской ориентации. Всего, по официальным данным, в ходе «ночи длинных ножей» и в последующие дни было убито 77 человек, по неофициальным оценкам — вдвое больше.

Черед Рема настал 1 июля. Вечером в его камеру вошли комендант концлагеря Дахау Теодор Эйкке и его адъютант Михаэль Липперт. Они положили на стол пистолет и свежий номер «Фёлькишер беобахтер», где говорилось о подавлении путча. Рему дали десять минут на размышление. Но «друг Эрнст» не захотел делать подарок «другу Адольфу» в виде собственного самоубийства. Тогда Эйкке и Липперт просто разрядили в Рема свои парабеллумы. Перед смертью Рем рванул рубашку на груди.

Бытует легенда, будто Гитлер сам, своими руками расстрелял Рема. Это утверждение, как мы убедились, ничего общего с действительностью не имеет. Не фюрерское это дело — стрелять проштрафившихся соратников. Но мифологизированному общественному сознанию очень нужно, чтобы мировой злодей непременно не только отдавал письменные и устные приказы об уничтожении миллионов людей, но и убил своими руками хотя бы одного человека, превратился в настоящего, а не словесного убийцу.

Заметая следы бессудных казней, Геринг уже 2 июля распорядился сжечь «все дела, связанные с акциями

двух последних дней». Геббельс же запретил публиковать в газетах объявления о смерти убитых 30 июня и 1 июля. А 3 июля Гитлер легализовал расправу над штурмовиками, утвердив в рейхстаге специальный закон, звучащий следующим образом: «Меры, принятые для подавления выступлений 30 июня, 1 и 2 июля 1934 года, представлявших собой государственную измену и измену Родине, считать законными как принятые для необходимой обороны государства».

Как политик Гитлер полностью переиграл Рема, и монархистов из окружения Гинденбурга. У вождя штурмовиков вообще не было ни какой-либо оригинальной политической программы, ни ясных представлений, каких именно целей он добивается и какие инструменты надо применить для их достижения.

Третий Рейх и Советский Союз

Сравнение Советского Союза и Третьего Рейха давно уже стало общим местом в работах западных историков, философов и публицистов. В нашей стране на подобное отважились только в эпоху перестройки. В этом отношении существуют два довольно распространенных мифа. Первый сводится к тому, что два тоталитарных режима были практически тождественны друг другу, а второй — что между ними не было никакого существенного сходства. Этот последний сегодня становится все более популярным как в постсоветской России, так и в Германии.

Если подойти объективно к сравнению СССР и Германии 30—40-х годов, то сразу бросится в глаза, что сходства между двумя режимами значительно больше, чем различий. Главное — в обеих странах существовали однопартийные, тоталитарные полити-

ческие системы, сделавшие «единственно верную идеологию», внедряемую с помощью пропаганды, основным орудием подчинения масс. Сходство было и во многих методах пропаганды и политического манипулирования, которые Гитлер и Геббельс заимствовали у советских старших товарищей и германских коммунистов, а также у социал-демократов. Гитлер писал об этом в «Моей борьбе»: «Если социал-демократии будет противопоставлено учение более правдивое, но проводимое с такой же силой и скотской грубостью, это учение победит, хотя и после тяжелой борьбы...

Мне стало совершенно ясно самое учение социал-демократии, а также технические средства, при помощи которых она его проводит.

Я хорошо понял тот бесстыдный идейный террор, который эта партия применяет против буржуазии, неспособной противостоять ему ни физически, ни морально. По данному знаку начинается настоящая канонада лжи и клеветы против того противника, который в данный момент кажется социал-демократии более опасным, и это продолжается до тех пор, пока у стороны, подвергшейся нападению, не выдерживают нервы и, чтобы получить передышку, она приносит в жертву то или другое лицо, наиболее ненавистное социал-демократии.

Глупцы! Никакой передышки они все равно не получают!»

В то же время советский режим был значительно старше нацистского и к моменту прямого столкновения СССР и Германии успел в значительно большей степени развиваться, охватив собой буквально все сферы жизни общества и полностью уничтожив в стране частную собственность. Насчет же того, что советский тоталитаризм был гораздо тотальнее герман-

ского, хорошо написал один из соратников генерала Власова капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, происходивший из балтийских немцев и хорошо знавший и Россию, и Германию: «И нацистский режим стремился к тоталитарной, всеобъемлющей власти, но она еще не достигла дьявольского совершенства сталинизма. В Третьем Рейхе все же сохранялись какие-то основы старой государственной и общественной структуры; еще не были задушены полностью частная инициатива и частная собственность; еще было возможно работать и жить, не завися от государства. Немцы еще могли высказывать свое мнение, если оно и не сходилось с официальной догмой, могли даже, до известной степени, действовать так, как считали лучшим. Хотя партийное давление и увеличилось все более ощутимо... но эта форма несвободы в Германии оценивалась подавляющим большинством бывших советских граждан мерками сталинского режима насилия и поэтому воспринималась все же как свобода. И в этом была большая разница между нами».

Если Германия еще с начала 20-х годов была постоянным объектом пристального внимания Москвы, рассчитывавшей поставить там у власти коммунистов, то в Германии вплоть до 1941 года об СССР знали довольно мало. Сказывалась советская закрытость и подозрительность по отношению к иностранцам. Гитлер и другие руководители Рейха вынуждены были черпать информацию из достаточно скурых сообщений германского посольства в Москве, советских газет и сообщений посетивших Советский Союз немцев. Так, в 1937 году в «Бергхофе» Гитлер попросил своего адъютанта Белова рассказать ему о России, где тот тайно обучался в авиашколе в Липецке в рамках секретного советско-германского военного сотрудничества. Белов вспоминал: «Со вре-

мени моего пребывания там прошло восемь лет. С тех пор наверняка и в России тоже произошло многое. Но одно представлялось мне достойным упоминания: мы были удивлены сноровкой русских механиков, работавших в мастерских и обслуживавших наши самолеты. На вопрос, что думаю я об этой стране и ее людях, я обрисовал Гитлеру две вещи, которые тогда произвели на меня большое впечатление. Поблизости от Липецка находилась лишь частично огороженная местность для учебного бомбометания, куда почти не допускались жители окрестных деревень. Они пытались пасти там свой скот. Однажды сдетонировала неразорвавшаяся бомба, убившая несколько детей, а также лошадей. Русские предъявили счет на возмещение стоимости лошадей, а о детях никто и слова не промолвил. Людей хватает! Лошади ценились куда выше. Затем я рассказал Гитлеру о раскисавших после дождя дорогах. Летом из-за ливней они становились непроезжими для автомашин. На нашей тогдашней учебной территории, где не все улицы были заасфальтированы, всякое движение транспорта прекращалось. К счастью, летом дороги быстро просыхали, но осенью, уже в сентябре, я сам убедился в том, это была сплошная глина». Таким образом, Гитлер получил представление, что Россия — отнюдь не Европа и рассчитывать там на хорошие дороги в распутицу не приходится. А еще фюрер должен был понять, что в СССР человеческая жизнь ничего не стоит и в случае войны русские будут спокойно заваливать немцев трупами своих солдат. Поскольку народ, все равно как скот, тоже быдло, и безропотно дает отправить себя на заклание. Такие люди, ни во что не ставящие собственные жизни, представляли собой грозное оружие сами по себе, особенно если их были десятки миллионов. У вермахта могло не хватить сол-

дат, пушек, танков и самолетов, особенно при войне на два фронта, чтобы истребить их всех. И можно было не сомневаться, что Сталин будет драться до последнего солдата, что не вызовет волнений среди основной массы народа, раз даже гибель своих детей русские крестьяне принимают достаточно спокойно. Но фюрер все равно верил, что Россию можно победить в течение одной кампании.

В нашем сознании благодаря пропаганде военных, да и довоенных лет утвердилась мысль, что больше всего на свете Гитлер ненавидел первую в мире страну социализма, социалистический строй и товарища Сталина. Между тем отношение фюрера к Сталину и Советскому Союзу было отнюдь не однозначным. Он признавал определенные достижения советской системы и некоторые выдающиеся качества советского вождя, причем в тот период, когда дела у немцев на фронте шли еще совсем неплохо.

Определенное сочувствие Гитлер выказывал к советскому государственному строю, о чем он прямо говорил в своей ставке 11 апреля 1942 года: «Идея человеческой солидарности была привита людям с помощью силы, и поддерживать ее можно лишь с помощью того же самого средства. Поэтому несправедливо осуждать Карла Великого за то, что он построил всю государственную организацию на основе принуждения, исходя из по-своему понятых интересов германского народа. Равным образом и Сталин в последние несколько лет применил к русскому народу меры, аналогичные тем, которыми пользовался Карл Великий, поскольку он также принял во внимание очень низкий культурный уровень русских. Он сознавал императивную необходимость объединения русского народа в рамках жесткой политической организации (такую организацию Гитлер считал идеалом и для гер-

манского народа. — Б. С.). Если бы он не сделал этого, то не смог бы, возможно, гарантировать выживание неоднородных масс, составивших СССР, не смог бы распространить на них такие блага цивилизации, вроде медицинской помощи, ценность которых невозможно измерить деньгами.

Чтобы сохранить наше господство над населением завоеванных на Востоке территорий, мы должны, насколько это в наших возможностях, пойти навстречу любым требованиям индивидуальной свободы, но лишить жителей государственной организации и сохранить население на возможно более низком культурном уровне.

При этом нашим руководящим принципом должно быть следующее: эти люди имеют единственное оправдание своего существования — быть использованными нами в экономическом отношении. Мы должны сосредоточиться на извлечении из этих территорий всего того, что из них можно извлечь».

Фюрер порой сильно идеализировал стахановскую систему, полагаясь, очевидно, главным образом на сообщения советских газет. Например, 22 июля 1942 года он утверждал в своей винницкой ставке «Вервольф»: «...Советский рабочий научен посредством стахановской системы работать усерднее и дольше, чем его товарищи в Германии или в любой другой капиталистической стране... Было бы глупостью пренебрежительно относиться к стахановской системе. Вооружение и снаряжение русских армий является лучшим доказательством ее эффективности в использовании промышленной рабочей силы. Сталин также заслуживает нашего безусловного уважения. По-своему он чертовски хороший парень! Он знает свои образцы, Чингисхана и других, очень хорошо, а масштаб его индустриального планирования пре-

взойден лишь нашим Четырехлетним планом. И нет сомнений, что он очень решительно выступает за то, чтобы в СССР не было безработных, обычного явления в капиталистических государствах, вроде Соединенных Штатов Америки...» А пятью днями раньше, 17 июля, фюрер с похвалой отозвался об организации медицины в Советском Союзе: «Мы не смогли бы сделать ничего более умного, чем перенять советскую систему всеобщего огосударствления. Например, в СССР огосударствлено врачебное сословие... Больные ждут приема государственными врачами 8—12 часов... Жизненный уровень врачей, если сопоставить его со стоимостью одного костюма, мизерен; ведь они зарабатывали 550—700 рублей в месяц».

Но наряду с восхищением отдельными сталинскими достижениями Гитлер в первую очередь рассматривал Сталина как одного из самых серьезных своих противников. 22 августа 1942 года фюрер прямо высказал опасение, что, «если дать ему время, Сталин сделает из России сверхиндустриального монстра, который будет полностью противоречить интересам масс, но существование которого будет оправдываться демагогической фразеологией. В действительности этот монстр будет предназначен для подъема уровня жизни лишь узкого слоя его собственных приближенных. Его конечной целью было бы поглощение всей Европы в большевистском кольце. Он — карлик, но карлик, стоящий на большой скале. Он использовал евреев для ликвидации интеллигенции Украины, а затем отправил евреев по железной дороге в Сибирь (в действительности в 1937—1938 годах многие евреи из числа партийных работников и чекистов были просто расстреляны в ходе «большой чистки»; отправка же нескольких тысяч еврейских колонистов-добровольцев в Биробиджан, на что, ве-

роятно, и намекал Гитлер, было отнюдь не депортацией, а пропагандистской акцией по созданию альтернативы «еврейскому очагу» в Палестине, за который боролись сионисты. — Б. С.). Я думаю, вполне возможно, он сбежит в Китай, если не увидит другого пути для бегства». Гитлер не сомневался, что на пути к доминированию в Европе ему придется столкнуться с Россией.

Также и бывший министр вооружений Альберт Шпеер свидетельствует, что Гитлер сочувственно отзывался о Сталине: «Он говорил, бывало, то ли в шутку, то ли всерьез, что правильной всего было бы после победы над Россией доверить управление страной, разумеется, под германским верховенством, Сталину, так как он лучше кого бы то ни было знает, как надо обращаться с русскими. Вообще он, пожалуй, видел в Сталине своего коллегу».

Пока Гитлер расправлялся с Польшей и Францией, он делал реверансы в адрес Сталина. Так, выступая 1 сентября 1939 года в рейхстаге, фюрер утверждал: «Я особенно счастлив, что могу сообщить вам одну вещь. Вы знаете, что у России и Германии различные государственные доктрины. Этот вопрос единственный, который было необходимо прояснить. Германия не собирается экспортировать свою доктрину. Учитывая тот факт, что и у Советской России нет никаких намерений экспортировать свою доктрину в Германию, я более не вижу ни одной причины для противостояния между нами. Это мнение разделяют обе наши стороны. Любое противостояние между нашими народами было бы выгодно другим. Поэтому мы решили заключить договор, который навсегда устраняет возможность какого-либо конфликта между нами. Это налагает на нас обязательство советоваться друг с другом при решении некоторых европейских

вопросов. Появилась возможность для экономического сотрудничества, и, прежде всего, есть уверенность, что оба государства не будут растрачивать силы в борьбе друг с другом. Любая попытка Запада помешать нам потерпит неудачу.

В то же время я хочу заявить, что это политическое решение имеет огромное значение для будущего, это решение — окончательное. Россия и Германия боролись друг против друга в Первую мировую войну. Такого не случится снова. В Москве этому договору рады так же, как и вы рады ему. Подтверждение этому — речь русского комиссара иностранных дел Молотова».

А в речи в рейхстаге 6 октября 1939 года по случаю окончания войны с Польшей фюрер заявил: «Уже в моей данцигской речи 19 сентября 1939 года я заявил, что Россия организована на принципах, во многом отличающихся от наших. Однако с тех пор, как выяснилось, что Сталин не видит в этих русско-советских принципах никакой причины, мешающей поддерживать дружественные отношения с государствами другого мировоззрения, у национал-социалистической Германии тоже не было больше побуждения применять здесь иной масштаб.

Советская Россия — это Советская Россия, а национал-социалистическая Германия — это национал-социалистическая Германия. Но несомненно одно: с того момента, как оба государства начали взаимно уважать их отличные друг от друга режимы и принципы, отпала всякая причина для каких-либо взаимных враждебных отношений».

При всем сходстве между советским и национал-социалистическим государством было одно принципиальное различие. В СССР упор делался на классовый, а в Третьем Рейхе — на расовый принцип

деления общества. В многонациональном Советском Союзе стабильной могла быть только та диктатура, которая делала упор не на национально-расовый, а на классовый признак разделения общества. Гитлер сделал «врагами народа» и изгоями прежде всего евреев и иных эмигрантов. Большинство же тех, кто поддерживал социал-демократов и коммунистов, либо были вынуждены покинуть Германию, либо были «перевоспитаны» пропагандой и репрессивными органами. Поэтому число казненных антифашистов исчислялось десятками тысяч, а не миллионами, как это было в СССР в отношении тех, кого сочли противниками коммунизма или противниками сталинской линии в партии, причем массовый террор начался еще в 1918 году, задолго до прихода Сталина к власти. В Третьем Рейхе террор был направлен прежде всего вовне. Внутри страны число казненных антифашистов исчислялось десятками тысяч. В то же время евреев, цыган, поляков, русских, украинцев, белорусов были уничтожены миллионы. В СССР, наоборот, миллионы людей стали жертвами террора и голода в Гражданскую войну, в коллективизацию, а также во время Великой чистки 1937—1938 годов. В то же время число жертв в других странах в результате действий советских карательных органов было сравнительно невелико. В 1940 году в Катыни и в других местах было расстреляно чуть более 20 тысяч поляков — военных и гражданских пленных. Репрессии происходили также на территориях стран, насильственно включенных в состав СССР, — в государствах Прибалтики, на Западной Украине, в Западной Белоруссии, Бессарабии. Но это было уже как бы свое, родное, и Сталиным и другими советскими руководителями жители этих территорий уже не рассматривались в качестве

иностранцев. Кроме того, некоторое число немцев — гражданских лиц были расстреляны по обвинению в преступлениях, совершенных в период Третьего Рейха, а также в участии в «Вервольфе», пособничестве «вервольфовцам» или в качестве заложников за акции, совершенные против военнослужащих Красной Армии. Однако здесь масштаб репрессий был не тот, что в самом Советском Союзе. Стоит отметить также, что десятки тысяч немцев пали жертвами преступлений, совершенных бойцами Красной Армии после ее вступления на территорию Германии. Их точное число не подсчитано и вряд ли когда-нибудь будет подсчитано. Кроме того, репрессии практиковали и коммунистические режимы в странах-сателлитах. В Восточной Европе жертвы этих репрессий исчислялись тысячами человек и явно были несопоставимы с нацистским террором в оккупированных странах. Судя по всему, более значительным был размах послереволюционного террора в коммунистическом Китае, но здесь точные данные отсутствуют.

Стоит отметить, что в последние месяцы войны германское командование пыталось заставить войска сражаться столь же суровыми мерами, как и командование Красной Армии. Особенно неблагоприятной была ситуация на Западном фронте, где немецкие солдаты, зная, что Англия и США соблюдают Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными, сдавались в плен гораздо охотнее, чем на Востоке. В конце 1944 года фельдмаршал Кейтель издал приказ, где потребовал: «Немедленно открывать огонь из всех видов оружия по каждому солдату, явно переходящему на сторону противника. При возникновении подозрения о том, что солдат перебежал к противнику, необходимо тотчас же на месте организовать судебное разбирательство. Следствие прово-

дить немедленно и добросовестно. Если в результате расследования будет установлен факт перехода к противнику, то судебное разбирательство следует закончить приговором к смертной казни и приговор утвердить. Семья приговоренных к смерти перебежчиков отвечает за преступления осужденного имуществом, свободой или жизнью. Мэру ответственности в каждом отдельном случае определяет рейхсфюрер СС и начальник германской полиции... При отсутствии неопровержимых фактов перехода на сторону противника следствие надлежит закончить соответствующим актом... О смертном приговоре или наказании семьи в каждом отдельном случае необходимо немедленно поставить в известность части дивизии или соответствующего ей соединения». Также и германские заградотряды должны были всеми средствами посылать солдат обратно в бой, не останавливаясь перед расстрелами, но при этом непременно требовалось созвать предварительно военный суд. Здесь было принципиальное различие с советской практикой бессудных расстрелов бойцов и командиров. Для германских солдат и офицеров могли иметь авторитет только репрессии, освященные судебным приговором. Для красноармейцев же, привыкших жить в постоянном страхе, военно-политическое руководство считало наиболее действенным средством заставить сражаться массовые бессудные казни на месте и правых, и виноватых. Подобным же образом после объявления осадного положения в Москве в октябре 1941 года грабителей предписывалось расстреливать на месте. В Берлине весной 45-го с приближением фронта прошли погромы пекарен, но их зачинщиков казнили только по приговору суда и с обязательным утверждением приговора гауляйтером Берлина Геббельсом.

В последние месяцы войны немцы ввели ускóренные военно-полевые суды, вследствие развития массового дезертирства, но это уже никак не могло повлиять на ход и исход войны. 14 марта 1945 года Йозеф Геббельс записал в дневнике: «Фюрер говорил мне, что теперь под руководством генерала Хюбнера начали действовать летучие военно-полевые суды. Первым был приговорен к смерти и двумя часами позже расстрелян генерал, повинный в том, что он взорвал Ремагенский мост. По крайней мере хоть какой-то проблеск. Только такими мерами еще можно спасти Рейх. Расстрелян и генерал-полковник Фромм (участник заговора против Гитлера, после неудачи покушения на фюрера арестовавший и расстрелявший Штауффенберга и некоторых других заговорщиков, что, однако, не спасло его самого от расстрела. — Б. С.). Я настойчиво прошу фюрера и дальше действовать в том же духе, чтобы заставить наконец наших высших офицеров подчиняться приказам. Один генерал, который не захотел заставить принять решительные меры одного национал-социалистического руководящего офицера (после 20 июля 1944 года такие офицеры стали своего рода комиссарами при генералах сухопутных войск. — Б. С.), тоже будет предан теперь суду военного трибунала и, вероятно, приговорен к смерти».

Еще одно существенное различие между двумя режимами заключалось в том, что сталинский режим был порождением радикальной революции 1917 года, проходившей под лозунгами тотального разрушения старого мира. Поэтому Сталин не только полностью уничтожил частную собственность, но и завершил разрушение старой русской армии, очень основательно осуществленное Лениным и Троцким еще в Гражданскую войну. Это предопределило сла-

бость Красной Армии, лишенной опытных командиров. Многие же из новых выдвиженцев, имевших, по крайней мере, опыт Гражданской войны, не пережили чистки 1937—1938 годов. В преддверии большой и, как надеялся Сталин, недолгой и победоносной для Советского Союза войны он уничтожил тех военачальников, которых подозревал в бонапартистских намерениях после победы. Гитлеровский режим, напротив, был порождением своего рода консервативной национал-социалистической революции, направленной на уничтожение результатов антимонархической революции 1918 года и институтов Веймарской республики, на восстановление твердой власти, величия Германии, аристократии духа. Поэтому Гитлер не тронул не только частную собственность, но и вооруженные силы, благо, что он пришел к власти без гражданской войны, и никакого раскола в армии не существовало. Армия нужна была Гитлеру как совершенный инструмент агрессии, и масштабных чисток он там вплоть до июля 1944 года не производил. Но даже после покушения Штауффенберга размах репрессий был не сравним с советским, и подавляющее большинство генералов и фельдмаршалов сохранили не только жизни, но и звания и посты.

Миф об «умиротворении»

Советская пропаганда десятилетиями поддерживала миф, будто Англия и Франция шли на уступки Гитлеру, позволив ему сначала ремилитаризовать Рейнскую область и нарушить ограничения Версальского мирного договора относительно германских вооружений, а затем захватить Австрию и Су-

детскую область Чехословакии только для того, чтобы направить агрессивные устремления фюрера на Восток и его руками расправиться с советским большевизмом. Правда, тут сразу же возникает один наивный вопрос. Может, конечно, Даладьё и Чемберлен и не были семи пядей во лбу, но и полными идиотами их считать вроде бы нет оснований. Представим на минутку, что именно таков был замысел британского и французского премьеров — чтобы Гитлер напал на Советский Союз. Для этого, кстати, надо было бы уступить ему еще Польшу и Прибалтику — чтобы хотя бы был плацдарм для нападения на СССР, иначе получится война слона и кита — воюющие противники нигде не смогли бы встретиться. Но с Польшей вдруг происходит загвоздка. После того как Гитлер добровольно уступленными в Мюнхене Судетами не удовлетворился, оккупировав всю Чехословакию, Англия и Франция дали гарантии Польше, а затем не стали давить на Варшаву, чтобы та уступила в вопросе о Данциге. Не увидели Даладьё и Чемберлен, эта сладкая парочка, своего счастья. Но представим себе, что воображаемый сценарий все-таки реализовался бы. Польшу, а заодно и Прибалтику отдали бы на растерзание Гитлеру, а потом он бы обрушился на Советский Союз при благожелательном нейтралитете Англии и Франции. И, натурально, разгромил бы Сталина со всей Красной Армией в течение всего одной кампании, как и мечтал. Ну а дальше-то что? Англия и Франция остались бы с колоссально усилившимся Рейхом один на один, без союзников, без каких-либо гарантий последующей поддержки со стороны США. Неужели Даладьё и Чемберлен рассчитывали на такой исход? Вряд ли. Но тогда на какой же другой расклад могли рассчитывать недалёковидные политики? Тут ведь даже теоретически ничего путного вообразить себе нельзя.

На самом деле определенный резон в действиях английской и французской дипломатии был. Страны Антанты, с трудом оправлявшиеся от мирового экономического кризиса, не склонны были оказывать военное или экономическое давление на Гитлера, чтобы заставить его соблюдать статьи Версальского договора. Опасаясь новой войны, они более или менее спокойно проглотили, в рамках политики «умиротворения», и открытые акты агрессии — аншлюс Австрии и оккупацию Судетской области, которую Англия и Франция преподнесли Гитлеру на блюде с голубой каемочкой в результате Мюнхенского соглашения. Западные политики готовы были закрыть глаза на отнюдь не цивилизованные методы обращения с нормами международного права, пока дело касалось присоединения к Рейху территорий с резко преобладающим немецким населением. Они полагали, что утверждения насчет мировой миссии германской расы, о достижении господства в Европе, содержащиеся в «Моей борьбе», в речах Гитлера, Геринга и других вождей Третьего Рейха, — не более чем пропагандистская риторика. Тем более что в своих выступлениях после прихода к власти фюрер не раз и не два говорил о стремлении Германии к миру. Например, 17 мая 1933 года, выступая в рейхстаге, он заявил: «В течение многих столетий европейские государства и их границы строились на воззрениях, берущих свое начало исключительно в государственном мышлении. Благодаря победоносному шествию национальной идеи и национальных принципов на протяжении прошлого века и из-за отсутствия учета этих новых идей и идеалов государствами, создававшимися на основе других предпосылок, были посеяны семена многочисленных конфликтов. По окончании большой войны перед действительно мирной конфе-

ренцией не может стоять более высоких задач, чем новое деление и новый порядок европейских государств, основанные на ясном понимании этого факта... Ни одна новая война в Европе не смогла предложить ничего лучше по сравнению с нынешней неудовлетворительной ситуацией. Напротив, применение силы в любой форме в Европе ни с политической, ни с экономической точки зрения не могло бы создать более благоприятной ситуации, чем та, что имеется сегодня. Даже при полном успехе нового силового решения конечным итогом стало бы углубление уже нарушенного равновесия в Европе, что тем самым тайло бы в себе... зародыш новых противоречий в будущем...» Звучало вроде бы логично и убедительно.

Даладье и Чемберлен рассчитывали, что аппетит Гитлера удовлетворится Австрией и Судетами, объединив в Рейхе подавляющее большинство живших прежде вне Рейха немцев и почти все территории, где немецкое население абсолютно преобладало над всеми другими этническими группами. То, что подавляющее большинство жителей Австрии и Судет выступали за присоединение к Рейху, было достаточно хорошо известно, и это обстоятельство во многом предопределило английскую и французскую политику в данном вопросе.

Между тем в узком кругу посвященных фюрер не оставлял сомнений, что слова о мире призваны лишь замаскировать подготовку к войне, чтобы дать возможность Германии быстро создать мощные вооруженные силы, прежде чем творцы Версальской системы почувствуют опасность. Гитлер еще 3 февраля 1933 года предупреждал своих генералов: «Самое опасное время — это время создания нами мощной армии. Тогда станет ясно, имеет ли Франция настоя-

щих государственных мужей. Если имеет, то она не даст нам для этого необходимого времени, а нападет на нас (вероятно, вместе со своими восточными приспешниками)». Англия и Франция позволили вермахту спокойно пройти этот угрожаемый период, длившийся до 1938 года. Тогда Гитлер почувствовал себя достаточно сильным, чтобы рискнуть на угрозу силой.

Вопреки распространенному мнению, подавляющее большинство австрийцев приветствовало присоединение своей страны к Германии. И плебисцит, проведенный 10 апреля 1938 года в условиях германской оккупации, все же отражал чаяния большинства австрийцев. Об этом свидетельствует адъютант Гитлера фон Белов: «После короткого разбора обстановки фюрер решил немедленно ехать дальше, в Линц. Никаких политических и военных осложнений он не ждал.

Около 15 часов мы выехали к р. Инн в районе Браунау, на границу между Австрией и Германией. На мосту возникла пробка из военных автомашин и жителей приграничных населенных пунктов. Машина Гитлера с трудом въехала на австрийскую территорию и в город, где он родился. Ликование было неопишваемым. Звонили колокола, 120-километровая поездка от Браунау до Линца была подобна триумфальной. Мы продвигались куда медленнее, чем ожидали. Все шоссе были забиты колоннами вступающих войск, а в городах и деревнях мы едва прокладывали себе путь среди ликующих толп.

С наступлением темноты мы наконец прибыли в Линц. Люди уже часами ожидали на улицах появления Гитлера. На Рыночной площади было черно от людей. О продолжении поездки нечего было и думать,

фюреру пришлось выйти из машины и пешком проделать путь до ратуши. Там его уже ожидал Зейсс-Инкварт. Они вместе поднялись на балкон. Я стал свидетелем исторического момента, и он произвел на меня глубокое и незабываемое впечатление. Звучал колокольный звон, раздавались нескончаемые выкрики «Хайль!». Зейсс-Инкварту с трудом удалось добиться тишины и произнести слова своего приветствия. В кратком обращении Гитлера к собравшимся чувствовалась его глубокая взволнованность.

Сопровождаемые бесконечными возгласами «Один народ, один Рейх, один фюрер!», мы поехали в отель «Вайнцингер». Суматоха в этом отеле, пока все наконец не разобрались, была неопишуемой. Гостиничная кухня с трудом выдерживала такой натиск. Позвонить по телефону было совершенно невозможно. Имелась только правительственная связь для главы германского государства...

В понедельник, 14 марта, мы выехали в Вену. Ликование и восторг снова сопровождали нас на почти 200-километровом пути. Только во второй половине дня мы достигли бывшей столицы Австрии. В пригородах на нашу колонну особенного внимания еще не обратили. Но чем ближе к центру, тем больше людей стояло вплотную к кромке тротуара, а на фасадах домов можно было увидеть множество флагов со свастикой. Когда мы доехали до «Ринга», ликование приняло формы, близкие к экстазу. Гитлер остановился в отеле «Империаль», в котором еще чувствовалась атмосфера «k. und k.» — «кайзеровско-королевских» времен (времен Австро-Венгрии. — Б. С.). Перед отелем собралась огромная толпа, непрерывно выкрикивавшая: «Хотим видеть нашего фюрера!» К вечеру он несколько раз показывался на балконе.

Во вторник на «Площади героев» перед венским Хофбургом был организован большой митинг. Гитлер произнес с балкона большую речь. Он закончил ее ставшей известной фразой: «Как фюрер германской нации и рейхсканцлер я перед лицом истории заявляю о вступлении моей родины в Германский рейх!» Тем временем напротив памятника погибшим в Первую мировую войну, что установлен на «Ринге», соорудили небольшую трибуну, с которой фюрер во второй половине дня принял парад германских войск, уже вступивших в Вену. За немецкими солдатами промаршировал встреченный населением с особенным восторгом полк австрийской армии. В заключение прошел эсэсовский лейб-штандарт Гитлера. А в небе в это время в парадном строю проносились самолеты люфтваффе».

Отмечу, что не только эти демонстрации, которые не могли быть целиком инспирированы (слишком мало времени прошло с начала оккупации), доказывают настроения австрийцев. Во время Второй мировой войны все австрийские дивизии сражались ничуть не хуже немецких вплоть до самых последних дней. Лишь в апреле 45-го, когда все уже было предрешиено, часть австрийских офицеров в Вене подняла восстание и помогла Красной Армии овладеть городом. Более того, в СС, особенно в охране концлагерей, была повышенная доля австрийцев. И к евреям в Вене и в Австрии в целом отношение было хуже, чем в собственно Германии. Вскоре после аншлюса в Вене местные жители выгнали на улицу евреев и заставили их с мылом мыть мостовую. В Берлине подобного не случилось. Недаром Гитлер антисемитские убеждения усвоил в Вене в начале XX века, где были особенно популярны антисемитские ораторы и брошюры.

Западные державы не смогли жестко отреагировать на аншлюс не только из-за политики «умиротворения», близорукой и глупой, но отнюдь не направленной против СССР. Сыграли свою роль как быстрота операции по оккупации Австрии, так и отсутствие сколько-нибудь активного сопротивления аншлюсу, когда никто не рискнул призвать австрийцев к борьбе (да и не ясно, нашел бы отклик такой призыв).

Такие и в Судетах практически все немецкое население, резко преобладавшее в этой чешской с 1918 г. области, приветствовало ее присоединение к Рейху. Солдаты и офицеры вермахта даже в шутку прозвали операцию по занятию Судетской области «цветочной войной», так как единственной угрозой для германских колонн были букеты цветов, которыми их закидывали местные жители. И в данном случае у Англии и Франции был не слишком широкий выбор. Если бы кризис не был разрешен так быстро, уже начавшиеся выступления судетских немцев могли бы при поддержке Гитлера легко перерасти в полномасштабную войну. Чехословацкое государство в 1938 году было отнюдь не таким монолитным, как это порой представляют сегодня, что, между прочим, доказывается и его быстрым распадом в конце XX века. Не меньшую угрозу его целостности, чем ирредентизм судетских немцев, представляло и стремление словаков к созданию собственного государства. В случае развития конфликта в Судетах Чехословакии грозил распад, и западным союзникам Праги трудно было бы рассчитывать на серьезное содействие с ее стороны в будущей войне. А в случае гражданской войны в Чехословакии, Англии и Франции пришлось бы воевать с Германией, если бы они рискнули прийти на помощь чехам. А воевать в Лондоне и в Париже не хотели. Не было уверенности и в том, что Советский Союз всерьь-

ез будет воевать с Германией. Да и вообще Даладье и Чемберлен очень не хотели связываться со Сталиным, который, очевидно, если бы и выступил против Гитлера, то потребовал бы, как минимум, отдать Чехословакию в его сферу влияния. Это все равно означало бы крах Версальской системы, возможность прямого противостояния Англии и Франции с СССР или, что еще хуже, с военной коалицией СССР и Германии. И британский и французский премьеры предпочли сделать последнюю попытку спасти эту систему, пойдя на уступки Гитлеру в Мюнхене и убедив чехословацкое правительство принять соглашение об уступке Германии Судет.

Не исключено, что Лондон и Париж побудили бы и Польшу пойти на уступки в вопросе о Данциге и «коридоре» — последней территории с преобладающим немецким населением, остававшимся вне Рейха, если бы этому требованию Гитлера не предшествовала германская оккупация Чехословакии в марте 1939 года. По поводу этой акции Гитлер не раз говорил, что только действуя быстро, можно достигнуть своих целей без войны. Чемберлен и Даладье слишком поздно поняли, что программа достижения мирового господства, заявленная в «Моей борьбе», — это не пропагандистский продукт для внутреннего потребления, а реальная программа действий Гитлера и его партии. Пример Чехословакии показал, что собственно территориями с немецким населением аппетит Гитлера ни в коем случае не ограничится. Поэтому Польши были даны гарантии территориальной целостности, что очень скоро вовлекло Англию и Францию в войну с Германией. Но оказать никакой реальной помощи Польше западные армии так и не сумели. Во Франции слишком распространены были настроения: «Не будем умирать за Дан-

циг!», а Англия в тот момент не располагала большой сухопутной армией.

Руководители Германии торжествовали, что им так здорово удалось провести Даладье с Чемберленом. 26 сентября 1938 года в речи в берлинском Дворце спорта Гитлер утверждал, что требование о присоединении к Германии Судетской области — «это мое последнее территориальное требование». А уже полтора месяца спустя, 10 ноября 1938 года, на встрече с главными редакторами германских газет и журналов фюрер признался: «Обстоятельства заставляли меня в течение десяти лет говорить практически только о мире. Лишь постоянно подчеркивая стремление Германии к миру, я мог шаг за шагом завоевывать свободу для немецкого народа и давать ему в руки оружие, которое служило необходимой предпосылкой для следующего шага. Разумеется, такая пропаганда мира имеет и свои негативные стороны, так как она легко может привести к тому, что в умах многих людей закрепится представление, будто сегодняшний режим... полон решимости сохранить мир при любых обстоятельствах... То, что я в течение многих лет говорил о мире, носило вынужденный характер».

Геббельс же 5 апреля 1940 года с гордостью говорил: «До сих пор нам удавалось держать противника в неведении о подлинных планах Германии, точно так же, как наши внутривнутриполитические противники до 1932 года не замечали, куда мы двинемся, и не понимали, что обещание действовать законными способами было всего лишь уловкой. Мы хотели прийти к власти законным путем, но мы не собирались пользоваться властью в соответствии с существовавшими в тот момент законами... В 1933 году французский премьер должен был бы сказать (я на его месте ска-

зал бы это): «Рейхсканцлером стал человек, написавший книгу «Моя борьба». Мы не можем терпеть по соседству такого человека. Или он уйдет, или мы пустим в ход армию». Это было бы совершенно логично. Нам дали время, чтобы пройти через эту рискованную зону, и мы смогли обойти все опасные рифы. А когда мы были готовы и хорошо вооружены, они начали войну». Здесь министр пропаганды, разумеется, передеднул, Вторую мировую войну начал Гитлер. Причем одной политики «умиротворения» для этого оказалось мало. Потребовалось еще соглашение со Сталиным о разделе Польши «по-братски», причем для советского вождя Мюнхенское соглашение послужило пропагандистским оправданием сближения с Гитлером.

Пакт дьявола с сатаной

Главным творением Гитлера и созданного им Третьего Рейха стала Вторая мировая война. Николаус фон Белов свидетельствует, что Гитлер «часто говорил: положение Германии будет с 1943 года до 1945 года наитяжелейшим, а потому ему необходимо осуществить свои политические планы до указанного срока. Впервые фюрер упомянул об этом 5 ноября 1937 года». А для того, чтобы развязать Вторую мировую войну, надо было сделать так, чтобы, по крайней мере, в начальный период избежать ведения боевых действий на два фронта. Поскольку Гитлер уже подмял под себя одну из краеугольных стран Версальской системы — Чехословакию, соглашение с западными державами, оказавшими дипломатическую поддержку Польше во время следующего кризиса — с Англией и Францией, — оказалось невозможно. Хотя бы потому, что если с ними и можно было бы, чисто

теоретически, договориться, то только на почве совместного выступления против СССР. Но Англия и Франция, испытывавшие все возрастающие проблемы со своими колониальными империями, не были заинтересованы ни в завоевании советских территорий, ни в колоссальном расширении Германии на Восток, о котором Гитлер говорил в «Моей борьбе». Это слишком опасно нарушило бы европейское равновесие. Африканские же колонии, бывшие до 1918 года владением Германии, а потом переданные под английское и французское управление, фюрер отнюдь не рассматривал в качестве лакомого куса, видя в предложениях об их возможной уступке (впрочем, никогда не делавшихся на правительственном уровне) скорее намерение избавиться от обузы. Все равно из-за климата африканские колонии не могли стать местами массовой немецкой иммиграции. И Гитлер решил договориться со Сталиным. Благо, почва для сговора имелась: оба диктатора считали Польшу своим заклятым врагом. А затем должен был наступить черед временного друга.

16 марта 1938 года, сразу же после оккупации Чехословакии, во время железнодорожной поездки по Моравии Гитлер сказал своему адъютанту фон Белову, что «заклятым врагом Польши является не Германия, а Россия. И нам тоже однажды будет грозить огромная опасность с ее стороны. Однако почему послезавтрашний враг не может стать завтрашним другом? И Гитлер продолжил свою мысль: этот вопрос следует продумать весьма основательно. Главная задача — найти сейчас новый путь для новых переговоров с Польшей. Сначала он желает добиться возвращения Мемельской области, а затем на продолжительное время удалиться на Оберзальцберг. Там он сможет спокойно поразмыслить».

На совещании с руководством вермахта 23 мая 1939 года Гитлер изложил программу дальнейших завоеваний. Он прямо заявил: «Национальное объединение немцев, за немногими исключениями, осуществлено. Дальнейшие успехи без кровопролития достигнуты быть не могут...

Польша всегда будет стоять на стороне наших врагов. Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда существовало намерение использовать против нас любую возможность.

Данциг — не тот объект, из-за которого все затеяно. Речь для нас идет о расширении жизненного пространства на Востоке и о продовольственном обеспечении, а также о решении проблемы Прибалтики. Обеспечение продовольствием возможно только отсюда, где плотность населения мала. Наряду с повышением плодородия почв это обеспечение значительно усилится и за счет немецкого основательного хозяйствования. В Европе других возможностей не видно.

Колонии не стоит принимать в дар. Это — не решение продовольственной проблемы. Их легко отрезать от Рейха посредством блокады.

Если судьба толкает нас на столкновение с Западом, хорошо было бы обладать большим жизненным пространством на Востоке. Во время войны мы можем рассчитывать на рекордные урожаи еще меньше, чем в мирное время...»

На том же совещании фюрер утверждал: «Экономические отношения с Россией возможны, только если улучшатся отношения политические... Не исключено, что Россия покажет себя не заинтересованной в разгроме Польши. Если Россия и впредь будет действовать против нас, наши отношения с Японией могут стать более тесными».

Обстановку, которая царила в Германии летом 39-го, передает адъютант Гитлера фон Белов: «Сельское хозяйство приступило к сбору урожая и, как и промышленность, нуждалось в каждом человеке, чтобы выдержать сроки поставок готовой продукции по возросшим заказам. В связи с этим не удалось избежать в деревне разговоров о предстоящих военных событиях. Нетрудно было разгадать и цель этих мер после ранее предпринятых акций. Гитлер хочет вернуть Данциг и «польский коридор» в собственность Рейха! Оставалось только узнать, когда и как. Настроение в народе пока царило оптимистическое. Войну считали исключенной: «Уж Адольф-то сумеет ее не допустить!».

Как вспоминал бывший германский министр вооружений Альберт Шпеер, в начале августа 1939 года, «как бы беседуя сам с собой, Гитлер неожиданно сказал: «Возможно, что скоро произойдут великие события! Даже если мне понадобится для этого послать туда самого Геринга... В случае необходимости я и сам поеду. Я ставлю все на эту карту»... Через три недели, 21 августа 1939 года, мы услышали, что наш министр иностранных дел будет вести переговоры в Москве. Во время ужина Гитлеру подали записку. Он быстро пробежал ее глазами, лицо его побагровело. Устремив на какое-то мгновение глаза в пространство, он стукнул рукой по столу с такой силой, что зазвенели бокалы. «Теперь они у меня в руках! Теперь они мои!» — вскричал Гитлер срывающимся голосом... Когда с едой было покончено, Гитлер пригласил гостей к себе. «Мы заключаем с Россией договор о ненападении. Вот читайте! Это телеграмма от Сталина». В телеграмме, адресованной на имя рейхсканцлера Гитлера, сообщалось о достигнутом соглашении».

22 августа 1939 года, выступая перед высшими чинами вермахта, Гитлер, не сомневаясь, что со Сталиным удастся договориться, утверждал: «Мне было ясно, что раньше или позже дело должно дойти до столкновения с Польшей. Я принял решение еще весной, но думал, что сначала через несколько лет выступлю против Запада, а уже потом против Востока. Однако последовательность во времени не поддается определению заранее. К тому же нельзя закрывать глаза на угрожающее положение. Первоначально я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы потом начать борьбу против Запада. Однако этот импонирующий мне план оказался неосуществимым, поскольку изменились существенные обстоятельства. Мне стало ясно: при столкновении с Западом Польша нападет на нас... в неблагоприятный для нас момент...

Наше экономическое положение таково, что мы сможем еще продержаться всего несколько лет. Геринг может это подтвердить. Нам не остается ничего, кроме как действовать. Наши противники рискуют многим, а выиграть могут немного...

У Запада есть только две возможности бороться против нас: блокада, но она будет неэффективна ввиду нашей автаркии, а также потому, что мы имеем дополнительные источники сырья и продовольствия на Востоке, и нападение с линии Мажино, которое я считаю неэффективным.

Имелась бы еще возможность нарушения нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. У меня нет никаких сомнений, что все эти страны, а также Скандинавия защищали бы свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция нейтралитета этих стран не нарушат. Значит, фактически Англия Польше помочь не сможет. Остается еще нападение на Италию. Военное вмешательство исключено. На длительную войну никто не рассчитывает. Если бы господин

Браухич сказал мне, что мне потребуется четыре года, чтобы захватить Польшу, я бы ему ответил: так дело не пойдет! Когда кто-то говорит, что Англия хочет продолжительной войны, это бред!

Мы будем сдерживать Запад до тех пор, пока не захватим Польшу. Мы должны сознавать наши огромные производственные возможности. Они гораздо больше, чем в 1914—1918 гг.

Противник все еще надеялся, что после завоевания нами Польши Россия выступит как наш враг. Но противники не учли моей способности принимать нестандартные решения. Наши противники — мелкие черви. Я видел их в Мюнхене...

Англия и Франция приняли на себя обязательство, но ни та, ни другая выполнить его не в состоянии. В Англии никакого фактического вооружения нет, одна пропаганда... Существенного усиления английского флота раньше 1941 или 1942 г. ожидать не приходится...

Во Франции — нехватка людей из-за падения рождаемости. В области вооружения сделано мало. Артиллерия устарела. Франция не хочет влезать в эту авантюру...

Я был убежден, что Россия никогда не пойдет на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши, а потом Сталин знает, что режиму его в случае войны настанет конец независимо от того, выйдут его солдаты из войны победителями или побежденными. Решающее значение имела замена Литвинова. Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение (пакт плюс секретные протоколы. — Б. С.). Четыре дня назад я предпринял особый

шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что она готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в том состоянии, в каком я хотел ее видеть.

Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк.. Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь свинья не подсунула мне свой план посредничества... После того, как я осуществил политические приготовления, путь солдатам открыт...

На первом плане — уничтожение Польши. Цель — устранение живой силы, а не достижение определенной линии. Если разразится война на Западе, уничтожение Польши останется на первом плане. С учетом времени года — быстрое решение.

Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, все равно, достоверен он или нет. У победителя потом не спрашивают, сказал он правду или нет. В начале и в ходе войны важно не право, а победа.

Закреть сердце для жалости. Жестокость. 80 миллионов человек должны получить свое право. Их существование должно быть обеспечено. Прав тот, кто сильнее».

Как свидетельствовал адъютант Гитлера фон Белов, после заключения пакта о ненападении «Риббентроп находился под большим впечатлением от Сталина и переговоров с ним. По его описаниям, Сталин был личностью более крупной, чем «чванливые» британские политики. Германия должна искать вновь стык своей политики там, где нашел его Бисмарк, когда его политика в отношении Англии застряла на мертвой точке. Из сообщений Риббентропа о его переговорах в Кремле мне бросилось в глаза то, что

здесь проявилась совершенно другая сторона его личности. Рассказывал он обо всем непринужденно, свежо, просто и естественно. А стоило ему заговорить об англичанах, как лицо его становилось холодным и непроницаемым». Но позиция Риббентропа, в сущности, ничего не значила. Все решал Гитлер. А он, по словам того же Белова, «эйфорию Риббентропа насчет договора о союзе с русскими не разделял. Этот договор служил фюреру только тактическим маневром в рамках его политики; он надеялся, что и для Сталина — тоже. Если Гитлер в те дни не высказывал этого открыто, то по его репликам все же можно было отчетливо понять: вся его внешняя политика и дальше служит только одной цели — разгромить большевизм. В данном пункте он и тогда, и потом выступал против воззрений Риббентропа». При этом Гитлер «дал приказ о нападении, полностью сознавая возможность войны с Англией».

Как зафиксировал Шпеер в тюремном дневнике 21 декабря 1946 года, «уже перед самым началом войны в конце августа 1939 года, после решения напасть на Польшу, Гитлер сказал ночью на террасе в Оберзальцберге, что Германия вместе с ним рухнет в пропасть, если война не будет выиграна.. Он добавил, что на этот раз будет пролито много крови».

В этой телеграмме, отправленной из Москвы вечером 23 августа, Риббентроп сообщал, что трехчасовая встреча со Сталиным проходила «положительно в нашем духе» и что последним препятствием к достижению соглашения является требование русских признать порты Виндава (Вентспилс) и Либавя (Лиепая) сферой их интересов. Гитлер немедленно дал согласие на требуемую уступку и уже не сомневался, что договор будет подписан.

Ночью 23 августа 1939 года в Москве министры иностранных дел СССР и Германии Вячеслав Молотов и Иоахим фон Риббентроп подписали пакт о ненападении, названный впоследствии их именем. Такие документы, в самом деле, боязно подписывать при свете дня. Ведь пакт и, в первую очередь, приложенный к нему секретный дополнительный протокол открыли дорогу к Второй мировой войне. В секретном протоколе СССР и Германия поделили Восточную Европу на сферы влияния и практически говорили о Польском государстве как уже не существующем. Сталин понимал, что Гитлер уже принял решение напасть на Польшу, и Иосифа Виссарионовича такое развитие событий вполне устраивало. Перед этим он вел переговоры с английской и французской военными делегациями о заключении военной конвенции против Германии, но к их успешному завершению вовсе не стремился. Советская делегация еще до начала переговоров получила инструкцию в нужный момент выдвинуть заведомо неприемлемое для английских и французских партнеров требование допустить советские войска на территорию Польши и Румынии, а затем, в случае отказа, прервать переговоры, возложив ответственность за их срыв на англо-французскую сторону. Переговоры с Парижем и Лондоном нужны были только для того, чтобы у международной общественности создалось впечатление, что договор с Гитлером был со стороны Сталина вынужденным шагом, обусловленным позицией западных союзников.

Позднее Риббентроп вспоминал, что среди советских вождей чувствовал себя так же, как среди старых партийных товарищей. Он искренне надеялся, что из Сталина может выйти долгосрочный германский союзник в борьбе против Англии. Но Гитлер Сталину не

верил, равно как и Сталин Гитлеру. После заключения пакта в узком кругу Иосиф Виссарионович заявил: «Кажется, нам удалось провести их». А Гитлер 28 августа 1939 года, выступая на совещании с депутатами рейхстага и партийными функционерами, утверждал: «Пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола». Под дьяволом подразумевались поляки, англичане и французы, а в долгосрочной перспективе в этой же компании должны были оказаться и партнеры по пакту. Сталин рассчитывал, что вермахт увязнет на линии Мажино, и еще в 1940 году надеялся ударить ему в спину. Но Гитлер Сталина обманул, разобравшись с Францией за 40 дней. А поскольку фюрер не сомневался, что без победы над СССР господство в Европе недостижимо и что Сталин если не в 41-м, то в 42-м или в 43-м нападет на него, он решил ударить первым, как только стало ясно, что Англию быстро сокрушить не удастся. И невольно упредил 22 июня 1941 года всего на несколько недель готовившееся советское нападение.

28 сентября 1939 года в Москве главами внешнеполитических ведомств Молотовым и Риббентропом был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Секретные протоколы предусматривали переход части Польши (район Люблина) в германскую сферу влияния в обмен на переход Литвы в советскую сферу влияния. Риббентроп вспоминал: «Поскольку в вопросе Литвы русские были весьма настойчивы, я позвонил фюреру. Потом он перезвонил мне и заявил, что готов уступить Литву, добавив: «Я хотел бы установить самые тесные отношения». Когда я сообщил эту реплику Сталину, тот лаконично произнес: «Гитлер понимает свой гешефт».

Но советские еще не успели захватить всю добычу, уступленную им Гитлером, как в ноябре 1939 года, то есть всего через три месяца после подписания договора с Советским Союзом о ненападении, Гитлер заявил: «У нас есть договор с Россией. Однако договоры соблюдаются лишь до тех пор, пока они выгодны».

В результате пакта Молотова — Риббентропа и последующего договора о дружбе и границе Красная Армия оккупировала после поражения Польши, а затем и Франции Западную Украину, Западную Белоруссию, государства Прибалтики, Бессарабию, Северную Буковину, значительную часть Карелии. Эти акции ничем не отличались от захвата Германией Австрии, Судет, Чехии или Дании, но до сих пор российские власти отказываются признать тот очевидный факт, что данные территории были оккупированы, а затем аннексированы Советским Союзом. Здесь скрывается тоска по Советской империи, нежелание разбивать голубую мечту нашей элиты о возрождении СССР, а также нежелание произвести наконец расчет с советским прошлым.

Сегодня преодолены практически все территориально-политические последствия злосчастного пакта. Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, Украина и Молдавия обрели независимость. Правда, территории, отнятые СССР у Финляндии в 1940 году, так и остались в составе России, но тут у Москвы хотя бы есть формальное оправдание — финское соучастие в германской агрессии против СССР в 1941 году. А вот в плане исторической памяти в современной России, к сожалению, всё чаще раздаются голоса, оправдывающие пакт Молотова — Риббентропа. Произведенные в результате секретных протоколов к пакту о ненападении 23 августа и советско-германскому договору о дружбе и границе 28 сентября 1939 года аннексии

объявляются совершенно необходимыми для обеспечения интересов безопасности СССР и исторически справедливыми как возвращение территорий, утраченных Россией в 1917 году, народы которых к тому же будто бы спали и видели, как бы очутиться в Советском Союзе! Насчет народных мечтаний можно сказать только одно: если бы все было действительно так, Советский Союз не распался бы так легко в 1991 году. Что же касается обеспечения безопасности, то в конечном счете в выигрыше от пакта оказался Гитлер, а не Сталин, поскольку немцы напали на Советский Союз в самый благоприятный для себя момент, застав Красную Армию врасплох. А то, что за события 1939—1940 годов российское руководство до сих пор не удосужилось извиниться, только отражает отношения России с ее соседями. Действия Красной Армии считаются агрессией и оккупацией правительствами Польши, Литвы, Латвии и Эстонии и влиятельными оппозиционными силами на Украине, в Белоруссии и Молдавии. Если мы хотим, чтобы нам и нашей политике доверяли, надо ясно заявить, что внешняя политика эпохи Сталина нами безоговорочно осуждается, что Россия приносит свои извинения за попрание международного права, имевшее место в прошлом, и что подобные действия никогда не повторятся. Но у российской власти, к сожалению, собственная гордость и привычка смотреть свысока на бывших товарищей по СССР и соцлагерю.

В краткосрочном плане пакт 23 августа дал Гитлеру возможность расправиться со своими противниками в Западной Европе, а затем внезапно напасть на Советский Союз. В долгосрочном же плане единственным и главным выигрышем Сталина оказалось то, что в результате этого пакта началась Вторая мировая война, в которой объективным ходом вещей союзни-

ками СССР оказались могущественнейшие державы мира — США и Англия с ее Британской империей, которые взяли основную тяжесть борьбы с вермахтом в тех сферах, где советские вооруженные силы были слабы, — на море и в воздухе. После Второй мировой войны СССР достиг максимального за всю свою историю территориального расширения. Сфера его влияния простиралась от Эльбы до Вьетнама, от Кореи до Балкан, но сохранилась всего четыре с небольшим десятилетия. То, что приобретено несправедливым путем, как правило, недолговечно.

**Гонка века:
Сталин и Гитлер — кто первый?**

Собирался ли Сталин напасть на Гитлера? То, что руководители СССР при первом же удобном случае готовы были разжечь революционный пожар в государствах-лимитрофах и Германии, а затем — оккупировать их с помощью Красной Армии, сомнений не вызывает. Например, еще в 1927 году в книге «Мозг армии» будущий советский маршал Б.М. Шапошников утверждал: «Мы находимся на пороге грядущих войн, и нам предстоит пережить еще не одну, может быть, «конвульсию» империализма, пока о нем не будут говорить лишь одни историки, как о существовавшей когда-то системе общественных отношений... Противоречия, которые существуют между капиталистической формой мирового хозяйства и нарождающейся новой экономической структурой, настолько велики, что без больших жертв и борьбы не обойтись...» А еще в 1935 году нарком обороны К.Е. Ворошилов выдвинул лозунг: «Воевать малой кровью и на чужой территории». А еще в январе 1930 года

М.Н. Тухачевский, бывший тогда командующим войсками Ленинградского военного округа, в «Записке о реконструкции РККА», поданной Ворошилову, утверждал: «Настоящая записка ориентируется главным образом на наших западных соседей и крупных империалистов Европы, могущих стать за их спиной. Наш индустриальный рост оставляет далеко за собой уровень соседних с нами стран. Помощь империалистов этим странам может быть и будет очень велика. Однако расстояния, пути сообщения и пр. создают возможность срывов, перебоев в поддержке, и поэтому в перспективе мы вправе рассчитывать на значительное превосходство наших сил и средств, во всяком случае, в определенные периоды войны». И что характерно, ни до, ни после войны так и не появилось свидетельств о том, что Сталин боялся Гитлера и опасался нападения с его стороны в предвоенное время. Даже те из послевоенных советских мемуаристов, отстаивавших официальную версию, что именно боязнь Гитлера со стороны Сталина привела к трагической неготовности Красной Армии к отражению внезапного нападения немцев, не могли привести ничего другого, кроме призывов Иосифа Виссарионовича не провоцировать немцев. Между тем, строго говоря, в случае, если Сталин готовил нападение на Германию, он точно так же должен был бы соблюдать осторожность, чтобы слишком явными приготовлениями не спровоцировать Гитлера на принятие превентивных мер.

С другой стороны, существует немало свидетельств, что и Гитлер всерьез опасался, что Сталин рано или поздно нападет на Германию, если не в 41-м, то в 42-м или 43-м годах. Кейтель в мемуарах, написанных в Нюрнберге, утверждал: «После нашего превентивного нападения на СССР я вынужден был при-

знать, что Гитлер в оценке предстоящего русского наступления все же оказался прав. Однако, исходя из моих впечатлений от пребывания в Советском Союзе в качестве гостя Красной Армии на военных маневрах 1932 года, я оценивал русский военный потенциал иначе, чем Гитлер. Он постоянно исходил из того, что Россия находится в периоде создания собственной военной промышленности и еще отнюдь не завершила эту задачу, а также из того, что Сталин уничтожил в 1937 году весь первый эшелон высших военачальников, а способных умов среди пришедших на их место пока нет. Он был одержим идеей: столкновение так или иначе, но обязательно произойдет, и было бы ошибкой ждать, когда противник изготвится и нападет на нас. Одна лишь оценка советской военной промышленности и ее мощностей (даже без Донбасса) была тяжким заблуждением Гитлера; русское танкостроение настолько опередило наше, что мы так никогда и не смогли наверстать это отставание.

Однако я должен четко констатировать, что за исключением разработок генштаба сухопутных войск в штабе оперативного руководства вермахта ОКВ никакой подготовки к войне на Востоке до декабря 1940 года не велось, кроме улучшения, в соответствии с приказами, железнодорожной сети и расширения перевалочных возможностей для переброски войск к восточной границе на бывшей польской территории».

Строго говоря, перечисленное Кейтелем также представляло собой подготовительные мероприятия к вторжению. Однако меры такого рода могли быть подготовкой как к нападению, так и к обороне. Сами по себе они еще не делали вторжение неизбежным.

Весь вопрос в том, считал ли Сталин период 1940—1941 годов подходящим для нападения на Гер-

манию? Судя по имеющимся фактам — да. Вот, например, что пишет в своих мемуарах тогдашний командующий советским Балтийским флотом В.Ф. Трибуц: «Народный комиссар ВМФ Н.Г. Кузнецов в феврале 1940 года издал специальную директиву, в которой указывал на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию». В приложенной к посмертно изданной книге Н.Г. Кузнецова «Крутые повороты» краткой летописи жизни и деятельности адмирала приведена точная дата этой директивы — 26 февраля 1940 года.

А ведь в эти дни еще продолжалась советско-финская война, и Англия и Франция всерьез рассматривали отправку крупного экспедиционного корпуса на помощь финнам. После же заключения 12 марта мира с Финляндией почти все советские войска с финского фронта были переброшены к западным границам. Срок демобилизации призванных из запаса был отодвинут до 1 июля 1940 года.

В плане подготовки нападения на Германию стоит рассматривать и то, что уже 5 марта 1940 года Политбюро приняло решение о расстреле пленных польских офицеров. Вплоть до конца февраля 1940 года пленных поляков собирались пропустить через Особое совещание, проштамповать приговоры от 3 до 8 лет лагерей и отправить несчастных на Камчатку и в другие восточные районы СССР, где они должны были томиться за колючей проволокой вплоть до окончания войны. Это решение можно объяснить тем, что Сталин собирался в самое ближайшее время напасть на Германию, ожидая весной 1940 года большого германского наступления на Западе. Тогда бы поляков пришлось освободить и передать польскому правительству в изгнании в Лондоне, а передавать ох

как не хотелось! Сталин не хотел освобождать тех, кого считал своими врагами. Ведь подавляющее большинство польских офицеров не желало превращения своей страны в советского сателлита. А Сталин другой Польши себе не мыслил. В тот момент против 12 ослабленных немецких дивизий на Востоке Сталин мог двинуть не менее 120 своих соединений. Сразу после окончания финской войны, завершившейся 13 марта 1940 г. после подписания компромиссного Московского мира, началась ускоренная переброска советских соединений с финской границы к демаркационной линии в Польше и к границам Румынии. Всего в период с апреля по август 1940 года на Запад было переброшено 37 дивизий и 1 танковая бригада. Из них 30 дивизий прибыло на новое место дислокации еще до июня, остальные — в июле и августе. Большинство оставшихся танковых и авиадесантных бригад было расформировано для переформирования в механизированные и воздушно-десантные корпуса, которые также предназначались для действий на Западе. Всего же в западных приграничных округах (Киевском, Одесском и Белорусском), с учетом 3 стрелковых дивизий и 3 танковых бригад, дислоцированных в Прибалтике, Сталин мог к концу июня 1940 года выставить против Гитлера 84 стрелковых и 13 кавалерийских и мотокавалерийских дивизий, подкрепленных 17 танковыми бригадами. По числу танков — 200 и более — каждая такая бригада превосходила немецкую танковую дивизию.

Стоит отметить, что в том же марте 1940 года Гитлер впервые заговорил со своими генералами о возможном походе в Россию. 30 марта 1940 года Гитлер заявил руководителям вермахта: «В настоящее время Англия возлагает свои надежды на Америку и Россию.

Америка сможет обеспечить свою максимальную военную мощь только через 3—4 года. Россия — последний вражеский фактор в Европе. Ее надо разбить в этом или следующем году. Тогда мы будем в состоянии в течение дальнейших двух лет справиться в материальном и кадровом отношении с нашими задачами и в воздухе, и на воде. Наша задача в России должна заключаться в том, чтобы разгромить Красную Армию и ликвидировать государство. Это — борьба двух мировоззрений. Большевизм равнозначен асоциальному преступлению и является чудовищной опасностью для будущего. Мы должны отказаться от понятия солдатского товарищества с ним. Коммунист никогда не может быть нашим боевым товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не отнесемся к этому именно так, то, хотя и разобьем коммунистического врага, через несколько лет снова столкнемся с ним. В борьбе против России речь идет об уничтожении большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Борьба должна вестись против яда разложения. Армия должна защищаться теми же средствами, которые применяются для нападения на нее. Комиссары и гэпэушники — это преступники, и с ними надо обращаться, как с таковыми. На Востоке любая жестокость суть мягкость в будущем».

Гитлер упомянул, в частности, о большом числе русских танков и самолетов. Но, по его словам, лишь небольшое количество из них отвечает современным требованиям. Огромное русское пространство и неохватные дали делают необходимой концентрацию сил танков и люфтваффе в решающих пунктах. Использование люфтваффе после первых боев за господство в воздухе должно проходить в тесной взаимосвязи с наземными операциями. Противостоять

массированному применению танков и авиации русские не смогут».

Подготовка к войне маскировалась вполне лояльными по отношению к Германии заявлениями. Так, 29 марта 1940 года глава советского правительства и нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР, заявил: «Крутой поворот к лучшему в отношениях между Советским Союзом и Германией нашел свое выражение в договоре о ненападении... Эти новые, хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно показали свою прочность». А 16 мая 1940 года в «Правде» появилась статья «Новый этап войны в Западной Европе», где описывались германские успехи на Западе и делался общий вывод: «Теперь ясно, какую ответственность взяли на себя империалисты Англии и Франции, отвергнув в свое время мирные предложения Германии и развязав тем самым вторую империалистическую войну в Европе...»

Сталин в своей речи по итогам финской войны, произнесенной 17 апреля 1940 года на совещании высшего состава, особое внимание обратил на германскую авиацию: «Наша армия встала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии. В этом главный плюс того опыта, который мы усвоили на полях Финляндии, дав нашей армии обстреляться хорошо, чтобы учесть этот опыт. Хорошо, что наша армия имела возможность получить этот опыт не у германской авиации, а в Финляндии, с божьей помощью».

Именно люфтваффе больше всего опасался Иосиф Виссарионович в грядущем походе на Запад. Тогда сухопутная армия Германии у советских границ

была очень слаба. Здесь к началу июня располагалось всего 12 немецких пехотных дивизий. Из них 9 дивизий были ландверными, сформированными из военнослужащих старших призывных возрастов. У этих дивизий почти не было транспортных средств, и боеспособность их была весьма ограничена. С таким противником даже Красная Армия, не стяжавшая лавров в Финляндии, казалось, могла бы справиться. Ведь она обладала в тот момент почти десятикратным перевесом в людях и абсолютным — в танках. А вот германские самолеты, опасался Сталин, непрерывными бомбардировками смогут замедлить продвижение Красной Армии, если «сталинские соколы» не завоюют господство в воздухе. Тогда Гитлер получит время для переброски части сил с французского фронта и остановит советское наступление.

Накануне начала германского наступления на Западе советский вождь пребывал в хорошем настроении. Он мечтал: когда вермахт увязнет на считавшейся неприступной линии Мажино, Красная Армия широким фронтом ринется вперед, на запад, сомнет тонкую цепочку германских войск, займет Польшу, Словакию, Чехию, стремительно ворвется в самое сердце Рейха. И встретится с благодарными англо-французскими союзниками где-нибудь на Эльбе, а если повезет — то и на Рейне. Пол-Европы будет под советским контролем. А там, глядишь, и до мировой революции, творимой штыками красноармейцев, недалеко.

В ночь с 6 на 7 мая 1940 года на подмосковной даче Сталин в узком кругу отмечал встречу с земляком, восьмидесятилетним Дата Гаситашвили, бывшим подмастерьем у сапожника Виссариона Джугашвили. Дата любил играть с сыном хозяина маленьким Иосифом, и Сталин на всю жизнь сохранил к нему самые теплые

чувства. На вечеринке были Сталин, Гаситашвили и Берия. Был еще Александр Яковлевич Эгнаташвили, заместитель начальника охраны Сталина и сын князя Эгнаташвили, у которого в прачках служила мать Сталина Екатерина. За столом также сидели сын Александра Георгий Эгнаташвили, младший офицер охраны, вторая жена Александра Эгнаташвили Лилия Германовна, этническая немка, и еще один офицер охраны — зять Георгия Гиви Ратишвили. Надо сказать, что Сталин и Александр Эгнаташвили были побратимами, что делало их, по грузинскому обычаю, самыми близкими людьми. Уже в 1990-е годы Георгий Александрович Эгнаташвили вспоминал о той майской встрече: «Мачеха моя была немкой, и где-то в 1925—1926 году она отправила свою дочь к сестре в Германию учиться. Потом в Берлине ее дочь вышла замуж за еврея, фамилии его не помню, но звали его Зигхен. А когда Гитлер пришел к власти в 1933 году и начал вытеснять евреев, этот Зигхен захватил свою жену и через Данию бежал в Америку. Так что к сороковому году дочь моей мачехи жила уже в Штатах. Сталин несколько раз взглянул на нее и вдруг говорит отцу по-грузински: «Саша, что-то твоя жена очень грустная, может быть, ей не нравится, что я к тебе в гости пришел (вечеринка проходила на даче Эгнаташвили. — Б. С.)?» А отец отвечает: «Что ты, Сосо! Как ты мог подумать такое! Дело в том, что в США у нее дочь осталась, и она боится, что мы начнем войну с Америкой...»

Сталин как-то ласково посмотрел на нее, погладил усы, взял в правую руку стакан и говорит: «Уважаемая Лилия Германовна, не беспокойтесь, не волнуйтесь... — и задумался, — воевать с Америкой мы не будем». Потом переложил стакан в другую руку и застыл, как сфинкс. Прошла минута, прошла вторая, прошла

третья... А он все усы поглаживает. Мы глаз с него не сводим, шелохнуться боимся. И тут он поднял правую руку, погладил усы и отчеканил: «Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками! Не беспокойтесь, не волнуйтесь! За ваше здоровье!» — и выпил...»

Георгий Александрович так точно запомнил дату — 6 мая 1940 года, потому что именно в этот день родился его племянник, Гурам Ратишвили, и перед приходом гостей они с зятем как раз отмечали это знаменательное событие бутылкой доброго картлинского вина.

Вероятно, Сталин рассчитывал, пока вермахт увязнет на линии Мажино, быстро оккупировать Польшу и Германию, а затем диктовать свою волю спасенной Франции. Еще 6 мая 1940 года, в самый канун большого германского наступления на Западе, в узком кругу своих охранников и земляков, Сталин произнес очень красноречивый тост: «Воевать с Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками!» Однако быстрый крах французской армии сорвал планы советского вторжения. Генерал-полковник Л.М. Сандалов вспоминал, как советские военачальники тогда сокрушались: «Кто бы мог подумать, что немцам потребуется лишь немногим больше двух недель, чтобы разгромить основные силы французской армии?» Не ожидал капитуляции Франции и сам Сталин. Хрущев свидетельствует: Сталин, узнав, что французы сложили оружие, матерно выругался и сказал, мол, теперь Гитлер развязал себе руки на Западе. Очевидно, Иосиф Виссарионович буквально до последнего дня надеялся, что французская армия продержится еще хотя бы месяц, что позволит завершить подготовку к советскому нападению и заставит Германию сра-

жаться на два фронта. Не вышло. Теперь против Красной Армии могли сразу же оказаться основные силы вермахта, имевшие опыт блестящих побед в Польше и Франции и высокий моральный дух, в отличие от красноармейцев, познавших горечь поражения в финских снегах.

Напомню, что 31 июля 1940 года Гитлер впервые поделился с командованием германской армии конкретными планами нападения на СССР: «Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии... Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года». Ничего конкретного о сталинских планах нападения на Германию фюрер в тот момент не знал, но не сомневался, что Россию рано или поздно надо убрать с политической карты мира. Дальнейший ход разработки плана «Барбаросса» хорошо известен, особых споров среди историков и публицистов не вызывает, и излагать его здесь нет нужды. Скажу только, что план «Барбаросса» разрабатывался совсем не как оборонительный и не предусматривал никаких мероприятий на случай внезапного нападения Красной Армии.

Последняя попытка договориться была предпринята в ноябре 1940 года, когда в Берлин с официальным визитом прибыл глава советского правительства Вячеслав Молотов. Незадолго до этого, 27 сентября 1940 года, в Берлине был заключен Тройственный пакт о военно-политическом союзе между Германией, Италией и Японией. Вопреки созданному советской пропагандой после 22 июня 1941 года мифам, он не был в тот момент направлен против СССР. В свя-

зи с заключением Тройственного пакта газета «Правда» писала: «Одна из важных особенностей пакта состоит в том, что он открыто признает сферы влияния его участников и раздел этих сфер между ними с обязательством взаимной защиты этих сфер влияния от покушений со стороны других государств, прежде всего со стороны Англии и находящихся в сотрудничестве с ней США. Японии предоставляется «великое восточноазиатское пространство», а Германии и Италии — «Европа»... В пакте имеется оговорка относительно Советского Союза: «Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из участников соглашения и Советским Союзом».

13 ноября 1940 года в Берлине в здании Имперской канцелярии состоялась последняя встреча Гитлера с главой советского правительства Молотовым. Фюрер заявил: «Чтобы германо-русское сотрудничество принесло в будущем положительные результаты, советское правительство должно понять, что Германия вовлечена в борьбу не на жизнь, а на смерть, которая должна быть доведена до успешного конца. Предпосылки для победы Германия хочет обеспечить себе любыми средствами. Если СССР будет находиться в таком же положении, Германия продемонстрирует такое же понимание русских потребностей». Гитлер требовал признать германскую гегемонию в Европе. Но Молотов, в свою очередь, настаивал на уступке Советскому Союзу в качестве сферы влияния Финляндии, Балкан и Турции. Германским ответом стала операция «Барбаросса».

Фюрер заявил Вячеславу Михайловичу: «Чем больше Германия и Россия, стоя спиной к спине, преуспеют в борьбе против внешнего мира, тем большими

будут их успехи в будущем, а если наши страны встанут друг против друга, то успехи будут меньшими». Но Молотов настаивал, чтобы Советскому Союзу было позволено завоевать всю Финляндию, забрать в сферу своего влияния Румынию, Болгарию и Турцию, установив контроль над Черноморскими проливами. Вскоре после возвращения в Москву Молотова с одобрения Сталина Риббентропу была направлена телеграмма, что на указанных условиях СССР готов присоединиться к Тройственному пакту. Но такого усиления Сталина Гитлер допускать не собирался и вскоре, 18 декабря, подписал директиву о претворении в жизнь плана «Барбаросса».

В радиообращении к народу по случаю начала войны с СССР 22 июня 1941 года Гитлер так изложил ход переговоров с Молотовым: «Вопреки нашим принципам и экономическим интересам, в ответе на срочный запрос тогдашнего румынского правительства, полностью несущего ответственность за такое развитие событий, я посоветовал уступить требованиям Советской России и, в интересах мира, отдать Бессарабию.

Румынское правительство верило, однако, что может оправдать такой ответ перед своим народом только в том случае, если Германия и Италия гарантируют целостность того, что все еще оставалось от Румынии.

Я сделал это с тяжелым сердцем, в основном потому, что, когда Германская империя дает гарантии, это означает, что она выполнит их. Мы не англичане, не евреи.

Я все еще верил в этот последний час, что послужил делу мира в этом регионе, хотя и взял на себя серьезную личную ответственность. Чтобы, в конце концов, раз-

решить эти проблемы и достичь ясности насчет отношения России к Германии, а также из-за постоянно усиливающейся мобилизации на нашей восточной границе, я пригласил г-на Молотова в Берлин.

Советский министр иностранных дел тогда потребовал от Германии разъяснений по следующим четырем вопросам.

Первый вопрос Молотова: были ли германские гарантии Румынии направлены также против Советской России, в случае если бы Советская Россия напала на Румынию?

Мой ответ: немецкая гарантия универсальна и ее выполнение безоговорочно обязательно для нас. Россия, однако, никогда не заявляла нам, что имеет другие, помимо Бессарабии, интересы в Румынии. Захват Северной Буковины уже был нарушением договоренности. Поэтому я не думал, что у России могут внезапно возникнуть какие-либо далеко идущие намерения по отношению к Румынии.

Второй вопрос Молотова: Россия снова чувствует угрозу со стороны Финляндии. Россия не собирается это терпеть. Готова ли Германия не оказывать никакой помощи Финляндии и, прежде всего, немедленно вывести германские вспомогательные войска, продвигающиеся к Киркенесу?

Мой ответ: Германия все также не имеет никаких политических интересов в Финляндии. Германское правительство, тем не менее, не потерпит новой войны России против маленького финского народа, тем более что мы никогда не считали, что Финляндия в состоянии угрожать России. Мы ни при каких обстоятельствах не хотим открытия нового театра войны на Балтике.

Третий вопрос Молотова: будет ли согласна Германия, если Россия даст гарантии Болгарии и пошлет

советские войска в Болгарию в соответствии с этим, в связи с чем он — Молотов — готов заявить, что Советы не будут что-либо изменять, к примеру смещать царя.

Мой ответ: Болгария — суверенная страна, и я не располагаю сведениями, что Болгария когда-либо просила Советскую Россию о гарантиях, как Румыния просила гарантий от Германии. Более того, я должен обсудить этот вопрос с моими союзниками.

Четвертый вопрос Молотова: Советской России в любом случае необходим свободный проход через Дарданеллы, и для ее обороны также требуется оккупация множества важных баз на Дарданеллах и на Босфоре. Согласна Германия с этим, или нет?

Мой ответ: Германия всегда была готова согласиться с изменением статуса соглашения в Монтре в пользу черноморских стран. Германия не готова согласиться с тем, чтобы Россия овладела базами в Проливах.

Национал-социалисты! Тогда я занял единственную позицию, которую мог занять, как ответственный лидер Германской империи, но так же как и представитель европейской культуры и цивилизации, ощущающий свою ответственность».

Нельзя сказать, что фюрер сколько-нибудь лукавил, говоря о своей реакции на предложения Молотова. Он действительно не собирался уступать Сталину Финляндию, Балканский полуостров и Черноморские проливы. А потому после переговоров в Берлине счел за благо напасть на Советский Союз еще в 1941 году.

Решение о нападении на Советский Союз было принято Гитлером после молотовского визита. Кейтель свидетельствует: «Я спросил Гитлера о результатах переговоров с Молотовым — он назвал их неудовлетворительными. Тем не менее решение о подготовке

войны против СССР он все еще принимать не хотел, ибо намеревался подождать реакцию на эти переговоры из Москвы от Сталина... Мне, однако, было ясно: мы взяли курс на войну с Россией, и я не знаю, принял ли Гитлер во время переговоров все меры, чтобы не допустить ее. Ведь это было возможно только при его отказе от отстаивания германских интересов в Румынии, Болгарии и Прибалтике. Вероятно, он и на сей раз был прав, ибо, как только Сталин через год-два оказался бы готовым к нападению на нас, тут же наверняка последовали бы дальнейшие требования со стороны России; ведь для осуществления своих целей в Болгарии, на Дарданеллах и в финском вопросе он оказался достаточно силен уже к 1940 году. Сталин хотел выиграть время, после того как разгром Франции всего за шесть недель сорвал его график. Я не стал бы выдвигать такой гипотезы, если бы наше превентивное нападение в 1941 году не доказало уровень русских агрессивных намерений».

20 мая 1942 года, выступая с радиообращением, Геринг так объяснил, почему фюрер решил напасть на Россию: «На протяжении всего этого времени усилия фюрера были направлены на достижение какого-либо взаимопонимания с Россией, фюрер хотел убедить германский народ от ненужной войны. Россия, казалось, стремилась к тому же. Но вскоре мы должны были признать, что большевистская Россия использовала это время исключительно для того, чтобы продолжать наращивание вооружений в невиданных количествах.

И если сегодня спрашивают, каким образом Советский Союз смог произвести так много оружия, ответ один: не из-за их любви к отечеству, к народу, к их лидеру. Там все совершенно иначе. Не из благородных чувств к родине, народу, лидеру они так отчаянно ра-

ботали, но лишь потому, что человек там не значит ничего, потому что все рабочие там — рабы, которыми нужно править; миллионы и миллионы, и если они умирают, новые миллионы сменяют их, и только с помощью пулеметов и кнутов можно загнать рабочих в Советской России на их рабочие места. Никакие оправдания не имели значения и не принимались во внимание, и рабочему ничего не оставалось делать, как производить оружие: если бы оно не было произведено, он был бы казнен. Мир не видел такого забоя скота, какой происходил по всей России.

И наконец, теперь мы можем на собственном опыте осознать этот любопытный факт — как стало возможным произвести столько оружия. Это оружие окрашено кровью миллионов русских рабочих — мужчин и женщин. Так же, как этот Чингисхан этой зимой снова и снова, без учета военной необходимости разбил о германскую стену свои полки, так же, без учета человеческих жизней, он производил оружие. Целые деревни были уничтожены в одночасье. Дети были помещены в те или иные учреждения для воспитания в большевистском духе. Мужья и жены были разлучены, пары разделялись — он на завод, она — с завода, некоторые с тех пор больше никогда не видели друг друга.

Таковыми были русские методы работы из-под палки. И это — отличие от нашей работы. Истоки трудолюбия наших немецких рабочих — мужчин и женщин, крестьян — мужчин и женщин фундаментально отличаются, видит бог, от методов, которые использовались и используются в «раю рабочих и крестьян». Независимо от заграничных измышлений, каждый из вас знает, что мы, что и говорить, теперь многого просим — и будем просить еще большего — от немецкого рабочего, от мужчин и женщин на селе, но все же ни-

когда в Германии не заставляли немецкого рабочего идти работать под пулеметами, потому что немецкий рабочий движим собственными чувствами, велением своего сердца делать оружие для фюрера и его армии. Его не надо принуждать, его не надо гнать кнутом, как там.

Когда мы узнали, как русские наращивают и наращивают свои вооружения, как тысяча танков превратилась в десять тысяч, а десять тысяч — в двадцать, тридцать тысяч, и то же самое с самолетами, поскольку нам стало известно, что только на недавно захваченной польской территории они за год построили почти тысячу аэродромов, — тогда фюрер был должен принять решение. Он ясно видел, он зрел своим гением, что все это делается исключительно для того, чтобы в подходящий момент напасть на Германию и уничтожить ее. Сначала они медленно просочились на севере, против Финляндии. На юге они захватили позиции в Румынии. И они бы давили все дальше и дальше, на севере и на юге, на Балканах, в Скандинавии, чтобы затем с помощью этих клещей раздавить Германию, втянутую в тяжелую борьбу против других сил.

Поверьте мне, фюрер принимал множество решений, и некоторые из них были чудовищно трудны. Но это решение, — когда абсолютно ясной была угроза немецкому народу, и было так же ясно, какая могущественная сила противостоит нам — вы бы закрыли глаза на эту опасность? Он знал, что рано или поздно это случится. И когда стало окончательно, бесповоротно ясно, что решают месяцы, кто ударит первым, тогда ударил первым фюрер — с той силой и с тем гением, с которыми только он может ударить.

После неслыханных побед русские армии были отброшены, разбиты, уничтожены. Мы продвинулись в глубь русской территории на тысячу, на полторы

тысячи километров и больше. И когда мы собирались нанести новый мощнейший удар, другой враг восстал против нас — не русские дивизии, не русское оружие и не русское руководство, силы природы восстали против нас. Абсолютно неожиданно обрушилась зима, принеся трехдневный ужасный холод. А затем началась такая зима, которой мы никогда не испытывали в военной истории Германии».

Неприятным сюрпризом для Гитлера была способность Советского Союза восстановить и нарастить военное производство после поражений 1941-го, но в целом объем боевой техники, находившейся в распоряжении Красной Армии к началу войны, был определен верно.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву № 21, предусматривающую осуществление операции «Барбаросса» — плана агрессии против СССР. Первоначальный срок нападения был назначен на 15 мая 1941 года. Предполагалось «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Целью операции провозглашалось уничтожение основной массы русской армии в западной России и достижение в результате преследования линии Архангельск — Волга, с которой можно будет разрушить ударами авиации Уральский промышленный район. Там говорилось: «Приказ о наступлении на Советскую Россию я дам в случае необходимости за восемь недель перед намеченным началом операции». Такая необходимость, по мнению Гитлера, возникла 31 января 1941 года, когда была дана директива по сосредоточению войск на проведение операции «Барбаросса». Однако из-за Балканской кампании срок нападения был перенесен с 15 мая на 22 июня 1941 года.

Йодль на Нюрнбергском процессе утверждал, что Гитлер опасался советского нападения на Германию летом 1941 года или зимой 1941/42 годов. Однако никакими документами это не подтверждается. Летняя же дата 41-го опровергается тем обстоятельством, что в плане «Барбаросса» не было предусмотрено никаких мероприятий на случай широкомасштабного советского нападения. На процессе Йодль утверждал, что советовал Гитлеру: «Если нет никакого другого средства и если действительно нет никаких политических средств отвлечь эту опасность (со стороны России. — Б. С.), то я вижу тогда только одну возможность, а именно нападение с превентивной целью...»

По свидетельству фон Белова, «30 апреля Гитлер обсудил с Йодлем подробности начала нападения по плану «Барбаросса», которые начальник штаба оперативного руководства вермахта 1 мая в виде письма передал в войска. Именно в данном документе был указан день нападения — 22 июня 1941 г. Это потребовало введения с 23 мая максимально уплотненного графика всех приготовлений. Насчет соотношения сил Йодль указал: главные силы русских значительно подкреплены на южном участке фронта. На центральном же участке русские в последнее время производят передвижение войск к линии фронта, но при этом крупное германское превосходство в силах остается. На основе оценки, данной главнокомандующим сухопутными войсками, Йодль считался с возможностью острых приграничных боев, которые могут потребовать до четырех недель. Русский солдат будет сражаться там, где поставлен, до последнего. Гитлер лично принял участие в составлении текста этого письма войскам. Он уже примирился с тем, что день нападения изменить нельзя».

9 января 1941 года Гитлер предупредил руководителей вермахта: «Высадка в Англии возможна только тогда, когда будет завоевано полное господство в воздухе и в самой Англии наступит определенный паралич. Иначе это — преступление».

Николаус фон Белов вспоминал: «Весь Рейх только и говорил, что о приближающемся походе на Россию. Солдаты, сосредоточенные в полной боевой готовности на бывшей польской территории, огромное количество формирований по снабжению войск и концентрация средств связи — все это давало легко понять, какая у Гитлера цель. Слишком много всего было мобилизовано для этой кампании, чтобы ее удалось сохранить в тайне». Однако Сталин пребывал в уверенности, что Гитлер его боится, и если и концентрирует войска на границе, то только на случай отражения предполагаемого советского вторжения.

4 мая 1941 года, выступая в рейхстаге по случаю успешного завершения Балканской кампании, Гитлер почти проговорился: «Году 1941-му суждено войти в историю как году нашего величайшего триумфа». Под триумфом он имел в виду не Балканскую кампанию, а предстоящую операцию «Барбаросса», но в Москве этой проговорке не придали значения, возможно, решив, что под «триумфом» имеется в виду грядущая высадка в Англии.

14 июня 1941 года, после совещания с командующими группами армий и воздушными флотами, развернутыми против России, Гитлер на обеде в их честь оптимистически оценил возможности успеха в предстоящей восточной кампании: «Русский будет биться стойко и окажет упорное сопротивление. Мы должны считаться с возможностью его крупных авиационных налетов, а потому следует организовать умную противовоздушную оборону. Наша люфтваффе на-

верняка достигнет быстро успехов и этим облегчит наступление соединений сухопутных войск. Самые тяжелые бои останутся позади уже примерно через шесть недель. Но каждый солдат должен знать, за что он сражается. Не за землю, которую мы хотим захватить, а против большевизма, который должен быть уничтожен... Если мы войну эту проиграем, вся Европа станет большевистской. Если англичане этого не поймут и не осознают, они потеряют свою руководящую роль, а тем самым и свою мировую империю. Сейчас даже и представить себе нельзя, насколько сильно они в результате этой войны окажутся в руках американцев. Но совершенно ясно, что американцы видят в этой войне свой огромный гешефт». Гитлер саркастически высказался по поводу англичан, которые договоренность с Россией предпочли договоренности с Германией. Так можно вести политику в XIX, но отнюдь не в XX веке. При этих словах Гитлер указал на свой союз со Сталиным, который являлся чисто политическим шагом, предпринятым ради Данцига и «коридора», чтобы вернуть Рейху эти области без войны. По свидетельству Николауса фон Белова, Гитлер собирался атаковать Англию летом 1942 года, после победы в России.

В ночь на 22 июня Гитлер сказал своему адъютанту фон Белову: «Это будет самая тяжелая битва для нашего солдата в этой войне».

Когда 22 июня 1941 года без объявления войны Германия напала на Советский Союз, начальник Генштаба сухопутных сил генерал Франц Гальдер записал в дневнике: «О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казармах, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передо-

вые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать».

Внезапность германского нападения в первую очередь объясняется тем, что Сталин сам собирался атаковать Германию и, хорошо зная, сколько у Красной Армии танков и самолетов, в том числе новейших конструкций, не верил, что Гитлер рискнет на него напасть. После разгрома Франции Сталин решил подготовиться к походу в Западную Европу более основательно. Кроме того, он надеялся, что в 1941 году Гитлер сконцентрирует усилия на подготовке вторжения на Британские острова и удар с востока будет внезапным для Германии. В январе 1941 года советский Генштаб провел две оперативно-стратегические игры. По условиям этих игр войну начинали «западные» (немцы). Однако фактически игры начинались с того момента, когда «восточные» (советские) уже оттеснили противника от границы. Поэтому в ходе игр отрабатывалось только вторжение «восточных» в Восточную Пруссию на северо-западном направлении и в Южную Польшу, Чехословакию и Венгрию на юго-западном направлении. В результате выяснилось, что восточнопруссские укрепления трудно преодолеть. Поэтому было решено, что главный удар Красная Армия должна нанести на юго-западном направлении.

В «Воспоминаниях и размышлениях» приводится замечательный разговор Жукова со Сталиным, происходивший в феврале 1941-го, еще до начала массовой переброски германских войск на Восток: «Помню, как однажды в ответ на мой доклад о том, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и наземную разведку, И.В. Сталин сказал:

— Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером, и тот

ему конфиденциально сообщил: — Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о концентрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе».

Насчет «переподготовки» или укрытия германских войск от налетов английской авиации (о такой версии со ссылкой на будто бы поступившее к Сталину письмо Гитлера Жуков говорил Симонову) Иосифа Виссарионовича обмануть было трудно. В эти объяснения он не верил. Зато не сомневался, что Красная Армия сильнее вермахта, у нее гораздо больше танков, самолетов и артиллерии. Поэтому, думал Сталин, Гитлер должен его бояться и принимать оборонительные меры на своих восточных границах против возможного советского нападения. Сам Сталин, вопреки распространенному заблуждению, Гитлера не боялся.

Фюрер и позднее продолжал с генсеком ту же игру. 5 мая 1941 года в Москве встретились германский посол в СССР В. фон Шуленбург и советский посол в Германии В.Г. Деканозов. За неделю до этого Шуленбург виделся с Гитлером и теперь познакомил своего советского коллегу с взглядами фюрера на состояние отношений между Москвой и Берлином. Гитлер, в частности, был недоволен, что СССР пытается распространить свое влияние на Балканы и даже заключил договор с Югославией в самый канун германского нападения на эту страну. Как записал Деканозов в дневнике, «Шуленбург в своей беседе с Гитлером заявил... что слухи о предстоящем военном конфликте Советского Союза с Германией, которые, начиная с января этого года, так усиленно циркулируют в Берлине и в Германии вообще и о которых рассказывают проезжающие через Москву немцы, конечно, затруд-

няют его, Шуленбурга, работу в Москве... На его заявление Гитлер ему ответил, что он в силу упомянутых действий советского правительства вынужден был провести мероприятия предосторожности на восточной границе Германии. Его, Гитлера, жизненный опыт научил быть очень осторожным, а события последних лет сделали его еще более осторожным». После того, как концентрация вермахта на востоке породила слухи о скорой германо-советской войне, Гитлер сделал вид, что наконец решился назвать истинную причину своих действий. Никакая это не переподготовка войск для последующей операции против Англии, а страх перед советскими намерениями силой или демонстрацией силы добиться своих целей. Похоже, что не только Сталин, но и Тимошенко с Жуковым почти до самого 22 июня верили в оборонительный характер германских мероприятий у советских границ и продолжали подготовку наступательной операции.

В марте 1941 года был принят новый план стратегического развертывания Красной Армии на Западе. В нем были учтены результаты январских игр. Если предыдущий план, одобренный в сентябре 40-го, помимо главного удара советских войск на юго-западном направлении, также допускал, в качестве запасного варианта, перенесение основных усилий против восточнопрусской группировки, то теперь было окончательно выбрано юго-западное направление главного удара. В мартовском плане стратегического развертывания подчеркивалось: «Развертывание главных сил Красной Армии на западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям». Сталину же нужен был блиц-

криг. Но и новый план стратегического развертывания, как и предыдущий, основные силы противника предполагал на юго-западном, а не на западном направлении. Предполагалось, что к северу от нижнего течения реки Западный Буг и до Балтийского моря (на фронте будущих групп армий «Центр» и «Север») дислоцировалось от 30 до 40 пехотных, от 3 до 5 танковых и от 2 до 4 моторизованных дивизий. Даже на 19 июня наша разведка числила в группе армий «Центр» 29—30 пехотных дивизий, 4 мотополка, до 3 танковых дивизий, кавдивизию и 2 кавбригады. В действительности же 22 июня эта группа армий располагала не меньшим числом соединений: 29 пехотных, 9 танковых, 6 механизированных и 1 кавалерийская дивизия и 1 механизированная бригада. Ударная танковая группировка немцев так и не была вскрыта. Тимошенко и Жуков были уверены, что главные свои силы вермахт сосредоточит к югу от Бреста. Здесь предполагалось появление до 110 пехотных, до 14 танковых и до 10 моторизованных немецких дивизий, подкрепленных 30 румынскими и 20 венгерскими пехотными дивизиями и 2 венгерскими мотобригадами. В целом же по пехоте силы Германии и ее союзников были преувеличены раза в полтора, по танкам — в три, а по самолетам — в пять с половиной раз.

В мартовском плане стратегического развертывания Красной Армии на западе утверждалось: «Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину». Но на самом деле Жуков и Тимошенко и Сталин в скорое нападение Гитлера на СССР не верили, хотя в том же плане и признавалось: «Документальными данными об оперативных планах вероятных противников, как по западу, так

и по востоку, Генеральный штаб не располагает». Слова об агрессивных германских планах по захвату Украины понадобились только для того, чтобы замаскировать собственные планы нападения на Германию и связанное с этим создание мощнейшей ударной группировки советских сил на юго-западе. Но этот замысел оставался в тайне лишь от командующих округами и армиями. Сталин, Тимошенко, Жуков, по всей вероятности, и Буденный, а также (это уж наверняка!) некоторые генералы Генерального штаба знали, как на самом деле развернутся события, кто на кого должен напасть и когда именно. Потому что на том же плане стратегического развертывания, датированном 11 марта 1941 года, генерал-лейтенант Н.Ф. Ватугин в разделе, где ставились задачи будущему Юго-Западному фронту, сделал очень красноречивую пометку: «Наступление начать 12. 6». Это могло означать только одно: в то время нападение на Германию планировалось начать 12 июня 1941 года, нанося главный удар на юго-западном направлении, в полном соответствии с ходом и результатами второй из январских оперативных игр.

Дату 12 июня Ватугин мог поставить только по указанию непосредственного начальника — Жукова, а тот, в свою очередь, не мог определить этот срок без согласования с наркомом Тимошенко. Последний же мог получить эту дату только от Сталина.

Срок 12 июня выдержать не удалось. Пропускная способность железных дорог в западной части СССР была в два — два с половиной раза ниже, чем у железных дорог в Германии и Польше, подходящих к советским границам. К тому же многие советские соединения пришлось перебрасывать из-за Урала. Поэтому развертывание Красной Армии против Германии хотя и началось раньше, чем развертывание вермахта

по плану «Барбаросса», еще весной 1940 года, но потребовало большего времени.

Уже в мае стало ясно, что к 12 июня не удастся сконцентрировать все предназначенные для участия во вторжении войска и обеспечить их необходимым количеством топлива, боеприпасов и других предметов снабжения. К середине мая в Генштабе был готов последний из предвоенных планов стратегического развертывания советских вооруженных сил на западе. Судя по срокам, названным в изданных на его основе директивах, в тот момент уже ориентировались на начало наступления Красной Армии не в июне, а в июле 41-го. Документ назывался «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Его написал от руки заместитель Ватутина Василевский, а отдельные дополнения внес сам Николай Федорович. В конце текста были обозначены подписи Тимошенко и Жукова, но, как и на мартовском плане, их подписей на документе нет.

В «Соображениях» утверждалось: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюрокразированной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии

Брест — Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее реки Висла и на Краковском направлении, выйти на реки Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего: а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников; б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника; в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке. Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижев, Лютовиско силами 152 дивизий против 100 германских».

Однако в действительности основные германские силы были сосредоточены в центре, а не на юго-западе будущего советско-германского фронта. В германской группе армий «Юг» насчитывалось лишь 38 дивизий, из которых 7 дивизий дислоцировались в Румынии, а не в Польше. Если бы даже Красной Армии удалось упредить вермахт и ударить первой, ее удар пришелся бы почти что по пустому месту. Зато советская ударная группировка наверняка подверглась бы

мощному фланговому удару со стороны группы армий «Центр» и была бы разгромлена.

Сталин не имел ясного представления, со сколь серьезным противником ему придется столкнуться, и на полном серьезе полагал, что победы Германии на западе в первую очередь объяснялись слабостью ее противников. Он верил, что советские танкисты не уступят танкистам вермахта, а «сталинские соколы» — асам люфтваффе. По свидетельству наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова, «И.В. Сталин представлял боевую готовность наших Вооруженных Сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах». Поэтому советский вождь бесстрашно готовился броситься в пучину войны с самой сильной в тот момент армией Европы. Ему и в страшном сне не могло привидеться, что придется отступить до Москвы и Сталинграда. Он искренне верил, что Красная Армия по уровню боевой подготовки, по меньшей мере, не уступает вермахту.

Строго говоря, Красная Армия не была готова к грамотному и эффективному ведению войны с таким сильным противником, как вермахт, даже в самом конце войны. 4 апреля 1945 года новоназначенный командующий 4-м Украинским фронтом А.И. Еременко записал в дневнике: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям, на 4-м Украинском фронте своевременно не занимались этим решающим успех дела вопросом».

К началу осуществления плана «Барбаросса» у Германии на Востоке было не более 2000 боевых самолетов и 3680 танков, а венгерская и румынская авиация вместе взятые насчитывали лишь около 150 машин. Советская же сторона имела на Западе к 22 июня 1941 года 12,8 тыс. танков, включая 1475 новейших «Т-34» и «КВ», и 10 743 боевых самолета. Также и по численности личного состава Красная Армия, даже не осуществившая еще полной мобилизации, превосходила своего противника на Западе в 1,25 раза. Помимо 2,9 млн. человек кадрового состава сухопутных сил Красной Армии и пограничных войск, дислоцировавшихся в западных округах, в апреле 1941 г. было призвано еще около 400 тыс. ранее не призывавшихся на военную службу, а в мае — июне — также около 800 тыс. запасных. Германская же сухопутная группировка, нацеленная против СССР, насчитывала около 3,3 млн. человек, из них в первые недели после 22 июня 1941 г. на фронте находилось только около 2,5 млн. человек.

Я отнюдь не сгущаю краски. Красная Армия, не сумевшая должным образом организовать оборону, не имела шансов на успех и в наступлении. Ведь наступление — во многих отношениях более сложный вид боевых действий, чем оборона. Наступление требует от бойцов и командиров умения быстро реагировать на меняющуюся обстановку, проявлять инициативу, оперативно принимать самостоятельные решения. Оборона все-таки более пассивный вид боевых действий, поскольку инициатива отдается противнику, а действия обороняющихся в значительной мере предопределяются расположением оборонительных рубежей. Разве могли советские летчики, успевшие налетать от 4 до 15,5 часа за первые три месяца 1941 года, более успешно атаковать аэродромы противника, чем

они защищали свои 22 июня? При такой малой летной практике, особенно на самолетах новых типов, пилоты были больше озабочены тем, чтобы удержать машину в воздухе, а не нанесением ущерба врагу. И эти недостатки нельзя было устранить за несколько месяцев, которых будто бы не хватило Красной Армии, чтобы встретить вермахт во всеоружии. Из-за нехватки как горючего, так и опыта вплоть до лета 1943-го советские авиаторы предпочитали барражировать над полем боя не на максимальных, а на наиболее экономичных скоростях. А в последние полтора года войны люфтваффе использовала Восточный фронт как своеобразный учебный полигон. Сюда посылали молодых необстрелянных пилотов, чтобы они набрались боевого опыта в сравнительно спокойных условиях, перед тем как вступить в гораздо более опасную схватку с англо-американской авиацией в небе над Германией.

Еще хуже выглядели бы в наступлении, чем в обороне, механики-водители советских танков. Они имели практику вождения от 5 до 10 моточасов, тогда как для более или менее уверенного вождения бронированной машины нужна была практика в 25 моточасов. И такое положение сохранялось вплоть до 1943 года. Дело было отнюдь не во внезапности германского нападения и не в превосходстве германской техники. Советские танки «Т-34» и «КВ» превосходили основные немецкие танки «Т-III» и «Т-IV», а новые «тигры» и «пантеры» в массовом количестве появились на фронте только летом 1943 года. Что же касается артиллерии, то советские полевые и противотанковые орудия по своим тактико-техническим данным, в частности по дальности стрельбы, превосходили германские аналоги.

Так же и советские истребители старых конструкций по своим тактико-техническим характеристикам

уступали только немецкому истребителю «Me-109». Но «Мессершмитов» в начале войны на Восточном фронте было лишь немногим более 500 машин. Советские самолеты новых конструкций почти не уступали им, а таких самолетов только в западных приграничных округах было 1540 штук. Будь в советских ВВС достаточно опытных пилотов, будь хорошо разработаны тактически грамотные принципы боевого применения авиации, будь в достатке авиабензин, наконец, и люфтваффе никогда бы не завоевала господства в воздухе, асы Геринга никогда не одолели бы «сталинских соколов». Но ни одно из перечисленных условий не было выполнено в начале войны. Да и в конце войны, когда бензина уже хватало, советские летчики по-прежнему уступали германским в уровне летной подготовки, а командиры люфтваффе более грамотно использовали оставшиеся у них весьма скромные силы.

На приеме в Кремле в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 г. Сталин уверенно заявил: «Немцы ошибаются, что их армия непобедима и ее вооружение самое лучшее в мире. В истории не было непобедимых армий... Война против Германии неизбежно перерастет в победоносную народно-освободительную войну». А в одном из тостов прямо признал: «Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство... Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне».

4 июня 1941 года Политбюро приняло решение к 1 июля сформировать 238-ю польскую стрелковую дивизию Красной Армии из поляков и советских граждан, знающих польский язык. Точно так же за месяц до советского нападения на Финляндию в составе

Красной Армии был сформирован финский народный корпус. Переписка Берии и Сталина о формировании польской дивизии во главе с «правильно политически мыслящими» польскими офицерами («неправильно мыслящих» только что ликвидировали в Катыни) и под присмотром чинов НКВД началась еще в октябре 1940 года. Такая дивизия, имевшая бы, как показал печальный опыт с финским корпусом, очень низкую боеспособность, могла пригодиться только в одном случае — если бы Сталин решил воевать с Германией. Для победного парада в освобожденной (или оккупированной — кому как нравится) Красной Армией Варшаве она была бы очень полезна — как демонстрация того, что у просоветского польского правительства тоже есть своя армия — в противовес «лондонским полякам». В противном случае польская воинская часть могла доставить и Красной Армии, и НКВД только лишнюю головную боль. Начиная с разработки новых уставов и пошива новой формы и кончая необходимостью выделения значительных чекистских сил для «оперативного обеспечения» польской дивизии, полякам, даже «правильно мыслящим», все равно до конца не доверяли. Главное же, создание польской дивизии нарушало и букву, и дух советско-германских договоренностей о недопущении ни в какой форме воссоздания польского государства. Если бы до Гитлера дошли какие-либо сведения о том, что в СССР формируется дивизия из польских военнослужащих, то фюрер непременно расценил бы ее как подготовку наступательной войны против Германии и принял бы соответствующие меры. Поэтому формировать польскую дивизию можно было только в глубокой тайне и лишь непосредственно перед запланированным вторжением Красной Армии в Германию и Польшу.

Чтобы прикрыть начавшуюся после 10 июня переброску последнего эшелона вермахта к советским границам, германское руководство осуществило хитроумную комбинацию. 13 июня 1941 года в официозной «Фелькише Беобахтер» появилась статья рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса «Крит — как пример», с прямым намеком на то, что опыт парашютного десанта на Крите очень скоро пригодится вермахту при высадке на Британские острова. В ночь с 12-го на 13-е число номер газеты был конфискован военной цензурой, но с таким расчетом, чтобы в Берлине часть тиража успела разойтись и достичь иностранных посольств. 14 июня Геббельс с удовлетворением констатировал в своем дневнике, что английские и мировые газеты и радиостанции приходят к выводу, что германское развертывание против России — это «чистый блеф, с помощью которого мы рассчитываем замаскировать подготовку к вторжению в Великобританию». Как реакцию на этот инцидент рейхсминистр пропаганды рассматривал и известное заявление ТАСС, переданное по радио поздно вечером 13 июня. Геббельс с удовлетворением отметил: «Русские, кажется, еще ни о чем не подозревают».

По свидетельству маршала С.М. Буденного, статью Геббельса советский вождь рассматривал как попытку отвлечь внимание от истинной цели немцев — переноса центра тяжести военных усилий в район Средиземноморья, вынудив английское командование сосредоточить усилия на защите колоний, гораздо более уязвимых, чем метрополия. Гитлер, никак не ответив на заявление ТАСС, стремился создать у Сталина впечатление, будто хочет убедить англичан в реальности своих намерений завоевать Россию, тогда как в действительности в самое ближайшее время вторгнется на Британские острова. Иосиф Виссарио-

нович, в свою очередь, молчание фюрера расценил как продолжение несколько иной игры: попытаться убедить англичан, что вермахт в ближайшее время вторгнется в СССР, тогда как в действительности германские войска готовились атаковать британские владения на Средиземном море, а затем предпринять поход в Иран, Ирак и Индию. Не исключено, что Сталин серьезно относился к слухам, распускаемым среди немецких солдат, перебрасываемых к советским границам, будто им предстоит совместный с русскими поход в Индию. И надеялся, что после заявления ТАСС Гитлер возобновит предложение, сделанное Молотову в Берлине в ноябре 1940-го, о совместном разделе Британской империи и об отнесении Ирана к советской сфере интересов.

После того как немцы не отреагировали на заявление, где утверждалось, что слухи о скорой германо-советской войне лишены оснований, Сталин не сомневался в скором начале такой войны. Но думал, что ее удастся начать внезапным и мощным ударом Красной Армии. И продолжал подготовку к «Грозе» — подтягивал войска к границам, маскировал расположенные там аэродромы и боевую технику, превращал штабы приграничных округов в штабы фронтов, перебрасывал вплотную к западным рубежам запасы топлива, снаряжения, боеприпасов. Если бы молчание Гитлера в ответ на заявление от 13 июня Сталин, Тимошенко и Жуков сочли признаком скорого германского нападения на СССР, то действовать они должны были совсем иначе. Им следовало как можно быстрее отводить дивизии и авиацию Красной Армии от границ, чтобы вывести их из-под первого удара германской артиллерии и люфтваффе. Но вторжение вермахта застало Красную Армию врасплох.

20 июня 1941 года Главным военным советом был принят за основу проект директивы Главного управления политической пропаганды РККА «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время», где подчеркивалось: «Каждый день и час возможно нападение империалистов на Советский Союз, которое мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями... Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных сил никакого успеха не давала и заканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой... Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по их техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами».

Сроки проведения ряда советских подготовительных мероприятий указывали на то, что в 20-х числах июня Сталин рассчитывал осуществить нападение примерно во второй декаде июля 1941 года. В принципе существовала возможность, при которой немецкое нападение на СССР было бы еще раз отложено, и Сталин успел бы ударить первым. Это произошло бы в том случае, если бы антигерманский переворот в Югославии произошел бы на пару недель позже — где-нибудь в начале апреля 1941-го, когда вермахт уже начал бы кампанию против Греции. Тогда для операции против Югославии пришлось бы осуществлять ширококомандную перегруппировку войск, и завоевание Балкан также затянулось бы недели на три-четыре против реального срока. Тогда Гитлеру пришлось бы отложить вторжение в Россию где-нибудь до середины июля. Тогда Сталин имел бы шанс, сам того не зная, упредить

Гитлера и ударить первым. Но результат, повторяю, был бы столь же печальным, как и при осуществлении «Барбароссы». Советские войска вовсе не учили обороняться, но и наступать они умели весьма посредственно, что доказал опыт финской войны. А тут еще и неприятельская группировка советской разведкой была определена неверно, так что наносивший главный удар Юго-Западный фронт неизбежно попал бы под мощный и неожиданный фланговый контрудар и был бы разгромлен. Не говоря уж о том, что не имевшие радиостанций механизированные корпуса сразу же потеряли бы всякое управление, а неопытные механики-водители загоняли бы большинство машин в кювет. А многие танки сломались бы еще на подходе к линии фронта. Не говорю уж о пилотах, подготовленных по системе «взлет — посадка». Согласно приказу наркома обороны от 22 декабря 1940 года, «Летчиков, штурманов и авиатехников, НЕЗАВИСИМО ОТ ИМЕЮЩИХСЯ У НИХ ВОЕННЫХ ЗВАНИЙ, находящихся в рядах Красной Армии менее 4 лет, считая срок службы со дня призыва или поступления в военно-авиационную и авиатехническую школу, перевести на положение СРОЧНОСЛУЖАЩИХ. Перевести на казарменное положение к 01 февраля 1941 года всех переведенных на положение срочнослужащих... Семьи летно-технического состава, переводимого на казарменное положение, к 01 февраля 1941 года ВЫВЕСТИ С ТЕРРИТОРИИ ВОЕННЫХ ГОРОДКОВ... курсантов военно-авиационных училищ... выпускать военными пилотами с присвоением звания «сержант».

Таких скороспелых летчиков сразу произвели десятки тысяч, чтобы обеспечить экипажами стремительно растущий парк самолетов. Их бы в считанные минуты сбили германские летчики, которые имели

налет часов в десятки раз больше. Так что для Красной Армии катастрофа в 41-м году все равно была бы неминуема, независимо от того, кто бы напал первым. Разница была бы лишь в деталях и датах.

В действительности оптимальным вариантом действий для более слабой по сравнению с вермахтом по уровню командования, управления и боевой подготовки Красной Армии была бы оборона, а не наступление. Еще в 20-е годы Л. Д. Троцкий прозорливо предупредил, что в начальный период войны Красной Армии придется не наступать, а обороняться, и даже отступать в глубь страны, чтобы выиграть время для мобилизации всех сил и средств. Только потом, «имея за собой пространство и численность, мы спокойно и уверенно намечаем тот рубеж, где обеспеченная нашей упругой обороной мобилизация подготовит достаточный кулак для нашего перехода в наступление». Однако после смещения Льва Давидовича со всех постов и его высылки из СССР оборону стали рассматривать как сугубо второстепенный вид боевых действий.

1 августа 1941 года Гитлер заявил в «Вольфшанце» (ставка вблизи Растенбурга в Восточной Пруссии): «От меня постоянно требуют, чтобы я сказал похвальное слово бюрократии. Но я не могу этого сделать.

Разумеется, в нашем аппарате работают чистые, неподкупные чиновники, аккуратные и очень педантичные. Но: аппарат слишком заорганизован и штаты кое-где чрезмерно раздуты. И еще: никого не интересует конечный результат, никто не хочет получить под свое начало определенный участок работы, отвечать только за него, все зависят друг от друга... Они вечно цепляются за свои кресла. За исключением одного рода войск, сухопутных, у нас в вермахте больше самостоятельности и меньше казенщины, чем в граж-

данских учреждениях! И это при мизерных окладах военных.

А этот идефикс: законодательство может быть лишь единым для всей территории Рейха. А почему бы не разработать проект указа лишь для части Рейха? Но для них, бюрократов, единство Рейха осуществляется по принципу: лучше плохой закон, но для всей территории, чем хороший, но не для всей территории страны. Главное, чтобы руководство было в курсе деятельности аппарата и держало в своих руках все нити.

В вермахте высшая награда полагается тем, кто вопреки приказу, по собственному разумению, своими решительными действиями спас положение. В гражданском же аппарате любое нарушение предписаний может стоить головы всем без исключения. Поэтому чиновникам не хватает мужества взять на себя всю ответственность.

Радует лишь то, что под нашей властью (в ходе этой войны) постепенно оказался целый континент. И уже из-за разного положения солнца над разными его частями невозможно никакое «единообразие». Мы вынуждены управлять округами размерами от 300 до 500 километров, имея в распоряжении лишь небольшую кучку людей. Естественно, полиция вынуждена там свободно применять оружие. Люди партии сделают все как надо.

За науку приходится платить: злоупотребления неизбежны. Ну и пусть, если только мне через 10 лет доложат: «Данциг, Эльзас, Лотарингия онемечены, но при этом в Кольмаре выявлено 3 и 4, а там-то и там-то 5 и 10 случаев злоупотреблений». Мы готовы примириться с этим, лишь бы только не потерять провинции. Через 10 лет в нашем распоряжении окажется отборный человеческий материал, о котором мы будем знать: для этой цели мы возьмем того, для дру-

гой — другого, если для выполнения определенных новых задач потребуются испытанные мастера. Будет выведена новая порода людей, истинных повелителей по своей натуре...»

23 ноября 1939 года, выступая перед руководством вермахта, фюрер утверждал: «Сейчас фронт на Востоке удерживается всего несколькими дивизиями... Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами. К тому же с Россией у нас есть договор. Договоры соблюдаются столь долго, сколь долго это является целесообразным... Сейчас у России далеко идущие цели, прежде всего — укрепление своей позиции на Балтийском море (неделю спустя Красная Армия вторглась в Финляндию. — Б. С.). Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас освободятся руки на Балтике. Далее, Россия желает усиления своего влияния на Балканах и направляет свои устремления к Персидскому заливу, а это отвечает и интересам нашей политики... В данный момент интернационализм отошел для нее на задний план. Если Россия от него откажется, она перейдет к панславизму. Заглядывать в будущее трудно. Но фактом является то, что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится... Время работает на нашего противника. Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшиться не может, а может только ухудшиться». Уже в тот момент Советский Союз рассматривался Гитлером как опасный потенциальный противник Германии.

9 января 1941 года Гитлер предупредил руководителей вермахта: «Сталин, властитель России — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии, но надо рассчитывать на то, что в тяжелых для

Германии ситуациях он во всевозрастающей мере будет создавать нам трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему также нужны успехи, его воодушевляет натиск на Запад. Ему также совершенно ясно, что после нашей победы положение России станет очень трудным.

Англичан поддерживает возможность русского вступления в войну. Будь эта последняя континентальная надежда разрушена, они бы прекратили борьбу... Если англичане продержатся, если они сумеют сформировать 40—50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелое положение. Этого произойти не должно. До сих пор я действовал по принципу: чтобы сделать следующий шаг, надо разбить важнейшие вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда либо англичане сдадутся, либо Германия продолжит войну против Британской империи при самых благоприятных условиях. Разгром России позволил бы и японцам все свои силы развернуть против США, а это удержало бы США от вступления в войну».

А накануне самоубийства, когда врать ни самому себе, ни другим не было никакого резона, фюрер, по воспоминаниям главы «Гитлерюгенда» Артура Аксмана, так объяснял мотивы нападения на Россию: «Вдруг из своей комнаты вышел Гитлер. Он был в сером кителе, на лацкане которого были золотой партийный значок и Железный крест 1-го класса, в черных брюках навыпуск, в мягких ночных туфлях... Шел он медленно, волоча ногу и словно бы не глядя ни на кого...

Гитлер движением руки пригласил меня сесть и сел сам. Сначала мы молчали. У меня в голове роилось много вопросов, но я никак не мог собраться и начать разговор.

Мы говорили о войне с Россией, и Гитлер доказывал, что ни одно из решений, принятых им во время войны, не было серьезнее решения напасть на Россию, хотя он мучительно обдумывал опыт Наполеона.

У нас не было выбора, пояснял мне Гитлер, мы должны были выбросить Россию из европейского балканса сил. Само ее существование было угрозой для нас. К тому же мы боялись, что Сталин проявит инициативу раньше, причем в катастрофических для нас условиях. Мы не сумели оценить силу русских и все еще мерили их на старый лад.

Мы были одни в помещении, никто не проходил во время разговора. Слышалось лишь приглушенное жужжание вентиляторов, да иногда доносилась, как нам казалось, далекая стрельба. После небольшой паузы Гитлер сообщил мне, что он завтра уходит из жизни.

«Я буду с вами», — ответил я ему. «Нет, — решительно сказал он, — ваше место среди живых...» Затем он с трудом поднялся, попрощался и, согнувшись, ушел в свою комнату. Больше я его никогда не видел».

Гитлер хорошо понимал трудности, связанные с войной против России. На совещании со своими генералами 30 марта 1941 года он отметил, что величина российской территории сама по себе представляет трудноразрешимую проблему, что у Красной Армии больше всех в мире танков, что у нее очень сильная в количественном отношении авиация, а также что союзники Германии не оставляют никаких иллюзий насчет собственной боеспособности.

А 15 апреля 1945 года, за две недели до конца, фюрер так обосновал в беседе с Борманом свое решение 1940 года напасть на Советский Союз: «Нам не оставалось никакого иного выбора... Нашим единственным шансом победить Россию было упредить ее нападение, ибо оборонительная война против Советского

Союза являлась для нас не подлежащей обсуждению. Мы никоим образом не имели права предоставить Красной Армии территориальные преимущества, дать ей воспользоваться нашими автострадами для натиска красных танков, нашими железными дорогами — для переброски ее войск и техники... Уже с этого момента (подписания советско-германского пакта о ненападении. — Б. С.) я знал, что Сталин рано или поздно отпадет и перейдет в лагерь союзников. Должен ли я был выжидать и дальше, чтобы получше вооружиться?.. Мы дорого заплатили бы за отсрочку на неопределенное время. Нам пришлось бы уступить большевистским попыткам оказать вымогательское давление в отношении Финляндии, Румынии, Болгарии и Турции. Об этом не могло быть и речи».

Согласимся, что на самом деле ход войны ничуть бы не изменился, если бы Гитлер чуть промедлил и Сталин ударил бы первым. И в том, и в другом случае Красная Армия была бы в 1941 году наголову разбита, но Советский Союз все равно бы оказался среди победителей. Четыре фактора действовали в пользу советской стороны совершенно независимо от того, кто первый и когда начал бы советско-германскую войну. Эти факторы — численность населения СССР, в два с половиной раза превосходившая численность населения Рейха со всеми присоединенными территориями; бескрайнее российское пространство, благодаря которому Красная Армия могла отступать все дальше и дальше в глубь страны, а немцы все больше расплывали силы в связи с колоссальным удлинением линии фронта и необходимостью оккупации огромной территории, превосходившей по площади все вместе взятые страны, захваченные Германией в Западной Европе; прочность советского строя благодаря полному отсутствию организованной оппозиции,

тотальной пропаганде и неинформированности населения, а также хорошо развитой машине террора, способной пережить почти любые кризисы; и, наконец, не последнюю роль сыграла помощь западных союзников — США и Британской империи, как в форме ленд-лиза, так и в форме боевых действий союзных вооруженных сил на разных фронтах. Адъютант Гитлера Николаус фон Белов утверждал: «Русское пространство было для вермахта слишком велико. Расстояние от Ленинграда до Эльбруса на Кавказе равнялось 3000 км. Гитлер предпринял поход на Россию, предполагая, что ему удастся сломить силы противника точно так же, как это удавалось в предшествующих кампаниях. В России все было по-другому. У противника имелись неисчерпаемые резервы. В эти недели и месяцы (сражения под Сталинградом. — Б. С.) впервые выявилась недостаточность сил для поставленной Гитлером задачи».

Отсутствие хотя бы одного из этих факторов обрекало СССР на поражение, совокупность всех четырех делала неизбежной поражение Германии. В этих условиях действия Сталина и Гитлера в 1940 и 1941 годах значили уже сами по себе очень мало. Расклад сил был определен еще осенью 1939 года, и к июню 1941 года и у США, и у Англии не было другого выхода, как поддержать СССР, ибо победа более сильной в военно-экономическом отношении Германии создавала для западных держав смертельную опасность. К тому времени Англия не на жизнь, а на смерть воевала с Германией, а США, формально не вступая еще в войну, оказывали всемерную поддержку своему британскому союзнику. Две эти державы никак не могли уже сменить фронт 22 июня и поддержать Германию, хотя режим Сталина не вызывал ни в Англии, ни в США никаких симпатий. Президент Франклин Руз-

вельт еще в период финской войны назвал советскую диктатуру, обрушившуюся на маленькую, но свободную Финляндию, «самой абсолютной диктатурой в мире». Но после германского нападения на Советский Союз у Рузвельта и Черчилля не было другого выбора, кроме как помогать этой диктатуре.

И надо признать, что цели и у Германии, и у СССР в начавшейся между ними войне были никак не благородными, а экспансионистскими, захватническими. Германия на пике успеха захватила большую часть континентальной Европы. Если США и Англия в результате Второй мировой войны никак не расширили свои территории, а, напротив, уступили Советскому Союзу своих бывших союзников Чехословакию и Польшу, а также Румынию и Прибалтику, не говоря уже о других балканских государствах, находившихся в орбите Германии, то СССР значительно расширился на Запад, приобретя также в сферу влияния Восточную Европу и часть Германии. И с точки зрения конечного результата сталинскую политику в 1939—1941 годах нельзя назвать ошибочной. Он стремился к экспансии и создал необходимые военно-дипломатические условия для ее осуществления.

Тем не менее неожиданность германского нападения, чему непредвиденным образом содействовали наступательные планы Сталина, принесла Красной Армии немало тяжелых мгновений и дополнительные потери. Поскольку вплоть до июня 1941 года в СССР декларировалась дружба и добрососедство с Германией, общество оказалось морально неготовым к войне. Как верно заметил голландский историк Луи де Йонг, «пожалуй, ни для какого другого народа немецкое вторжение не было такой неожиданностью, как для народов Советского Союза».

Сражения Второй мировой: в зеркале мифа

В этой главе я остановлюсь на некоторых мифах, связанных с отдельными, наиболее значительными сражениями Второй мировой войны с участием вермахта. При этом я отнюдь не собираюсь давать общий очерк этой величайшей войны в истории человечества, поскольку такой очерк даже в сжатом виде потребовал бы труда, значительно превышающего по объему данную книгу. Рассмотрю только некоторые эпизоды, делая упор на то, что существующие мнения об ущербности германской стратегии и вопиющих, кричащих ошибках Гитлера и его генералов как в осуществлении отдельных операций, так и в ведении войны в целом изрядно преувеличены.

Вопреки широко распространенному мнению, предлогом для германского нападения на Польшу послужила не организованная немцами провокация с нападением переодетых в польскую военную форму немецких уголовников на радиостанцию в Глейвице в германской Верхней Силезии. Город Глейвиц даже не был упомянут по имени Гитлером ни в речи в рейхстаге, ни в обращении к войскам. Было упомянуто просто несколько пограничных инцидентов, без какой-либо конкретизации, и утверждалось, что утром 1 сентября польские солдаты впервые вторглись на германскую территорию (подразумевалась провокация в Глейвице). Выступая 1 сентября 1939 года в рейхстаге, по случаю объявления войны Польше, Гитлер заявил: «Сначала была мобилизация, но потом и усиление террора и давления на наших соотечественников и с медленным выдавливанием их из вольного города Данцига — экономическими, политическими, а в последние недели — военными средствами.

Польша обрушила нападки на вольный город Данциг. Более того, Польша не была готова уладить проблему Коридора разумным способом, с равноправным отношением к обеим сторонам, и она не думала о соблюдении своих обязательств по отношению к нацменьшинствам...

В течение четырех месяцев я молча наблюдал за событиями, хотя и не прекращал делать предупреждения. В последние несколько дней я ужесточил эти предупреждения. Три недели назад я проинформировал польского посла, что если Польша продолжит посылать Данцигу ноты в форме ультиматумов, если Польша продолжит свои притеснения против немцев и если польская сторона не отменит таможенные правила, направленные на разрушение данцигской торговли, тогда Рейх не останется праздным наблюдателем. Я не дал повода сомневаться, что те люди, которые сравнивают Германию сегодняшнюю с Германией прежней, обманывают себя.

Была сделана попытка оправдать притеснения немцев — были требования, чтобы немцы прекратили провокации. Я не знаю, в чем заключаются провокации со стороны женщин и детей, если с ними самими плохо обращаются и некоторые были убиты. Я знаю одно — никакая великая держава не может пассивно наблюдать за тем, что происходит, длительное время...

Депутаты, если бы германское правительство и его фюрер терпеливо бы сносили такое обращение с Германией, то заслуживали бы лишь исчезновения с политической сцены. Однако не прав окажется тот, кто станет расценивать мою любовь к миру и мое терпение как слабость или даже трусость. Поэтому я принял решение и вчера вечером проинформировал британское правительство, что в этих обстоятельст-

вах я не вижу готовности со стороны польского правительства вести серьезные переговоры с нами.

Эти предложения о посредничестве потерпели неудачу, потому что в то время, когда они поступили, прошла внезапная польская всеобщая мобилизация, сопровождаемая большим количеством польских злодеяний. Они повторились прошлой ночью. Недавно за ночь мы зафиксировали 21 пограничный инцидент, прошлой ночью было 14, из которых 3 были весьма серьезными. Поэтому я решил прибегнуть к языку, который в разговоре с нами поляки употребляют в течение последних месяцев. Эта позиция Рейха меняться не будет.

Я бы хотел прежде всего поблагодарить Италию, которая всегда нас поддерживала. Вы должны понять, что для ведения борьбы нам не потребуется иностранная помощь. Мы выполним свою задачу сами. Нейтральные государства уверили нас в своем нейтралитете, так же, как и мы гарантируем их нейтралитет с нашей стороны.

Когда государственные деятели на Западе заявляют, что это идет вразрез с их интересами, я только могу сожалеть о таких заявлениях. Это не может ни на мгновение смутить меня в выполнении моих обязанностей. Что более важно? Я торжественно уверил их, и я повторяю это — мы ничего не просим от западных государств и никогда ничего не попросим.

Я объявил, что граница между Францией и Германией — окончательна. Я неоднократно предлагал Англии дружбу и, если необходимо, самое близкое сотрудничество, но такие предложения не могут быть только односторонними. Они должны найти отклик у другой стороны...

Я предназначен, чтобы решить (1) проблему Данцига; (2) проблему Коридора; и (3) чтобы обеспечить

изменение во взаимоотношениях между Германией и Польшей, которая должна гарантировать мирное сосуществование. Поэтому я решил бороться, пока существующее польское правительство не сделает этого либо пока другое польское правительство не будет готово сделать это. Я решил освободить германские границы от элементов неуверенности, постоянной угрозы гражданской войны. Я добьюсь, чтобы на восточной границе воцарился мир, такой же, как на остальных наших границах.

Для этого я предприму необходимые меры, не противоречащие предложениям, сделанным мною в рейхстаге для всего мира, то есть я не буду воевать против женщин и детей. Я приказал, чтобы мои воздушные силы ограничились атаками на военные цели. Если, однако, враг решит, что это дает ему карт-бланш, чтобы вести войну всеми средствами, то получит сокрушающий зубодробительный ответ.

Прошедшей ночью польские солдаты впервые учинили стрельбу на нашей территории. До 5.45 утра мы отвечали огнем, теперь бомбам мы противопоставим бомбы. Кто применяет боевые газы, пусть ждет, что мы применим их тоже. Кто придерживается правил гуманной войны, может рассчитывать, что мы сделаем то же самое. Я буду продолжать борьбу против кого угодно, пока не будут обеспечены безопасность Рейха и его права.

Прошло шесть лет, как я тружусь на благо германской обороны. Более 90 миллиардов потрачено за это время на вооруженные силы. Они теперь лучше экипированы и несравнимы с тем, какими они были в 1914 году. Моя вера в них непоколебима. Когда я создавал эти силы и теперь, когда я призываю германский народ к жертвам и, если необходимо, к самопожертвованию, я имел и имею на это право, потому что

сегодня я сам полностью готов, как и прежде, принести себя в жертву».

В той же речи Гитлер утверждал: «Не хочу ничего иного, кроме как быть первым солдатом Германского Рейха. Вот почему я снова надел тот мундир (времен Первой мировой войны), который издавна был для меня самым святым и дорогим. Я сниму его только после победы, ибо поражения я не переживу». В этом мундире пять лет и восемь месяцев спустя фюрер застрелился в подвале рейхсканцелярии, к которой приближались советские войска.

В обращении к вермахту 1 сентября 1939 года Гитлер настаивал: «Польское государство отказалось от мирного урегулирования конфликта, как хотел этого я, и взялось за оружие. Немцы в Польше подвергаются кровавому террору и изгоняются из своих домов. Нескольким случаям нарушений границы, которые нестерпимы для великого государства, доказывают, что Польша не намерена с уважением относиться к границам Империи.

Чтобы прекратить это безумие, у меня нет другого выхода, кроме как отныне и впредь силе противопоставить силу. Германская армия будет сражаться за честь и жизнь возрожденной Германии без колебаний. Я рассчитываю, что каждый солдат, верный вечным германским воинским традициям, будет всегда помнить, что он является представителем национал-социалистической великой Германии. Да здравствует наш народ и наш Рейх».

Таким образом, пограничные инциденты, спровоцированные самими немцами, были лишь одним из поводов к войне, притом не главным. Большой упор делался на проблему Данцига, отказ Польши предоставить экстерриториальный коридор для связи «вольного города» с Рейхом и на притеснения немец-

кого меньшинства в Польше. По разным оценкам, оно насчитывало от 750 тыс. до 1 млн. человек. Случаи насилия по отношению к представителям немецкого меньшинства действительно были, но только после германского вторжения в Польшу немцев стали убивать. Например, в Торуни были расстреляны 34 немца, которых обвинили в том, что они сигнализировали немецким самолетам. До этого же, после денонсации Гитлером 28 апреля 1939 года германо-польского договора о ненападении, против немцев в Польше был принят ряд ограничительных мер. В частности, было закрыто подавляющее большинство немецких школ, немецких сельхозкооперативов, а ряд активистов немецких общественных и культурных организаций арестован. Были закрыты все немецкие клубы и разгромлено несколько магазинов, принадлежавших немцам. В то же время с началом войны ряд немцев действительно устраивали диверсии на мостах и дорогах и служили проводниками для вторгшихся частей вермахта. В Верхней Силезии немецкие партизанские отряды нападали на позиции польских войск. Но масштаб репрессий против немцев со стороны польских властей был несопоставим с карательными акциями против поляков, которые развернули оккупационные власти генерал-губернаторства.

Быстрый захват Польши стал первой успешной операцией вермахта во Второй мировой войне. Он заставил замолчать противников войны внутри Германии, привел к росту популярности Гитлера. Но мало кто знает, что первой жертвой Гитлера могла стать не Польша, а Франция. Всего за несколько месяцев до начала войны он всерьез рассматривал возможность сначала нанести главный удар против Франции. Еще 23 мая 1939 года, выступая перед гене-

ралами вермахта, фюрер утверждал: «Проблема Польши неотделима от столкновения с Западом. Внутренняя прочность Польши в борьбе с большевизмом сомнительна. Поэтому и Польша тоже — сомнительный барьер от России. Военное счастье на Западе, которое может повлечь быстрое окончание войны, стоит под вопросом, так же как и поведение Польши. Перед нажимом России польский режим не устоит. В победе Германии над Западом Польша видит опасность для себя и попытается нас этой победы лишиться.

Поэтому вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает, и остается решение при первом же подходящем случае на нее напасть. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции Польши имеет решающее значение... Нельзя допустить одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией).

Если же уверенности в том, что в процессе германо-польского конфликта война с Западом будет исключена, нет, борьба должна вестись в первую очередь против Англии и Франции.

Столкновение с Польшей, начатое нападением на нее, может привести к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры. Если это невозможно, тогда лучше напасть на Запад и при этом одновременно ликвидировать Польшу».

Только надежда на то, что Англия и Франция не смогут быстро предпринять активных действий против Германии во время вторжения в Польшу, и расчет на советское содействие в оккупации Польши толкнули Гитлера на решение сперва разделаться с Польшей и, вопреки первоначальным намерениям, лишь затем перейти в наступление на западе. Это обеспечило быстрый разгром Польши, но, возможно, затянуло на полгода крах Франции. Трудно однозначно ска-

зять, сделала ли бы реализация «французской альтернативы» условия ведения войны более благоприятными для Германии. В этом случае Франция скорее всего была бы побеждена еще осенью 1939 года. Однако далеко не факт, что британский экспедиционный корпус подвергся бы при таком развитии событий уничтожению. Очень вероятно, что тогда англичане вообще не успели бы высадиться на континенте. А если бы высадились, то оказались бы ближе к портам, чем в июне 1940 года, а значит, им было бы легче эвакуироваться обратно на Британские острова. В любом случае германское наступление на западе еще в сентябре 1939 года не могло привести к поражению Англии. Равным образом и более позднее наступление в конце октября или в ноябре, как первоначально планировал Гитлер после краха Польши, которое оказалось невозможным из-за неблагоприятных погодных условий, не могло сокрушить главного противника Германии. Люфтваффе в тот момент была еще более слабой, чем летом 1940 года, и не имела реальной возможности помешать эвакуации английского экспедиционного корпуса, а затем обеспечить высадку немецкой армии на Британские острова. Германский военный флот осенью 1939 года был немного сильнее, чем летом 1940 года, поскольку еще не понес тяжелых потерь в ходе Норвежской операции. Однако и тогда он был на порядок слабее британского, чтобы всерьез думать с его помощью обеспечить реализацию плана «Морской лев» — высадку нескольких десятков дивизий на Британские острова. К тому же у немцев не хватало транспортных судов для столь масштабной десантной операции. Кстати сказать, даже при условии разгрома Франции еще осенью 1939 года из-за погодных условий высадку на Британские острова все равно можно было пытаться осуществить не ра-

нее мая 1940 года. Думаю, что и при таком развитии событий Гитлер в конечном счете отказался бы от ее осуществления и обратил бы свои взоры на Восток. Каким бы был здесь наиболее вероятный сценарий дальнейшего хода войны?

Оставшись один на один с победившей Францию Германией, Польша скорее всего попыталась бы все-таки найти взаимопонимание с Советским Союзом. Не исключено, что тогда поляки пошли бы на союз со Сталиным, как это сделал румынский король в 1944 году, свергнув маршала Иона Антонеску. И Сталин скорее всего пошел бы на такой союз, чтобы не оставаться с победоносным Рейхом один на один. Замечу, что в этом случае геополитическое положение Советского Союза было бы даже более благоприятным, чем в июне 1941 года. Вряд ли к тому времени Сталин успел бы осуществить агрессию против Финляндии и оккупацию румынских Бессарабии и Северной Буковины, равно как и оккупацию прибалтийских стран. В этом случае СССР мог бы рассчитывать на нейтралитет Финляндии и Румынии, а страны Балтии, возможно, даже заключили бы с ним оборонительный союз против Германии.

Кстати сказать, при таких обстоятельствах далеко не факт, что Гитлер решился бы атаковать Польшу и Советский Союз еще весной-летом 1940 года. Вполне возможно, что он предпочел бы подождать развертывания новых дивизий вермахта, особенно танковых, и усиления люфтваффе и отложил бы войну против России до 1941 года. Тогда бы примерно повторился реальный сценарий плана «Барбаросса», за тем исключением, что на стороне вермахта, вероятно, не было бы финских и румынских дивизий, а вместе с Красной Армией сражались бы польские дивизии. Вероятно, советские и польские войска все равно

бы потерпели поражение, но оно не было бы столь всеобъемлющим, как реальная катастрофа 1941 года. И тогда, вполне возможно, перелом на Восточном фронте в пользу Красной Армии был бы достигнут уже в 42-м, а не в 43-м году.

Но мог реализоваться и другой сценарий: Гитлер рискнул бы напасть на Польшу и СССР еще весной или в начале лета 1940 года. В этом случае вермахт, конечно же, был бы слабее, чем год спустя, и располагал бы значительно меньшим числом танков и самолетов. Правда, в таком случае Гитлер, вероятно, не стал бы оккупировать Норвегию и Балканы, и туда не пришлось бы отвлекать значительную часть германских вооруженных сил, которые можно было бы использовать в Восточном походе. А что же Красная Армия? Весной 1940 года она еще не имела на вооружении танков «Т-34» и «КВ», а также самолетов новых конструкций, по своим тактико-техническим характеристикам способных противостоять германским истребителям «Ме-109». Но надо признать, что и в 1941 году наши бойцы и командиры не смогли использовать новейшую технику должным образом, так как еще не научились уверенно управлять ею. Поэтому наличие новых танков и самолетов у советской стороны почти никак не повлияло на ход боевых действий в 1941 году. Соответственно, их отсутствие в 1940-м также не могло существенным образом осложнить положение Красной Армии. В значительной мере отсутствие новейших видов боевой техники было бы компенсировано наличием союзных польских дивизий, а также тем немаловажным обстоятельством, что на стороне Германии не было бы румынских и финских дивизий. Так что решение Гитлера отказать от первого удара по Франции и расправиться, по классическим канонам стратегии, сначала со сла-

бейшим противником — Польшей, никак нельзя признать ошибочным.

Другое дело, что даже в случае, если каким-нибудь чудом план «Барбаросса» оказался бы полностью осуществленным, то это все равно не привело бы Гитлера к конечной победе во Второй мировой войне. Предположим — только предположим, ибо шансов на реальное воплощение такого сценария не было никаких, что немецкие войска в ходе кампании 1941 года и еще до начала распутицы, то есть до середины октября, достигли бы вожделенной линии А-А: Архангельск — Астрахань, что было заявлено конечной целью операции «Барбаросса». Подчеркну, что это было бы просто чудом, поскольку требовало таких темпов продвижения вермахта, которые не были достигнуты ни разу не только в ходе французской и польской кампаний, но даже и в самые успешные периоды кампании 1941 года в России. На самом деле для этого требовался полный крах сталинского режима, что никак нельзя было предвидеть заранее. Так вот, вообразим себе, что формальная цель «Барбароссы» была бы достигнута и германские войска в России сталкиваются только с разрозненным сопротивлением остатков Красной Армии значительно восточнее Москвы, не способных к наступательным операциям, и действиями партизан. Подобный сценарий реализован в фантастическом романе Роберта Харриса «Фатерланд», более известном по одноименному голливудскому фильму. Но ведь даже победа в России сама по себе не гарантировала Германии выигрыш войны в целом. Ведь оставалась еще Британская империя, а за ней — Соединенные Штаты.

Только тогда, возможно, исход войны пришлось бы решать, в случае поражения СССР, применением американской атомной бомбы не против Японии, а

против Германии. Британские острова Гитлер бы все равно захватить не смог из-за отсутствия достаточных сил авиации и флота. Да и поражение СССР и в случае разгрома Франции еще в 1939 году выглядит маловероятным. Ведь и при таком развитии событий Британской империи пришлось бы в борьбе за свое существование помогать Советскому Союзу всеми имеющимися средствами. Да и США вряд ли бы остались в стороне и, вполне возможно, вступили бы в войну на год раньше, еще в 1940 году. Скорее всего, двум державам удалось бы рано или поздно восстановить советскую военную мощь и обойтись без применения атомного оружия в густонаселенной Европе.

На самом деле даже захват Астрахани и Архангельска не позволял еще силами авиации вывести из строя Уральский промышленный район, что оставляло для советского сопротивления мощную базу. В любом случае, если бы советское государство не рухнуло в 1941 году, стратегическое положение Германии становилось безнадежным. Ей навязывалась борьба на истощение, для которой у Гитлера не было ни экономических, ни людских ресурсов.

Реальный же сценарий наступления вермахта во Франции был неожиданно подкорректирован погодой, как выяснилось впоследствии — в благоприятную для немцев сторону. 9 октября 1939 года Гитлер издал приказ о наступлении на западе, предусматривающий проведение наступательной операции на северной оконечности Западного фронта: «Дальнейшее выжидание приведет не к отказу Бельгии и Голландии от благоприятного для наших западных противников нейтралитета, а в значительной мере усилит военную мощь наших врагов, лишит нейтральные страны веры в окончательную победу Германии и не будет способствовать привлечению Ита-

лии на нашу сторону в качестве военного союзника... В связи с этим для продолжения военных действий приказываю...

а) Подготовить наступательную операцию на северном фланге Западного фронта на территории Люксембурга, Бельгии и Голландии. Наступление должно быть начато максимальными силами и в возможно кратчайшие сроки.

б) Целью операции должен стать разгром максимального количества оперативных соединений французской армии и воюющих на ее стороне союзников и одновременный захват как можно большей территории Голландии, Бельгии и Северной Франции в качестве плацдарма для развертывания воздушных и морских действий против Англии и обеспечения жизненно важной Рурской области».

В первые дни войны Гитлер выдвинул лозунг: «Победа будет за нами». И потом не раз повторял его как магическое заклинание. Однако сам он далеко не был уверен в победе, о чем не раз говорил на совещаниях с министрами и генералами. Так, 23 ноября 1939 года, после победы над Польшей и в период интенсивной подготовки вторжения во Францию, Гитлер заявил: «Пусть всех нас вдохновляет дух великих мужей нашей истории! Судьба требует от нас не большего, чем от них. И пока я жив, я буду думать о победе моего народа. Я не остановлюсь ни перед чем, я уничтожу каждого, кто против меня... Я хочу уничтожить врага. За мной — весь германский народ... Только тот, кто борется с судьбой, может рассчитывать на помощь Провидения. За последние годы я не раз переживал это. И в нынешнем ходе событий я тоже вижу его волю.

Если мы победоносно выстоим в борьбе — а мы выдержим ее! — наше время войдет в историю нашего народа. Я выстою или паду в этой борьбе. Поражения

моего народа я не переживу. Никакой капитуляции вне страны, никакой революции — внутри ее».

Фюрер сознавал, что любое затягивание войны гибельно для Германии. Поэтому Гитлер торопился расправиться с Францией. 25 ноября 1939 года он говорил своему адъютанту фон Белову, что надо как можно скорее покончить с противником на Западе, чтобы развязать руки против России. Николаус фон Белов вспоминал: «Он продолжал упрекать Браухича и Гальдера за их отрицательное отношение к наступлению на западе. «100 германских дивизий, которые сейчас формируются, в данный момент количественно превосходят дивизии англичан и французов. Но уже через полгода все может измениться», — говорил фюрер. Это было его главной заботой, ибо он и сам не знал, каким темпом будут вооружаться оба крупных западных государства. Кроме того, Гитлер хотел, чтобы его сухопутные войска к весне были высвобождены для крупной операции на востоке против России. Это — первый намек насчет России, который я услышал от фюрера; он показался мне утопическим. Для него же это было явно давно продуманным планом, осуществить который Гитлер предназначал вермахту».

Но немедленной реализации плана разгрома Франции помешала оттепель. Как отмечал впоследствии Йодль, «сильнее Гитлера оказался только бог природы. Похолодание так и не наступило. Пришлось ожидать сухой весны. Дата 10 мая 1940 года была выбрана правильно. Гитлер наметил направление прорыва через Мобеж на Аббевиль. Планы Генерального штаба по охвату противника он сломал путем поначалу осторожного, а потом все более настойчивого и бесцеремонного вмешательства в оперативное руководство». Гитлер поддержал план Манштейна на-

нести главный удар в южной Бельгии, в том числе в считавшихся непроходимыми для танков Арденнах, тогда как руководство сухопутной армии собиралось, как и в Первой мировой войне, наносить главный удар в северной и центральной Бельгии. В итоге была доказана правота Гитлера и Манштейна. Германские танки смогли преодолеть Арденнский массив и нанесли удар там, где французское командование его не ожидало.

Среди историков и широкой публики весьма распространено мнение, что Гитлер отдал «стоп-приказ», приостановивший наступление германских танковых дивизий на Дюнкерк в мае 1940 года и тем самым будто бы спасший британский экспедиционный корпус от разгрома, который был дан в связи с подготовкой войны против СССР. Некоторые историки полагают, что именно «стоп-приказ» не позволил вывести Англию из войны и предотвратить войну на два фронта, а тем самым предопределил и конечное поражение Германии. Гитлер будто бы хотел сохранить свои танковые войска в преддверии похода на Россию. Как будто за год, который оставался до операции «Барбаросса», их бы не удалось пополнить новой техникой! Главное же, позволив английским войскам эвакуироваться на Британские острова (причем фюрер заранее рассчитывал, что они бросят во Франции все тяжелое вооружение), Гитлер собирался таким довольно странным образом найти путь к сепаратному миру с Англией. Иначе будто бы гордые британцы были бы унижены и решили бы драться до конца. Как будто полное уничтожение британских войск не сделало бы Лондон еще более склонным к миру! В действительности все было совсем не так. Англичане к тому времени уже раскрыли секрет германских шифровальных машин и читали

переговоры германских штабов на Западе. Это помогло английскому командованию принять правильное решение. Контратака двух английских танковых батальонов у Арраса так напугала командующего группой армий «Юг» Рундштедта, что он добился от Гитлера получения 24 мая приказа на остановку наступления германских танков у Ла-Манша по линии Ланс — Гравелин в 16 км от Дюнкерка. Через два дня наступление возобновилось, но англичане сумели удержать подступы к Дюнкерку, пока к 4 июня не были эвакуированы 224 тысячи британских солдат и 114 тысяч — французских. Люфтваффе, вопреки обещанию Геринга, не смогла воспрепятствовать эвакуации. Никто из историков почему-то не обращает внимание на следующее интересное обстоятельство: после того, как немцы остановились, Горт тоже не сразу получил приказ на отступление. В Лондоне решали, есть ли еще шансы на продолжение борьбы, устоят ли французы, имеет ли смысл оставлять английскую армию во Франции. Только 26 мая, в день возобновления германского наступления, Горту приказали начать отход к Дюнкерку с целью последующей эвакуации. Вот что сообщает по этому поводу известный британский теоретик Джон Фуллер, близкий к Министерству обороны: «Быстрое наступление с юга вместе с неуклонным давлением с востока заставило все левое крыло союзных армий собраться в равностороннем треугольнике, основанием которого служила линия Гравелин, Тернеуцен, а вершина располагалась немного севернее Камбре. Северная половина восточной стороны треугольника удерживалась бельгийской армией, которая 24 мая подверглась ожесточенной бомбардировке. 25 мая она начала поддаваться. На следующий день, когда исчезла всякая надежда, что французские армии, найдя-

шиеся южнее Соммы, будут наступать на север, лорд Горт получил приказ: отступлением к побережью спасти все, что еще можно спасти от его армии». Можно не сомневаться, что если бы германские танковые группы продолжали 24-го безостановочное движение к Дюнкерку, отступление англичан началось бы соответственно двумя днями раньше. Дело было не в каких-то задержках или ошибках, а в совершенно объективных вещах. Британская армия, в отличие от французской или бельгийской, не потеряла присутствия духа. Тех сил, которыми располагал Горт, включая 3 танковые бригады (последняя, 3-я, высадилась во Франции 25 мая, уже только затем, чтобы прикрыть эвакуацию), вооруженных тяжелыми танками с сильной броней, было вполне достаточно для того, чтобы удерживать небольшой дюнкеркский плацдарм, где линия фронта была мала, а плотность боевых порядков максимальна, в течение 10 дней, необходимых для подготовки и проведения эвакуации. Англичанам помогла и тихая, ясная погода. Волнения на море не было, и для эвакуации удалось использовать все суда, включая малотоннажные шхуны, яхты и катера. Кроме того, британская авиация не уступила люфтваффе господство в воздухе над Ла-Маншем. «Харрикейны» и «Спитфайеры» не уступали «Мессершмитам», а британские летчики дрались не хуже асов Германа Геринга. Поэтому уничтожить армию Горта реальных шансов у немцев не было. Тем не менее, разгром союзников в ходе операции «Гельб» был впечатляющим. Около миллиона французов, голландцев и бельгийцев, попавших в окружение, оказались в плену.

Вопреки распространенному мнению, у Гитлера не было шансов успешно высадиться на Британские острова в 1940 году. И осуществление операции

«Морской лев» он отложил не из-за того, что торопился напасть на СССР, а из-за проигрыша воздушной «битвы за Британию». План нападения на СССР, позднее вылившийся в операцию «Барбаросса», действительно начал готовиться параллельно с операцией «Морской лев» — десантом на Британские острова. Однако осуществлять их собирались последовательно. Сначала, не позднее сентября 1940 года, вермахт должен был оказаться в Англии и до конца года завершить покорение владычицы морей. А потом, расправившись с Англией, Гитлер рассчитывал уже весной 1941 года обрушиться на Россию всей мощью вермахта.

О том, как зарождалась идея русской кампании, хорошо рассказал адъютант Гитлера от люфтваффе полковник Николаус фон Белов. Он свидетельствовал: «21 июля (1940 года. — Б. С.) у Гитлера состоялась в Имперской канцелярии беседа с главнокомандующими составных частей вермахта. Он сказал, что ему еще не ясно, что будет с Англией. Если она войну продолжит, значит, она ждет перелома в позиции Америки или надеется на помощь России. В нашем плане высадиться в Англии фюрер видел большой риск. У Сталина есть связь с Англией, и он заинтересован в том, чтобы держать ход политического развития в Европе в подвешенном состоянии. Надо очень тщательно следить за Россией и обдумать план нападения на нее. Гитлер придавал величайшее значение сохранению этого плана в тайне, пока еще на уровне продуывания его генеральным штабом, чтобы уяснить самому себе размеры этой задачи, получить представление о ее сроках и целях.

Затем фюрер отправился на Байройтский фестиваль. Он побывал 23 июля на вагнеровских «Сумерках богов». Это было его единственное и последнее за вре-

мя войны посещение вагнеровских торжеств. Спектакли в военные годы давались преимущественно для рабочих военных предприятий и раненых солдат.

В последующие дни Гитлер принял (частично в Берлине, а частично — на Оберзальцберге) ряд официальных визитеров. Побывали румынский, болгарский и словацкий премьер-министры, чтобы побороться за округление и сохранение своих государственных территорий. Начиная вырисовываться новый порядок в этом регионе. Фюрер по-прежнему предпочитал пока окончательных шагов не предпринимать и решение балканских вопросов отложить.

Голова его постоянно была занята мыслями о событиях в русском регионе. Он не раз велел прокрутить себе документальный фильм о зимних боях на финской границе, но, как и полгода назад, был разочарован, ибо не смог сделать из него окончательных выводов о моторизации, вооружении и боевой силе русской армии.

31 июля Гитлер снова вызвал к себе главнокомандующих тремя составными частями вермахта вместе с начальниками их генеральных штабов. Сначала Редер доложил о ведущихся работах по «Морскому льву». Возможными датами операции он назвал дни между 19 и 26 сентября. Но было бы лучше перенести ее на весну 1941 года. Фюрер на это не пошел, а решил провести 15 сентября. Начнется ли она в указанный день, будет зависеть от люфтваффе, которая уже в ближайшие дни должна начать усиленные налеты на аэродромы английской истребительной авиации, гавани и военно-морской флот. Если она добьется успехов, начнет действовать «Морской лев». В противном случае операцию эту придется отложить до 1941 года. Затем Гитлер обратился к проблеме России. Он уве-

рен, что англичане нашли новый контакт с нею. Фюрер предполагал русское нападение, начиная с осени 1941 года. Если же Россия будет разбита, Англия лишится большой помощи. Гитлер объявил свое окончательное решение: напасть на Россию весной 1941 года. Операции против нее должны привести к видимому успеху летом 1941 года. Гальдеру было поручено коренным образом изучить связанные с этим вопросы».

А вот как изложил первые этапы выработки плана нападения на Россию генерал Герман Гот, бывший командующий 3-й танковой группой: «Командующий сухопутными силами 21 июля 1940 года узнал на совещании у Гитлера, что последний вынашивает мысль о нападении на Россию. Ему было поручено начать разработку русской проблемы и продумать подготовку к ней. Совершенно неожиданно германскому генеральному штабу поставили задачу, которой он не занимался уже 25 лет. Не зная еще цели этой войны, генеральный штаб начал ее подготовку. Уже 6 июля 1940 года начальник отдела «Иностранные армии Востока» доложил начальнику генерального штаба основные данные для подготовки такой операции. Из них следовало, что самым благоприятным направлением развития операции при условии примыкания фланга к Балтийскому морю является московское направление, действия на котором вынудят группировку противника, расположенную на Украине и на Черноморском побережье, вести бои с перевернутым фронтом. На следующий день начальник оперативного отдела предложил создать сильную южную группировку. Однако начальник генерального штаба заявил, что он считает более целесообразным создание сильной северной группировки и намерен с самого начала планировать операцию с таким расче-

том, чтобы крупные силы противника, входящие в южную группировку, были вынуждены в результате немецкого наступления от Москвы на юг вести бои с перевернутым фронтом. 29 июля начальник штаба 18-й армии, находившейся в то время на Востоке, был вызван в Берлин, где получил задание разработать план операции против России. В это время Гитлеру, который собирался начать наступление на Россию еще осенью, доложили, что сосредоточение и развертывание войск вдоль восточной границы займет от четырех до шести недель. Целью операций указывалось «разбить русскую армию или по крайней мере продвинуться в глубину русской территории настолько, чтобы исключить возможность налетов авиации противника на Берлин и Силезский промышленный район».

31 июля Гитлер изложил свои намерения более конкретно и заявил, что охотнее всего начал бы наступление на Россию уже в этом году. Но этого нельзя делать, так как военные действия захватят и зиму, а пауза опасна; операция имеет смысл только в том случае, если мы разгромим русское государство одним ударом. Цель ее — уничтожение живой силы России. Одного захвата территории недостаточно. Операции должны развиваться по двум направлениям: первое — на Киев (фланг примыкает к Днепру) и второе — через Прибалтику на Москву. После этого войска, наступающие с севера и юга, соединяются. Для этих операций Гитлер считал достаточным 120 немецких дивизий. 60 дивизий оставлялись для оккупации Норвегии, Франции, Бельгии и Голландии.

26 сентября Гитлер беседовал наедине с гросс-адмиралом. Из высказываний фюрера после обсуждения обстановки я заключил, что Редер высказался против войны с Россией и выступил за применение

наших сил в восточной части Средиземного моря, то есть против Египта, Палестины, Ливана вплоть до Турции. На это фюрер сказал, что хотя точку зрения Редера и надо принять во внимание, но сначала нужно прозондировать позицию Испании. Самое главное на Средиземном море — это Гибралтар. Когда он окажется полностью в испанских или германских руках, можно поплотнее заняться и вопросом о восточном Средиземноморье».

Фактически Редер не верил в успех «Морского льва», а Гитлер скептически смотрел на борьбу в Средиземноморье, где главную роль должны были играть флот и авиация, которые у Германии были слабы относительно британских. Осенью 1940 года Гитлер приказал начать оборудовать новую ставку в Восточной Пруссии, чтобы закончить работу там к апрелю 1941 года.*

На следующий день, 1 августа 1940 года, Гитлер издал «Директиву № 17 о ведении воздушной и морской войны против Англии». В ней говорилось: «С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме... Германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию».

1 ноября 1940 года Геббельс, еще не зная о решении Гитлера напасть на СССР, записал в дневнике: «Англичане — народ упорный. Они еще продержатся. Фюрер будет атаковать их до тех пор, пока не окажутся разгромленными и поверженными наземь. Когда это произойдет — не знает никто. Но цель ясна. Они должны окончательно убраться из Европы. И здесь им не найти своей континентальной шпаги. Россия? Для этого Сталин слишком хитер. А наш вермахт — слишком силен. Сталин же хочет что-нибудь заработать на

этом деле, но отнюдь не идти на неопределенный риск. К румынским нефтяным промыслам мы не подпустим никого. Наши бомбы на Англию и наши торпеды сделают Черчилля помягче. Надо только иметь терпение и неотступно биться дальше».

Однако к началу сентября 1940 года стал очевиден проигрыш люфтваффе битвы за Британию. Без господства в воздухе начинать высадку на Британские острова было бессмысленно. Высадившиеся германские дивизии очень быстро превратились бы в лагерь вооруженных пленных, так как не было никакой возможности наладить им подвоз снабжения: германские суда были бы легко уничтожены британским флотом и авиацией.

Как справедливо отметил адъютант Гитлера от люфтваффе полковник Николаус фон Белов, «с оперативной точки зрения, люфтваффе после воздушной битвы за Англию больше никакой роли не играла и на выполнение крупных задач способна не была. Готовности авиаторов действовать не отвечала неправильная структура люфтваффе. Правда, она еще делала многое для поддержки сухопутных войск, но на западе — как это ясно показало лето 1944 года — в обороне Рейха безнадежно уступала авиации противника. Что же касается возрастающего качества русской фронтовой авиации, то значительное время наши летчики превосходили ее своим более высоким мастерством. Однако в дальнейшем они стали уступать и здесь ввиду продолжающейся амортизации материальной части. Из-за нехватки горючего (и при том, что самолетов у нас производилось достаточно) боевые действия вели слабо обученные и неопытные пилоты, становившиеся легкой добычей английских и американских».

По свидетельству фон Белова, «Гитлер одним из первых в германском командовании осознал, что воздушная война против Англии поставленной цели не достигла и достигнуть не сможет. Содержание его частных бесед об этом с Герингом неизвестно никому. Однако из услышанных мною реплик фюрера я понял, что взглядов Геринга на воздушную войну он не разделял. А поскольку воздушная битва над Ла-Маншем победы не принесла и королевские военно-воздушные силы сохранили боеспособность, фюрер должен был принимать другие решения. И он хорошо знал это...

13 сентября Гитлер пригласил главнокомандующих трех составных частей вермахта и вновь произведенных генерал-полковников к себе на обед и совещание по техническим вопросам, особенно насчет танков и противотанкового вооружения. На следующий день он снова вызвал всех главнокомандующих вместе с начальниками их генштабов для обсуждения акции «Морской лев». Не все они уже верили в ее выполнимость. Но фюрер по-прежнему выдавал «Морского льва» за наилучшее в то время решение для успеха в борьбе с Англией. Приготовления к высадке были закончены, теперь требовалось всего-навсего четыре-пять дней хорошей погоды, ибо малые суденышки не очень-то были пригодны для морской операции. Кроме того, люфтваффе должна была иметь возможность хотя бы несколько дней летать с утра до вечера. Погода же была крайне неустойчива. И все-таки фюрер решил пока операцию не отменять. Пусть англичане побудут в состоянии неопределенности! На требование люфтваффе разрешить ей воздушные налеты на жилые кварталы городов Гитлер возразил: производить их на военные объекты гораздо важнее. Налеты же с целью вызвать массовую панику — толь-

ко как последнее средство, ибо угроза британских контрналетов на германские города слишком велика.

От этого разговора у меня осталось впечатление, что Гитлер уже отказался от надежды провести успешное вторжение в Англию следующей весной. Осенью 1940 года его испугала неизвестность: удастся ли это достаточно импровизированное форсирование морской водной преграды? Он потерял уверенность.

22 и 24 сентября Гитлер принял авиаторов Мельдера и Галланда, одержавших по 40 побед в воздушных боях, и захотел получить от них ясную и трезвую картину воздушной войны. Сравнив это с тем, что ему говорили о собственной люфтваффе, он осознал: английская авиация все-таки сильнее. К тому же все время меняющаяся погода не давала летать непрерывно больше четырех-пяти дней подряд. Мельдерс подчеркнул, что каждая такая акция возможна только единожды, ибо потом требует восстановления летного состава. Качество командиров английских самолетов — такое же, как и немецких. Но у них, разумеется, есть несравнимое преимущество — они летают над своей страной. Сбитый англичанин может спастись, прыгнув с парашютом, а потом готов к новым вылетам. Командир же германского самолета в этом случае гибнет. Беседа произвела на фюрера очень большое впечатление, подкрепив его намерение пойти на риск вторжения только в том случае, если все козыри будут на руках именно у него».

После отмены «Морского льва» Гитлеру и его генералам стало ясно, что в 1941 году, с началом похода на Россию, им не избежать войны на два фронта, от которой предостерегал Германию Бисмарк и которая погубила кайзера в Первую мировую войну. Но выхода, как полагал Гитлер, все равно не было. Разгром Англии отодвигался на неопределенно долгий срок.

Вывести ее из строя до предполагаемого Гитлером времени нападения России на Германию — не позднее 1943 года — все равно бы не удалось.

Интересно послушать мнение относительно возможности высадки в Англии фельдмаршала люфтваффе Альберта Кессельринга, вероятно, самого талантливого авиационного и общевойскового командующего вермахта, наиболее успешно действовавшего на протяжении всей войны. Он полагал, что «Морской лев» имел шансы на успех только в том случае, если бы операция была предпринята вскоре после эвакуации англичан из Дюнкерка, причем при условии, что решающую роль в операции сыграла бы люфтваффе. Операцию люфтваффе против Англии, продолжавшуюся с 8 августа до 15 сентября 1940 года и направленную на уничтожение британской авиации, фельдмаршал считал слишком растянутой во времени и пространстве. Негативную роль играла и постоянная смена целей воздушных операций. Даже в случае успеха она обернулась бы для люфтваффе тяжелыми потерями. По мнению Кессельринга, авиаудары должны были бы занять лишь небольшой промежуток времени и стать непосредственной подготовкой вторжения. Действительно, срок, намеченный Гитлером для начала высадки в Англии, — середина сентября — был абсолютно нереалистичен. Даже если бы люфтваффе победила бы в битве за Британию и высадка прошла бы успешно, немецкие войска в Англии оказались бы в ловушке и вскоре были бы вынуждены сдаться. Ведь уже с конца сентября условия погоды, постоянные штормы в Ла-Манше, сделали бы практически невозможным регулярное снабжение экспедиционного корпуса, а за две недели сломить британское сопротивление наверняка бы не удалось. Кессельринг утверждал в мемуарах: «Кто не рискует, тот не побежда-

ет!.. Действия авиации, оставшейся в распоряжении англичан, можно было сдержать одним лишь огнем зенитной артиллерии... Британскую истребительную авиацию можно было благодаря соответствующей тактике рассеять, обработать огнем и уничтожить». Большую надежду Кессельринг возлагал также на самоходные паромы Зибеля, парашютистов и транспортную авиацию. Поскольку исход войны известен, надо признать, что высадка, предпринятая, таким образом, сразу после Дюнкерка, имела хоть какие-то шансы на успех. Но, как отмечает Кессельринг, даже осенью 1939 года, после победы в Польше, никаких планов высадки в Англии еще не разрабатывалось. Никто не ожидал столь быстрого краха Франции. Поэтому в июне 1940 года у вермахта практически не было транспортных средств для масштабного десанта.

5 декабря 1940 года Гитлер принял Браухича и Белова и, по свидетельству фон Белова, заявил им примерно следующее о будущей войне с Россией: «Русский человек неполноценен, а русская армия лишена командования. При нападении на Россию надо избежать опасности толкать русских к отступлению. Наступательные операции следует вести так, чтобы расчленив русскую армию на отдельные участки и брать ее в плен. Необходимо найти такие исходные позиции, которые позволили бы осуществить крупные операции на окружение. Гитлер ожидал больших частичных успехов, которые должны привести к тому, что в определенный момент в России наступит полная дезорганизация. Нападение на Россию было для него делом решенным».

Относительно первых сражений плана «Барбаросса» среди российских и зарубежных историков бытует мнение, что почти все советские самолеты были уничтожены мощными бомбово-штурмовыми удара-

ми люфтваффе. В действительности основная масса советской авиации в первые дни погибла не на аэродромах, а в воздушных боях, в которых выявилось полное превосходство асов люфтваффе над плохо подготовленными и скверно управляемыми советскими летчиками. Уже к 11 июля 1941 года число уничтоженных и поврежденных советских самолетов, по немецким данным, достигло 6293, а к 10 августа — 10 тыс. машин, главным образом в воздушных боях. В дальнейшем на несколько месяцев советские самолеты очень редко появлялись в небе, и их потери уменьшились.

Что же касается самолетов на аэродромах, то в первый день войны большие потери здесь отмечались только в полосе Западного фронта. Тут сыграла свою роль как ошибка командующего Западным фронтом генерала Д.Г. Павлова, разместившего аэродромы у самой границы, всего в 15—70 километрах, так и искусство фельдмаршала Кессельринга, командующего 2-м воздушным флотом, поддерживавшим самую мощную группу армий «Центр». Он применил оригинальный технический прием, обеспечивший полный успех. Бомбардировщики подошли к советским аэродромам на большой высоте ровно в 3 часа 15 минут, одновременно с началом артиллерийской подготовки, что обеспечило полную внезапность нападения. Против каждого аэродрома были брошены три бомбардировщика с экипажами, имевшими опыт ночных полетов. В результате в полосе Западного фронта было уничтожено на аэродромах 22 июня 528 из 1909 боевых самолетов, причем главным образом уничтоженные самолеты принадлежали к трем из шести авиадивизий округа (9-й, 10-й и 11-й), которые и располагались у самой границы. На Юго-Западном фронте на земле погибли 204 самолета из 2003,

на Северо-Западном фронте — 32 из 1140 и на Южном фронте — 23 из 950. Основная масса советских пилотов погибла в воздушных боях. Полковник Вернер Мельдерс, германский ас и инспектор истребительной авиации, докладывал: «Упрямство русских пилотов вошло в поговорку: они не уклонялись от огня зенитной артиллерии и не делали никаких защитных маневров, когда на них пикировали немецкие истребители. Их потери были огромны. Часто не удавалось уцелеть ни одному самолету из группы, участвовавшей в налете. Но они прилетали снова и снова. Следует ли этим восхищаться или качать головой из-за бессмысленности их жертвы?»

А вот как Кессельринг в своих мемуарах оценивал советские намерения в июне 1941-го: «Точка зрения Гитлера, состоявшая в том, что русские используют первый же удобный момент для того, чтобы на нас напасть, казалась мне абсолютно правильной. Кремль мог без труда найти предлог для внезапной атаки. В любом случае время было на стороне русских, а они, как никто, умели с толком его использовать. Из докладов специалистов люфтваффе, которые совсем недавно побывали в России, мне было известно о гигантской по своим масштабам программе наращивания военно-промышленного потенциала и производства вооружений, которую русские начали осуществлять и за которой в скором времени мы оказались бы неспособны угнаться. К сожалению, Геринг и Гитлер сочли эти доклады плодами чересчур разыгравшегося воображения». Таким образом, фельдмаршал, в отличие от многих других генералов и историков, отнюдь не считал нападение Гитлера на Сталина ошибкой, но и не утверждает, что Красная Армия готовилась к нападению на Рейх еще в 1941 году. Кессельринг в то же время подчеркивает наступательный характер наме-

рений потенциального противника. Число советских дивизий с сентября 1938 года по май 1941 года в приграничной 300-километровой полосе возросло с 65 до 189 (а по советским данным — до 172), причем войска концентрировались в основном в выступах, вклинивавшихся в германскую территорию. В одном только Белостокском выступе будто бы дислоцировалось до 50 соединений. А «размещение аэродромов русской военной авиации поблизости от границы красноречиво говорило о подготовке действий наступательного характера». Кессельринг полагает, что минусом «Барбароссы» был слишком поздний срок ее начала, хотя и признает, что к более раннему сроку, в частности, его 2-й воздушный флот не мог быть готов к военным действиям, как из-за недостатка резерва летного состава и зенитной артиллерии, так и из-за незавершенности инженерно-строительных работ и ливневых дождей, затормозивших подготовку вторжения. К плюсам же он относит то, что «в ходе двух крупных и двух небольших военных кампаний мы смогли приобрести опыт, которому русским нечего было противопоставить». Кессельринг удивлен, что советская авиация была застигнута врасплох на аэродромах, поскольку «после 20 июня у Кремля не могло оставаться больше никаких иллюзий». Отмечу, что фельдмаршал довольно точно оценивает как численность советских войск, так и понесенные ими потери в вооружении и боевой технике. Он считает, что группе армий «Центр» противостояло 1,5—2 млн. военнослужащих, группе армий «Юг» — столько же и несколько меньшая группировка — группе армий «Север». В первый же день на земле и в воздухе было уничтожено до 2500 самолетов, а всего к началу декабря 1941-го только 2-й воздушный флот уничтожил 6670 самолетов, 1900 танков, 1950 орудий, 26 тыс.

автомобилей и 2800 железнодорожных составов. По советским же данным, до конца 1941-го всего было потеряно 17,9 тыс. боевых самолетов, в том числе 10,3 тыс. — в боях. Поскольку наиболее интенсивные боевые действия шли именно на фронте группы армий «Центр», можно предположить, что на флот Кессельринга могло прийтись более половины советских боевых потерь. Кроме того, в число 6670 самолетов можно включать и часть эксплуатационных потерь.

В отечественной историографии и в народе распространено мнение, что все налеты на Москву были неудачными для немцев, и в них люфтваффе понесла катастрофически высокие потери. В действительности дело обстояло совсем не так благоприятно для советской стороны. Например, когда 22 июля 1941 года ночью люфтваффе совершила первый воздушный налет на Москву, в нем участвовали 200 бомбардировщиков, из которых, по разным оценкам, от 4 до 22 были сбиты. Потери эти никак не назовешь катастрофическими, тем более если учесть, что истинная цифра потерь ближе к нижнему, чем к верхнему пределу. При налете немцы использовали новейшие 2,5-тонные бомбы. Погибло 130 москвичей, 662 получили ранения, было разрушено 37 зданий. Как писал в мемуарах Кессельринг, «налеты на Москву вызывали у меня большую озабоченность. Сбитые экипажи приходилось окончательно вычеркивать из списков личного состава. Эффективность действий русских зенитчиков и осветителей, использовавших прожекторы, производила впечатление даже на тех наших пилотов, кому довелось летать над Англией. Кроме того, постепенно в воздухе стало появляться все больше русских истребителей — к счастью, только в дневное время. Результаты бомбардировок русской столицы

были несколько менее впечатляющими, чем я ожидал, но это можно объяснить размерами территории объекта бомбовых ударов, ослепляющим действием прожекторов, создававшим помехи нашим летчикам, а также тем, что бомбовую нагрузку наших самолетов приходилось уменьшить из-за необходимости брать на борт дополнительное топливо. Однако несколько лет спустя, когда меня допрашивали в лагере для военнопленных в Мондорфе в 1945 году, русская женщина, выступавшая в роли переводчицы, как-то упомянула об «ужасных последствиях бомбардировок», и я с радостью переменил свое прежнее мнение о степени успешности действий нашего доблестного летного состава».

Германский фельдмаршал отдал должное бойцам ПВО Москвы, летчикам, зенитчикам, прожектористам. В то же время из его рассказа видно, что ночью советские истребители не были в состоянии бороться с немецкими бомбардировщиками. Не говорит Кессельринг и об особо больших потерях, хотя и признает, что, поскольку даже уцелевшие пилоты сбитых самолетов попадали в плен, они были гораздо чувствительнее, чем при налетах в прифронтовой полосе. Причина же, почему по своей эффективности немецкие налеты на Москву не шли ни в какое сравнение с позднейшими бомбардировками англо-американской авиацией германских городов, заключалась в отсутствии у люфтваффе стратегических бомбардировщиков с большой бомбовой нагрузкой и радиусом действия.

Один из мифов, укоренившихся в историографии Второй мировой войны, заключается в том, что в августе 1941 года Гитлер совершил роковую ошибку, отказавшись от продолжения наступления на Москву, а бросив основные силы своих танковых войск на Киев

и Ленинград. Если бы было решено иначе, то, дескать, удалось бы захватить Москву и закончить войну в 1941 году.

Однако объективное рассмотрение этого вопроса показывает, что изменение приоритетов в германских целях привело бы только к некоторым частным изменениям в результатах боевых действий, но не изменило бы их итог, поскольку у вермахта просто не было сил для достижения всех целей, поставленных планом «Барбаросса». И уже через месяц после начала войны в России у германского руководства возникли серьезные сомнения в возможности одновременного достижения основных стратегических целей на всех направлениях. Еще 23 июля 1941 года Гальдер записал в дневнике: «Доклад у фюрера. Я доложил о положении противника и поставил вопрос о конечных целях операции. Фюрер продолжает упорно держаться поставленных целей, не считаясь с противником и другими факторами. Фон Бок вынужден будет отдать свои танковые группы и продолжать наступление на Москву одной пехотой. В настоящий момент Москва фюрера совершенно не интересует, а все его внимание приковано к Ленинграду... Цель операции фюрер видит в уничтожении сил противника в районе Ленинграда еще до выхода в район Москвы. Он полагает, что к периоду осенних дождей нашим подвижным соединениям удастся выйти к Волге и вступить на Кавказ. Остается пожелать, чтобы этот расчет был правильным. Вообще же жаль времени, потерянного на доклад».

4 августа 1941 года начальник германского Генштаба генерал Франц Гальдер записал в дневнике: «Фюрер придает особое значение Ленинграду, а также захвату южных районов — уголь, железо, уничтожение воздушной базы противника в Крыму; овладе-

нию Москвой фюрер не придает никакого значения». О совещании 4 августа вспоминал Гудериан: «Каждому участнику совещания предоставили возможность по очереди высказать свою точку зрения таким образом, что никто не знал, о чем говорил предыдущий участник совещания. Все генералы группы армий «Центр» единодушно высказались за то, чтобы продолжать наступление на Москву, имеющее решающее значение. Гот заявил, что его танковая группа может начать наступление не раньше, чем с 20 августа. Я заявил, что буду готов к 15 августа. Затем в присутствии всех участников совещания выступил Гитлер. Он заявил, что его первой целью является индустриальный район Ленинграда. Вопрос о том, наступать ли затем на Москву или на Украину, окончательно еще не был решен. Сам Гитлер был склонен начать с наступления на Украину, ибо в настоящее время группа армий «Юг» также добилась определенных успехов. Кроме того, он полагал, что сырьевые и продовольственные ресурсы Украины крайне необходимы для дальнейшего ведения войны и что, наконец, наступление на Украину даст ему возможность выбить из рук русских Крым, который, по мнению Гитлера, является «авианосцем Советского Союза, откуда ведутся налеты на нефтепромыслы Румынии». К началу зимы он надеялся овладеть Москвой и Харьковом. Окончательное же решение по этому важнейшему для нас вопросу о дальнейшем ходе войны в этот день не было принято».

Гудериан на всякий случай стал готовить свою 2-ю танковую группу к наступлению на Москву. 7 августа 1941 года Гальдер записал в дневнике: «Разговор с генералом Йодлем: каковы наши главные цели: хотим ли мы разбить противника или преследуем хозяйственные цели (захват Украины и Кавказа). Йодль: фю-

пер считает, что обе цели могут быть достигнуты одновременно... Я: на вопрос о том, что должно быть нами захвачено: Москва или Украина или Москва и Украина, следует ответить — и Москва, и Украина. Мы должны это сделать, ибо в противном случае мы не сможем разгромить противника до наступления осени... Йодль убедился в правильности этих положений и будет действовать, исходя из этого. Нам необходимо добиться от фюрера согласия... направить все силы группы армий Бока на захват Москвы». Но 11 августа план наступления, предусматривавший нанесение основного удара от Рославля на Вязьму, был отклонен командованием сухопутных сил. Тогда Гудериан предложил «вывести войска из уже ненужной нам ельнинской дуги, где мы все время несли большие потери. Однако командование группы армий и ОКХ (верховного командования сухопутных сил. — Б. С.) отклонили и это предложение, которое исходило из необходимости сбережения человеческих жизней, под нелепым предлогом, что «противнику на этом участке фронта еще труднее, чем нам».

21 августа Гитлер отверг предложение ОКХ о наступлении на Москву и дал директиву о подготовке ударов против Ленинграда и Украины. Туда направлялись танки из группы армий «Центр». Гудериан тремя днями позже безуспешно пытался убедить фюрера наступать на Москву. Гитлер настаивал на первоочередном овладении сырьевыми и продовольственными ресурсами Украины. 22 августа 1941 года он направил памятную записку главному командованию германских вооруженных сил, где требовал в первую очередь «захватить русские позиции в Прибалтике и овладеть районами Украины и Причерноморья — важной сырьевой и продовольственной базой для воссоздания русских вооруженных сил».

Гудериан и многие другие германские генералы до конца своих дней были убеждены, что из-за поворота на юг был упущен вполне реальный шанс захватить Москву еще до зимы 1941 года, нанести решающее поражение Красной Армии и победоносно закончить войну. Думаю, что здесь налицо глубокое заблуждение. Конечно, если бы группа армий «Центр» двинулась на Москву уже в 20-х числах августа, она точно так же, как это случилось в октябре, смогла бы окружить и уничтожить основные силы фронтов западного направления в районе Вязьмы и Брянска. Однако тогда, выбирая между Киевом и Москвой, Сталин наверняка предпочел бы пожертвовать столицей Украины, чтобы спасти столицу СССР и сердце России. Он перебросил бы под Москву войска с Юго-Западного фронта, что можно было сделать гораздо быстрее, чем везти дивизии с Дальнего Востока. В итоге немцам все равно не удалось бы захватить столицу, а войска Юго-Западного фронта в большей мере сохранили бы боеспособность, чем после киевской катастрофы.

На самом деле варианта выигрыша как войны с Советским Союзом, так и Второй мировой войны в целом, для Германии в 1941 году не существовало в принципе. В случае, если бы наступление на Москву было предпринято еще в августе, у Сталина осталась бы в распоряжении крупная боеспособная группировка войск Юго-Западного фронта, за счет которой можно было бы как усилить оборону Москвы, так и попытаться нанести удар во фланг группы армий «Центр». Во втором случае немцам пришлось бы против этого фронта операцию, аналогичную той, которую они и осуществили на практике в августе — сентябре. А в первом случае на преодоление сопротивления подкреплений, пере-

брошенных к Москве с юга, пришлось бы затратить дополнительные силы и время, что все равно не дало бы возможности захватить советскую столицу еще до начала распутицы. Кроме того, в обоих этих гипотетических случаях войска Юго-Западного фронта вряд ли бы понесли столь катастрофические потери, чем при реальном киевском окружении. Так что вряд ли стоит говорить в данном случае о какой-нибудь серьезной ошибке Гитлера.

По свидетельству фон Белова, «военное положение летом 1941 года Гитлер оценивал весьма позитивно. Он придерживался взгляда, что Сталин окажется вынужден в течение сентября бросить на фронт свои последние резервы. Если эти соединения будут обескровлены, упорное сопротивление прекратится, а нашим войскам останется только маршировать вперед. Этот оптимизм в отдельные дни был оправдан, но потом опять стали поступать донесения об упорном сопротивлении и тяжелых боях. В целом же Красная Армия находилась в состоянии отчасти регулируемого, а отчасти нерегулируемого отступления».

Все еще оставался открытым вопрос, следует или нет осуществить наступление на Москву в этом году. Гитлер был против, но уступил настояниям сухопутных войск».

Однако еще в разгар сражения за Киев Гитлер уже не сомневался, что завершить русскую кампанию в 1941 году не удастся. 13 сентября 1941 года начальник германского генштаба Франц Гальдер процитировал в дневнике выдержку из одобренного Гитлером обзора стратегического положения: «Разгром России является ближайшей и решающей целью войны, для достижения которой следует использовать все силы, не являющиеся необходимыми на других фронтах. Поскольку эта цель не будет достигнута в течение

1941 года, продолжение Восточной кампании в 1942 году должно стоять сейчас на первом месте в нашем стратегическом планировании». Это было признание краха надежд на блицкриг. Поэтому последнее наступление на Москву, предпринятое в начале октября 1941 года, вопреки распространенному мнению, преследовало цель не ликвидировать полностью советское сопротивление, а только создать более благоприятные позиции для кампании 1942 года. При этом вопрос, надо ли будет занимать Москву, вплоть до конца октября оставался открытым.

3 октября 1941 года, выступая по случаю начала кампании «зимней помощи», Гитлер заявил: «Число пленных сейчас достигло примерно 2 500 000 русских. Число захваченных или уничтоженных нашими руками орудий — приблизительно 22 000. Число захваченных или уничтоженных нашими руками танков — свыше 18 000. Число уничтоженных на земле и сбитых самолетов — свыше 14 500». Он также утверждал: «Мы понятия не имели, насколько грандиозными были приготовления этого врага против Германии и Европы и как невероятно велика была опасность, как мы чудом избежали разрушения не только Германии, но и всей Европы.

Что я могу сказать сейчас. Я говорю это только сегодня, потому что я могу сказать, что этот враг уже сокрушен и никогда не поднимется снова.

Его мощь была сконцентрирована против Европы, которая, к несчастью, ничего об этом не знала, а многие и сейчас не имеют об этом ни малейшего понятия. Это было бы второе нашествие Чингисхана. Тем, что эта опасность была предотвращена, мы обязаны в первую очередь храбрости, выносливости и самоотверженности германских солдат, а также самоотверженности наших союзников... Линия фронта, на котором

сражаются германские солдаты, от 800 до 1000 километров по карте. Реальная ее протяженность в полтора-два раза больше.

Они сражаются на фронте гигантской протяженности против врагов, которые не являются людьми, а скорее животными, или зверьми. Теперь мы знаем, в кого большевизм превращает людей.

Мы не можем описать гражданскому населению фатерланда то, что происходит на Востоке. Это превосходит все самое злое, что может породить человеческое воображение. Враг сражается со скотской жадной крови с одной стороны, и из страха перед коммиссарами, с другой стороны».

Здесь же фюрер говорил о Рейхе и вермахте почти теми же словами, какими Сталин говорил о Советском Союзе и Красной Армии: «Когда эта война закончится, то победит в ней германский солдат — представитель рабочих и крестьян, настоящий представитель народных масс.

Победа будет одержана германским тылом: миллионами рабочих — мужчин и женщин, — крестьян, творческой интеллигенцией. Все эти миллионы будут победителями. Те, кто трудится в тылу, имеют право знать, что это новое государство будет построено для них.

Фронтовой опыт породит еще большее количество фанатичных национал-социалистов. В Германии правит один закон: тот, кто способен повести за собой — в военной ли, в политической или экономической области, — будет уважаем и ценен в Германии, но еще более уважаемым будет простой труженик, без поддержки которого самый величайший правитель не добьется ничего. Это — решающее.

Германский народ может сегодня гордиться. У него лучшие политические руководители, лучший

генералитет, лучшие инженеры и управленцы в экономике, а также лучшие рабочие, лучшие крестьяне — лучшие люди.

Спать всех этих людей в одно нерасторжимое сообщество — вот задача, которую решаем самостоятельно как национал-социалисты. Эта задача стоит перед Германией более ясно, чем когда-либо прежде».

Интересно, что если Сталин по ходу войны делал все больший упор на общенациональные ценности, то Гитлер все больше обращался к немцам как к трудящимся. В итоге лозунги и слова у двух диктатур стали почти взаимозаменяемыми. Названные Гитлером цифры советских потерь в целом соответствовали истине. Насчет самолетов мы это уже выяснили. Что же касается танков, по официальным советским данным, Красной Армией к концу 1941 года было безвозвратно потеряно 20,5 тыс. танков и САУ, т. е. почти вся бронетехника, имевшаяся к началу войны.

Вначале наступление на Москву развивалось успешно. Главные силы трех советских фронтов, защищавших столицу, были окружены. В плен попало 665 тыс. человек. 8 октября 1941 года Гальдер записал в дневнике: «В районе севернее шоссе Орел — Брянск войска противника отходят в восточном и северо-восточном направлениях. Таким образом, здесь в нашей большой системе окружения все-таки остается брешь... Противник пытается подтянуть к Москве еще кое-какие силы, в первую очередь — с севера. Однако этих наспех собранных войск вряд ли будет достаточно для предотвращения сильной угрозы Москве, созданной нашими войсками, так что при более или менее правильном руководстве и сравнительно благоприятной погоде окружение Москвы должно удалться».

Однако погода, как это обычно и бывает осенью, испортилась, и вермахт не смог по этой причине, а также из-за нехватки горючего немедленно продолжить наступление на Москву, хотя отдельные разведывательные подразделения доходили до ее окраин.

3 ноября 1941 года Гальдер записал в дневнике: «Я думаю, что противник в районе Ленинграда проводит эвакуацию и пытается отвести войска в направлении Рыбинска, чтобы сосредоточить все свои силы в районе Москвы и удержать этот район. Этими мероприятиями противник стремится сохранить возможность снова перейти в наступление армией, восстановленной за счет сил, оснащенных с помощью промышленной базы Урала. Возможно, это контрнаступление последует не в 1942 году, а позже». А 13 ноября 1941 года он отметил в дневнике: «...Вся наша операция по преследованию противника после двойного сражения в районе Брянск, Вязьма в настоящее время приостановилась вследствие неблагоприятной осенней погоды». В этот момент Гитлер еще более уверился, что войну придется продолжить в следующем году.

19 ноября 1941 года начальник германского генерального штаба Франц Гальдер записал в дневнике: «Фюрер сказал, что в целом можно ожидать, что обе враждующие группы стран, не будучи в состоянии уничтожить одна другую, придут к компромиссному соглашению». Это стало первым признанием Гитлера в том, что Россию уничтожить не удастся и что Германия не сможет одержать окончательную победу в войне.

К концу ноября моральные и материальные силы немецких войск, наступавших на Москву, подошли к своему пределу. 27 ноября 1941 года генерал-квартирмейстер германского генерального штаба Эдуард Вагнер докладывал своему начальнику Францу Галь-

деру: «Наши войска накануне истощения материальных и людских сил. Мы стоим перед угрозой суровой зимы... Наши войска слишком шадят местных жителей. Необходимо перейти к принудительным реквизициям». Однако подготовиться к зиме до начала советского контрнаступления немцы так и не успели. Фактически к моменту начала советского контрнаступления немцы под Москвой вынуждены были перейти к обороне.

Вопреки часто отстаиваемому некоторыми германскими генералами и советскими историками мнению, действия Гитлера после начала советского контрнаступления в начале декабря были правильными.

5 декабря 1941 года, в день его начала, Гальдер записал в дневнике: «Гудериан решил на отвод войск от Тулы. Мороз 36 градусов ниже нуля. Намеченное наступление 3-й и 4-й танковых групп должно бы быть отменено. Противник прорвал наш фронт в районе восточнее Калинина... Командующий группой армий «Центр» фон Бок сообщает: силы иссякли. 4-я танковая группа завтра уже не сможет наступать. Завтра он сообщит, есть ли необходимость отвести войска. Главком сухопутных войск фон Браухич сообщил о своем решении уйти в отставку».

Столь раннее контрнаступление оказалось неожиданным как для Гитлера, так и для его генералов. Они рассчитывали, что Красная Армия разгромлена в гораздо большей степени, чем это было на самом деле. Немцы недооценили также способность Сталина и его генералов бросать в бой совершенно необученное пополнение, способность советских людей безропотно идти на верную смерть, а также мощности советской военной промышленности, даже в условиях эвакуации зачастую превосходившие немецкие.

6 декабря 1941 года Гальдер отметил: «Фюрер заявил, что одними цифрами невозможно объяснить проблему соотношения сил. Наши потери составляют 500 000 человек. Русские потеряли 8—10 млн. человек. Потери русских по меньшей мере в 10 раз превышают наши потери. Они потеряли 78 тыс. орудий. Артиллерия противника достигла нулевого уровня». В тот момент Гитлер еще ничего не знал о начавшемся советском контрнаступлении. Но советские потери оценил в целом верно. Одних пленных немцы к тому времени захватили почти 4 миллиона. Количество погибших на поле боя и умерших от ран красноармейцев, основываясь на динамике числа раненых за всю войну, можно оценить в 1,6 млн. человек. С учетом же раненых общие потери, по всей вероятности, превышали 8 млн. человек.

Фон Белов отмечал в мемуарах, что после начала советского контрнаступления под Москвой «Гитлер с большой тревогой рассматривал положение группы армий «Центр». Он предполагал, что русские намерены осуществить крупное контрнаступление».

9 декабря 1941 года Гальдер записал в дневнике: «Войска теряют доверие к своему командованию. Понизилась боевая мощь пехоты! Проводятся мероприятия по прочесыванию тылов. Обнаружено, что только в одной танковой дивизии можно набрать дополнительно 1600 штыков».

Фон Белов свидетельствует: «Клюге постоянно заговаривал об отходе. «Куда же он хочет отходить? — вопрошал фюрер. — Подготовленных тыловых позиций у нас нет. Войска должны держаться там, где они стоят». Затем следовали обвинения по адресу организации снабжения сухопутных войск. У них нет зимнего обмундирования, никакой защиты от холода и никаких средств для достаточного обеспечения. А ведь

именно люфтваффе обязана была доставить нашим соединениям все необходимое для зимы...

Гитлер был целиком захвачен самыми последними событиями на Восточном фронте и постоянно задавался мыслью, как помочь нашим войскам. Он вновь и вновь твердил: «Они должны стоять там, где находятся, и не делать ни шага назад!»...

В ночь с 16 на 17 декабря Гитлер окончательно решил взять на себя главнокомандование сухопутными войсками. Решение это фюрер принял после длившихся целый день размышлений. Шмундт приветствовал шаг фюрера, ибо он положил конец ежедневной борьбе с Браухичем. Еще раз мелькнула мысль доверить этот пост Манштейну или Кессельрингу. Но Гитлер отверг ее, ибо характер Манштейна его не устраивал, а Кессельринга как раз предусматривали назначить командующим соединениями люфтваффе на Средиземном море. Ввиду обстановки в Италии фюрер не хотел производить здесь никаких неожиданных изменений.

18 декабря Гитлер заменил командующего группой армий фельдмаршала фон Бюка фельдмаршалом фон Клюге. День прошел в оживленных телефонных переговорах; во всех них звучали слова о необходимости отвода войск группы армий «Центр» под сильным нажимом русских. Гитлер не пожелал сделать ни шагу назад и приказал удерживать линию фронта. В период между Рождеством и Новым годом был отставлен по желанию Клюге Гудериан. Между обоими генералами издавна существовали такие противоречия, что они были несовместимы. Фюрер ежедневно проводил многочасовые обсуждения с Гальдером, тема всегда была одна и та же: держаться или отходить? В промежутках принимались паллиативные меры для подброски новых формирований на ос-

бенно угрожаемые участки фронта, сам же фронт изыскивал последние резервы. В ночь с 30 на 31 декабря Гитлер больше двух часов говорил с Клюге по телефону. Тот хотел отвести линию фронта своей группы армий на 35 км. Фюрер запретил и еще раз приказал: ни шагу назад. Тем самым он, вне всякого сомнения, спас ситуацию, хотя в ближайшие дни и недели еще предстояли тяжелые кризисы».

11 декабря 1941 года, в разгар Московской битвы, выступая в рейхстаге по случаю объявления войны Америке, Гитлер заявил: «Американский президент и его плутократическая клика называли нас «неимущими» нациями. Это верно! Но «неимущие» тоже хотят жить, и, конечно, они хотят быть уверены, что их кусок черного хлеба не украдут «имущие». Вы, мои партийные товарищи, знаете мое неустанное стремление доводить до успешного завершения любую начатую борьбу. Вы знаете мое стремление делать все, что необходимо, чтобы сокрушить в такой борьбе все, что должно быть сокрушено. В моей первой речи от 1 сентября 1939 года я заверял, что ни сила оружия, ни время не одолеют Германию. Я ручаюсь перед своими противниками — все так же, ни сила оружия, ни время не одолеют нас и, я скажу больше, никакая внутренняя неуверенность не ослабит нас в выполнении нашего долга».

Он коснулся и войны с Россией: «Быстрое завершение кампании на Западе подразумевало, что Москва ошибочно рассчитывала на немедленное истощение Германской империи. Тем не менее она не отказалась от своих планов в целом, а только перенесла срок нападения. Лето 1941 года идеально подходило для удара. Новое нашествие монголов было готово обрушиться на Европу. Господин Черчилль в то время также обещал, что грядут перемены в войне Британии

против Германии. Теперь он самым трусливым образом отрицает свои слова во время тайного заседания в британской Палате Общин в 1940 году, — что важным фактором для успешного продолжения и окончания этой войны будет вступление в войну Советов, самое позднее в 1941 году, что позволит Англии предпринять общее наступление. Осознавая наши обязательства, мы прошлой весной наблюдали за наращиванием военной мощи, которая, казалось, имела неистощимые людские и материальные ресурсы. Темные тучи сгустились над Европой. Сегодня имеются поистине неоспоримые и аутентичные материалы, подтверждающие факт намерения русских осуществить нападение на нас. Точно так же нам известен и тот момент, когда должно было произойти это нападение. Учитывая осознанную нами во всем ее объеме только ныне огромную опасность, могу лишь поблагодарить Господа нашего, вразумившего меня в нужный час и давшего мне силу сделать то, что должно было сделать. Миллионы германских солдат могут поблагодарить Его за спасение своих жизней, и вся Европа — за свое спасение. Сегодня я могу сказать: если бы вал из более чем 20 000 танков, сотен дивизий, десятков тысяч орудий вместе с более чем 10 000 самолетами не был остановлен перед тем, как хлынуть на Германскую империю, Европа была бы сметена».

Количество советской боевой техники Гитлер назвал близкое к действительности. Характерно, что столь раннюю дату предполагавшегося советского нападения на Европу он назвал лишь через пять месяцев после начала Восточного похода, причем не привел никаких конкретных данных в обоснование выбранной даты, никаких «аутентичных материалов», кроме того, что лето — самое подходящее время для начала войны. Но этот аргумент можно было обра-

тить и против Германии — нападение на СССР тоже было осуществлено летом, в самое удобное время. Гитлеру тогда надо было представить действия Германии как исключительно оборонительные, упреждающие. По отношению к США обоснование объявления войны не представляло большой трудности: американцы уже больше года деятельно помогали англичанам в битве за Атлантику и начали открыто помогать Советскому Союзу после 22 июня 1941 года. Кроме того, объявление Германией войны США стало выполнением союзнических обязательств по отношению к Японии, уже напавшей на Америку в Перл-Харборе. В отношении СССР ни наглядных, ни формальных оснований для германского нападения не имелось. Немцам так и не удалось обнаружить бесспорных доказательств советских планов начать войну против Германии уже в июле 1941-го.

В этой же речи Гитлер подвел итог первой кампании в войне против Советского Союза: «Первые две большие операции по окружению под Белостоком и Минском были завершены 10 июля. Мы захватили 324 000 пленных, 3332 танка и 1809 орудий. К 13 июля линия Сталина была прорвана практически на всех ключевых участках. Смоленск пал 16 июля после тяжелого сражения, германские и румынские войска форсировали Днестр 19 июля. Смоленское сражение закончилось 6 августа после множества операций по окружению. В результате было захвачено еще 310 000 русских пленных. Кроме того, по нашим подсчетам, захвачено или уничтожено 3205 танков и 3120 орудий. Всего тремя днями позже была решена судьба другой советской группы армий. 9 августа в сражении под Уманью было захвачено еще 103 000 русских военнопленных, 317 танков и 1100 орудий захвачены или уничтожены.

Николаев пал 13 августа, Херсон был взят 21-го. В тот же день закончилось сражение под Гомелем, было пленено 84 000 человек, 144 танка и 848 орудий были захвачены или уничтожены. Советские укрепления между Ильменем и Пейпусом были прорваны 21 августа, переправы у Днепропетровска перешли в наши руки 26 августа. 28-го числа германские войска после тяжелых боев вошли в Таллин и Палдиски, в то время как финны 20-го взяли Выборг. После того, как мы захватили 8 сентября Петрокрепость, Ленинград был окончательно отрезан с юга. 16 сентября был форсирован Днепр, 18 сентября Полтава перешла в руки наших солдат. 19 сентября германские войска штурмовали крепость Киев, а 22 сентября завоевание Сааремаа было увенчано захватом столицы острова.

Битва под Киевом закончилась 27 сентября. Бесконечные колонны пленных — 665 000 человек — маршировали на запад. В окружение попали и были захвачены 884 танка и 3178 орудий. Уже 2 октября началась операция с целью прорыва на центральном участке Восточного фронта, а к 11 октября успешно закончилось сражение на Азовском море. Снова было взято в плен 107 000 человек, захвачено 212 танков, 672 орудия. 16 октября после упорного сражения германские и румынские войска вступили в Одессу. 18 октября наступление, начатое 2 октября с целью прорыва на центральном участке Восточного фронта, закончилось новым, всемирно-историческим успехом. Результатом явились 663 000 пленных; частично уничтожены, частично захвачены 1242 танка, 5452 орудия. 21 октября закончился захват острова Даго; 24 октября взят промышленный центр Харьков. 28 октября в ходе тяжелейших боев окончательно перекрыт вход в Крым,

и уже 2 ноября штурмом взята его столица Симферополь. 16-го в Крыму совершен прорыв до самой Керчи.

На 1 декабря общее число взятых в плен советско-русских составило 3 806 865 человек, уничтоженных или захваченных танков — 21 391, орудий — 32 541 и самолетов — 17 332.

За этот же период сбит 2191 британский самолет, военно-морским флотом потоплено 4 170 611, а авиацией 2 346 180 регистровых брутто-тонн, итого — 6 516 791.

Это всего лишь голые факты и сухие числа. Но они никогда не забудутся историей, никогда не сотрутся из памяти германской нации! Потому что за этими числами — победы, жертвы, страдания, героизм и готовность к самопожертвованию миллионов лучших людей нашего народа и союзных нам стран. Эта борьба стоит здоровья и жизни, и эту борьбу тыл едва ли может себе представить».

В целом эти цифры недалеко от истины и соответствуют послевоенным оценкам потерь людей и техники. Орудий минометов, например, до конца 1941 года, по официальным данным, Красная Армия потеряла 101 тысячу. Число же самолетов, приведенное Гитлером, практически совпадает с советской оценкой, правда, с учетом самолетов, потерянных по эксплуатационным причинам. Близкое к названному Гитлером число пленных — 3,9 млн. человек — фигурировало и в закрытых немецких документах в феврале 1942 года, причем отмечалось, что суровую зиму 1941 года из них пережили 1,1 млн. человек. Остальные погибли или вступили в коллаборационистские формирования.

Германские же потери Гитлер тоже оценил достаточно точно: «С 22 июня по 1 декабря германская армия

потеряла в этой героической борьбе: 158 773 человека убитыми, 563 082 ранеными и 31 191 пропавшими без вести. Потери военно-воздушных сил: 3231 убито, 8453 ранено и 2028 пропало без вести. Флот: 310 убито, 232 ранено и 115 пропало без вести. В целом для германских вооруженных сил: 162 314 убитых, 571 767 раненых и 33 334 пропавших без вести». В дневнике Гальдера потери германской сухопутной армии за период с 22 июня по 26 ноября определены в 555 685 раненых, 156 575 убитых и 30 952 пропавших без вести. Вероятно, Гитлер располагал следующим донесением, на 1 декабря, которое не нашло отражения у Гальдера. Отмечу, что эти данные коррелируют и с обобщенными в конце войны данными централизованного учета потерь.

То, что именно «стоп-приказ» Гитлера помог стабилизировать фронт под Москвой, подтверждают многие германские генералы. Этот знаменитый приказ был отдан 16 декабря 1941 года, за три дня до принятия Гитлером верховного главнокомандования над сухопутными силами. Он требовал от офицеров и генералов «своим личным примером... заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл». Гальдер так суммировал основные положения этого приказа: «Об отходе не может быть и речи. Отводить войска только с таких участков, где противник добился глубокого прорыва. Создание тыловых рубежей — это фантазия. Фронт страдает только от одного — у противника больше солдат. Зато он не располагает большим количеством артиллерии. Его положение гораздо хуже, чем наше».

Еще 6 декабря на совещании с руководством сухопутных сил Гитлер подчеркнул: «Принципиально нет

никаких сомнений и колебаний в отношении сокращения линии фронта. Однако сначала нужно подготовить этот новый рубеж, отрыть стрелковые окопы, установить печи и т. д.». Генерал Гюнтер Блюмэнтрит, бывший начальник штаба 4-й армии группы «Центр», впоследствии не без оснований утверждал, что «стоп-приказ» Гитлера спас немецкие войска под Москвой от катастрофы: «Его фанатичный приказ, обязывающий войска стойко драться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и Великую армию Наполеона. Дивизии не разрешалось отступать больше чем на 5—10 километров за одну ночь. Большого нельзя было и требовать от войск и гужевого транспорта в тех невероятно тяжелых условиях. Так как все дороги были занесены снегом, отступать приходилось по открытой местности. После нескольких ночей такого отступления солдаты настолько изнемогали, что, останавливаясь, просто ложились на снег и замерзали. В тылу не было заранее подготовленных позиций, куда войска могли бы отойти... Таким образом, в течение многих недель поле боя медленно отодвигалось на запад». При этом жесткая оборона сочеталась с организованным отходом по мере создания тыловых оборонительных рубежей.

11 января 1942 года Гитлер на совещании с руководством сухопутных войск, посвященном советскому контрнаступлению под Москвой, заявил: «Борьба за выигрыш каждого дня, каждого часа является выигрышем вообще, даже если нервное напряжение будет

слишком велико. Если удастся остановить войска, будет сделано большое дело».

А 13 января 1942 года Гальдер записал в дневнике: «Самый тяжелый день (с начала войны против России)... Командующий группой армий «Центр» неоднократно в отчаянии звонил по телефону... 4-я армия не в состоянии сдержать натиск противника... Мы лишились единственной магистрали для снабжения 9-й и 3-й танковой армий. Последствия этого невозможно предусмотреть».

О сравнительно успешном отступлении вермахта зимой 41-го свидетельствуют сравнительно небольшие потери. Если в ноябре 41-го безвозвратные потери германских сухопутных сил составили 32 800 человек, то в декабре — 49 453, а в январе 1942 года — 54 500. Из них на Восточном фронте с 13 ноября по 10 декабря погибло и пропало без вести 18 180 солдат и офицеров, в период с 10 декабря по 31 декабря — 14 312 и с 1 по 31 января 1942 года — 25 189. По сравнению с периодом немецкого наступления, средние ежедневные потери в декабре возросли только на 1,2%, а в январе — на 20,7%. Немцам в основном удалось сохранить целостность Восточного фронта, где особенно сильное давление вермахт испытывал на центральном участке.

Со Сталинградской битвой также связан целый ряд мифов. Пожалуй, главнейший из них заключается в том, будто советское командование подготовило контрнаступление в полной тайне, и немцы вплоть до самого начала ничего не знали и даже не подозревали, какая опасность им грозит.

На самом деле уже 7 ноября начальнику разведотдела «Иностранные армии — Восток» Рейнхарду Гелену поступило донесение от одного из агентов, что 4 ноября 1942 года Сталин, по сообщению агента не-

мецкой разведки, провел военный совет с участием 12 маршалов и генералов. На совете решили: если позволят погодные условия, начать все запланированные наступательные операции не позднее 15 ноября. Эти операции были намечены на Северном Кавказе в направлении на Моздок, на среднем Дону против 8-й итальянской и 3-й румынской армий, в районе Ржевского выступа, а также под Ленинградом. Это сообщение было доложено Гитлеру, но он отказался отвести войска, сражавшиеся в Сталинграде.

12 ноября 1942 года начальник отдела «Иностранные армии — Восток» полковник Рейнхард Гёлен докладывал: «Все более отчетливыми становятся признаки возможного перехода противника в наступление на фронте перед союзными армиями. Наряду с уже установленными нами двумя районами сосредоточения его сил и средств на флангах 3-й румынской армии, где его можно считать уже готовым к наступательным действиям, все более ясно вырисовывается еще один район концентрации войск под Калачом... Признаков скорого перехода к наступательным операциям здесь еще нет». Через неделю советские войска под Сталинградом перешли в наступление.

Но фюрер отказывался верить, что вскоре Красная Армия нанесет по вермахту мощнейший удар. Он верил, что кампания 1942 года основательно подорвала ее наступательную способность. 8 ноября 1942 года, выступая перед «старыми борцами» в Мюнхене, Гитлер с гордостью заявил: «Когда сражалась буржуазная Германия, Германия, состоящая из марксистов, буржуа и центра, тогда, в качестве примера, на войне погибли два депутата рейхстага — из более чем 2 миллионов погибших всего. Национал-социалистический рейхстаг уже потерял 39 депутатов на полях сражений из общего числа потерь — менее 350 тысяч

человек. Да, это, конечно, большая разница, и когда я вычисляю эту разницу, то могу с полным основанием сказать, что везде, где держат фронт мои штурмовики, мои товарищи по партии, или эсэсовцы, они выполняют свои обязанности образцово». Тем самым он подчеркивал единение классов и сословий в перенесении тягот, вызванных войной.

В той же речи фюрер утверждал, что Сталинград не имел для него никакого принципиального значения: «То, что я поступаю не так, как хотелось бы другим, объясняется вот чем: я сначала обдумываю, чего, по всей вероятности, хотят другие, а потом делаю принципиально иначе. Если герр Сталин, как видно, ожидал, что мы ударим в центре, то я вовсе не пожелал наступать там, не столько потому, что герр Сталин, вероятно, думал так, а потому, что мне это было не столь уж и важно. Я хотел выйти к Волге, причем именно в определенном месте, у определенного города. Случайно он носит имя самого Сталина, но не думайте, что я рвался туда по этой причине.

На самом деле этот город мог называться как угодно. Он важен исключительно тем, что это важный пункт, ведь там мы отрезаем транспортные пути, по которым перевозятся 30 миллионов тонн грузов, в том числе 9 миллионов тонн нефти. Туда стекалась вся пшеница из гигантских областей Украины, Кубани, чтобы затем быть транспортированной на север. Там добывалась марганцевая руда. Там находился гигантский перевалочный пункт. Я хотел захватить это всё. И вы знаете, мы люди скромные, нам много не надо, мы это и получили; там остались невзятыми всего каких-то несколько совсем мелких местечек.

Некоторые говорят: а почему же вы не сражаетесь там? Да потому, что я не хочу иметь там второй Верден, а предпочитаю добиться этого при помощи со-

всем небольших ударных групп. Время не имеет значения. По Волге теперь не ходит ни одно судно — вот что самое главное!»

В этой речи Гитлер в последний раз упомянул о потерях вермахта. В дальнейшем они резко возросли, главным образом за счет «пропавших без вести» — пленных, и эти неприятные цифры фюрер перестал публично цитировать. А Геббельс распорядился не публиковать больше в газетах некрологов солдат и офицеров, погибших на фронте, — чтобы траурные рамки не действовали гнетуще на моральный дух немцев.

Вспоминая о Сталинграде, осенью 1944 года Гитлер говорил своему врачу-отоларингологу Э. Гизингу: «Нельзя сказать, что наша разведка ошиблась и мы не были информированы о большом скоплении русских войск на левом берегу Волги. Нельзя также сказать, что мы были застигнуты врасплох внезапным наступлением русских или капризами погоды. Я все учел и намерен был бороться той зимой и достичь решающего успеха. Но когда в декабре 1942 года ситуация под Сталинградом ухудшилась, меня подвела авиация, хотя Геринг обещал, что может гарантировать все снабжение 6-й армии в течение по меньшей мере 6—8 недель... Вдобавок в самое критическое время под Сталинградом, когда итальянцы сверху, а румыны снизу не смогли удержать фронт, меня не было на месте, так как я был в пути на своем спецпоезде. В течение примерно 24 часов я не мог руководить сам, а когда узнал о несчастье, было слишком поздно».

Катастрофу под Сталинградом, таким образом, Гитлер был склонен относить на счет несчастливого стечения обстоятельств. Аргумент насчет 24 часов, потерянных из-за его переезда, вряд ли основателен. Даже и в эти потерянные сутки он почти наверняка

еще не решился бы отдать приказ о немедленном отводе 6-й армии, что еще могло бы спасти положение. Что бы он ни говорил на этот счет, слишком много значил для фюрера этот город, имевший огромное символическое и стратегическое значение. Именно с контролем над этим городом Гитлер связывал последние надежды на достижение решающего успеха в России. И в первый день советского наступления, когда еще не был до конца ясен масштаб катастрофы, он никогда бы не отдал приказ об оставлении Сталинграда.

Интересно, что, вопреки распространенному мнению, советские войска, перешедшие 19 ноября 1942 года под Сталинградом в контрнаступление, которое, как часто говорят, решило исход Второй мировой войны, все еще не научились воевать на уровне вермахта. Особый отдел Сталинградского фронта доносил в этот день: «Личный состав в наступлении маскируется плохо, движется скученно и во весь рост; если бы не облачность, не дающая противнику широко применить авиацию, то наши части понесли бы большие потери».

Мало кто знает, что одновременно с контрнаступлением под Сталинградом, 25 ноября 1942 года, войска Западного и Калининского фронтов, насчитывавшие 1,9 миллиона человек, более 24 тысяч орудий и минометов, 3300 танков и 1100 самолетов, под руководством Георгия Жукова начали операцию «Марс» — наступление на Ржевский плацдарм, окончившееся неудачей. Ударные группировки попали в окружение и лишь с большим трудом прорвались к своим, потеряв до полумиллиона человек и 1850 танков. После ее провала Жуков и другие советские военачальники стали представлять операцию «Марс» как сугубо второстепенную, направлен-

ную на отвлечение немецких сил, которые могли бы в противном случае участвовать в наступлении для деблокирования сталинградской группировки. Однако на самом деле операция «Марс» планировалась одновременно со Сталинградским контрнаступлением и преследовала цели не менее, а даже еще более решительные — разгром группы армий «Центр», выход к Балтийскому морю и к границам Восточной Пруссии. И сил и средств на нее было выделено даже больше, чем на операцию «Сатурн». И только после провала наступления на Ржев родилась легенда о вспомогательной будто бы роли этой операции. И не в последнюю очередь успех немцев подо Ржевом определялся тем, что здесь сражались только немецкие войска, тогда как на юге главный удар пришелся по малобоеспособным немецким союзникам — румынам, а потом итальянцам.

Много мифов связано и с Курской битвой, в ходе которой произошли крупнейшие танковые сражения Второй мировой войны. В нашей историографии утвердилось мнение, будто Гитлер придавал Курскому сражению столь же решающее значение, как и взятию Москвы в 1941-м и Сталинграда в 1942 году. Будто бы немцы, разгромив советские войска под Курском, должны были бы вновь идти походом на Москву и Кавказ. На самом деле операция «Цитадель» преследовала довольно ограниченные цели. Гитлер собирался срезать Курский выступ, уничтожить находившиеся там советские войска и тем самым настолько ослабить Красную Армию, чтобы она не смогла предпринять генерального наступления в 1943 году. Высвободившиеся же войска Гитлер предполагал перебросить в Италию для отражения ожидавшегося вторжения союзников, которое и началось еще в ходе операции «Цитадель» с высадки в Сицилии. Послед-

няя вызвала переброску в Италию одной танковой дивизии СС с фронта «Цитадели», но вряд ли сама по себе она вызвала прекращение наступления на Курск.

Замечу, что в ходе «Цитадели» предполагалось окружить сразу 8—10 советских армий. Такое количество неприятельских войск вермахт ни разу не окружал в ходе одной операции, и вряд ли это вообще было возможно с теми ограниченными силами, которые выделялись для проведения операции «Цитадель». Не исключено, что в глубине души Гитлер и его фельдмаршалы понимали, что выполнить задуманное не удастся и реально можно попытаться лишь максимально ослабить противостоявшие немцам на фронте «Цитадели» советские войска.

Утверждения советских маршалов и историков, будто преднамеренная оборона Красной Армии на Курском выступе была образцом военного искусства и обеспечила ей полную и безоговорочную победу, весьма далеки от действительности. Фактически получилось так, что советская сторона, имевшая в два — два с половиной раза больше людей и техники, добровольно отдала инициативу противнику, который тем самым получил возможность наносить удары в выбранных им местах и заставлял Красную Армию обороняться в невыгодной группировке и покорно ожидать, когда противник перейдет в наступление, откладывая свое собственное наступление, к которому было уже все готово. В результате как по людям, так и по танкам соотношение потерь было крайне неблагоприятно для советской стороны. Во время наступления на Курск с 5 по 16 июля 1943 года группа армий «Юг» потеряла безвозвратно 175 танков и штурмовых орудий, а группа армий «Центр» в период с 5 по 12 июля — 87 танков и штурмовых орудий. Войска же Воронежского и Центрального фронтов в ходе Кур-

ской оборонительной операции потеряли безвозвратно 1614 танков и САУ. Потери же Красной Армии убитыми и ранеными в июле и августе 1943 года были наибольшими за всю войну. Наступление же Красной Армии пришлось начинать в невыгодных группировках, сложившихся в ходе оборонительного сражения, и в результате не удалось разгромить и окружить немецкие войска, а только вытолкнуть их с Орловского и Белгородско-Харьковского плацдармов.

Утверждение, будто в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой 12 июля 1943 г. немцы потеряли 300 или 400 танков, — не более чем поэтическое преувеличение, содержащееся в донесениях советских танковых командиров, опасавшихся сталинского гнева за бездарно проведенное сражение. На самом деле 2-й немецкий танковый корпус СС, противостоявший советской 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой, безвозвратно потерял только 5 танков, а еще 38 танков и 12 штурмовых орудий были повреждены, тогда как безвозвратные потери только 3 корпусов 5-й гвардейской танковой армии составили, по данным советских донесений, совпадающих в этом случае с немецкими, не менее 334 танков и самоходных орудий. И это при том, что почти четырехкратное превосходство было у советской стороны — вместе с двумя приданными армии П. Ротмистрова корпусами, танковым и механизированным — до 1000 единиц бронетехники против не более чем 273 у немцев. Столь неблагоприятное соотношение безвозвратных потерь в танках объяснялось тем, что поле боя осталось за немцами. К тому же в Красной Армии очень плохо эвакуировали подбитые танки.

Решение о прекращении наступления на Курск было принято немецким командованием вне всякой связи с Прохоровским сражением и поражением,

которое будто бы обе немецкие ударные группировки потерпели в результате действий советских войск. В действительности решающую роль в срыве «Цитадели» сыграло начавшееся 12 июля советское контрнаступление на Орловский выступ. 11 июля здесь прошла советская разведка боем, и немецкому командованию стало ясно, что «Цитадель» придется сворачивать. По свидетельству адъютанта Гитлера подполковника фон Белова, операция «Цитадель» была прекращена из-за начавшегося наступления советских войск на орловском направлении: «12 июля в результате русского наступления на выступе нашей линии фронта под Орлом возникла совершенно новая обстановка. 13 июля Гитлер вызвал к себе Клюге и Манштейна и обсудил с ними продолжение «Цитадели». Манштейн категорически высказался за это, между тем как Клюге хотел наступательную операцию приостановить. Русское наступление в полной мере воздействовало на его участок фронта, и он сомневался, удастся ли ему устоять. После долгого обсуждения Гитлер принял решение наступление прекратить. Таким образом, последняя немецкая наступательная операция на Восточном фронте сорвалась».

Также запись в дневнике Верховного главнокомандования вермахта от 11 июля 1943 года свидетельствует: «В ходе операции «Цитадель» русский ударный клин был сужен и фронт у Белгорода очищен. 9-я армия продвинулась только на 2—3 км из-за упорного сопротивления противника. Так как быстрый успех не был достигнут, речь идет теперь о том, чтобы при минимальных собственных потерях нанести максимальный урон противнику». Таким образом, в последние дни «Цитадели» речь шла уже только о максимальном истощении противостоявших групп армий «Юг» советских войск, а не об их уничтоже-

нии. Тем не менее 2-й танковый корпус СС и другие соединения продолжали продвижение вплоть до 16 июля, захватив Прохоровку и некоторые другие населенные пункты.

В целом, если немцам и не удалось взять Курск и уничтожить оборонявшие его советские армии, то они, по крайней мере, смогли нанести противнику тяжелые потери и ослабить и отодвинуть его переход в наступление. В ходе последующего наступления Красной Армии удалось только потеснить немецкие войска, но не уничтожить их. Когда год спустя, сразу после высадки союзников в Нормандии, туда пришлось перебросить с Востока резервный танковый корпус СС и основную часть авиации, группа армий «Центр» уже не смогла отразить натиск четырех советских фронтов — 1-го, 2-го и 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского.

Немало мифов существует также о заключительных операциях на Восточном фронте. Обычно наши историки указывают на операцию «Багратион» — разгром группы армий «Центр» в Белоруссии летом 1944 года — как на образец советского военного искусства. Между тем при этом предпочитают забывать, что за 16 дней до начала «Багратиона» союзники высадились в Нормандии. И немецкие, и западные полководцы, в том числе Монтгомери и Эйзенхауэр, справедливо отмечают, что на Западном фронте плотность германских войск, вооружений и техники была в два с половиной раза больше, чем на Восточном фронте, что осложняло задачу союзников. Кроме того, в распоряжении немцев на западе были, пусть и не завершённые, но состоящие из долговременных укреплений Атлантический вал и линия Зигфрида, тогда как на востоке подобные укрепления были только в Восточной Пруссии. Против высадившихся

в Нормандии союзников сразу же сражались отборные германские войска: танковый корпус СС, танковая группа «Запад», состоявшая из учебных танковых частей (позднее — 5-я танковая армия), парашютно-десантная армия и др. Всего за два месяца боев в Нормандии, с 6 июня по 11 августа 1944 года, американские, британские и канадские войска потеряли около 170 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Немцы за этот период, по разным оценкам, потеряли от 200 до 300 тыс. человек. Потери же советских войск в июле и августе 44-го уступали только их потерям в июле и августе 43-го, за время Курской битвы.

Главное же, сразу же после высадки в Нормандии танковый корпус СС, располагавшийся в Польше, был переброшен на Западный фронт. Это значительно облегчило задачу советских войск в Белоруссии. Еще более способствовала успеху операции «Багратион» экстренная переброска значительной части германской фронтовой истребительной авиации в Нормандию. 6 июня 1944 года, в «день Д», на Западе дислоцировалось 288 немецких истребителей, а на Восточном — 550. Еще 250 истребителей находились в Средиземноморье, на Балканах и в Норвегии, и 1179 машин входили в ПВО Рейха, сражавшуюся почти исключительно с англо-американской авиацией. А 22 июня, в день начала советского наступления в Белоруссии, на Восточном фронте остался только 441 истребитель, на Западном их стало 704, на других театрах стало 338, а в ПВО Германии — 538. Как отмечают немецкие мемуаристы (их свидетельства собраны в книге бывшего личного переводчика Гитлера Пауля Шмидга под псевдонимом Пауль Карелл «Восточный фронт»), именно полное отсутствие в воздухе люфтваффе привело к столь быстрому разгрому группы армий «Центр», усугубленному подавляющим пре-

восходством советских войск в танках. У нас любят напоминать, что союзники в Нормандии имели чуть ли не десятикратное превосходство в авиации и трехкратное — в танках. При этом, правда, забывают, что первые недели боев самолетам союзников приходилось базироваться за Ла-Маншем, и как тогда, так и в последующие месяцы, вплоть до конца войны, снабжение оставалось главной проблемой союзных армий на западе. Перебой с поставками горючего и боеприпасов уменьшали перевес союзников. Но ведь примерно таким же было и советское превосходство на Восточном фронте в 1944—1945 годах. Весь вопрос в том, кто эффективнее использовал свое превосходство? Союзники потеряли убитыми не больше, а по некоторым оценкам — даже меньше, чем противостоявшие им германские части, взявшие на порядок больше пленных. На западе германских солдат погибло раза в три меньше, чем на востоке. Но зато пленных союзники даже до капитуляции в мае 45-го взяли в несколько раз больше, чем Красная Армия, так что по безвозвратным потерям (пленные плюс убитые) между фронтами уже тогда существовало равенство. В последний же месяц войны и момент всеобщей капитуляции три четверти военнотружущих вермахта сдались в плен западным союзникам.

Очень часто утверждается, что немецкая разведка никогда не имела серьезных агентов в советских штабах и потому ничего не знала о планируемых советских наступательных операциях. Но события, связанные с проведением операции «Багратион» и Варшавским восстанием, данное мнение опровергает.

1 августа 1944 года началось Варшавское восстание, направленное против немецких оккупантов и организованное подпольной Армией Крайовой (Армией Родины), подчинявшейся польскому правительству в из-

гнании в Лондоне. Еще 20 июля это правительство отдало приказ отряда Армии Крайовой во взаимодействии с Красной Армией освободить польские города и провозглашать там власть польского правительства в изгнании. Когда советские войска захватили два плацдарма за Вислой, Сандомирский и Мангушевский, командование АК сочло момент подходящим для начала восстания. Тем более что московское радио обратилось к варшавянам с призывом восстать против немцев. Немцам удалось удержать мосты через Вислу, но большая часть Варшавы оказалась в руках восставших, поддержанных горожанами. Однако советское наступление не началось. Армия Крайова была мощной силой. В ее отрядах насчитывалось 350 тыс. солдат и офицеров, из которых в боях в Варшаве участвовало от 40 до 50 тыс. человек. Однако оружия у варшавских повстанцев было очень мало — около 2,5 тыс. винтовок, около 600 пистолетов-пулеметов, 40 станковых и 130 ручных пулеметов, порядка 3 тыс. пистолетов, от 15 до 50 противотанковых ружей и от 25 тыс. до 50 тыс. гранат. Немецкий же гарнизон располагал танками и артиллерией и мог рассчитывать на поддержку авиации.

В Кремле, похоже, не вполне адекватно оценивали положение в Польше и рассчитывали, что в ходе восстания в Варшаве ведущую роль будет играть находившаяся под влиянием коммунистов Армия Людова (Народная армия). На Варшавское восстание делали расчет еще при планировании операций Красной Армии. В книге Джона Эриксона «Дорога на Берлин», вышедшей в 1983 году, приведено представленное начальником отдела «Иностранные армии — Восток» Рейнхардом Геленом в Генштаб 3 мая 1944 года донесение неизвестного агента о том, что в советской Ставке под председательством Сталина будто бы еще

в конце марта обсуждались два варианта летнего советского наступления. Первый предусматривал главный удар в районе Львов — Ковель с одновременной атакой на Варшаву. Согласно второму варианту, который в результате и был принят, главный удар наносился в направлении Балтики, причем в ходе его планировалось овладеть Варшавой, где ожидалось антинемецкое восстание поляков. Вспомогательный же удар планировался южнее, в направлении на Львов. Нетрудно убедиться, что именно так и действовали советские войска летом 1944 года, когда основное наступление — знаменитая операция «Багратион» — привело к разгрому группы армий «Центр» в Белоруссии и Литве и вывело Красную Армию к Висле у Варшавы и к балтийскому побережью на подступах к Восточной Пруссии. Вспомогательный же удар на Львов позволил занять Восточную Галицию и овладеть Сандомирским плацдармом за Вислой. Гитлер не стал отводить заблаговременно войска с «белорусского балкона». Иначе Красная Армия была бы на Буге, а то и на Висле уже в мае 1944 года, а фюрер стремился всячески затянуть войну.

Когда выяснилось, что ведущую роль среди варшавских повстанцев играет Армия Крайова, а немногочисленные отряды Армии Людовой вынуждены ей подчиняться и не могут играть какой-либо самостоятельной роли, Сталину как-то расхотелось быстро брать Варшаву. Еще 30 июля в Москву прибыл премьер польского правительства в изгнании Станислав Миколайчик. СССР разорвал отношения с его правительством еще в апреле 1943 года после раскрытия немцами советского преступления в Катыни. Во время двух бесед со Сталиным, 3 и 9 августа, Миколайчику было предложено объединиться с просоветским Польским комитетом Национального освобождения,

созданным в занятом Красной Армией Люблине 20 июля 1944 года. Там преобладали коммунисты. После того, как Миколайчик отверг предложение подчиниться ПКНО, судьба варшавских повстанцев была решена. Сталин не хотел создавать себе дополнительную политическую проблему, столкнувшись в освобожденной Варшаве с польской властью и армией, не питавшими никаких симпатий к коммунистам и признаваемыми западными союзниками — Англией и США.

Советские историки объясняют неудачу восстания тем, что немцы, сосредоточив у Варшавы пять танковых дивизий, смогли остановить советское наступление с завислинских плацдармов и потеснить части Красной Армии к Висле. При этом намеренно забывают, что уже в середине августа все эти пять дивизий отправились на север, чтобы прорубить коридор и восстановить сухопутную связь между группами армий «Север» и «Центр». Операция началась 16 августа, и к концу месяца немцам удалось оттеснить советские войска с балтийского побережья и восстановить сухопутные коммуникации с группой армий «Север». Но эта операция теряла смысл в случае советского наступления на Варшаву. Ослабленные немецкие силы не смогли бы его сдержать, а тем более удержать на севере фронт от Латвии до Одера. Однако войска 1-го Белорусского фронта на Висле не сдвинулись с места, пока немецкая 3-я танковая армия пробивалась к Балтийскому морю у Тукумса. Вместо наступления на Висле 21 августа началось советское наступление в Румынии. Сталин не торопился заканчивать войну с Германией. Прежде надо было обеспечить себе политический контроль над Польшей и Балканами. В результате группы армий «Север» и «Центр» вновь на короткое время соединились. Эта операция теряла бы

смысл, если бы Красная Армия начала наступление у Варшавы. Тогда немецким войскам скорее всего пришлось бы откатиться к Одру. В этом случае коридор с Прибалтикой удержать не было бы никакой возможности. Зато время окончания войны наверняка бы приблизилось. Но Сталин предпочел скорее затянуть войну на несколько месяцев, чем рисковать, что Варшава окажется под контролем вооруженных сил не признаваемого им польского правительства.

Немцы вряд ли рискнули бы так оголить фронт под Варшавой ради довольно второстепенной операции, если бы не были уверены в том, что советские войска под Варшавой не сдвинутся с места. Наверняка они получили от своей агентуры данные о какого-то рода «стоп-приказе», отданном Сталиным советским фронтам, стоявшим под Варшавой. Этот приказ в российских архивах до сих пор не обнаружен, скорее всего потому, что отечественные историки не слишком стремились найти его. Не исключено, конечно, что впоследствии этот приказ был уничтожен или что он вообще отдавался Сталиным в устной форме — непосредственно начальнику Генштаба Василевскому и командующим 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. Тем не менее ход событий можно объяснить, только исходя из предположения, что «стоп-приказ» существовал. Характерно, что 26 августа 1944 года командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Константин Рокоссовский уверенно говорил англо-американскому журналисту Александру Верту, что Варшавское восстание — «это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск, не проконсультировавшись с нами». А как же, интересно, они могли проконсультироваться, если польское правительство в изгнании не признавалось Москвой? На прямой же вопрос кор-

респондента, как же быть с передачей московского радио, прямо призывавшей варшавян к восстанию, маршал пренебрежительно заметил: «Ну, это были обычные разговоры». Правда, маршал признал, что рассчитывал взять Варшаву, если бы не неожиданно сильная немецкая танковая контратака, но ничего не сказал насчет того, что в момент беседы с Вертом немецких танковых дивизий давно уже не было под Варшавой. Они дрались в Прибалтике, что было известно фронтовой разведке. Не стал говорить Рокоссовский и о том, что еще 8 августа он вместе с маршалом Жуковым предложил план операции по освобождению Варшавы, которую можно было начать 25 августа. Однако Сталин так и не отдал приказ на ее проведение. 12 августа было опубликовано заявление ТАСС, в котором советская сторона полностью снимала с себя ответственность за судьбу варшавских повстанцев. Вероятно, к этому времени советским войскам уже было приказано остановиться на Висле. А 16 августа Сталин направил письмо Миколайчику, где охарактеризовал восстание в Варшаве как «легкомысленную авантюру, вызвавшую бесцельные жертвы населения». После этого Рокоссовскому оставалось только повторить сталинскую оценку.

А ведь советское наступление в тот момент, несомненно, привело бы к краху немецкой обороны на Висле. Немецкий генерал Курт Типпельскирх в «Истории Второй мировой войны» (М.: Издательство «Центрполиграф», 1956) признавался: «Вначале успехи польских повстанцев были ошеломляющими: большинство немецких военных и гражданских учреждений, находившихся в этом крупном городе, были отрезаны от внешнего мира; вокзалы заняты повстанцами, располагавшими минометами, 20-мм зенитными пушками и противотанковыми

ми средствами (по большей части захваченными у немцев. — Б. С.); магистрали города блокированы. Лишь мосты через Вислу удалось удержать. Если бы русские продолжали атаковать предместное укрепление, положение немецких войск в городе стало бы безнадёжным». Но политические соображения оказались для Сталина важнее чисто военных.

Лишь в середине сентября была предпринята во многом демонстративная акция находившейся под советским контролем 1-й польской армии. 14 сентября она захватила варшавское предместье Прагу. В это время советские самолеты наконец начали сбрасывать грузы повстанцам. Однако десант, высаженный 1-й польской армией за Вислой, окончился к 23 сентября полной неудачей, в том числе и потому, что был предпринят слишком незначительными силами и носил скорее демонстративный характер — чтобы показать, что были попытки помочь повстанцам. Из 2614 бойцов, переправившихся в Варшаву, было убито 1987 и ранено 289. Кроме того, на пражском берегу погибли 310 и были ранены 1178 солдат и офицеров 1-й польской армии.

Дальнейшее известно. Лишенные поддержки, отряды Армии Крайовой в Варшаве 3 октября 1944 года капитулировали, выговорив себе статус военнопленных. В боях с гораздо лучше вооруженными частями вермахта и СС погибли десятки тысяч варшавян (по некоторым оценкам — до 40 тыс.), а также около 16 тыс. бойцов Армии Крайовой. Еще 25 тыс. варшавян было ранено. Немцы потеряли убитыми 17 тыс. солдат и офицеров, еще 9 тыс. было ранено и 2 тыс. попало в плен к повстанцам. Было уничтожено и повреждено более 200 немецких танков и штурмовых орудий. Порой говорят о 200 тыс. погибших среди восставших, но эта цифра кажется преувеличенной.

В последнем номере «Информационного бюллетеня» повстанцев, вышедшего 4 октября, в первый из двух дней капитуляции, говорилось: «Борьба закончилась. Завершился более чем двухмесячный период одной из самых возвышенных и трагических страниц нашей истории... Счет наших потерь и выигранных, заслуг и ошибок, жертв и завоеванных ценностей мы должны передать истории... Поражение, размеров которого мы не хотим преуменьшать, — это поражение одного города, одного этапа нашей борьбы за свободу... Оно не является поражением нашего народа, наших планов и исторических идеалов».

По соглашению о капитуляции немцы обещали, что к жителям Варшавы не будет применяться принцип «коллективной ответственности» за восстание. Они даже, встречая сдавшихся повстанцев, в знак признания их мужества взяли ружья на караул. После подавления восстания, по приказу Гитлера, немцы почти полностью сровняли Варшаву с землей. 50 тыс. жителей депортировали в концентрационные лагеря, а 150 тыс. — на принудительные работы в Германию. Руководивший расправой над Варшавой обергруппенфюрер СС Эрих фон дер Бах-Зелевски за эти и другие преступления был впоследствии приговорен к пожизненному заключению.

Западные союзники, в силу очевидных географических и стратегических причин, могли оказать только очень ограниченную помощь варшавским повстанцам. Американские и английские тяжелые транспортные самолеты с баз в Италии летали к Варшаве и сбрасывали восставшим продовольствие, оружие и боеприпасы. Однако они достигали польской столицы лишь на пределе своего радиуса действия и могли оставаться в небе над польской столицей считанные минуты. Грузы сбрасывались очень непри-

цельно, и больше половины из них так и не дошло до повстанцев, частью попав в руки немцев. Тем более и речи не могло идти о каком-либо англо-американском десанте в Варшаву. На просьбу Рузвельта и Черчилля разрешить англо-американским самолетам приземляться после рейдов к Варшаве на советских аэродромах на польской территории, уже занятой Красной Армией, что значительно увеличило бы их возможности помочь восстанию, Сталин ответил решительным отказом. 16 августа генералиссимус писал Черчиллю: «Варшавская акция представляет собой безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого бы не произошло, если бы советское командование было бы заранее информировано и поляки поддерживали бы с ним контакт. Советское командование должно отмежеваться от варшавской акции, так как не может нести за нее ни прямой, ни косвенной ответственности».

Сегодня польские политики, если и упрекают западных союзников, то лишь за то, что они отдали Польшу в советскую сферу влияния. Это было окончательно закреплено соглашениями в Ялте в феврале 45-го, но фактически было predetermined еще в Тегеране в конце 1943 года, и сомнений насчет этого ни у Черчилля, ни у Рузвельта в период Варшавского восстания не возникало. Упрек, вероятно, справедлив, но в конкретных геополитических условиях 1944—1945 годов у западных лидеров вряд ли был иной выбор. Даже в случае внезапного и быстрого краха германского сопротивления у английской и американской армий все равно не было никаких возможностей предотвратить советскую оккупацию Польши.

Трагический парадокс заключался в том, что судьба 15—20 тыс. варшавских повстанцев, попавших в немецкий плен, была счастливее, чем судьба тех бой-

цов АК, кому пришлось иметь дело с Красной Армией. Большинство тех, кто был в плену у немцев, после войны эмигрировали на Запад, в том числе командующий АК генерал Тадеуш Бур-Комаровский, а некоторые вернулись в Польшу. Отряды же Армии Крайовой, например, совместно с советскими войсками освободившие в июле 1944 года Вильно (Вильнюс) от немцев, сразу же после освобождения города были разоружены. Многих офицеров расстреляли, а солдат отправили в лагеря. Такова была судьба и других частей АК, рискнувших выполнить приказ из Лондона об осуществлении плана «Буря» — плана взаимодействия с Красной Армией и участвовавших в боях против немцев в районе Львова и на Волыни.

Российское правительство до сих пор против того, чтобы признать советскую ответственность за поражение Варшавского восстания и за необоснованные репрессии против Армии Крайовой и отказаться от сталинского наследия в этом вопросе. Слишком многие российские политики, в том числе на самом вер-ху, ностальгируют по тем временам, когда Польша была советским сателлитом. Может быть, стоило при-знать вину хотя бы в дни 60-летнего юбилея восста-ния в Варшаве? Такой шаг, безусловно, способствовал бы росту доверия между народами наших двух стран.

Президент Путин по случаю 60-летия Варшавско-го восстания выступил с обращением к его ветеранам. Там, в частности, говорится: «Это восстание, героиче-ская борьба польских патриотов в годы Второй миро-вой войны стали важным вкладом в нашу общую По-беду.

Сегодня мы отдаем дань уважения героям польско-го Сопротивления. Мужество и самоотверженность миллионов верных сыновей и дочерей Польши, сра-жавшихся с нацизмом, навсегда сохранятся в памяти

россиян». Очень хорошо, что сегодня российская сторона воздает дань мужеству варшавских повстанцев и не повторяет кощунственных слов о «легкомысленной авантюре» — официальную позицию советских времен. Однако места для извинения за позицию Сталина, обрекшую повстанцев на гибель и плен, в обращении российского президента, к сожалению, не нашлось. Поэтому Путин, наверное, и не поехал в Варшаву, упустив шанс для исторического примирения. А германский канцлер Герхард Шрёдер таким шансом воспользовался сполна. В польской столице он нашел в себе мужество извиниться за преступления немцев в Варшаве. Может быть, нам тоже стоит извиниться за преступления, совершавшиеся советскими карательными органами против бойцов Армии Крайовой? А заодно и против немцев в последние полгода войны?

Мифом является утверждение, будто германские потери были не меньше потерь Красной Армии. Вот только некоторые примеры, которые показывают, что потери советских войск и вермахта были разнорядковыми. Особенно большой разрыв в безвозвратных потерях существовал в 1941 году, прежде всего за счет большого числа советских пленных. Например, 21 декабря 1941 года начальник штаба 323-й стрелковой дивизии Красной Армии доносил, что в ходе боев с 17 по 19 декабря дивизия потеряла 496 человек убитыми и 1200 человек без вести пропавшими, что дает средний ежедневный уровень безвозвратных потерь в 565 человек. В этот же период вся германская Восточная армия, насчитывавшая более 160 дивизий, теряла в среднем в день 681 убитыми и пропавшими без вести.

Также согласно данным Гальдера, германская сухопутная армия на Восточном фронте с 22 июня по

31 декабря 1941 года потеряла 71 200 офицеров убитыми и 619 — пропавшими без вести. Общие потери, вместе с рядовыми и унтер-офицерами, составили 173 722 убитых и 35 883 пропавших без вести. Красная Армия за 1941 год потеряла 50 884 офицера погибшими и 182 432 — пропавшими без вести. Даже если вычесть из советских потерь потери ВВС и ВМФ, а также потери тех составов, которые у немцев были представлены не офицерами, а чиновниками, или вообще не были представлены (основная часть политического состава), и добавить к германским потерям умерших от ран и болезней, соотношение безвозвратных потерь офицеров будет различаться раз в 20, прежде всего за счет большого числа пленных.

И в дальнейшем соотношение потерь было не в пользу советской стороны. Заплатить за победу Красной Армии пришлось огромными людскими потерями, которые превысили потери вермахта на Востоке не менее чем в 10 раз. Достаточно сказать, что сравнительно точно посчитанные для обеих сторон безвозвратные потери офицерского состава сухопутных войск составили в 1941—1944 гг. для вермахта на Востоке 65,2 тыс. человек погибшими и пропавшими без вести. Красная Армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 784 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. Это дает соотношение около 12:1. Соотношение безвозвратных потерь армий обеих сторон на Восточном фронте было близко к этому показателю. Если принять безвозвратные потери немцев на Восточном фронте (вместе с умершими в плену) около 2,6 млн. человек (расчет на основе данных централизованного уче-

та потеря), в том числе в сухопутных силах — около 2,4 млн. человек, то, согласно данному методу оценки, безвозвратные советские потери, включая умерших в плену, должны были составить около 28,5 млн. человек. По другой оценке, основанной на данных о помесечной динамике безвозвратных потерь Красной Армии за 1942 год и помесечном графике потерь Красной Армии ранеными за всю войну, советские вооруженные силы за всю войну потеряли погибшими, включая умерших в плену, от ран, болезней и по небоевым причинам, около 26,4 млн. человек, тогда как вермахт потерял на Восточном фронте безвозвратно около 2,6 млн. человек из примерно 4 млн. германских военнослужащих, погибших на всех фронтах. В любом случае, близость оценок, сделанных двумя различными способами, свидетельствует, что они близки к истинной цифре потерь.

Общее число мобилизованных в Красную Армию точно установить невозможно, поскольку значительная часть людей призывалась непосредственно в части, минуя военкоматы. Среди этой категории призывников было особенно много людей с ранее оккупированных немцами территорий. К ним Советская власть относилась особенно беспощадно, считая потенциальными изменниками. 4 октября 1943 года Военный совет Южного фронта издал распоряжение «о немедленной проверке и изъятии ненадежных людей» из числа мобилизованных в сентябре 115 тыс. жителей оккупированных территорий. Расследовались «случаи отхода без приказа командования, а также провокационные выкрики со стороны панически настроенных и ненадежных элементов: «нас окружают», «мы обойдены», «спасайся кто может» и... несомненно имевшие место факты частичного перехода этих элементов на сторону врага. Были также случаи

открытой враждебной агитации против призыва в Красную Армию, противопоставление и восхваление порядков в гитлеровской армии». К этому пополнению относились особенно безжалостно, посылая в атаку на минные поля и без артиллерийской подготовки.

Здесь сказалось то, что жизнь человека в советской системе ценилась очень дешево. Люди были не более чем расходным материалом для достижения амбициозных политических целей.

В августе 1945 года по приглашению маршала Георгия Жукова в Москву прибыл командующий союзными силами в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр. В беседе с Жуковым он поинтересовался, как Красная Армия преодолевала минные поля. Георгий Константинович охотно объяснил: сначала на минное поле бросали пехоту, которая своими телами подрывала противопехотные мины. Затем в образовавшиеся проходы пускали саперов, которые обезвреживали противотанковые мины и расчищали путь танкам. «Я живо вообразил себе, — вспоминал Эйзенхауэр, — что случилось бы, если бы какой-нибудь американский или британский командир придерживался подобной тактики, и еще более живо я представил себе, что сказали бы люди в любой из наших дивизий, если бы мы попытались сделать подобную практику частью своей военной доктрины. Американцы измеряют цену войны в человеческих жизнях, русские — во всеобщем очищении нации». Два полководца мыслили на разных языках, что не мешало им оставаться боевыми друзьями, вместе сокрушившими нацистскую Германию.

Подобных советских атак на неразминированные минные поля немало зафиксировано в немецких солдатских мемуарах. Вот, например, ефрейтор дивизии «Великая Германия» Ги Сайер (кстати сказать, сам на-

половину француз) свидетельствует: «Однажды ночью русские направили против наших позиций азиатков. Они должны были разрядить минное поле. На танки русские очень рассчитывали, а поскольку людей они не жалели, то часто посылали для выполнения подобных задач своих солдат.

Эта акция русских, конечно же, провалилась. Минное поле взорвалось под кричащей толпой, а тех, кто выжил, мы расстреляли. Трупы быстро коченели в такую стужу, так что зловоние не распространилось далеко.

Русские даже не попытались использовать артиллерию, чтобы помочь азиатам. Значит, мы правильно оценили положение».

Есть также немало свидетельств кровопролитных лобовых атак на неподавленную систему огня, ставших фирменным способом наступления Красной Армии. Тот же Ги Сайер описывает в мемуарах, как под Курском в июле 43-го «пулемет Гальса снесло гранатой. Ветеран же продолжал стрелять, сея смерть в рядах русских, которые наступали устрашающим дефиле. Несмотря на отчаянные попытки неприятеля совершить прорыв, под огнем немецких минометов и пулеметов гибли тысячи русских солдат. Что происходило за пределами нашего поля зрения, мы понятия не имели. Прямо же перед нами враг нес ужасные потери». Подобными описаниями пестрят как немецкие, так и советские неподцензурные «окопные мемуары».

Гитлер и другие вожди Рейха надеялись, что в конце концов людские ресурсы Красной Армии иссякнут, и вермахт получит на Востоке передышку. 25 марта 1945 года гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох заявил министру пропаганды Йозефу Геббельсу, что «Советы понесли в Восточной Пруссии

чрезвычайно большие потери в миллион убитых». Геббельс счел эту цифру «изрядно преувеличенной», но согласился, что «завоевание Восточной Пруссии обходится Сталину недешево» и что «сейчас основным должно стать наше стремление вынуждать врага нести максимально тяжелые жертвы».

Истребительная тактика советских военачальников по отношению к собственным солдатам продолжалась до конца войны. Ф.В. Меллентин вспоминал, как его 48-й танковый корпус ликвидировал котел в районе украинского города Брусилова в ноябре 1943 года: «Как принято у русских, из окружения были вывезены прежде всего штабы, офицерский состав и некоторые специальные подразделения, а основная масса солдат была оставлена на произвол судьбы. Во всем районе Брусилова не было захвачено ни одного штаба, а среди убитых не оказалось ни одного старшего офицера. Таким образом русские сохраняли кадры для новых соединений. Их отправляли в тыл, где они получали свежие войска из неисчерпаемых резервов Красной Армии».

Значительную часть среди погибших советских военнослужащих составили умершие в немецком плену. По моим оценкам, погибло примерно 4 млн. из 6 млн. советских пленных. Они составили почти одну шестую часть из общего числа погибших красноармейцев — 26,4 миллиона. Очень большая смертность советских военнопленных в немецком плену объяснялась как тем, что СССР не соблюдал Женевскую конвенцию и потому был лишен возможности оказывать какую-то помощь своим пленным продовольственными и вещевыми посылками, так и тем, что немцы относились к советским военнопленным как к людям второго сорта и не проявляли в первые полгода войны значительных усилий к тому, чтобы они вы-

жили. Лишь с крахом блицкрига о советских пленных стали больше заботиться, рассматривая их как необходимую Рейху рабочую силу и кадры для коллаборационистских формирований.

На Нюрнбергском процессе А. Йодль дал показания о положении советских военнопленных в районе Вязьмы поздней осенью и зимой 1941 года: «На места посылались несколько адъютантов фюрера, которые докладывали фюреру по этому вопросу в моем присутствии. Во время этих докладов речь шла о массовой смертности военнопленных после последнего крупного сражения и окружения под Вязьмой. Причины массовой смертности, как полагали адъютанты фюрера, сводились к следующему. Окруженные русские армии оказывали фанатичное сопротивление и в течение последних 8—10 дней не имели никакого продовольствия. Они питались корой и корнями деревьев, так как зашли во время отступления в самые непроходимые лесные районы. Они попадали к нам в плен в таком обессиленном состоянии, что не способны были даже передвигаться. При напряженном положении со снабжением, которое было в то время в связи с разрушением железных дорог, вывезти их всех куда-либо было невозможно. Каких-либо мест для их расквартирования поблизости не имелось. Спасти большую часть их можно было только с помощью немедленного и тщательного лечения в госпитальных условиях. Вскоре начались дожди, а затем холода. Именно это и стало причиной того, что такая значительная часть этих пленных в районе Вязьмы умерла в плену. Таков был доклад адъютантов фюрера, посланных в район Вязьмы. Такие же сообщения поступили и от генерал-квартирмейстера сухопутных войск».

Еще в самом начале русской кампании, ожидая, что согласно плану «Барбаросса» будут захвачены мил-

лионы пленных, Гитлер не предусмотрел ни в этом плане, ни в каких-либо других известных сегодня документах никаких мер по медицинскому обеспечению пленных и их снабжению продовольствием, а также по их эвакуации из прифронтовой полосы в глубокий тыл. Тем самым пленные красноармейцы фактически обрекались на скорую смерть от голода, холода и эпидемий.

16 сентября 1941 года Герман Геринг, выступая перед чиновниками оккупационной администрации на Востоке, заявил: «Ясно, что градация в снабжении продовольствием необходима. Сначала идут действующие войска, затем другие войска во вражеской стране и местные вооруженные формирования. Соответственно этому устанавливаются нормы питания. Затем снабжается немецкое гражданское население и лишь потом местное население оккупированных районов. Обеспечиваться продовольствием в занятых областях должны только те, кто работает на нас. Даже если бы мы хотели обеспечить продовольствием всех прочих жителей, это было бы невозможно». Тем самым миллионы людей обрекались на голод.

О том же говорил 24 апреля 1943 года, выступая в Харькове перед офицерами 2-го корпуса СС, и рейхсфюрер СС Гиммлер: «...Мы должны вести войну с мыслью о том, как лучше всего отнять у русских людские ресурсы — живыми или мертвыми? Мы это делаем, когда мы их убиваем или берем в плен и заставляем по-настоящему работать, когда мы стараемся овладеть занятой областью и когда мы оставляем неприятелю безлюдную территорию. Либо они должны быть угнаны в Германию и стать ее рабочей силой, либо погибнуть в бою».

С другой стороны, с учетом, что и солдаты вермахта на Восточном фронте постоянно находились на

голодном пайке, несмотря на перманентные реквизиции у населения, немецкие возможности по снабжению и эвакуации миллионов военнопленных, даже если бы была твердая воля к этому со стороны командования (а ее не было), кажутся весьма ограниченными. И отнюдь не всегда в вермахте выполняли жестокие приказы Гитлера по отношению к пленным. Так, 21 сентября 1941 года начальник германского генерального штаба генерал-полковник Франц Гальдер записал в дневнике: «Отношение войск к комиссарам (их не убивают)». В большинстве подразделений германской армии игнорировался приказ Гитлера об уничтожении советских политических комиссаров.

Что же касается германских потерь погибшими на Западе, то в Италии они были примерно равны потерям союзников, если речь шла об убитых. На Западном же фронте, где превосходство англо-американских войск в людях, танках и самолетах было более значительным, чем в Италии, потери немцев убитыми превосходили союзные, по ряду оценок, в полтора-два раза. Тем не менее, исходя из соотношения сил, германские солдаты, офицеры и генералы воевали здесь ничуть не хуже, а, по мнению многих ветеранов союзных войск, даже лучше, чем английские и американские.

Экономика Третьего Рейха

Главным экономическим мифом Третьего Рейха, безусловно, является мнение о большой милитаризации экономики Германии накануне Второй мировой войны. Поскольку военную промышленность в середине 30-х годов пришлось возрождать почти с нуля, степень милитаризации экономики к началу

Второй мировой войны в Германии была не слишком высокой. Даже в мае 1940 года, накануне большого наступления на западе, доля оборонной продукции была менее 15% всего промышленного производства. В 1941 году она возросла до 19%, в 1942 году — 26%, в 1943 году — 38%, а в 1944 году достигла максимального показателя в 50%. Между тем в СССР уже к концу 30-х годов продукция оборонной промышленности составляла не менее половины всей промышленной продукции. Фактически к сколько-нибудь длительной войне с коалицией сильных противников Германия экономически не была готова. Это объяснялось тем, что Гитлер ориентировался на блицкриг и не готовился к длительной войне. Тут, возможно, играло роль и осознание того, что никакая мобилизация не поможет Германии выстоять против коалиции всех потенциальных могущественных противников, и единственный шанс — бить их поочередно. А для того, чтобы делать это внезапно, неожиданно, как раз очень подходила экономика мирного времени. Даладье и Чемберлен не могли поверить, что, не имея полностью развернутой военной промышленности и готовой к мобилизации экономики, Гитлер рискнет начать мировую войну. И чтобы не беспокоить раньше времени Англию и Францию, подготовительные мобилизационные мероприятия в экономике Германии не проводились. В дальнейшем же короткие кампании в Польше и Франции не потребовали большого расхода вооружений и боевой техники. Поэтому рост военного производства хотя и происходил, но без использования для этого всех возможных мощностей.

По-настоящему мобилизация промышленности для военных нужд началась только с приходом Аль-

берта Шпеера в феврале 1942 года на пост министра вооружений и ускорила год спустя, после поражения под Сталинградом и провозглашения тотальной войны. Ранее Гитлер не хотел слишком резко сокращать производство гражданской продукции, чтобы не допустить существенного падения уровня жизни населения Рейха.

По случаю провозглашения тотальной войны Геббельс произнес одну из своих лучших речей. 18 февраля 1943 года он выступил в берлинском «Шпортпаласте» перед 20-тысячной аудиторией. В этой речи он, в частности, сказал: «Я спрашиваю вас: полны ли вы и немецкий народ решимости, если фюрер прикажет, ежедневно работать по десять, двенадцать, а если нужно, то и по четырнадцать часов и отдать для победы свои последние силы?..

Готовы ли вы отныне отдать все свои силы и дать Восточному фронту людей и оружие, которые нужны ему, чтобы нанести большевизму смертельный удар?..

Хотите ли вы, особенно женщины, чтобы правительство позаботилось о том, чтобы женщина смогла отдать для ведения войны все свои силы и всюду, где только можно, заменила мужчин, которые нужны фронту, тем самым высвободив мужчин для него?..

Одобрите ли вы, если это понадобится, самые радикальные меры против небольшого круга дезертиров и спекулянтов, которые в разгар войны играют в мир и хотят использовать народную нужду в своекорыстных целях? Согласны ли вы с тем, что тот, кто провинится перед войной, должен за это лишиться головы?..

Только в период больших кризисов и потрясений национальной жизни показывают себя на деле ис-

тинные мужчины, а также и истинные женщины. Тут уж никто не имеет права говорить о слабом поле, ибо оба пола доказывают свою одинаковую боевую решимость и душевную силу. Нация готова ко всему. Фюрер приказал, мы следуем за ним. В этот час национального осмысления и внутреннего подъема мы еще вернее и нерушимее будем верить в победу. Мы видим победу в осязаемой близости, нам надо только протянуть руку и схватить ее. Мы должны найти в себе решимость поставить на службу ей абсолютно все. Таково веление времени. А потому наш лозунг: «Вставай, народ, да грядет буря!»

Экзальтированная публика на все десять вопросов министра пропаганды на тему, хотят ли немцы тотальной войны, восторженно отвечала: «Да! Да! Да!»

Программа тотальной войны предусматривала значительное увеличение занятости женщин, чтобы высвободить мужчин для фронта. Всего в вермахт было призвано свыше двух третей мужского населения Рейха в возрасте от 18 до 45 лет. Это значительно ограничивало ресурсы рабочей силы, что лишь частично компенсировалось принудительным трудом военнопленных и иностранных рабочих, которые, как правило, не обладали высокой квалификацией. Как признает Ганс Керль, в годы войны являвшийся руководителем управления планирования и учета сырьевых ресурсов, «положение с рабочей силой на всем протяжении войны было неудовлетворительным как в количественном, так и в качественном отношении. Предоставление брони производилось без учета квалифицированных кадров и специалистов, необходимых для научно-исследовательской и другой важной работы в тылу. Мобилизация женщин для работы в промышленности и на транспорте также не отличалась большой продуманностью».

В статье «Трудовая повинность в Германии в годы войны», написанной коллективом авторов сборника «Итоги Второй мировой войны», отмечается, что еще в сентябре 1939 года правительственным постановлением «добровольный призыв женщин и девушек на трудовые работы был превращен в обязательную трудовую повинность». Все юноши и девушки после школы должны были пройти обязательную трудовую повинность на протяжении 6 месяцев. Но в первые годы войны не имелось необходимого количества лагерей, чтобы разместить весь женский призывной контингент. Только после провозглашения тотальной войны «трудовая повинность среди женщин приобрела большой размах... за счет увеличения женских трудовых лагерей и подготовки достаточного количества начальствующего состава, так что в последующие годы в женских отрядах трудовой повинности одновременно находилось до 80 тыс. девушек. Но даже и это не могло удовлетворить растущие потребности государства в рабочей силе. Поэтому по постановлению правительства была создана специальная «военно-вспомогательная служба», в системе которой «девушки-рабочие» должны были работать в течение полугода после прохождения ими службы — также в течение 6 месяцев — в отрядах государственной трудовой повинности. Девушки, находившиеся на военно-вспомогательной службе, привлекались для работы в военной промышленности, в военной администрации, на транспорте и т. д. Ответственность за качество работы они несли перед директором того предприятия, куда были назначены, а в остальном подчинялись руководящему составу службы трудовой повинности. Их воспитанием в свободное от работы время занимались их прежние начальницы из отрядов и групп трудовой повинности».

Замечу, что в СССР использование женского, да и детского труда вообще не ограничивалось никакими сроками и, в отличие от Германии, замужние женщины привлекались к труду наравне с незамужними. В Германии же детский труд немцев не использовался. Зато дети были среди «остарбайтеров».

К июлю 1944 года достигла максимума своего развития военная промышленность Германии. Если в 1941 году индекс производства вооружений (без самолетов и вооружений ВМФ) даже снизился по сравнению с 1939 годом и составил всего 98%, а в июле 1944 года он достиг уже 322%. При этом трудоемкость увеличилась всего на 30%. Министр вооружений Шпеер признавал: «Эти успехи были достигнуты отнюдь не за счет таланта моих сотрудников, хотя они своими организаторскими способностями внесли в них немалый вклад. Но решающую роль сыграла поддержка Гитлера во всех моих начинаниях. Я имел возможность в решающий момент бросить на чашу весов авторитет и безграничную власть фюрера». Но наряду с авторитарными методами мобилизации экономики Гитлер позволял использовать Шпееру, как тот пишет в своих мемуарах, «методы управления экономикой, свойственные демократическим государствам. Они основывались на полном доверии крупным промышленникам, и те, как правило, старались его оправдать. Таким образом, поощрялась инициатива и пробуждалось чувство ответственности...»

Гитлер и в условиях военного времени стремился сочетать частную собственность с государственным авторитаризмом в экономике, считая такой способ организации военного производства оптимальным. Провести же мобилизацию промышленности для военных нужд загодя, еще до начала войны, фюрер не мог по ряду объективных причин. Такая мобилизация

в условиях экономики, основанной на частной собственности, требовала много времени и не могла бы укрыться от глаз иностранных наблюдателей, поскольку в тот момент Германия не была изолированным от мира государством. А вся политика Гитлера как раз и строилась в расчете на то, чтобы как можно дольше и эффективнее использовать «курс на умиротворение», проводимый западными державами. Если бы в Германии началась мобилизация промышленности, даже такие неисправимые оптимисты, как Чемберлен и Даладьё, догадались бы, что Гитлер готовится к мировой войне, а отнюдь не только к захвату Судет и Данцига. В условиях частной собственности даже в тоталитарном гитлеровском государстве нельзя было просто приказать промышленникам и финансистам в одночасье начать выпускать пушки вместо масла. Напомню, что Франция так и не успела мобилизовать свою промышленность, а Англии и США потребовалось несколько лет, чтобы использовать все возможности своего военного производства. Вот в Советском Союзе, где экономика была автаркической, т. е. практически отсутствовали масштабные экспорт и импорт, равно как и частная собственность, мобилизация промышленности была проведена еще до войны, и уже к 1939 году экономика функционировала во многом по нормам военного времени.

Большая военно-морская программа, предусматривавшая постройку 10 линкоров, 12 линейных крейсеров, 4 авианосцев, 249 подлодок, в том числе 27 — океанских, начала реализовываться в 1938 году и должна была быть в основном завершена в 1944 году, а полностью выполнена в 1948 году. К началу войны для усиления флота немцы почти ничего не успели сделать, и в надводных кораблях катастрофически уступали британскому флоту, не говоря уже об амери-

канском. Да и сама судостроительная программа (план «Цет»), надо признать, была достаточно архаичной. В условиях бурного развития авианосной авиации германские линкоры и тяжелые крейсера, будь они построены, были бы обречены на быстрое уничтожение, а 4 авианосцев для их прикрытия было бы совершенно недостаточно. Не случайно в войну большинство германских линкоров и тяжелых крейсеров погибли от ударов англо-американских бомбардировщиков и торпедоносцев.

Не лучше обстояло дело со снабжением сырьем, топливом, материалами и промышленным оборудованием, не производящимися на территории Рейха. «Заводы Четырехлетнего плана», призванные обеспечить автаркию Германии и производить альтернативные виды сырья и энергии вроде синтетического горючего или синтетического каучука, должны были достичь полной проектной мощности только в 1943 году. Из-за блокады поставки сырья и топлива резко сократились, а спешных закупок в последний момент в июле и августе 1939 года оказалось далеко не достаточно.

Производство вооружений и боевой техники в первый год войны было не очень высоким. Например, в мае 1940 года было произведено всего 40 танков, тогда как в 1944 году, несмотря на бомбардировки, ежемесячное производство танков и штурмовых орудий превышало 2 тыс. единиц. За первые две недели войны немецкие бомбардировщики растратили весь запас бомб. В первые месяцы войны всех типов самолетов производили не более 1 тыс. машин в месяц, тогда как в летние месяцы 1944 года одних истребителей производилось ежемесячно 4 тысячи. Как отмечал Г. Керль, «оглядываясь назад, можно без преувеличения сказать, что экономически война была проигра-

на Германией еще в 1940—1941 годах. Ни мощь вооруженных сил, ни производительность военной промышленности не были доведены до наивысшего возможного уровня, и потерянное тогда время уже не могло быть наверстано». В качестве иллюстрации Керль приводит тот факт, что против СССР вермахт имел всего 2,5 тыс. танков, что равнялось месячному производству 1944 года.

Замечу, что, как мы убедились, танков и штурмовых орудий у вермахта в июне 1941 года было примерно на тысячу машин побольше. Но, что характерно, этого количества машин вполне хватило, чтобы уничтожить почти все 23 тыс. танков, имевшихся тогда в распоряжении Красной Армии. Реальные меры к наращиванию танкового производства в Рейхе стали осуществляться только с приходом Шпеера, так что для увеличения танкового производства до максимальной величины потребовалось два с половиной года. В мирное же время подобный прирост, очевидно, потребовал бы лет пять, которых в распоряжении Гитлера просто не было. Главное же, резкий рост выпуска вооружений и техники в тот момент, когда их расход был в целом меньше производства, грозил накоплением вооружения и техники старых образцов, которые морально устарели бы уже к 1943 году. Для избыточных танков и самолетов труднее было бы подготовить экипажи на том же уровне, что прежде, это привело бы к росту потерь техники и к консервации части машин, так что эффект от роста номинальной мощи вермахта был бы в значительной мере смазан. Тем более что для радикального роста промышленности не хватало сырья, в частности алюминия для авиапромышленности.

Конечно, были и субъективные причины, не позволившие до 1942 года резко нарастить германское

военное производство. Его организовывали представители родов вооруженных сил, при этом часть предприятий находилась в ведении военного министерства, а часть — гражданского министерства экономики, и отсутствовала единая система военно-экономического планирования. В марте 1940 года Фриц Тодт, прославившийся строительством имперских автострад, был назначен министром вооружений. Он пришел к выводу, что бизнесменам надо предоставить больше свободы в производстве вооружений, но осуществить эту реформу не успел из-за гибели в авиакатастрофе. Сменивший его в феврале 1942 года личный архитектор Гитлера Альберт Шпеер сумел навести порядок в военно-экономическом планировании. Довольно быстро, в начале 1943 года, с приходом Деница ему удалось добиться передачи под свой контроль и производства вооружений для флота. Хотя вплоть до 1944 года авиапромышленность подчинялась не ему, а люфтваффе, Шпеер благодаря хорошим отношениям со статс-секретарем министерства авиации фельдмаршалом Мильхомзом смог оказывать существенное влияние и на развитие авиапромышленности. Шпеер не только переложил ответственность за производство вооружений на самих производителей, параллельно гарантировав им значительную прибыль в случае успешного выполнения заказов. Он также добился от Гитлера самых широких полномочий по контролю за производством вооружений.

По мнению одного из сотрудников Шпеера, Г. Керля, «секрет успеха Шпеера состоял в том, что от него исходила какая-то живительная сила, с помощью которой он увлекал за собой буквально всех... Обладая способностью быстро и правильно оценивать обстановку, быстро принимать подходящие решения и проводить их в жизнь, он весьма разумно использо-

вал свои полномочия, никогда не руководствуясь предвзятыми мнениями. В течение нескольких месяцев им было создано много так называемых комитетов и центров, где сотни специалистов-экономистов занимались планированием и практическим руководством военной экономикой... Каждая отрасль военной промышленности имела свой главный комитет... Руководителями иногда назначались самые лучшие и активные промышленники. Комитеты имели право свободного подбора сотрудников, которые в большинстве своем приходили сюда из промышленности... Для руководства поставками военных материалов создавались центры. Именно в вопросах поставок и оказывалось всего больше непредвиденных трудностей, без устранения которых невозможно было составить ясные производственные программы и рациональнее использовать производственные мощности».

Раньше заказ на танки шел сперва танкостроительной фирме, которая сама выбирала предприятия для производства комплектующих. Это приводило к неравномерной загрузке предприятий. При Шпеере же загрузка предприятий шла из центров, которые заботились об использовании всех существующих мощностей.

Шпеер фактически руководил всей экономикой Германии. Он добился значительного увеличения производства угля и стали, создав общеимперские объединения по производству этих базовых продуктов, без которых никакое производство вооружений было невозможно. Для этого ему пришлось, как и в Советском Союзе, вводить элементы принудительного централизованного планирования.

Как отмечает Керль, руководители комитетов и центров нередко в своей деятельности вмешива-

лись в дела неподотчетных им организаций и служебных инстанций, что давало повод для многих трений. Но решающим оставалось то, что к работе в комитетах и центрах привлекались тысячи хозяйственников, с большим практическим опытом и чуждых бюрократии. Действуя быстро, решительно и целеустремленно, они буквально всколыхнули всю немецкую экономику и создали предпосылки для колоссального увеличения выпуска военной продукции. От руководителей предприятий, технического персонала и рабочих требовалось не только исключительное напряжение сил и выдержка, но и большая изобретательность, чтобы под градом бомб и в условиях постоянных перемещений заказов выполнять задания по расширению производства. И ни саботаж, ни «итальянские забастовки» иностранных рабочих ни разу не сорвали выпуск военной продукции».

Характерно, что, как и в случае с партизанским движением, саботаж со стороны иностранных рабочих и военнопленных, не питавших никаких симпатий к Рейху и, безусловно, за редким исключением, не желавших германской победы, не привел к срыву производственных заданий и не нанес серьезного ущерба экономике Германии. Тут, очевидно, действовали два фактора. С одной стороны, иностранцам в основном доверяли неквалифицированную работу. С другой стороны, главным стимулом для труда был продовольственный паек, который был выше, чем они могли получить в условиях оккупации и тем более — в лагерях для военнопленных. Это было очень мощным стимулом, от которого буквально зависела жизнь или смерть. И мало кто готов был рисковать потерей не только пайка, но и самой жизни. Тем более что заподозренных в саботаже в лучшем случае ждал концлагерь, а в худшем — расстрел.

Ничуть не отрицая администраторский талант Шпеера и роль этого фактора в увеличении производства вооружений техники, хочу подчеркнуть, что на руку новому министру вооружений играл и ряд объективных факторов. Любопытный парадокс заключается в том, что чем хуже становилось военное положение Германии по мере того, как рушились надежды на блицкриг, тем больше внимания Гитлер уделял развитию военного производства. Пока сохранялись надежды на блицкриг, упор делался на снабжение армии оружием поля боя. В 1942 году, когда Шпеер возглавил министерство вооружений, Гитлер еще рассчитывал, что удар на юге с овладением Кавказом и Сталинградом если и не заставит Сталина капитулировать, то, по крайней мере, значительно ослабит силу советского сопротивления и позволит на два-три года снять основные силы с Восточного фронта и сосредоточить их против Англии. Когда же кампания 1942 года закончилась Сталинградской катастрофой, Гитлер осознал, что шансов на победу как в России, так и в войне в целом больше нет. Требовалось бороться за ничью, делая упор на максимальное увеличение оборонительных вооружений. Были оставлены планы строительства стратегических бомбардировщиков и авианосцев, сокращено гражданское производство, объявлена тотальная мобилизация. К тому же многие конструкторские разработки 1940—1941 годов как раз к концу 1942 — началу 1943 года созрели для запуска в серию. Стали производить больше и более дорогого вооружения и боевой техники, что значительно повысило уровень военного производства.

Только с 1944 года начало происходить значительное сокращение военного производства. До это-

го момента перевод гражданских предприятий на военные нужды проходил очень постепенно, ибо опасались роста недовольства населения. Это иллюстрируется динамикой розничного товарооборота: в 1939 году он был равен 37,8 млрд. марок, а в 1943 году — 33 млрд. марок. Даже с учетом инфляции (а в 1939—1943 годах розничные цены повысились в среднем на 10%) падение не выглядит слишком уж драматичным. Тут сыграло роль также и то, что до войны не существовало проработанных планов мобилизации промышленности. Главное же, власти Германии даже в период самого критического положения не готовы были посадить немцев — «сверхчеловеков», согласно расовой теории, — на тот голодный паек снабжения потребительскими товарами, на который Сталин бестрепетно посадил весь советский народ, за исключением номенклатуры, с самого начала войны.

В то же время утверждение, что ограбление оккупированных территорий существенно пополнило германскую казну при Гитлере, является мифом. Государственный долг Германии с конца 1939 года по весну 1945 года увеличился с 47,3 млрд. марок до астрономической величины в 387 млрд. марок. Чтобы ликвидировать эту задолженность, даже в случае победы пришлось бы взимать репарации с побежденных в течение десятков лет. На Востоке практически все средства, выкачиваемые с оккупированных территорий, шли на содержание армий Восточного фронта и оккупационной администрации. В Рейх оттуда, кроме бесправной, но чаще всего неквалифицированной рабочей силы, почти ничего не поступало.

В Германии еще в 1943 году товарооборот торговли товарами домашнего обихода составлял 65% от уровня 1939 года, а товарооборот торговли одеждой

и текстильными изделиями — 78%. Как подчеркивает Керль, «совершенно исключительное значение приобрела задача обеспечения предметами первой необходимости пострадавших от налетов авиации противника, если учесть, что к середине 1943 года общее количество пострадавших увеличивалось ежемесячно на 250—300 тыс. человек. Это были люди, потерявшие буквально все, кроме того, что случайно оказалось одетым на них самих... Следствием воздушных налетов на крупные города, и в особенности на жилые кварталы, было также и уничтожение большого количества складов оптовой и розничной торговли, а также складов промышленных предприятий. Все это поглощало немалое количество текущей продукции».

Таким образом, стратегические бомбардировки, осуществлявшиеся англо-американской авиацией, даже в тех случаях, когда их жертвами становились мирные жители или предприятия и склады гражданской продукции, пусть косвенно, но уменьшали германский военный потенциал, не позволяя перевести ряд гражданских предприятий на выпуск военной продукции. Кроме того, Германии приходилось сохранять довольно значительное производство экспортной продукции, чтобы получать из нейтральных и союзных стран стратегическое сырье и материалы. Еще в 1943 году германский экспорт составлял почти 82% от довоенного уровня в ценах 1938 года.

Все эти объективные и субъективные факторы не позволяли Германии достичь того уровня милитаризации экономики, который был характерен не только для СССР, но также и для США и Англии.

Со второй половины 1943 года массированные бомбардировки стали наносить ущерб и военному производству, существенно замедляя его рост. А с сентября 1944 года, когда англо-американские самолеты

получили возможность наносить прицельные удары по предприятиям по производству синтетического горючего и транспортной инфраструктуре, началось падение германского военного производства. Как отмечал Керль, «исход воздушной войны был решен, когда в конце апреля 1944 года противник начал бомбить электростанции и заводы по производству синтетического бензина, азота и синтетического каучука... Бензиновые заводы, на которые за один лишь налет было сброшено свыше 2 тыс. бомб и которые неискушенному наблюдателю представлялись грудой исковерканных труб и балок, были через 6—8 недель вновь сданы в эксплуатацию, а через несколько дней опять разрушены... До середины года еще кое-как удавалось обеспечить вооруженные силы горючим за счет предельной экономии и использования всех имевшихся запасов. Но с начала второй половины года, когда все запасы горючего оказались исчерпанными, его нехватка превратилась в существенную помеху, срывающую или чрезвычайно замедляющую подготовку и проведение всех оперативных мероприятий немецкого командования».

А 17 марта 1945 года министр пропаганды Йозеф Геббельс с сожалением записал в дневнике: «К концу февраля военная авиация имела всего 30 тысяч тонн бензина. Часть бензина сохраняется как последний резерв на крайние случаи. Поступление значительного количества бензина ожидается лишь осенью. До этого времени с нынешнего дня бензин расходоваться больше не будет, за исключением полетов для обеспечения войск. В соответствии с наличием бензина из нашей программы вооружений будут исключены все типы самолетов, за исключением пяти, в основном реактивных». На следующий день, 18 марта 1945 года, англо-американская авиация совершила

самый мощный налет на Берлин. 1300 бомбардировщиков в сопровождении 750 истребителей два часа бомбили столицу Рейха. Немецкая ПВО могла противопоставить им лишь 28 реактивных истребителей «Me-262».

«Экономическое чудо», совершенное Шпеером, не могло решающим образом повлиять на исход войны еще и потому, что катастрофически увеличились потери в вооружениях и боевой технике. Как отмечает Керль, «производство вооружений в 1944 году находилось на таком уровне, который в нормальной обстановке позволял обеспечить любые потребности всех видов вооруженных сил. Но в этот момент на востоке и на западе противники нанесли немецкой армии совершенно небывалый урон. Отступая, немецкие войска бросали на поле боя огромное количество боевой техники... Валовой продукции 1944 года вполне хватило бы на то, чтобы полностью вооружить и оснастить 225 пехотных и 45 танковых дивизий».

В 1944 году высадка союзников в Нормандии привела к ситуации, когда Германия не могла больше удерживать без больших потерь фронт ни на востоке, ни на западе. Потери вооружений и техники на поле боя практически съели весь прирост выпуска вооружений для сухопутных сил за 1944 год. Люфтваффе же, хотя и уступала в количестве машин своим основным противникам, больше всего страдала от нехватки не самолетов, а горючего. Именно последнее обстоятельство практически парализовало деятельность германской авиации начиная с осени 1944 года. Этому способствовало то, что союзная авиация приобрела базы во Франции. Ситуация усугублялась тем, что к 1944 году истощились и людские ресурсы Германии, так что численность германских войск неуклонно падала.

Спасали положение части, состоявшие из коллаборационистов и «добровольных помощников».

Все, что мы знаем о развитии германской экономики в 1944 году, свидетельствует о том, что, если бы высадка англо-американских войск на Западе была бы еще раз отложена, для стран антигитлеровской коалиции могла бы создаться сложная ситуация, когда резко возросло бы количество находящейся в распоряжении вермахта боевой техники и вооружения.

Германия во время войны не пыталась строить ни линкоры, ни авианосцы. Первые Гитлер считал уже отжившими свой век и потому не оправдывающими огромных сил и средств, необходимых для их создания. Из двух авианосцев, заложенных еще до войны, в 1936 году, попытались достроить один, «Граф Цеппелин», но он оказался чрезвычайно сложным и ресурсоемким в постройке. Главное же, отсутствовали самолеты, способные на него садиться, и летчики, умеющие на этих, еще не существующих самолетах летать. Взвесив все эти факторы, командование флота корабль законсервировало, справедливо решив, что ввести в строй до конца войны его все равно не удастся. В конце войны он был взорван в устье Одера. «Цеппелин» был поднят советскими моряками, но, как полагал немецкий адмирал Фридрих Руге, затонул во время буксировки по Балтийскому морю — будто бы из-за того, что вся ангарная палуба была завалена трофейными документами, которые во время шторма сместились на один борт. Действительность же оказалась еще фантазмагоричнее. Бравые советские адмиралы и деятели судостроения решили, что дешевле будет затопить авианосец, чем возиться с его достройкой, хотя корабль был в высокой степени готовности, а повреждения, хотя и серьезные, вполне можно было устранить примерно за год. 16 августа

1947 года авианосец был подорван бомбами и снарядами, а затем расстрелян торпедами и затонул в Балтийском море недалеко от Свинемюнде. Как знать, если бы тогда решили «Цеппелин» достраивать там же, в Восточной Германии, первый авианосец водоизмещением почти в 33 тыс. тонн в составе советского флота появился бы лет на тридцать раньше.

«Чудо-оружие»: мифы и действительность

«Чудо-оружие», с помощью которого Германия якобы могла изменить ход войны и победить своих врагов, стало одним из самых грандиозных мифов, с помощью которого Гитлер поддерживал волю германского народа и вермахта к сопротивлению до самого конца. К «чудо-оружию» обычно относят ракеты «Фау-1» и «Фау-2», реактивные истребители «Me-262» и новейшие подводные лодки с электроаккумуляторами, которые были способны по нескольку недель оставаться под водой и были почти неуязвимы для авиации и противолодочных кораблей. Вся эта техника действительно поступила на вооружение в 1944—1945 годах (подлодки — буквально в последний месяц войны), но сколько-нибудь существенного влияния на ход боевых действий не оказала. Если бы, как говорил Шпеер, все эти виды вооружений можно было произвести хотя бы годом раньше! Однако вряд ли основательны его утверждения, будто роковое опоздание произошло из-за организационных неурядиц.

Единственный вид «чудо-оружия», который действительно мог бы повлиять на исход войны, — проект по созданию ядерной бомбы — сражающейся Германии, особенно в условиях массированных англо-американских бомбардировок.

риканских бомбардировок, оказался не под силу и был окончательно оставлен летом 1943 года. Накопленные к тому времени запасы урана — 1200 тонн — А. Шпеер вынужден был пустить на изготовление сердечников для бронебойных снарядов вместо дефицитного вольфрама, импорт которого из Португалии был временно прекращен. Но, по утверждению Шпеера, еще осенью 1942 года, когда Вернер Гейзенберг и другие руководители атомного проекта сообщили, что годную для боевого применения атомную бомбу Германия сможет создать не ранее чем через 3—4 года, Гитлер, по инициативе Шпеера, распорядился постепенно свернуть ядерную программу. За этот срок исход войны в любом случае будет определен и без ядерного оружия, а скорее всего, она уже просто закончится.

Позднее главную надежду возлагали на реактивную авиацию. 22 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике: «Сейчас фюрер возлагает огромные надежды на реактивные истребители. Он даже называет их «машинами германской судьбы». Он верит, что благодаря реактивным самолетам удастся — по крайней мере оборонительными действиями — подорвать превосходство противника в воздухе. Но он добавляет, что они, надо надеяться, будут получены не слишком поздно. Стрелка часов приближается к двенадцати, если уже не перевалила за двенадцать... Счастливым обстоятельством при использовании реактивных самолетов является то, что им не нужен высококачественный бензин, что они могут летать чуть ли не на помоях. Так что с проблемой горючего мы справимся». Однако сравнительно немногочисленные и не вполне надежные в управлении «Me-262» уже не могли справиться с армадами «летающих кре-

постей». По свидетельству адъютанта Гитлера от люфтваффе полковника Николауса фон Белова, еще осенью 1943 года «Гитлер был ознакомлен и с феноменом «летчиков-камикадзе». По различным поводам того же требовали и от наших пилотов, обосновывая это тем, что такая жертва нужна для победы фатерланда. Фюрер этого взгляда не придерживался. Он одобрял диктуемые воодушевлением бескорыстные действия во имя отечества, но такую цену считал слишком высокой. Тем не менее таких добровольцев выискивали на тот случай, если в дальнейшем они когда-нибудь потребуются».

В последние недели войны немцы все же решились воспользоваться услугами пилотов-смертников, которые должны были таранить англо-американские «летающие крепости», но из-за полного господства в воздухе союзной авиации, отсутствия у люфтваффе как горючего, так и, самое главное, добровольцев-смертников, была предпринята всего одна такая попытка. Геббельс отмечал в дневнике 15 марта 1945 года: «Фюрер согласился использовать примерно 300 смертников с 95-процентной гарантией самопожертвования против групп вражеских бомбардировщиков, с тем чтобы при любых обстоятельствах один истребитель сбивал один вражеский бомбардировщик. Этот план был предложен еще несколько месяцев назад, но его не поддержал Геринг». И, кстати сказать, совершенно правильно сделал. Пилоты германских истребителей на западе и так, по сути, были смертниками, поскольку имели очень мало шансов пробиться к цели сквозь огонь пулеметов «летающих крепостей» и сквозь пушечный огонь прикрывавших их тяжелых истребителей «Р-47» «Тандерболт». В этих условиях еще меньше шансов у них было совершить таран, если и на дистан-

цию прицельного выстрела выйти можно было лишь с огромным трудом. Единственная попытка применить массовые тараны люфтваффе была предпринята 7 апреля — в день прекращения массированных налетов союзной авиации на германские города. Геббельс вынужден был признать в записи от 8 апреля, что при применении истребителей «для таранного боя» «успехи не столь велики, как хотелось бы». А 9 апреля уточнил: «Первые операции наших истребителей таранного боя не привели к ожидаемому успеху. Это объясняют тем, что соединения вражеских бомбардировщиков шли небольшими группами и с ними пришлось вести борьбу поодиночке. Кроме того, из-за сильного заградительного огня вражеских истребителей нашим истребителям лишь в немногих случаях удалось осуществить таран». Союзники, похоже, вообще не заметили атаки «камикадзе фюрера» и никак не отразили их в своих отчетах о воздушной войне против Германии. Геббельс надеялся, что таранные атаки повторятся с гораздо большим успехом, но у люфтваффе уже не было ни самолетов, ни горючего, ни пилотов для этой цели. «Me-262» расходувать таким варварским способом было бессмысленно, поскольку предполагалось, что каждый из них способен уничтожить гораздо больше, чем одну машину противника. Немногочисленные же самолеты более старых типов уже не имели ни горючего, ни реальных шансов прорваться сквозь плотный заградительный огонь.

Еще один вид «чудо-оружия», или, как его называла германская пропаганда, «оружия возмездия» (подразумевалось возмездие за бомбардировки союзной авиацией германских городов), — реактивные снаряды «Фау-1» и «Фау-2» оказались весьма неэффективны с точки зрения затрат. Каждая «Фау-2» была не более

чем бомбой весом в 1 тонну, причем одноразового использования, а стоила, особенно с учетом затрат на конструирование, в несколько раз дороже, чем бомбардировщик, который к тому же использовался многократно. Первые баллистические ракеты, к которым и принадлежала «Фау-2», имели радиус рассеивания еще больший, чем авиабомбы, и могли использоваться лишь при обстреле больших городов. Единственным их преимуществом была способность почти беспрепятственно преодолеть неприятельскую ПВО, что для немецких бомбардировщиков в 1944—1945 годах было практически непосильной задачей.

Между прочим, с точки зрения затрат самым эффективным оружием немцев был «фаустпатрон» (точнее: панцерфауст) — первый реактивный гранатомет, которому в последние два года войны, а особенно после ее окончания было суждено большое будущее. «Фаустпатронов» выпускалось до 1 миллиона штук в месяц, стоил гранатомет чрезвычайно дешево, а мог полностью разрушить тяжелый танк (правда, только в ближнем бою). Г. Керль назвал «фаустпатрон» «оружием бедных», имея в виду, что его производят в первую очередь те страны, которые из-за недостатка ресурсов, человеческих и природных, не могли позволить себе в жестких условиях блокады и напряжения всех сил осуществление дорогостоящих разработок.

По этой причине, в частности, немцам так и не удалось достичь сколько-нибудь впечатляющих успехов в реализации атомного проекта. Хотя и по этому поводу английский исследователь Дэвид Ирвинг заключает: «Объективная оценка всей серии научных работ, выполненных в Германии, показывает, что немцы в области атомных исследований достигли значительно большего, чем это когда-либо пуб-

лично признавали англичане и американцы. Некоторые вопросы, несмотря на весьма ограниченные возможности, они изучили столь же глубоко, как англичане и американцы... В области разделения изотопов урана Германия добилась многого... Отставание объясняется главным образом трудностями, создавшимися в результате воздушных налетов союзной авиации...»

Основное заключение немецких ученых сводилось к тому, что «сочетание 20 сантиметров тяжелой воды и одного сантиметра металлического урана плотностью 18 (имеется в виду расстояние между урановыми пластинами, равное 18 сантиметрам), является наиболее благоприятным». Американские физики заметили по этому поводу: «Это заключение совершенно такое же, что было получено нами в августе 1943 года расчетным путем (CP-923)». Так что, признавали они, германская работа была выполнена в то же самое время, что и их собственная.

Далее американские специалисты коснулись и столь часто встречающихся в немецких документах ссылок на необходимость для создания критического котла иметь около 4 тонн тяжелой воды. Они отметили, что «эта цифра совершенно правильная». Германский металлический уран — «и это важно» — был почти такой же степени чистоты, как и в Америке. А в начале 1944 года, т. е. чуть позже американцев, немецкие теоретики разработали такие же, как в Америке, математические методы расчетов реактора — «групповые модели расчета рефлектора». Почему тогда они не преуспели в установлении цепной реакции с тяжелой водой («Продукт 9»)? «Ответ прост: у них не было достаточного количества Р-9». Короче говоря, уровень понимания основных принципов был в Германии вполне сравним с американским... само мыш-

ление немецких ученых и их разработки были удивительно сходны с нашими. Оставалось лишь удивляться, — подчеркивали два американских ученых, — что столь небольшая и изолированная от всех группа ученых достигла столь многого в столь неблагоприятных условиях... Правда, следует совершенно четко разграничивать теоретические достижения немецких физиков и неудовлетворительное состояние работ в области техники атомных реакторов».

Последнее объяснялось как недостатком средств, так и тем, что в руководстве проекта преобладали физики-теоретики. Ирвинг приходит к выводу, что «с середины 1942 года и до конца войны немцы лишь растрачивали имевшееся у них преимущество во времени, потратив три года на то, что при наличии воли можно было выяснить в три месяца. По этому поводу доктор Дибнер писал следующее: «Оглядываясь назад и оценивая события тех времен с позиций сегодняшнего дня, можно видеть, что возможность осуществления самоподдерживающейся цепной реакции в урановых котлах была доказана уже в 1942 году и что все наши последующие эксперименты были просто-напросто доказательствами того же самого». Тут надо учитывать, что над американским проектом фактически трудились физики со всего мира, исключая СССР и Японию. В Лос-Аламосе работали многие эмигранты из Германии, причем не только евреи. Вспомним хотя бы знаменитого Клауса Фукса, чистокровного арийца, внесшего немалый вклад в американский атомный проект, а позднее передавшего атомные секреты Берии и Сталину. В Германии же расовая доктрина не допускала участия в атомном проекте ученых-евреев, а выдающиеся ученые из оккупированных стран предпочли бежать в нейтральные или союзные страны, не вдохновляемые условиями для

творчества, сложившимися в национал-социалистическом государстве. Кроме того, иностранцев опасались привлекать к атомному проекту из соображений безопасности. Возможно, недостаток интеллектуальных сил, мобилизованных для реализации германского атомного проекта, привел к ряду ошибок, замедливших его ход. Однако, даже если бы эти ошибки не привели к топтанию на месте, германский проект не имел шансов на успех, особенно в условиях массированных англо-американских бомбардировок. Вспомним, что Англия в конце концов отказалась от создания атомной бомбы в годы войны и передала все имевшиеся наработки США, хотя британские ученые и не допустили каких-либо грубых ошибок. Причина была в огромной стоимости проекта, который оказался не по силам британской экономике военного времени. Можно смело утверждать, что для создания атомной бомбы Германии пришлось бы бросить на нее буквально все свои ресурсы, отказавшись от разработки всех других новых систем вооружений, что, естественно, было невозможно. Да и в этом случае все равно не было бы гарантий, что объекты уранового проекта не разбомбила бы прежде союзная авиация. Кстати, если бы, допустим, немцы уже в 1942 году, как это сделали американцы, сосредоточили бы основные научно-технические и военно-экономические усилия на атомном проекте, не исключено, что они проиграли бы войну на полгода, а то и на год раньше, так как менее интенсивно вели бы подводную войну и еще более значительно уступили союзникам в авиации и танках. Ведь в конечном счете колоссальное отставание Германии в гонке к атомной бомбе никак не повлияло на исход войны в Европе, где американцы так и не успели ее применить. У США же оказалось достаточно средств и для форсированной разработки атомного

проекта, и для достижения рекордного уровня производства самолетов, танков и другой боевой техники.

Кстати сказать, «трофейные» немецкие физики внесли немалый вклад в советский атомный проект: Уже 19 декабря 1945 года советское правительство приняло секретное постановление о привлечении немецких специалистов для работы над этим проектом. К концу 1948 года в СССР находилось около 300 немецких специалистов по этой проблеме. Многие из них были удостоены советских премий и наград, а главный специалист по урановой проблеме Николаус Риль, кстати сказать, уроженец Петербурга, стал даже Героем Социалистического Труда.

А вот в других системах вооружений Германия по качеству (но не по количеству) чаще всего превосходила своих противников. Рейх обогнал все другие страны в развитии ракетного оружия и реактивной авиации, а также подводных лодок. Первый реактивный истребитель «Me-262», участвовавший в боях Второй мировой войны, первая крылатая ракета «Фау-1» и первая управляемая баллистическая ракета «Фау-2», использовавшиеся для обстрела неприятельских городов, появились в Германии. Причем если ракеты «Фау-1» еще могли быть сбиты или протаранены британскими истребителями либо сбиты зенитной артиллерией, то никаких средств защиты против «Фау-2» тогда не существовало. По Лондону в 1944 году было выпущено около 9 тыс. «Фау-1», из которых около 6 тыс. достигли Англии, в том числе примерно 3 тыс. упали на Лондон. Также по английской столице было выпущено 3165 снарядов «Фау-2». Еще примерно 2 тыс. баллистических ракет было выпущено по бельгийским городам Антверпен, Брюссель и Льеж. Конструктор немецких ракет Вернер фон Браун, в конце войны вывезенный американ-

цами в США, стал одним из руководителей американской космической программы и внес основной вклад в создание ракеты, доставившей первых людей на Луну. В СССР же трофейные документация и детали «Фау-2» значительно помогли развитию советской космической программы, а трофейные «Me-262» — становлению советской реактивной авиации. Немецкие конструкторы в принудительном порядке участвовали в создании советской атомной бомбы, реактивных самолетов, ракет и подводных лодок. Ведь в конце войны немецким конструкторам удалось создать подводные крейсера, способные к океанским переходам в подводном положении, без всплытия на поверхность. Таких лодок тогда ни у кого в мире не было.

Советский реактивный самолет «Су-9», появившийся в 1946 году, был практически копией «Me-262». Его конструкция повлияла и на первые советские реактивные «МиГи». После войны «Me-262» серийно производился в Чехословакии и состоял на вооружении чехословацких ВВС вплоть до середины 50-х годов. А советский истребитель «МиГ-15», американский «Ф-86» «Сейбр» и французский «Мистэр» были созданы при активном участии немецких специалистов и с использованием немецкой технической документации.

Значительных успехов добились немецкие конструкторы и менее экзотических видов вооружений, в частности стрелкового оружия. Немецкий тяжелый пулемет «МГ-42» был признан лучшим в своем классе оружием Второй мировой войны. В качестве трофейного оружия его охотно использовали и советские, и американские, и британские солдаты. При весе в 10 килограммов он обеспечивал скорострельность в 20 выстрелов в минуту и был

весьма неприхотлив в обслуживании. К концу войны был создан еще более совершенный пулемет «МГ-45», который при весе в 6,5 килограмма давал скорострельность до 40 выстрелов в минуту. Но запустить его в серию уже не успели. А вот самый знаменитый автомат (по немецкой терминологии — штурмовая винтовка) военного и послевоенного времени — «шмайссер» — с середины 1944 года и до конца войны успели произвести серийно в количестве более 400 тыс. штук. Его прототип — штурмовую винтовку «МП-43» в экспериментальной серии успели произвести в количестве более 12 тыс. штук. Автомат был хороший, солдаты вермахта его хвалили за высокие боевые качества, надежность, скорострельность и точность стрельбы при сравнительно небольшом весе. Боевые качества «шмайссера» вполне оценили в Советском Союзе после Второй мировой войны. Взять хотя бы знаменитый автомат «АК-47», в просторечии «калашников», который сегодня используют армии 55 стран мира и производят в 12 государствах. Он запечатлен на государственных гербах африканских государств Буркина-Фасо и Мозамбик. Если сравнить «калашников» с немецкой штурмовой винтовкой образца 1944 года, разработанной в конструкторском бюро Гуго Шмайссера, то десяти различий между ними, как это бывает обычно в заданиях на внимание, обнаружить при всем желании невозможно. Собственно, различий между ними только три: в форме приклада (у немецкого образца он лучше, чем у первого калашниковского образца), в конструкции затворного механизма (здесь преимущество на стороне «калашникова»), да еще в калибре. У немецкого автомата он 7,92 миллиметра, а у советского — 7,62. Кстати сказать, в советских романах и фильмах «шмайссером» обычно называют совсем

другой немецкий автомат, принятый на вооружение еще в 1940 году, — 9-миллиметровый «MP-40», разработанный фирмой «Эрфуртер Maschinenfabrik» и конструктором Х. Фольмером. Немецкая пехота в советских фильмах всегда вооружена только этим автоматом, но никогда — настоящими «шмайссерами», т. е. «калашниковыми». Эту подмену специально и сделали для того, чтобы широкая публика не догадалась, каким же был «шмайссер» на самом деле. Единственным исключением является художественный фильм «Мне было девятнадцать», снятый совместно кинематографистами СССР и ГДР, но почти не шедший в советском прокате.

Может быть, при выборе подходящего конструктора предпочли не имевшего высшего образования крестьянского самородка Михаила Тимофеевича Калашникова потому, что более именитым конструкторам было не очень удобно ставить свое имя на чужое оружие.

В конце войны немцы подготовили к выпуску первую в истории управляемую противотанковую ракету «Роткэпхен», но запустить ее в серию уже не успели. Были подготовлены к выпуску и ракеты «воздух—воздух».

Также и появившиеся в 1942—1944 годах новые немецкие танки «Тигр», «Пантера» и «Королевский тигр» превосходили любые танки, имевшиеся у противников Германии. Например, «Королевский тигр» с помощью своей 88-мм пушки пробивал броню самого мощного советского танка «ИС-2» с дистанции, с которой тот не мог своим 122-мм орудием пробить 150-мм лобовую броню «Королевского тигра». А «Пантера» превосходила по всем параметрам американские и английские средние танки. Только в феврале 1944 года у американцев и англичан появились моди-

фикации танка «М-4» «Шерман», способные бороться с «пантерами» и «тиграми», но только на коротких дистанциях. Они уступали «пантерам» по броне, а их 76-мм орудие не могло сравниться с немецким 88-мм. Наш же танк «Т-34», даже после оснащения в 1944 году 85-мм пушкой, не мог противостоять ни «тиграм», ни «пантерам».

Как отмечает генерал-лейтенант-инженер Эрих Шнейдер, один из руководителей службы вооружений вермахта, «танки типа «Т-IV», а затем «пантера» и «тигр» были настолько удачными, что могли соперничать со всеми иностранными танками. Развитие немецких танков шло не только по линии повышения... огневой мощи, маневренности и броневой защиты, но и по линии улучшения управления танками на поле боя за счет расширения секторов обзора, обеспечения бесперебойной связи по радио между танками и усовершенствования внутританкового переговорного устройства. Этим отчасти объясняется тот факт, что немецкие танки и штурмовые орудия часто выходили победителями из боя с неизмеримо превосходящими силами противника».

Действительно, немецкие танкисты побеждали своих противников и на востоке, и на западе за счет лучшего управления, высокого уровня боевой подготовки, умения использовать средства связи, а также, в 1943—1945 годах, и за счет более высокого качества техники. Причем здесь играли роль как основные качества, вроде скорости хода, толщины брони, калибра и начальной скорости снаряда, так и такие второстепенные вроде бы детали, как лучшее качество оптических прицелов, удобство расположения экипажа внутри танка, устройство для отвода пороховых газов из танка. Например, когда на «Т-34» в конце 1943 года установили 85-мм пушку, он вроде бы стал

безусловно превосходить немецкий модернизированный танк «Т-IV» с длинноствольной 75-мм пушкой. Однако у немецких танкистов остались шансы бороться с ним на равных за счет лучшей оптики, наличия радиостанций на всех машинах (у советских танкистов радиостанции были только на командирских машинах, а на остальных — только приемники), более комфортных условий ведения боя. У «Т-34» не было устройства для отвода пороховых газов, и к концу боя башня танка превращалась в настоящую душегубку, ее приходилось проветривать. Кроме того, в первых модификациях «Т-34» экипаж танка состоял из 4 человек, и командир одновременно был наводчиком орудия. В результате в бою он был вынужден все время отдавать стрельбе, и экипажем никто не командовал. В последних модификациях экипаж увеличился на одного человека, появился наводчик, но зато в танке стало труднее поворачиваться, что также затрудняло ведение боя.

Но все преимущества немецких танкистов над своими противниками не позволили им победить, так как противник многократно превосходил Германию в количестве танков, поступивших в войска. «Т-34» часто называют лучшим танком Второй мировой войны. Но это, подчеркну, вовсе не означает, что он мог победить в бою любой танк противника. В борьбе не только против «тигров» и «королевских тигров», но даже против «пантер» ловить ему было нечего. «Т-34» в целом успешно противостоял другим немецким средним танкам и был самым дешевым и простым в изготовлении танком, обладавшим столь мощным вооружением, броней, а также высокой скоростью и маневренностью. «Тигры» и «пантеры» были на порядок более дорогими и сложными машинами, и потому их произвели немного, если

сравнивать с производством «тридцатьчетверок». «Пантер» было выпущено несколько более 4,5 тыс. штук (кстати, трофейные «пантеры» еще несколько лет успешно продолжали службу во французской армии). Танков же «Т-34» в СССР, по официальным данным, до конца 1946 года было выпущено более 61 тыс. штук, в том числе в 1943—1945 годах — более 35 тысяч. Даже с учетом возможного двойного счета в советских данных, разница слишком велика. Кстати, многие принципы конструкции «Пантеры» были использованы после войны при создании советского танка «Т-54», сменившего «Т-34» в качестве основного танка Советской армии.

Немецкая 88-мм зенитная пушка практически была универсальным орудием, с равным успехом применявшимся как против танков, так и против самолетов, и по праву считается лучшим орудием Второй мировой войны. Поскольку это была совместная советско-германская довоенная разработка, она состояла и на вооружении Красной Армии, поэтому немцы называли ее шуточно «Руссеншпритце» («Русская спринцовка»). После войны трофейные немецкие зенитки сыграли решающую роль в победе вьетконговцев над французским десантом в Дьенбьенфу в 1954 году. Плотный зенитный огонь не позволил снабжать осажденных французов по воздуху, что в конце концов заставило их капитулировать. С успехом использовали эти пушки и северокорейцы в войне 1950—1953 годов.

Даже немецкие лодки старых проектов в ходе войны достигли выдающихся успехов. Всего за 1939—1945 годы они потопили торпедами, артиллерией и минами 2759 судов общим тоннажем 14 119 413 брутто-регистрационных тонн, в том числе 3 авианосца, 3 эскадренных авианосца, 2 линкора и 5 легких крейсеров,

а также 9 неприятельских подлодок. Всего было потоплено 148 и повреждено 45 боевых кораблей. Всего погибло 753 немецкие подлодки, в том числе 49 — от несчастных случаев. Вплоть до июля 1943 года они топили больше тоннажа судов, чем строилось на американских и английских верфях. Однако усовершенствование радаров, усиление противолодочной авиации переломили ход «Битвы за Атлантику».

Германские подводные лодки нового поколения должны были переломить ход борьбы и поставить Англию на колени. Подлодки XXI и XXIII серий могли развивать скорость до 18 узлов, что превышало скорость противолодочных кораблей союзников, и могли неограниченно долго оставаться в подводном положении. Но в боевых действиях в 1945 году успела принять участие лишь одна лодка XXI проекта и 8 лодок XXIII проекта. О боевых качествах последних, представлявших собой малые электролодки, способные совершать поход до 33 суток и предназначенные для действий в прибрежных водах, сохранился отзыв одного из ее капитанов: «Это — идеальная лодка для непродолжительных действий вблизи побережья. Она быстроходна, обладает хорошей маневренностью, проста в управлении. Незначительные размеры лодки затрудняют возможность обнаружения и поражения ее противником. Он может лишь предполагать присутствие лодки, но установить точно ее местонахождение трудно».

Как пишет гросс-адмирал Дениц, «первая лодка XXI серии — «U-2511» вышла в первый боевой поход из Бергена 30 апреля 1945 года. По словам командира лодки, она показала себя с отличной стороны как в условиях атаки, так и в условиях обороны и представляла для подводников нечто совершенно новое».

Если бы война продлилась еще полгода, союзное судоходство оказалось бы под угрозой, так как средств борьбы с этими электролодками еще не было. Двадцать подлодок XXI проекта, захваченных Красной Армией на данцигской верфи, были зачислены в состав советского ВМФ. Однако достроить и ввести их в строй так и не удалось. Зато новые советские лодки 613-го проекта были практически точной копией немецкой подлодки XXI проекта.

Гитлер — полководец

Так был ли Гитлер настоящим полководцем? Единственный военный министр в правительстве Гитлера, Бломберг, несмотря на отставку в 1938 году из-за скандального прошлого своей молодой жены, до конца своей жизни сохранил уважение и хорошие отношения с фюрером и неоднократно повторял, что тот обладает «выдающимися полководческими способностями». Начальник штаба оперативного руководства вермахта и один из ближайших сотрудников Гитлера генерал-полковник Альфред Йодль уже после войны на допросе также заявил, что Гитлер обладал большими стратегическими способностями. Йодль утверждал во время Нюрнбергского процесса: «Гитлер был вождем и личностью невероятного масштаба. Его знания и ум, его ораторские способности и воля в конечном счете одерживали верх в любом споре». Йодль также выделял роль Гитлера в производстве современных видов вооружений: «Гитлер со своим поразительным тактико-техническим кругозором был создателем современного вооружения для армии. Его заслугой является то, что на смену 37- и 50-мм противотанковым пушкам пришла 75-миллиметровая, что танки перестали оснащать коротко-

ствольными орудиями и поставили на них длинноствольные 75 и 88 мм. По инициативе Гитлера появились современные танки «Пантера», «Тигр» и «Королевский тигр»».

Широко распространено мнение, будто Гитлер возлагал большие надежды на своих союзников. На самом деле Гитлер нисколько не заблуждался насчет того, что они способны играть лишь сугубо вспомогательную роль и действовать лишь на спокойных участках фронта. Когда в конце августа 1941 года Восточный фронт посетил Муссолини, Гитлер, по словам фон Белова, уже «знал: итальянцы на Восточном фронте ничего сделать не смогут, и на их боевую силу никак не рассчитывал. Но фюрер все-таки попытался как-то настроить немецких офицеров на положительное отношение к своим итальянским союзникам. Гитлер говорил открыто и о сокровенных долгих разговорах с дуче, подчеркивая, что пока необходимо «поощрять» итальянцев, ибо бои в Средиземном море еще не закончены». А когда в начале сентября на Восточный фронт приехал венгерский регент адмирал Миклош Хорти, Гитлер после встречи с ним, наградив союзника рыцарским крестом, честно признался фон Белову, что «с его стороны это был чисто политический жест по отношению к гостю. Для ведения войны Гитлер от венгров не ожидал ровным счетом ничего. Но для порядка на Балканах ему нужен был благожелательный сосед. Особенно важными для него являлись коммуникации с нефтяным районом Плоешти, без которого Германия обойтись не могла. Так что фюрер результатом этого визита остался доволен».

Настоящим военным гением, причем уже после всех поражений 1943—1945 годов, считали фюрера его преемник гросс-адмирал Карл Дениц и генерал-фельдмаршалы Гюнтер фон Клюге и Вильгельм

Кейтель. Свидетельство Клюге дорогого стоит, поскольку фельдмаршал сам участвовал в заговоре 20 июля и застрелился, чтобы не подвергнуться позорной казни. Кейтель же заявил в 1946 году, в ожидании неминуемой смертной казни, что Гитлер не только был гением в военных делах, но и «был настолько осведомлен в организации, вооружении, вопросах управления и снабжения всех армий и флотов мира, что невозможно было уличить его хотя бы в одной ошибке». Кейтель признался, что в отношениях с фюрером даже «по относительно простым повседневным вопросам организации и снабжения вермахта», равно как и по многим другим военным проблемам, «я был учеником, а не учителем». Военный гений Гитлера признавал и фельдмаршал Герд фон Рундштедт, но только применительно к первой фазе Второй мировой войны, до 1942 года. А генерал Вальтер Шерф, который в годы войны вел Военный дневник ОКВ, полагал, что Гитлер был «величайшим полководцем и государственным деятелем всех времен», настоящим полководцем, стратегом и «человеком непобедимой веры».

Адъютант Гитлера фон Белов вспоминал, как 4 мая 1940 года, «после заседания рейхстага, Гитлер отправился в Данциг, где уже были готовы к выходу в море линкоры «Бисмарк» и «Принц Ойген». Он захотел на борту «Бисмарка» поговорить с флотским начальником адмиралом Лютьенсом перед отплытием этого корабля в Атлантику, ознакомиться с дредноутом и посмотреть, какова на нем команда. По возвращении я услышал от него похвалу как кораблям, так и их личному составу, к которым он ощутил полное доверие. Единственной грозящей им при определенных обстоятельствах опасностью были воздушные налеты с авианосца, и это вселяло в Гитлера огромную тревогу. Йод-

лю же он сказал, что крупные военные корабли на войне вообще излишни. Всегда подвержены большой угрозе быть атакованными самолетами или их торпедами, а сами эту угрозу предотвратить не могут. Фюрер, с одной стороны, был горд той боевой силой, которую Германия посылала в океанские просторы, а с другой — с опасением следил за плаванием таких гигантов».

Гитлер, как видим, вполне проницательно указал, что время линкоров уже прошло. И не зря беспокоился за «Бисмарк», который отправлялся в свое последнее плавание, где ему суждено было погибнуть в неравном бою с превосходящими силами британского флота и авиации, причем именно авиация сыграла в его судьбе решающую роль.

При оценке полководческих способностей и стратегии Гитлера надо исходить из одного непреложного факта. На самом деле для Германии не существовало военных способов выиграть войну. Это признают как сторонники, так и противники Гитлера. Например, бывший командир танкового корпуса на Итальянском фронте генерал Фридо фон Зенгер-Эттерлин, никаких симпатий к фюреру не испытывавший, еще в начале 50-х годов утверждал: «Диктатура, столь бедно наделенная умением руководить (а именно такой была диктатура Гитлера), является антитезой той демократической структуре, которая необходима для координирования всех национальных ресурсов. Но не надо заблуждаться на этот счет. И без губительного гитлеровского руководства государством и военными действиями становится ясно, что даже при другом и свободном правительстве Германия все равно не выиграла бы мировую войну, если учесть ее исходное положение. Суммарные ресурсы ее противников, господствовавших на море, настолько превосходили ее

собственные, что в долгосрочной перспективе германские военные кампании на суше не могли дать никакого результата, как бы искусно ими ни управляли...

Искусство стратега дается от рождения, и то очень редко. Оно требует хорошего понимания рода человеческого и знания истории. Не стоит задаваться вопросом, обладали ли такими качествами Гитлер и его советники. Его личные советники в ОКВ не пользовались уважением в армейских кругах. Уважаемые начальники штаба сухопутных войск, прошедшие великолепную школу старого Генштаба, ушли в небытие... Это не значит, что иной выбор армейских руководителей позволил бы выиграть войну. Многие сражения, конечно, закончились бы по-другому. Но наше военное поражение таилось в предшествовавшем ему поражении политическом, которое привело к созданию коалиции всех великих держав мира против гитлеровской Германии. Если бы даже произошло невозможное и Германия победила, все равно немислимо, чтобы побежденные страны надолго подчинились такого рода системе. Конечный результат был бы таким же».

Замечу, что и в политическом плане шансов предотвратить создание враждебной себе коалиции у Гитлера не было никаких. Западным странам был одинаково не симпатичен и коммунизм, и национал-социализм. Однако объективно, с учетом уровня функционального образования населения и уровня боеспособности армии, военно-экономический потенциал Германии превосходил военно-экономический потенциал СССР. Поэтому Англия и США предпочли поддержать ту из диктатур, которая представляла для них меньшую угрозу. Гитлер пытался решить в принципе не имевшую решения военно-политическую задачу, но это не означает, что он не обладал полководчески-

ми способностями, ибо эта задача задавалась чисто идеологической расовой парадигмой.

Стратегические способности Гитлера проявились в том, что он горячо поддержал и добился проведения в жизнь, несмотря на сопротивление генералитета, двух неординарных военных операций, казалось бы, выбивающихся из канона стратегии. Это — высадка в Норвегии в условиях, когда у кригсмарине не было господства на море, и наступление во Франции в мае 1940 года с нанесением главного удара в считавшихся непроходимыми для танков Арденнах.

Вместе с тем Гитлер с трудом переносил вид страданий, которые вызывала война. Он мог легко убивать людей на бумаге, приказами, но давно уже забыл, как своими руками убивал врагов на фронте Первой мировой войны. Он никогда бы не мог сказать: «Труп врага хорошо пахнет». По свидетельству фон Белова, «Гитлер столь же мало интересовался фотографиями казней участников заговора 20 июля, как и фотографиями разрушенных городов, которые смотрел против воли, лишь принимая их к сведению. Он был просто не в состоянии видеть горящий город или непосредственно после бомбежки посещать превращенные в груды щебня и развалин жилые кварталы. Фюрер в буквальном смысле слова закрывал глаза на последствия своих приказов, и его даже было невозможно побудить посетить (за отдельными исключениями) больницы и госпитали».

В то же время он был вполне восприимчив к мнениям военных, если они были достаточно аргументированы. Так, адъютант Гитлера от люфтваффе фон Белов свидетельствует: «Душевной непреклонности и надменности я у Гитлера не наблюдал никогда. Его всегда можно было побудить контраргументами вне-

сти в свое мнение коррективы. Только вот сами аргументы эти должны были быть и убедительными. Случалось, он соглашался не сразу, но, подумав, потом признавал чужую точку зрения. Память у него была выше средней, так же, как и знания во многих областях: музыке, истории, отчасти — естественных науках. Разумеется, он был самоучкой, но своим самообразованием занимался многие десятилетия, поставив его на невероятно широкую основу. Если же немногие высказывания фюрера и не выдерживали полностью научного или исторического критерия, то все же показывали, в каком объеме пытался он заниматься многими такими темами, которые человеку среднего уровня остаются чужды на протяжении всей жизни. Этим объясняется и то, что Гитлер в своих разговорах редко встречал возражения, хотя специалисты различных областей науки (правда, в его кругу они встречались изредка или вообще отсутствовали) наверняка могли бы кое в чем его подправить. Но слушатели преобладали над собеседниками».

Суммируя свои впечатления от многолетнего общения с фюрером, тот же фон Белов сделал справедливый вывод, что «Гитлер, собственно, был человеком, лишенным противоречий. В противоположность многочисленным позднейшим утверждениям, я не мог не заметить, что сам он постоянно разрешает возражать ему и зачастую меняет свое мнение. Но его оценки, к примеру, людей, исторических личностей и истории в целом всегда оставались неизменными. Он много говорил насчет своего представления о том государстве, которое однажды будет править в Европе. Его целью было побороть евреев и большевизм, а также ликвидировать какое-либо их влияние на исторический процесс. Он твердо верил, что это — мис-

сия, внушенная ему самим Провидением. Удивительно, сколь сильно было у него «шестое чувство» в отношении грядущих событий, но вместе с тем, однако, и ужасающая потеря чувства реальности».

В этом отсутствии противоречий и рефлексии была сила стратегии Гитлера, он упорно добивался своей цели, стремился достигать своих целей с минимальной затратой времени и средств. Тут же напрашивается мысль, что в этом же была и слабость Гитлера, неспособность его резко сменить стратегию в тот момент, когда становится ясно, что первоначальные цели недостижимы. Однако, если учесть, что стратегии, которые принесли бы фюреру выигрыш, не существовали в принципе, подобное отсутствие гибкости нельзя отнести к числу недостатков Гитлера. Ему оставалось только держаться как можно дольше в надежде, что союзники либо истощат свои силы, либо перессорятся друг с другом, и он, как и его кумир Фридрих Великий в Семилетнюю войну, получит шанс к спасению.

Гитлер довольно рано понял, что его дело обречено. Генерал Йодль писал после войны в Нюрнбергской тюрьме, что, когда, вслед за Сталинградом, в конце 1942 года «Роммелю, разбитому у ворот Египта, пришлось отойти к Триполи, когда союзники высадились во французской Северной Африке, Гитлер ясно осознал, что бог войны отвернулся от Германии и перешел в другой лагерь». Адъютант Гитлера фон Белов утверждал: «В январе 1943 года у меня сложилось впечатление, что Гитлеру стало ясно: борьба против русских и американцев, то есть война на два фронта, ему уже не по силам».

25 августа 1944 года, беседуя с самым результативным летчиком-асом Второй мировой войны Эрихом

Хартманом, которому он только что вручил рыцарский крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, Гитлер честно признал: «С военной точки зрения война проиграна, Хартман. Вы должны знать это. Однако существуют также крупные политические разногласия между союзниками — англичанами и американцами, с одной стороны, и русскими — с другой. Мы должны держаться и ждать. Скоро русские будут сражаться с англичанами и американцами точно так же, как сейчас они дерутся с нами. Это единственная альтернатива для нас. Иначе нас захлестнут большевистские орды, и вы сами знаете, что это будет значить для нашей страны». А когда Хартман стал говорить о необходимости новых модификаций истребителей, Гитлер ответил, что ему каждый день предлагают новые виды вооружений, но все это — слишком поздно, ибо на их разработку и производство уже нет времени.

По мнению фон Белова, «Гитлер увидел надвигающийся угрожающий ход развития на Восточном фронте раньше и отчетливее своих советников. Но он упрямо требовал от командующих армиями и группами армий после отвода линии фронта не отходить дальше, а если все же приходилось, делать это только в исключительных случаях и в самый последний момент». Он же отмечает, что в июле 1944 года, незадолго до покушения, у него «впервые сложилось впечатление, что исход войны Гитлеру ясен. Я почувствовал это по отдельным его фразам и репликам, в которых, однако, постоянно все еще шла речь о продолжении войны, о новом оружии и его воздействии, а также о том, что будут у нас еще и успехи. Фюрер не сдавался, и прежде всего в нем крепло убеждение: я не капитулирую никогда!» Значит, фюрер отчетливо по-

нимал все неблагоприятные военные перспективы Германии, но сдаваться не собирался.

20 ноября 1943 года Гитлер выступил в Бреслау перед выпускниками военных училищ. Он заявил, что, проиграв войну, немецкий народ перестанет существовать. Поэтому каждый германский солдат должен знать, что «эта жестокая война, которую хотели и навязали нам наши враги, не может быть закончена не чем иным, как победой Германии». Дабы добиться этой победы, все «должны проникнуться одной-единственной и непоколебимой верой в нашу вечную Германию».

Эта и другие многочисленные тирады фюрера о неизбежной грядущей победе Германии, произносимые даже в самой безнадежной обстановке 1944—1945 годов, происходили отнюдь не от ошибочной оценки Гитлером стратегической обстановки. Он лишь хотел подбодрить своих генералов, побудить их сражаться до последнего солдата.

Фон Белов, как ему казалось, нашел еще одно объяснение, почему Гитлер никогда не высказывал сомнений в конечной победе Германии: «Перед нами фюрер никогда не показывал признаков своей слабости, не давал понять и того, что считает положение бесперспективным. Он знал, что и в его Ставке имеются такие офицеры, которые уже не питают никаких надежд на позитивный исход войны. Поэтому Гитлер считал своим долгом распространять чувство уверенности в победе. Отныне все его поведение, настрой и поступки были нацелены на то, чтобы ни одному из визитеров или доверенных сотрудников и в голову не могло прийти сделать из этого вывод о том, как сам он расценивает военное положение. Что бы ни происходило в связи с событиями на отдельных театрах вой-

ны, фюрер был всегда убежден, что однажды военное счастье снова улыбнется ему. Меня всегда поражало умение Гитлера истолковывать поражения в нашу пользу. Ему даже удавалось убедительно передавать свои мысли и внушать надежды людям, которым приходилось работать с ним в его узком кругу».

Фон Белов так характеризовал настроения в вермахте после Сталинграда: «Уверенность Гитлера в победе, высказанную в его новогоднем обращении к народу, я уже разделять не мог. Но поверить в то, что Германия войну проиграет, я тоже не мог. Мне мнилось разумное мирное решение в Европе, которое казалось еще достижимым при наличии некоторой доброй воли. Не может же все оказаться напрасным! По настроениям в Ставке фюрера я ясно видел: эта точка зрения была там распространена, как и во всем вермахте». О возможности свести войну «вничью» не раз говорил и писал фельдмаршал Манштейн, однако реально ничья была недостижима. Красная Армия и так несла предельно высокие потери в живой силе и технике, но это не приводило к истощению советских людских ресурсов. Предотвратить же высадку союзников в Нормандии и бомбардировки Германии не было никакой возможности из-за колоссального превосходства западных союзников в воздухе.

Легендой является и утверждение, будто Гитлер не был должным образом информирован об обстановке или неверно оценивал ее серьезность и неблагоприятное развитие для Рейха. Как отмечает фон Белов, после усилившихся осенью 1943 года англо-американских бомбардировок Германии «после каждого налета фюрер получал донесения от соответствующих гауляйтеров и, следовательно, был точно информирован как о совершенно недостаточной, так и об

успешной обороне. Иногда же, особенно при дневных налетах, она была равна нулю. Истребители не могли взлететь из-за плохой погоды или были задействованы где-то в другом месте. Как раз это и взвинчивало фюрера сильнее всего. Случалось и так, что вражеские бомбардировщики приближались к объекту в сопровождении своих истребителей, а наши истребители (также и по причине недостаточного опыта летчиков) в бой не вступали».

3 ноября 1943 года Гитлер издал разработанную Йодлем директиву № 51 о ведении войны на западе. В ней говорилось: «Опасность на востоке осталась, но еще большая вырисовывается на западе: англосаксонское вторжение! На востоке размеры пространства позволяют в крайнем случае оставить даже крупную территорию, не поставив под смертельную угрозу жизненные нервы Германии. Другое дело на западе! Если противнику удастся осуществить здесь вторжение в нашу оборону на широком фронте, то последствия этого скажутся в короткое время, и они будут необозримы... Потому я не могу больше брать на себя ответственность за то, что запад ослабляется в пользу другого театра действий. Поэтому я решил усилить мощь обороны, особенно там, откуда мы начнем обстрел Англии. Ибо там противник должен нанести и нанесет удар, там произойдет, если это все не дезинформация, решающая битва с десантом». Как отмечает фон Белов, фюрер «ошибся только в дате, рассчитывая, что высадка из Англии произойдет уже в начале 1944 года». Но он видел в высадке союзников во Франции главную и смертельную опасность. От Франции было гораздо ближе до Рура, чем от Днепра — до Берлина, а перевес англо-американской авиации над люфтваффе был куда более подавляющим, чем совет-

ских ВВС. Адьютант Гитлера от люфтваффе фон Белов начиная с 1944 года не раз говорил фюреру, что «наша авиация еще имеет какие-то шансы на успех только на Восточном фронте. На западе же ввиду явного количественного превосходства авиации противника у нее никаких шансов нет».

Распространено мнение, будто Гитлер произвольно и незаслуженно снимал своих генералов и фельдмаршалов. Создать подобное мнение постарались сами опальные военачальники в своих мемуарах. Между тем к отставкам своих полководцев у Гитлера, как правило, были основания, как во время советского контрнаступления под Москвой, так и позднее. Например, 25 марта 1944 года на совещании с командованием вермахта Гитлер заявил, что, по данным воздушной разведки, «были отмечены всего-навсего отдельные танки противника, от которых бежали целые войсковые части немцев, а из-за этого непрерывно отводится назад линия фронта». Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Эрех фон Манштейн резко возразил, что «если войска не могут более держаться на отдельных участках, то это объясняется их чрезмерной усталостью, истощением сил и сокращением численности». Пять дней спустя Манштейн был отправлен в отставку. Его отставка была вызвана тем, что Гитлер считал фельдмаршала мастером наступления, а не обороны. А тому, что войска подчиненной Манштейну группы армий «Юг» в тот период действительно нередко проявляли нестойкость и нежелание драться, есть свидетельства в немецких мемуарах. Например, генерал Ф.В. Меллентин отмечает, что еще в начале 1944 года на Украине «в узлах дорог скоплялись тылы всех соединений первого эшелона; туда же при наступлении противника устремлялись люди, не испытывавшие большого жела-

ния драться с русскими...» О том же сообщает в мемуарах и адъютант Гитлера Николаус фон Белов: «Осенью 1943 г. война вступила в особенно жестокую стадию. Удивительным в это время было поведение солдат-фронтовиков. Из миллионов, надевших форму сухопутных войск, в непосредственных боях на фронтах находилось относительно небольшое число. Значительная часть этих войск была связана подвозом и снабжением. Гитлер снова и снова давал указания прочесывать тыловые службы и армию резерва и отправлять молодые контингенты на фронт. Не знаю, в чем тут дело, но все усилия подбрасывать в большом количестве пополнения измотанным сражающимся частям ожидаемого результата не давали. Численность личного состава всех соединений сухопутных войск была ниже среднего уровня. Командиры батальонов радовались, когда у них имелось 200—300 человек. А когда дело доходило до боя, эти цифры резко падали вниз. Однако дух солдат, их готовность действовать и воля сражаться оставались стабильными, а роль Гитлера как фюрера — неоспоримой. Многие из них были твердо убеждены в том, что у него есть в резерве и оружие, и боевые соединения — основа для новых успехов, пробивающих путь к победе. Но, в отличие от этой уверенности, те, кто мог видеть положение в целом и получить полное представление о нем, знали: поражение — вопрос только времени».

Гитлер, к несчастью для народов, обладал определенными полководческими и военно-организаторскими способностями и опирался на мощную германскую военную традицию. Помогла ему и неограниченная диктаторская власть. И чтобы справиться с Германией и ее довольно слабыми союзниками, пришлось объединиться всему остальному миру.

Покушение на Гитлера 9 ноября 1939 года

Всего на Гитлера было осуществлено два покушения, причем оба имели довольно большие шансы на успех и не удались из-за случайностей, которые покушавшиеся не имели возможности предусмотреть. Первое, менее известное, осуществил мюнхенский столяр Георг Эльснер, симпатизировавший социал-демократам, но ни в какой партии не состоявший. Он заложил бомбу в деревянную колонну пивной «Бюргербройкеллер» в 16-ю годовщину «Пивного путча», 9 ноября 1939 года. От ее взрыва погибли 7 «старых камерадов» — участников путча. Еще 63 человека были ранены. Однако к тому моменту Гитлер успел закончить свое выступление и покинуть пивную. В этот раз, из-за начавшейся войны, Гитлер говорил гораздо короче, чем обычно на годовщинах событий 1923 года, и, поскольку спешил на совещание, не стал задерживаться в «Бюргербройкеллер» пообщаться со старыми товарищами. Это и спасло ему жизнь.

Адъютант Гитлера фон Белов вспоминал: «Поздно вечером (я уже лежал в постели) мне сообщили по телефону: на партийном торжественном заседании в пивном зале «Бюргербройкеллер» совершено покушение — взорвана бомба прямо среди его участников, когда фюрер уже покинул зал. Весть эта подействовала как сигнал тревоги. Она ясно показала нам, что у Гитлера есть враги, готовые на всё. Когда фюрер на следующий день пунктуально точно в указанное время появился в Имперской канцелярии, было заметно, что событие это его сильно взволновало. Но поздравления со счастливым исходом он воспринимал спокойно и сосредоточенно. Сказал, что его спасение от гибели — чудо, которое он воспринимает как пред-

знаменование того, что ему удастся выполнить свою задачу главы Рейха. Из Мюнхена сообщили, что жертвой покушения стали 8 человек убитыми и более 60 — ранеными. Фюрер принял живое участие в судьбе как их родных, так и пострадавших.

Через три дня Гитлер снова полетел в Мюнхен, присутствовал на торжественном государственном акте у «Галереи полководцев», посетил в больнице получивших увечья и был сильно потрясен, увидев разрушенный бомбой пивной зал. Расследование показало, что задержанный при переходе швейцарской границы злоумышленник по фамилии Эльснер действовал в одиночку и, вероятно, никто за ним не стоял.

Действительно, Эльснер был типичным террористом-одиночкой и убежденным антифашистом, симпатизировавшим социал-демократам. Нацистская пропаганда обвинила в организации покушения британскую разведку, и двое британских агентов были даже похищены в Голландии людьми Шелленберга и представлены в качестве соучастников Эльснера (они благополучно пережили войну в немецком концлагере). Сам же столяр был убит в Заксенхаузене 9 апреля 1945 года, причем официально было объявлено, будто он погиб при налете англо-американской авиации. Неизвестно, отдал ли приказ об убийстве Гитлер, или кто-то из его приближенных, вроде Гимmlера, чтобы порадовать фюрера напоследок.

Мифы о заговоре 20 июля

По свидетельству адъютанта Гитлера фон Белова, в германских сухопутных силах еще в 1938 году, в канун судетского кризиса, существовала группа генералов, которые «с самого начала заняли позицию, про-

тивоположную гитлеровской». К ней относились Бек, Гальдер, фон Штюльпнагель, фон Вицлебен и Гёппнер, считавшие планы нападения на Чехословакию чересчур рискованными и чреватými мировой войной, к которой Германия не была готова. Впоследствии все они приняли участие в заговоре 20 июля и были казнены. К «твердым гитлеровцам» тогда относились Гудериан, Рейхенау, Кейтель и Буш. Трое из перечисленных стали фельдмаршалами, и лишь один из них был казнен по приговору военного трибунала. А примерно треть из 40 высших генералов сухопутных сил того времени занимала индифферентную позицию, не особо симпатизируя Гитлеру, но и не решаясь выступить против него.

Гитлер вообще достаточно подозрительно относился к аристократии. Фон Белов вспоминал: «Два принца из прусской и вельфской династий, которых я знал по совместной военной службе, заговорили со мной о приказе Гитлера, согласно которому все потомки прежде правивших королевских семей подлежали отчислению из действующих войск и использованию только в тыловых учреждениях. Приказ этот был мне известен, как и резкий и строгий комментарий фюрера к нему. В принципе он относился к ним уважительно и признавал их военные заслуги, но настаивал на том, что они должны вести себя совершенно новой форме государства, а поэтому он больше не может предоставлять принцам никаких привилегий. На это принцы мне возразили, что именно на такого рода привилегии они никогда не претендовали, а желают только одного: нести свою службу, как любой другой солдат-фронтовик. Однако помочь им я ни в какой форме не смог». Понятно, что и аристократы, и не только принцы крови, за редким исклю-

чением, никакой любви к Гитлеру и национал-социализму не питали. Неслучайно именно выходцы из аристократических семей составили костяк заговора 20 июля.

9 января 1942 года за несанкционированный отход был смещен с поста командующего 4-й танковой армией Гёппнер, один из активных участников заговора. Гитлер издал специальный приказ: «Генерал-полковник Гёппнер поставил под угрозу мой авторитет Верховного главнокомандующего вермахтом и главы Великогерманского рейха. Генерал-полковник Гёппнер изгоняется из вооруженных сил со всеми вытекающими отсюда последствиями». Однако, благодаря заступничеству генерал-адъютанта Гитлера генерала Рудольфа Шмундта, Гёппнер не был, как часто утверждается, предан суду военного трибунала, а в конце июня 1942 года был уволен из армии без права ношения мундира, но с сохранением звания и с полной пенсией, сохранив также прежнюю казенную служебную квартиру. По иронии судьбы, Шмундт умер от ран, полученных во время покушения 20 июля 1944 года.

Интересно, что слухи о грядущем покушении на Гитлера распространились за несколько месяцев до того, как оно действительно состоялось. Так, еще в феврале 1944 года до Гитлера дошло сообщение прессы из Стокгольма, что уже готов его будущий убийца. Один офицер генерального штаба сухопутных войск намерен будто бы застрелить Гитлера. Фюрер вызвал к себе адъютанта Николауса фон Белова и, ознакомив его с этим сообщением, приказал сделать все, чтобы не допустить такого покушения.

Фон Белов обсудил эту проблему с комендантом Ставки фюрера и со штандартенфюрером СС Раттен-

хубером, который отвечал за личную безопасность Гитлера. Они пришли к выводу, что необходимо немедленно ввести проверку портфелей и больших папок всех посетителей с целью обнаружения спрятанного в них оружия. Как пишет фон Белов, «осуществить эту меру в Восточной Пруссии нам не удалось, ибо после разговора с Гитлером мы сели в поезд и временно перенесли его Ставку на Оберзальцберг и в Берхтесгаден. Фюрер согласился с планом нарастить бетонные стены и потолок в его бункере в «Волчьем логове», а пока руководить с Оберзальцберга. Там я сразу спросил его, какие меры следует принять для контроля посетителей. Никакого интереса к этой теме он не проявил, но сказал, что поговорит о том непосредственно с Раттенхубером. Состоялся ли разговор или нет, я не заметил. Во всяком случае, никаких изменений в обычных мерах безопасности на Оберзальцберге не произошло». Затеянная реконструкция бункера в «Волчьем логове» совершенно неожиданно спасла Гитлеру жизнь. Поскольку 20 июля работы по реконструкции бункера не были завершены, очередное совещание проходило в легком бараке, где к тому же по случаю жары были открыты все окна. Это значительно уменьшило поражающий эффект от взрыва бомбы. В подземном бетонном бункере у Гитлера было значительно меньше шансов уцелеть.

Вот как запомнилось покушение фон Белову: «Обсуждение обстановки, как всегда, началось с доклада Хойзингера о положении на Восточном фронте. Я стоял чуть в стороне и уточнял с другими адъютантами программу приема Муссолини. Меня вдруг заинтересовал один пункт в докладе Хойзингера, и я подошел к другой стороне стола, чтобы получше разглядеть лежащую на нем карту с обстановкой. Здесь я простоял несколько минут до взрыва бомбы.

Это произошло в 12.40. На какое-то мгновение я потерял сознание. Очнувшись, увидел валявшиеся вокруг деревянные обломки и груды битого стекла. Моей первой же мыслью было как можно скорее выбраться отсюда. Я выкарабкался через окно и побежал вокруг барака к главному входу. Голова гудела, из нее и из горла лилась кровь, я почти оглох. У входа в барак я увидел ужасную картину. Там уже лежало несколько тяжелораненых, а другие раненые едва держались на ногах и падали. Гитлера вывел фельдмаршал Кейтель. Его мундир и брюки висели ключьями, но, как показалось мне, серьезных телесных повреждений он не получил. Фюрер сразу же отправился в свой бункер, где им занялись врачи. Выяснилось, что тяжелые ранения получили 11 участников совещания; их немедленно доставили в находившийся в четырех километрах от Ставки госпиталь.

Все остальные были легко, а некоторые и довольно тяжело ранены, почти у всех лопнули барабанные перепонки. Я бросился в соседний барак со средствами связи, по телефону вызвал ведавшего ею подполковника Зандера и приказал ему немедленно блокировать связь для всех, кроме Гитлера, Кейтеля и Йодля, чтобы не просочились ложные известия.

Затем я поспешил в бункер фюрера. Войдя, я увидел Гитлера сидящим в своем рабочем помещении. У него было возбужденное, почти радостное лицо человека, ожидавшего чего-то тяжкого, но счастливо избежавшего этого. Он спросил меня о моих ранениях, и я ответил, что всем нам невероятно повезло.

Разговор сразу же перешел на причины покушения и личность покушавшегося. Гитлер категорически отверг подозрение, будто взрыв совершили сотрудники «Организации Тодта», за несколько дней до того ведшие работы в этом бараке.

Тем временем обнаружили отсутствие графа Штауффенберга и стали искать его. Вскоре установили, что после начала обсуждения он незаметно удалился, а затем в соседней комнате пытался поговорить по телефону, но, не дождавшись соединения и оставив свою папку, поспешил к автомашине, в которой уже сидел обер-лейтенант фон Хефтен, его офицер-порученец. Комендант Ставки фюрера уже объявил тревогу, так что все посты получили указание никого не пропускать. Внешний контрольно-пропускной пункт машина Штауффенберга смогла проехать только после того, как это разрешил по телефону адъютант коменданта Ставки. Он знал Штауффенберга лично, утром завтракал с ним и предположил, что полковнику потребовалось срочно вернуться в Берлин. Никакой взаимосвязи между взрывом и спешкой графа он не усмотрел; таким образом Штауффенберг смог беспрепятственно подъехать к ожидавшему его и уже готовому взлететь «Хе-111» начальника тыла сухопутных войск. Постепенно становились известны все новые и новые подробности, и вскоре причастность Штауффенберга к покушению уже не оставляла никаких сомнений.

Для проведения полицейского и криминалистического расследования все полномочия получил тут же назначенный командующим армией резерва Гиммлер. После краткого пребывания в «Волчьем логове», куда прибыл и Геринг, он, чтобы быть поближе к дальнейшим событиям, немедленно вылетел в Берлин... По телефону от них ясного представления поначалу получить не удалось. Полет Штауффенберга из Растенбурга до берлинского аэродрома «Рангсдорф» требовал двух часов, а путь до имперского военного министерства — примерно еще одного часа.

Таким образом, можно было рассчитывать, что Штауффенберг появится на Бендлерштрассе только после 16 часов. Не ранее мог, предположительно, приехать в Берлин и Гиммлер.

Так прошло несколько часов, за которые мы смогли снова привести себя в порядок. Меня отвезли к одному военному врачу, который оказал мне первую помощь и сделал перевязку. Когда я вернулся в Ставку, мною занялся сопровождавший Геринга врач, он констатировал сотрясение мозга и предписал постельный режим. Геринг распорядился выставить перед моей комнатой эсэсовскую охрану и позаботиться о том, чтобы я не вставал. Это, разумеется, оказалось невозможным, поскольку из всех адъютантов я получил ранение самое легкое и был более или менее способен нести службу.

Профессор Брандт разрешил мне вечером снова приступить к исполнению моих обязанностей. Это было необходимо, ибо Гитлер уже действовал весьма активно. После ужина и вечернего обсуждения обстановки он заговорил со мной. Фюрер уже знал, что Шмундт и Боргман ранены очень тяжело, а Путткамер из-за повреждения колена вынужден лежать. Мне требовался помощник, и я спросил фюрера, нельзя ли привлечь подполковника фон Амзберга. Несколько лет назад он был адъютантом Кейтеля и хорошо знал условия в Ставке. Гитлер сразу согласился. Но больше всего его заботил вопрос, кого ему следует назначить начальником генерального штаба сухопутных войск. Генерал-полковник Цейтцлер считался больным. К тому же фюрер его вообще больше видеть не желал. В качестве преемника он думал о Гудериане. Лично я считал Гудериана для этой должности непригодным. Мне казались более подходящими генерал Буле или генерал Кребс. Но Гитлер решил вопрос в пользу генерала Гудериана.

Уже вечером стали известны многие подробности из Берлина. Там инициативу захватил в свои руки министр Геббельс. Он вызвал к себе командира берлинского охранного батальона майора Ремера и соединил его по телефону с Гитлером. Фюрер приказал ему силой оружия восстановить в Берлине порядок.

Штауффенберг и его офицер-порученец оберлейтенант фон Хефтен, а также генерал пехоты Ольбрихт и начальник штаба Общего управления сухопутных войск полковник генштаба Риттер Мерц фон Квирнхайм были расстреляны. Генерал-полковника Бека заставили покончить жизнь самоубийством. Гитлер был именно этими мерами явно разозлен и приказал предать остальных схваченных заговорщиков суду Народного трибунала».

22 июля скончался посмертно произведенный в генерал-майоры полковник Брандт, который незадолго до взрыва отодвинул портфель, оставленный Штауффенбергом, и тем спас фюрера. Впоследствии стало известно, что Брандт тоже принадлежал к одной из групп Сопротивления, но не был в курсе покушения Штауффенберга.

Как вспоминает фон Белов, «в Ставку фюрера ежедневно поступали донесения штаба Гимmlера о результатах расследования покушения. Каждый доклад содержал новые имена участников Сопротивления. Список их все яснее показывал, что становым хребтом этого Сопротивления в значительной мере служили консервативные круги. Дворянство было представлено в нем настолько широко, что множились голоса тех, кто огульно осуждал все это сословие».

Сохранились показания, данные в советском плену одним из участников заговора, близким другом Клауса Штауффенберга майором Иоахимом Куном.

Штауффенберг говорил ему 3 февраля 1943 года, сразу после Сталинграда: «Выход, который мы так долго искали, — это установление временной военной диктатуры...» А 6 мая 1943 года, за несколько дней до падения Туниса, где сам он был тяжело ранен, заявил: «Успешная борьба против национал-социализма, его фанатических теорий и целей, т. е. путь к спасению народа, может идти только по пути устранения личности и ее ближайшего окружения». Это еще раз доказывает, что большинство заговорщиков были достаточно далеки от принципов демократии и не рассчитывали на поддержку широких масс (они не встретили ее и в вермахте). Штауффенберг допускал, что осуществит покушение на Гитлера еще в октябре 1943 года.

Штауффенберг и другие участники заговора рассчитывали убить фюрера, захватить власть в стране и добиться заключения мира со странами антигитлеровской коалиции на условиях сохранения Германии в качестве независимого государства в границах 1937 года. Но даже в случае, если бы покушение удалось, реальных шансов на реализацию своего плана у заговорщиков практически не было. Вряд ли бы возглавляемые Гиммлером войска СС после смерти Гитлера сдались без боя, а основная часть вермахта поддерживала бы Бека, Герделера, Вицлебена, Геппнера и Штауффенберга. Прав Ф. Зенгер, утверждавший: «Что оставалось делать? От Гитлера, наверное, можно было бы избавиться, но это не устранило бы всей банды гангстеров, державших бразды правления и готовых к тому, что их будут судить как преступников. Многие из моих молодых друзей (участников заговора. — Б. С.) мечтали, что западные державы начнут переговоры с новым германским правительством, со-

стоящим из мятежных генералов. Они не понимали, что даже иностранцы, хорошо знавшие Германию... считали «милитаризм» ответственным за приход Гитлера к власти, хотя ни один слой населения страны не дал столько его противников, сколько германская армия. Они надеялись прослыть противниками Гитлера за рубежом, потому что считались таковыми в самой Германии, и это заставляло их верить в возможность переговоров. Однако наши противники были заинтересованы только в безоговорочной капитуляции, и в немалой степени причиной тому было сложившееся общественное мнение за рубежом».

Ведь заговорщики располагали хоть какой-то поддержкой лишь среди высшего командования и военной администрации Западного фронта, но, замечу, не среди тех, кто непосредственно командовал боевыми частями. На Восточном же фронте и в Италии, равно как и на территории Рейха, не только высших командиров, за исключением командования армии резерва, но и никаких командиров боевых частей и соединений на их стороне не было, а караульный батальон Отто Эрнста Ремера они двинули на берлинские правительственные здания только с помощью лжи о смерти Гитлера и попытке СС захватить власть, которая очень быстро была разоблачена. Именно отсутствие сил не позволило заговорщикам изолировать основные центры власти в Берлине и прервать их связь с «Вольфшанце». После гибели Гитлера власть бы наверняка перешла к Герингу, в тот момент числившемуся официальным преемником фюрера и не находившемуся в момент покушения в штабном бараке. Также и Гиммлер при покушении никак не мог пострадать, а значит, смог бы привести в действие войска СС. И его поддержали бы не только люфтваффе

и флот, где подавляющее большинство офицерского корпуса симпатизировало нацистам, воссоздавшим эти виды германских вооруженных сил, но и большинство генералов, офицеров и солдат сухопутных сил, не говоря уж о войсках СС.

Обитатели «Вольфшанце» наверняка сразу же смогли бы представить доказательства, что именно заговорщики убили любимого фюрера, и это сразу отвратило бы от них большинство солдат и офицеров. Так что и в случае гибели Гитлера от бомбы Штауффенберга национал-социалистический режим почти наверняка сохранился бы, скорее всего во главе с Герингом и при возросшей роли Гиммлера. Впрочем, роль рейхсфюрера после 20 июля и без того возросла, поскольку он возглавил армию резерва, приватизировал Абвер и направил ряд эсэсовских офицеров в ряд армейских штабов. Можно не сомневаться, что и в случае гибели Гитлера исход войны был бы тем же, что и в действительности, и примерно в те же самые сроки. Геринг и Гиммлер скорее всего попытались бы завязать переговоры с кем-либо из партнеров по антигитлеровской коалиции, как это они и сделали в последние дни жизни Гитлера, и результат был бы тем же самым — меньше чем на безоговорочную капитуляцию союзники бы не пошли.

Страны антигитлеровской коалиции, которых страшила боевая мощь вермахта, а не только завоевательные стремления Гитлера, и после гибели фюрера не отказались бы от требования безоговорочной капитуляции даже в том совершенно невероятном случае, если бы к власти пришли противники Гитлера. И чем бы участники заговора 20 июля пытались привлечь на свою сторону народ и армию? Призывом сдаваться на милость тех, против которых пять лет

призывала бороться не на жизнь, а на смерть тотальная пропаганда? Даже если бы командующий Западным фронтом Клюге попытался бы в случае гибели Гитлера заключить перемирие с союзниками, его приказ вряд ли бы был выполнен. И исход путча был бы таким же, каким он и оказался в действительности.

Нельзя не признать, что Штауффенбергом и большинством его товарищей двигали благородные цели. Но необходимо подчеркнуть, что, к несчастью, надежд на успех их предприятия практически не было. В то же время некоторым из заговорщиков, например имперскому руководителю криминальной полиции группенфюреру СС Артуру Небе, в случае победы союзников грозила верная виселица за активное участие в «окончательном решении еврейского вопроса». В самые страдные месяцы 41-го он командовал айнзатцгруппой «Б» на Восточном фронте, уничтожившей около 50 тыс. евреев. А повесили его, по иронии судьбы, за участие в июльском заговоре.

Гитлер был потрясен масштабом заговора и участием в нем многих лиц, которым он ранее безоговорочно доверял. Это, наряду с дальнейшим ухудшением военной и политической обстановки, сильно расстроило его здоровье. 26 сентября 1944 года Гиммлер доложил ему о действиях заговорщиков еще в 1938—1939 гг., назвав при этом имена адмирала Канариса, бывшего обер-бургомистра Лейпцига Герделера, генералов Остера, Донаньи и Бека. Рейхсфюрер сообщил, что даты начала кампании на западе постоянно выдавались противнику. Выяснилось, что уже тогда разрабатывались планы отстранить Гитлера от власти или убить его. Эти сообщения вызвали серьезное ухудшение здоровья фюрера. В конце сентября у Гитлера начались острые желудочные колики и судороги. Доктор Морель поставил диагноз, что причина

болезни — тяжелое душевное состояние. Несколько дней Гитлеру пришлось пролежать в постели, и только в начале октября он вернулся к делам.

О том, что он участвовал в движении Сопротивления, близком к заговорщикам 20 июля, заявил на Нюрнбергском процессе 9 августа 1946 года штандартенфюрер СС доктор Вольфрам Зиверс, управляющий делами общества «Аненербе» (в 1948 году он был повешен за причастность к опытам над заключенными концлагерей, в том числе по привитию им искусственно созданных инфекций): «Я вступил как в партию, так и в СС только как видный член тайной организации движения Сопротивления, получил от нее задание. Именно определенный пост в «Аненербе» давал нам возможность вести подпольную работу против нацистской системы... Я имел в виду тайную организацию, возглавлявшуюся доктором Хильшером, который был арестован в связи с событиями 20 июля, задержан гестапо и просидел в тюрьме продолжительный срок. Я неоднократно протестовал против этих экспериментов, что привело к тому, что Гиммлер издал распоряжение... согласно которому сопротивление, оказываемое проведению этих опытов, рассматривалось как измена родине, а это означало смертную казнь. Между прочим, он заявил мне, что никто не требует от меня проведения этих опытов, за которые он один несет ответственность. Кстати, такие опыты над людьми ставились неоднократно и их нельзя избежать. Об этом свидетельствуют ставшие известными опыты над людьми, проводившиеся в 1900 году Дитом и позже Гольдбергером в Америке. Несмотря на это, мои угрызения совести...» Здесь американский обвинитель Джонс прервал допрос, заявив, что это — «попытка уйти от признания».

И никто уже не ответит, на что рассчитывали Небе, Зиверс и те другие немногие заговорщики, кто был замешан в преступлениях против человечества. Неужели на то, что союзники откажутся от требования безоговорочной капитуляции и закроют глаза на совершенные при нацистах преступления? Хотя, если преступления айнзатцгрупп на советской территории практически не было шансов утаить, даже если бы заговор 20 июля увенчался успехом и в Германии сохранилось бы какое-то немецкое правительство после завершения войны, то уничтожить материалы об опытах над людьми, к которым имел отношение кто-либо из заговорщиков, шанс все-таки был.

Через восемь часов после покушения Гитлер выступил с радиообращением к германскому народу. Еще не оправившись от контузии, он заявил: «Немецкие граждане и гражданки!

Я не знаю, в который уже раз на меня подготавлилось и производилось покушение. Если я к вам сегодня обращаюсь, то делаю это по двум причинам.

Для того, чтобы вы слышали мой голос и знали бы, что я невредим и здоров.

Для того, чтобы вы узнали подробности преступления, которое не имеет себе подобного в истории немецкого народа.

Совсем маленькая клика тщеславных, бессовестных и в то же время преступно глупых офицеров создала конспиративный заговор с целью устранить меня и вместе со мной ликвидировать командный штаб германских вооруженных сил. Бомба, подложенная полковником графом фон Штауффенбергом, взорвалась в двух метрах справа от меня. Ею был очень тяжело ранен ряд ценных моих сотрудников — один из них скончался.

Я сам остался вполне невредим, если не считать легких накожных ссадин, ушибов и ожогов. Я это воспринимаю как подтверждение данного мне Провидением поручения стремиться и впредь к осуществлению моей жизненной цели так, как я это делал до сих пор.

Ибо я могу перед всей нацией торжественно объявить, что с того дня, как я пришел на Вильгельмштрассе, у меня была лишь одна мысль — добросовестно исполнять мой долг и что с тех пор, как я убедился в неизбежности и неотложности войны, я знал, собственно говоря, только заботу и труд, и в бесчисленные дни и в бессонные ночи я жил только для моего народа.

В час, когда германская армия ведет тяжелейшую борьбу, и в Германии, как ранее в Италии, нашлась ничтожная маленькая группа людей, которая полагала, что сможет нанести нации удар в спину, как в 1918 году. На этот раз они жестоко ошиблись.

Утверждение этих узурпаторов, что меня нет в живых, опровергается с момента, в который я, мои дорогие немецкие сограждане, обращаюсь к вам с этой речью. Круг, представляемый этими узурпаторами, исключительно мал (сразу вспоминаются знаменитые ленинские слова: «Узок круг этих революционеров, страшно далски они от народа», вполне применимые к Штауффенбергу и его товарищам. Их не мог поддержать не только народ, но и основная масса офицеров вермахта, не говоря уж о солдатах. — Б. С.). С германскими вооруженными силами, и в частности с германскими сухопутными войсками, он не имеет ничего общего. Это ничтожно маленькая шайка преступных элементов, которая теперь будет беспощадно уничтожена.

Чтобы окончательно водворить порядок, я назначил рейхсминистра Гимmlера командующим всеми

тыловыми войсками. Чтобы заменить временно вышедшего по болезни начальника Генерального штаба, я призвал вместо него в Генеральный штаб генерал-полковника Гудериана и назначил его, одного из испытаннейших военачальников Восточного фронта.

Во всех других учреждениях Рейха все остается без перемен. Я убежден, что мы после ликвидации этой ничтожной клики предателей и заговорщиков создадим в тылу ту атмосферу, в которой нуждаются бойцы на фронте. Ибо совершенно недопустимо, чтобы в то время, когда на передовых позициях тысячи и миллионы солдат жертвуют последним, в тылу ничтожная шайка честолюбивых и жалких тварей могла бы пытаться препятствовать этой жертвенности.

На этот раз мы рассчитаемся с ними так, как это принято у нас, национал-социалистов. Я убежден, что в этот час каждый порядочный офицер и каждый храбрый солдат поймут наши действия.

Какая участь постигла бы Германию в случае, если бы покушение удалось, это могут представить себе, наверное, только совсем немногие. Я лично благодарен Провидению и Создателю не за то, что Он сохранил мне жизнь — жизнь моя состоит в заботе и труде для моего народа, — но я Ему благодарен за то, что Он мне дал возможность и впредь заботиться о народе и продолжать мою работу так, чтобы я мог ответить за нее перед моей совестью.

Долг каждого немца, кем бы он ни был, оказывать беспощадный отпор этим элементам, либо немедленно арестовывать их, либо, при малейшем сопротивлении, без колебания уничтожать. Приказы по всем воинским частям отданы. Они будут беспрекословно исполнены согласно тем традициям повиновения, что присущи Германской армии.

Еще раз я особо приветствую вас, мои старые соратники, потому что мне опять удалось избежать участи, которая для меня самого не таила ничего ужасного, но которая принесла бы много ужасов немецкому народу. Я вижу в этом перст Провидения, указывающий на то, что я должен продолжать мое дело, и поэтому я его и буду продолжать».

Заговорщики все же оказались отнюдь не «ничтожно малой шайкой». По обвинению в причастности к событиям 20 июля было арестовано несколько тысяч человек, из них около двухсот казнено, а еще несколько десятков офицеров покончили жизнь самоубийством.

Гиммлер же после покушения обрушился на офицерский корпус вермахта, который он обвинил в пораженчестве и в слишком мягком обращении с русским населением. Выступая в Познани 3 августа 1944 года, он, в частности, заявил: «Кое-что нам было ясно и раньше. Через эти штабы в 1941, 1942 и 1943 гг. постоянно сверху донизу в войска проникал растущий дух пораженчества. Фронт на Востоке был здоровым. Но когда какой-нибудь храбрый командир прибывал в этот штаб с передовой, к нему подходил начальник штаба (во многих случаях член не распущенной нами в 1933/34 г. масонской ложи «Шлифферновское объединение») и с озабоченным лицом, наморщив лоб, для подкрепления боевого духа этого солдата-фронтовика подводил его к карте с нанесенной обстановкой и разъяснял ему, насколько тяжелым, критическим стало нынешнее положение и каково было исходное. И все это, знаете ли, в таких деликатных выражениях, что им просто место в толковом словаре. Так вот, он разъясняет ему, как, собственно, если придерживаться тактических соображений, должна была бы проходить линия фронта, но, к

сожалению, ах, к сожалению! (об этом, разумеется, нельзя говорить вслух, ведь это приказ Ставки), — сделано это вопреки всем разумным военным правилам, которыми мы так хорошо владеем; но совершенно ясно, что делать это было никак нельзя, но мы же солдаты, мы подчиняемся...

Понимание долга именно в штабах во многих случаях было катастрофическим. Я говорю для офицерского корпуса совершенно открыто, что отныне буду привлекать за это к ответственности, буду воспитывать...

Если посмотреть на аэрофотоснимки, мы сразу сможем сказать: вот это русские позиции, а это немецкие! Немецкие — это те, где только одни стрелковые ячейки. Потому что господа офицеры в это время пребывают в деревне, в русских домах, живут с русскими женщинами, а вовсе не находятся на передовой со своими людьми. Ну, а если офицер не на переднем крае, то и рядовой тоже. Солдаты его зарылись в несколько одиночных ячеек, потом русские начинают артподготовку, и всё — и люди, и автомашины, и танки — накрыто этим артогнем, а потом русские наносят свой удар. А у солдата даже нет заранее отрытой противотанковой щели! Само собой разумеется, его сминают или же он, в лучшем случае, драпает отсюда. Ему приказано удирать, ведь в ячейке он ничего сделать не может. Ну, а затем следует прорыв. С большим трудом то там, то тут нам удается заутюжить дыру. Это еще удавалось нам в 1941/42 г., иногда даже в 1943-м, пока пехота имела силы. Но это стоило нам массы бесполезно потерянных людей. А потом люди опять залезали в окопы.

С русским населением, если вместе с ним жили и развлекались, обращаться сурово уже не могли. Когда мы говорили: давайте сюда русских баб, пусть они

копают для нас траншеи, то в ответ слышали: не можем же мы так обращаться с женщинами этого народа! Когда я однажды в Мариуполе спросил: а почему вы не приведете в порядок дорогу на Таганрог, она же просто в свинском состоянии, здесь любой автомашине капут, мне отвечали: да, конечно, надо бы, только у нас рабочей силы нет. Да у вас же целый город Мариуполь, полный людей, берите их! Мне опять отвечают: а кто же должен организовать снабжение продовольствием? Я говорю: вы что думаете, его вам организуют русские? Тут уж я не выдерживаю: вызывайте сейчас же старосту или [немецкого] комиссара этого города и прикажите, чтобы завтра рано утром, в 6.00, здесь было 10 000 женщин и мужчин с лопатами и кирками. А если они не явятся, я вас самих загоню в Сибирь, в лагерь на Ледовитом океане и еще куда подальше! Они сразу будут тут как тут. Этим бабам надо только сказать: вот здесь роите пулеметное гнездо, сделать надо то-то и то-то».

Однако масштабы репрессий, даже с учетом того, что в последние недели войны десятки, если не сотни армейских офицеров были расстреляны эсэсовцами по обвинению в отступлении без приказа, после 20 июля далеко не достигли масштаба террора, осуществленного Сталиным в 1937—1938 годах против высшего состава Красной Армии. По обвинению в участии в заговоре 20 июля были казнены или покончили с собой из числа военачальников, находившихся на действительной службе, два фельдмаршала (Клюге и Роммель), командовавшие фронтом и группой армий, один генерал-полковник, командовавший армией резерва (Фромм). Кроме того, были казнены фельдмаршал и генерал-полковник, находившиеся в отставке (Вицлебен и Гёппнер), а еще один генерал-полковник (Бек) покончил с собой. Не по-

страдал больше ни один из командующих армиями и группами армий. Сталин же уничтожил трех маршалов из пяти, 5 командармов 1-го ранга из 6, 10 командармов 2-го ранга из 12, из 67 комкоров пострадало 60, из 199 комдивов — 136... По сравнению с генсеком фюрер проявил похвальную умеренность, тем более что казнил действительно заговорщиков.

Тем не менее для Гитлера стало трагическим потрясением, что его пытались взорвать его собственные генералы и полковники. Он не раз повторял, что зря не провел масштабную чистку вермахта, по примеру Сталина. И теперь с опозданием провел такую чистку. Но, в отличие от советского диктатора, он казнил отнюдь не всех подозрительных генералов, а только тех, против которых имелись весомые улики в пользу участия в заговоре. Те же, против кого улик не было найдено, как, например, бывший начальник генштаба сухопутных сил Франц Гальдер, до конца войны оставались в концлагере и избежали казни.

В конце октября 1944 года Гитлер делился своими мыслями о заговоре со своим адъютантом фон Беловым. Тот вспоминал: «Все расследованное и доложенное ему Гиммлером привело к его болезни. Ни один человек не может себе представить, какие боли ему ежедневно приходится выносить. Оказывается, противнику было выдано все: и подготовка к кампании во Франции, и дата наступления, и цели первых операций. Выдан был врагу и день начала похода на Россию. В Германии уже ничто не остается тайным. Но наиболее коварным образом действовал адмирал Канарис. И Герделер тоже был одним из самых ангажированных заговорщиков, с ним теперь все ясно. Он во всем признался, а вот Канарис, тот все отрицает.

Основная масса схваченных злоумышленников, говорил Гитлер, была вовлечена в заговор более или

менее случайно. Число заангажированных заговорщиков, целиком и полностью участвовавших в осуществлении преступных планов, совсем невелико. Активным участником заговора фюрер назвал генерала фон Трескова: его рука была повсюду, но потом он по своей воле лишил себя жизни, а это значит, что он трезво оценил положение, когда покушение сорвалось. Фюрер показался мне особенно удрученным тем, что многие заговорщики были по происхождению из «образованных кругов»: именно таким людям он в большей или меньшей мере слепо доверял. Его заставляет страдать и вызывает у него отвращение не то, что они предали его лично, а то, что они предали Германию. «Я уже довольно давно, — продолжал Гитлер, — знал, что «лучшие круги» нашего народа — против меня. Но искусство не ведать колебаний — вот неиссякаемый источник моей силы!»

Полтора месяца спустя, после катастроф в Румынии и во Франции у Фалеза, Гитлер даже пожалел, что не погиб от бомбы Штауффенберга. 31 августа 1944 года фюрер заявил: «Если бы моя жизнь закончилась 20 июля, это стало бы для меня избавлением от забот, бессонных ночей и тяжелых душевных страданий!»

24 февраля 1945 года, в последний раз выступая перед гауляйтерами в Берлине, Гитлер заявил: «Мы ликвидировали нашего классового противника слева, но притом забыли нанести удар и по противнику справа. Это — наше огромное упущение и прегрешение».

Вопреки распространенному мнению, участники заговора 20 июля в своем подавляющем большинстве имели очень мало отношения к демократии. К немногим представителям демократического направления может быть отнесен Гёрделер, бывший обер-бургомистр Лейпцига, избранный на свободных выборах

во времена Веймарской республики от консервативной Немецкой национальной партии. Генералы же собирались установить военную диктатуру и возражали против кандидатуры Гёрделера на пост нового рейхсканцлера. Им милее был на этом посту бывший начальник генштаба генерал-полковник Людвиг Бек. Если представить себе невероятное, что заговорщикам удалось бы убить Гитлера, взять в свои руки власть и добиться от союзников компромиссного мира с сохранением независимости Германии, пусть и в урезанных границах, то в стране установился бы авторитарный режим, может быть, мягче, чем при Пиночете, но жестче, чем при Путине.

Мифы о сепаратном мире

Впервые всерьез о возможности заключения Англией сепаратного мира с Германией в мировой прессе заговорили тогда, когда 11 мая 1940 года заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс внезапно перелетел на самолете «Me-110» на Британские острова и выбросился с парашютом над территорией Шотландии. Обозреватели подозревали, что Гесс прибыл с тайной миссией от Гитлера договориться о мире с британским правительством, чтобы потом обрушиться на Россию. Особенно беспокоился на этот счет Сталин. Все сомнения рассеялись только 22 июня, когда после нападения Гитлера на СССР Черчилль заявил о всемерной поддержке Англией борьбы советского народа и правительства.

Спекуляции на тему секретной миссии Гесса и его переговоров с представителями британских властей появляются до сих пор. Благо, что до сих пор все документы, связанные с контактами Гесса в Англии, со-

крыты в британских архивах. Зато с немецкой стороны есть достаточно свидетельств, что Гитлер был совершенно не в курсе намерений своего заместителя лететь в Англию и узнал о его полете только после того, как рейхслейтер уже оказался на Британских островах. 12 мая, на следующий день после полета Гесса, Гитлер заявил: «Оставленное письмо при всей его сумбурности носит, к сожалению, черты умственного расстройтва, дающего повод опасаться, что наш партийный товарищ Гесс стал жертвой умопомрачения». Когда англичане сообщили, что Гесс находится в здравом уме и твердой памяти, Гитлер решил опубликовать официальное сообщение, что Гесс был сильно утомлен физически и увлекался магнетизмом и астрологией, чем и объясняется его странный поступок. Разумеется, ни о какой секретной миссии Гесса по поручению Гитлера речи не было. Фюрер даже отправил в концлагерь обоих адъютантов Гесса — за то, что не уследили за своим шефом, несмотря на его, Гитлера, категорический приказ. Адъютант Гитлера фон Белов, хорошо знавший Гесса, писал в мемуарах: «Был ли Гесс действительно подвержен в последнее время сумасбродным взглядам или, говоря точнее, находился не в своем уме? Я пришел к убеждению: такой ночной полет на двухмоторном самолете «Me-110» мог совершить в одиночку только вполне здоровый и нормальный человек. Для меня Гесс являлся именно таким и полностью владеющим своими чувствами. Его желание установить контакт с англичанами для остановки войны казалось мне весьма нормальным и правильным. Гесс очень хорошо знал Гитлера и его мысли насчет ведения войны, особенно же точно — его намерение выступить против России. Я рассматриваю полет Гесса в

Англию как его сомнение в благополучном исходе войны и как возникшее у него стремление непременно что-то предпринять, чтобы не допустить этого».

· Действительно, Гесс, зная о готовившемся нападении Германии на Россию, попытался на свой страх и риск убедить англичан объединиться с Гитлером для похода на Россию, который также будет отвечать их интересам, поскольку искоренит большевистскую угрозу Британской империи. Но не преуспел в этом.

По свидетельству адъютанта Гитлера фон Белова, фюрер даже после отступления немецкой армии на Восточном фронте в конце 1941 — начале 1942 года «твердо верил, что разгромит Россию в 1942 году. В этой трудной ситуации Риббентроп советовал Гитлеру заключить с Россией мир. Риббентроп полагал, что (насколько он знает Сталина и его сотоварищей по 1939 году) еще не все возможности для такого мира потеряны. Он очень обстоятельно говорил с фюрером на эту тему. Гитлер же считал заключение мира со Сталиным делом из области невозможного».

7 ноября 1942 года, сразу после высадки американцев в Алжире, Риббентроп, по свидетельству фон Белова, встретив Гитлера в Бамберге, предложил через русское посольство в Стокгольме установить контакт со Сталиным и предложить далеко идущие уступки на востоке, но «Гитлер на это не пошел. Он сказал: момент слабости для переговоров с врагом не годится». Это подтверждает в своих мемуарах, писавшихся в Нюрнбергской тюрьме, и сам Риббентроп. Он отметил, что предложил Гитлеру отказаться от большей части завоеванных восточных областей, но, по словам Риббентропа, «едва я заговорил о сдаче захваченных восточных областей, как фюрер тут же отреагировал на это самым бурным образом. Лицо его налилось

кровью, он вскочил, перебил меня и с неслыханной резкостью заявил, что желает разговаривать со мной исключительно об Африке, и ни о чем ином!»

В данном случае фюреру нельзя отказать в здравом смысле. Хотя Сталинградская катастрофа еще не разразилась, но германское наступление на юге России уже выдохлось, а высадка союзников в Северной Африке и неудача Роммеля под Эль-Аламейном поставили немецкие силы в бассейне Средиземного моря в крайне затруднительное положение. В этих условиях ни один здравомыслящий политик мириться с Гитлером бы не стал.

Как вспоминал Риббентроп, вскоре после капитуляции 6-й армии в Сталинграде он имел еще один примечательный разговор с Гитлером, который с восхищением говорил о Сталине: «На этом примере видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 годах, вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, несгибаемому героизму и воле которого призывали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это мой самый крупный противник как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если он когда-нибудь окажется в моих руках, я окажу ему подобающее уважение и предоставлю в его распоряжение самый лучший замок в Германии. Но на свободу я такого противника больше никогда не выпущу. Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, несомненно, — историческая личность совершенно огромного масштаба».

Интересно, что такое отношение к Сталину отнюдь не определялось неблагоприятной для Герма-

нии военно-политической конъюнктурой. Как мы помним, в период наивысших успехов вермахта в 1942 году Гитлер готов был предоставить Сталину в управление какое-нибудь государство в Азии. Замечу, что Сталин подобного великодушия к Гитлеру, оказавшись тот в его руках, проявлять никогда не собирался. По воспоминаниям Жукова, когда Сталин узнал о самоубийстве Гитлера, то в сердцах выругался: «Доигрался, мерзавец! Жаль, что не удалось взять живым». Попадись Гитлер Сталину, тот бы ему никакого замка, даже самого плохонького, давать не стал, а только старую добрую виселицу.

Риббентроп, наслушавшись дифирамбов Сталину, счел момент благоприятным, чтобы возобновить свое предложение о переговорах с Россией. Гитлер, однако, даже не стал читать памятную записку на эту тему. В дальнейшем в разговорах на эту тему Гитлер не раз повторял Риббентропу: сначала надо добиться решающего военного успеха, а там посмотрим, что делать дальше. Риббентроп все-таки рискнул начать по своей инициативе переговоры с русскими в Стокгольме через советника Клейста. Однако министр иностранных дел практически никак не определял внешнюю политику, а мог быть только техническим исполнителем воли Гитлера. Поэтому без ясно выраженных полномочий от фюрера переговоры были обречены на провал.

После капитуляции Италии, как утверждает фон Белов, «приближенные Гитлера стали заговаривать с ним о планах договориться с одним из этих противников о мире. Было ясно видно, что Риббентроп и Геббельс весьма склонны к тому. Они попытались привлечь фюрера на собственную сторону своими соображениями насчет такой договоренности со

Сталиным. В принципе Гитлер тоже склонялся к такой возможности, но сказал, что это возможно, только стоя на сильной позиции. Он больше надеется на распад союза наших врагов. Установление взаимопонимания с западными государствами считает исключенным. Черчилль — враг по своему внутреннему убеждению, и не успокоится до тех пор, пока Германия не будет разбита, даже если сам при этом потеряет всю Британскую мировую империю. На договоренность о мире с Россией он, фюрер, решиться не может, ибо большевики остаются врагами Рейха.

Отношение Гитлера к идее сепаратного мира осенью 1943 года казалось мне двойственным. Но я полагал, что сами по себе он эти соображения полностью не отвергал, даже если потом и вернулся к той точке зрения, что победу может принести только борьба. Однако вскоре он уже стоял на этой позиции совершенно один. Немецкие войска отступали на всех фронтах. Уверенность в победе исчезала, оставалась несломленной только вера в то, что фюрер найдет выход. Вера эта укрепляла у Гитлера сознание своего мессианства, он не мог поверить в то, что все германские усилия и тяготы, гигантские потери от бомбежек и жертвы на фронтах окажутся напрасными. В эти недели осени 1943 года я видел, что фюрер полон глубокой веры в свою миссию и, как кажется, уповает на чудо».

Также и Риббентроп свидетельствует, что после выхода Италии из войны по отношению к переговорам с русскими Гитлер «занял позицию уже не столь отрицательную. Он вместе со мной подошел к карте и сам показал на ней демаркационную линию, на которой можно было бы договориться с русскими». Гитлер обещал подумать над этой идеей, но так и не дал Риббентропу необходимых полномочий. Прав-

да, прибывшему в Ставку только что освобожденному отрядом Скорцени Муссолини Гитлер заявил, что хотел бы договориться с Россией, но дальше разговоров и на этот раз дело не пошло. Позднее фюрер заявил Риббентропу: «Если я сегодня и договорюсь с Россией, то завтра снова схвачусь с ней, иначе я не могу!» Риббентроп, если верить его мемуарам, разочарованно заметил: «Так никакой внешней политики вести нельзя, ведь тогда всякое доверие к нам будет потеряно!» Как будто к 1943 году сохранилась хоть одна страна, которая доверяла Гитлеру!

30 августа 1944 года Риббентроп передал Гитлеру памятную записку, где предлагал начать поиск мира во всех направлениях. В этой записке министр процитировал гитлеровскую «Мою борьбу»: «Задача дипломатии — заботиться о том, чтобы народ не героически погиб, а продолжал существовать. Любой путь, ведущий к этой цели, оправдан, и не использовать его — преступление, достойное проклятья».

Эта записка также не имела последствий. Зато Клейст как раз в это время сообщил из Стокгольма, что русские выразили готовность вступить в контакт. Когда Риббентроп доложил об этом Гитлеру, тот наконец согласился начать зондаж в Стокгольме. Но русский представитель так и не появился. Очевидно, советской стороне нужны были только слухи о советско-германских контактах в Швеции, чтобы легче было добиваться уступок от союзников по антигитлеровской коалиции.

Широко распространено утверждение, отразившееся также в романе Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны» и снятом по нему нашумевшем телесериале, будто переговоры обергруппенфюрера Карла Вольфа с Даллесом в Швейцарии были ини-

цированы Гиммлером и Кальтенбруннером. В действительности, как следует из мемуаров Кессельринга, которому Вольф подчинялся в качестве главнокомандующего юга, именно он послал начальника СС и полиции Италии Вольфа для переговоров о мире и потом поставил в известность о них Гитлера. Кессельринг сообщает интересные подробности о миссии генерала СС Вольфа в Швейцарии: «Весной 1944 года без ведома ОКВ — хотя позже я доложил о своих действиях Гитлеру — я преодолел угрызения совести и вступил в контакт с американскими посредниками в Швейцарии через генерала СС Вольфа, поскольку считал, что война должна быть закончена путем переговоров на дипломатическом уровне. Я рассматривал этот шаг не как прелюдию к капитуляции войск в моей сфере ответственности, а как помощь правительству в налаживании переговорного процесса». Это опровергает преобладавшее в нашей историографии мнение, будто переговоры Вольф — Даллес инициировал Гиммлер, чьим начальником штаба когда-то был Вольф, причем сделано это было в тайне и направлено против Гитлера. Опровергаются и утверждения американской стороны, будто речь шла лишь о капитуляции в Италии. Оказывается, Гитлер был в курсе переговоров, хотя и не с самого начала. А вот Гиммлер, вопреки мнению Юлиана Семенова и многих отечественных историков, о переговорах Вольф — Даллес осведомлен не был, почему и вынужден был в последние дни войны спешно искать контактов с союзниками через графа Бернадотта.

В конце августа 1944 года Гитлер изложил своему адъютанту фон Белову план будущего контрнаступления в Арденнах. Тот вспоминал: «Только что сфор-

мированными дивизиями и новыми соединениями истребителей он хотел предпринять на Западном фронте далеко идущее наступление. Я сразу спросил его, почему он не сосредоточивает все силы против русских, и получил ответ: их он сможет атаковать и позже, но это станет невозможным, если американцы окажутся в Рейхе. Понять позицию Гитлера я не мог. И думаю, не было в Германии тогда никого, кто смог бы понять этот замысел фюрера. Все мы тогда уже думали: «Первым делом дать ами (американцам. — Б. С.) промаршировать в Рейх, а русских как можно дольше удерживать вдали от старой германской имперской границы». Гитлер такой установки не одобрял. Он давал понять, что власти евреев и американцев боится больше, чем власти большевиков». Здесь ясно проявилось различие установок Гитлера и других нацистских главарей и основной массы германских военных и населения Рейха, которые, в отличие от фюрера, видевшего в Сталине родственную душу, большевиков боялись, и не без основания, гораздо больше, чем американцев.

Единственного серьезного неофициального соглашения с англичанами немцам удалось достичь осенью 1944 года. Шпеер свидетельствует: «На моей памяти Гитлер только один раз, хотя и крайне неохотно, но согласился заключить соглашение с противником. Поздней осенью 1944 года командование английских военно-морских сил позволило беспрепятственно эвакуировать немецкие гарнизоны с, казалось бы, полностью блокированных островов Эгейского моря на территорию материковой Греции. Перевозившие наших солдат суда проходили в пределах видимости английских кораблей. В ответ командование немецких войск обещало усилить за счет этих частей обо-

роняющие Салоники подразделения и удерживать город до подхода английских дивизий. После обсуждения этой, предложенной Йодлем акции Гитлер раздраженно заметил: «Больше мы ни на какие компромиссы не пойдём».

Нет сомнений, что немцы пошли на это соглашение не только для того, чтобы спасти свои островные гарнизоны, но также и для того, чтобы вбить клин между союзниками по антигитлеровской коалиции. Ведь англичане согласились, чтобы немецкие островные гарнизоны усилили гарнизон Салоник только потому, что боялись: прежде британских войск этот стратегически важный порт могут занять греческие коммунистические партизаны или даже советские войска, находившиеся в Болгарии. Соперничество между союзниками за контроль над послевоенной Европой усиливалось по мере приближения их армий к границам Германии, и Гитлер решил подкинуть дров в костер разгоравшегося недоверия между Сталиным и западными союзниками. Можно предположить, что Гитлер одобрил не только сделку, по которой англичане без боя получили стратегически важные острова вблизи от Черноморских проливов, но и переговоры Вольфа с Даллесом. Такой вывод можно сделать из свидетельства Кессельринга. Однако до действительно серьезных переговоров дело так и не дошло. Вольф и Даллес дальше обсуждения условий капитуляции германских войск в Италии не пошли.

Осенью 1944 года жена Риббентропа написала письмо Гитлеру, предлагая свои услуги для того, чтобы начать частные переговоры с советским послом в Стокгольме Александрой Коллонтай. Для этого она готова была развестись с мужем, чтобы выступать как

«неофициальное лицо» и попытаться прощупать намерения русских. Однако Гитлер сравнил ее намерение с попыткой «дотронуться рукой до печки, раскаленной добела, чтобы убедиться, что она горячая». По-своему фюрер был прав. Он понимал, что переговоры будут чего-то стоить, только если будут исходить от кого-либо из противников, которые перед этим должны очень основательно перессориться друг с другом. Пока этого нет, всякие зондажи — пустая трата времени, сил и средств.

Наконец, в январе 1945 года Риббентроп, по его словам, предпринял последнюю отчаянную попытку договориться со Сталиным. Он заявил Гитлеру, что готов вместе со всей своей семьей отправиться в Москву и стать своеобразным заложником в руках Сталина в доказательство честности германских намерений. Гитлер только мрачно заметил: «Риббентроп, не устраивайте мне никаких историй вроде Гесса!»

5 марта 1945 года Геббельс записал в дневнике: «Фюрер думает найти возможность договориться с Советским Союзом, а затем с жесточайшей энергией продолжать войну с Англией. Ибо Англия всегда была нарушителем спокойствия в Европе. Если бы она была окончательно изгнана из Европы, то мы жили бы, по крайней мере известный период времени, в условиях спокойствия. Советские зверства, конечно, ужасны и сильно воздействуют на концепцию фюрера. Но ведь и монголы, как и Советы сегодня, бесчинствовали в свое время в Европе, не оказав при этом влияния на политическое разрешение тогдашних противоречий. Нашествия с востока приходят и отходят, а Европа должна с ними справляться».

19 апреля 1945 года лучший пилот люфтваффе полковник Ганс Ульрих Рудель в последний раз встре-

тился с Гитлером и заявил ему, что: «С моей точки зрения, в этот момент войну нельзя завершить победой на обоих фронтах, но еще можно выиграть на одном фронте, если мы сможем заключить перемирие на другом».

По его лицу проскользнула усталая улыбка:

«Вам легко так говорить. Начиная с 1943 года я беспрестанно старался заключить мир, но союзники не желали этого; с самого начала войны они требовали от меня безоговорочной капитуляции. Моя личная судьба, естественно, не имеет никакого значения, но каждый человек в здравом уме видит, что я не могу избрать безоговорочную капитуляцию для немецкого народа. Переговоры идут даже сейчас, но я оставил все надежды на их успешное завершение. Следовательно, мы должны сделать все для того, чтобы преодолеть этот кризис, чтобы оружие еще смогло бы принести нам победу». В этот момент поиски мира начали Геринг и Гиммлер, но никто из союзников с ними разговаривать не стал. В результате перед смертью Гитлер исключил их из партии и приказал арестовать. Интересно, что оба, и Геринг, и Гиммлер, кончили одинаково, раскусив ампулу с цианистым калием. Только первый успел перед этим поучаствовать в Нюрнбергском процессе и получить смертный приговор, а второй принял ампулу с ядом через несколько дней после ареста, только арест этот был осуществлен не по приказу Гитлера, а британскими солдатами.

Западные союзники и Советский Союз по мере приближения победы все больше не доверяли друг другу, понимая, что в послевоенном мире антигитлеровскую коалицию сохранить не удастся. Сразу после самоубийства Гитлера и гибели Третьего Рейха они

начали готовиться к возможному военному столкновению друг с другом. Например, командующий советскими войсками в Германии маршал Жуков уже 4 июня 1945 года приказал: «К 15 июня 1945 года отработать планы подъема подразделений, частей, соединений и армий по боевой тревоге... Оборонительные сооружения строить и развивать только в ночное время и в крайнем случае в процессе плановых занятий по обороне небольшими подразделениями. Все построенные и находящиеся в постройке окопы, ходы сообщения, НП, ОП и прочие инженерные сооружения к рассвету должны быть тщательно замаскированы от местного населения и наблюдения союзников». Но чтобы начался процесс сползания бывших союзников к «холодной войне», должен был быть уничтожен фюрер и созданное им государство. Сидеть и ждать, как Гитлер оправится и потом начнет новую войну, не хотели ни на Востоке, ни на Западе.

**Расовая доктрина национал-социализма:
«сверхчеловеки» и «недочеловеки»**

Парадоксальность расовой политики Третьего Рейха заключалась в том, что, с одной стороны, открыто провозглашалось превосходство германской расы, а с другой стороны, в выступлениях, предназначенных для внешнего потребления, утверждалось, что никакой дискриминации негерманского населения, за исключением евреев, нет, да и последних лишь ставят в определенные рамки, но не лишают более или менее нормальных условий жизни.

Как отмечал немецкий историк Вернер Мазер, «с точки зрения Гитлера, «правильно» понятая полити-

ка предстает как беспощадная борьба за власть в рамках диктуемой законами природы борьбы за существование». А для этого требуется идеологическая монолитность народа. Как заявил Гитлер еще 19 марта 1934 года, «победа партии означает смену правительства, а победа мировоззрения — это революция, которая изменяет саму природу народа». Предстояло германский народ превратить в «расу господ», способную повелевать «низшими расами», и освободить всех немцев от химеры, именуемой совестью.

В то же время фюрер, выступая 1 сентября 1939 года в рейхстаге по случаю объявления войны Польше, лицемерно заявил: «Я должен заявить определенно: Германия соблюдает свои обязательства; нацменьшинства, которые проживают в Германии, не преследуются. Ни один француз не может встать и сказать, что какой-нибудь француз, живущий в Сааре, угнетен, замучен или лишен своих прав. Никто не может сказать ничего подобного».

Гиммлер же, одержимый идеей выведения совершенного нордического человека, утверждал: «Если та хорошая кровь, которая лежит в основе нашего народа, не будет приумножаться, то мы не сможем установить господство над миром... Народ, который имеет в среднем по четыре сына в семье, может отважиться на войну, ибо если двое погибнут, то оставшиеся двое продолжат свой род. Руководители же, которые имеют одного и двух сыновей, при принятии любого решения будут колебаться. На это мы не можем пойти».

Гитлер писал в «Моей борьбе»: «Наше государство будет прежде всего стремиться установить здоровую, естественную жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста, с одной

стороны, и количеством и качеством наших территорий — с другой. Только так наша внешняя политика может должным образом обеспечить судьбы нашей расы, объединенной в нашем государстве.

Здоровой пропорцией мы можем считать лишь такое соотношение между указанными двумя величинами, которое целиком и полностью обеспечивает пропитание народа продуктами нашей собственной земли. Всякое иное положение вещей, если оно длится даже столетиями и тысячелетиями, является ненормальным и нездоровым. Раньше или позже такое положение принесет величайший вред народу и может привести к его полному уничтожению.

Чтобы народ мог обеспечить себе подлинную свободу существования, ему нужна достаточно большая территория».

Главным объектом будущей германской колонизации Гитлер назвал Россию: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой внешней политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и обращаем взор в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той

интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия была обязана германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила именно за счет германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах долго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому уже созрели все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелями такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловную правильность нашей расовой теории».

Расовая теория служила обоснованием необходимости «жизненного пространства» для «избранного народа» и тем самым лежала в основе всей внешней

политики Третьего Рейха. Но при этом она играла двойственную роль. С одной стороны, она являлась мощным пропагандистским стимулом для немцев нести все тяготы подготовки к войне, а потом и самой войны ради обретения того, что предназначено германскому народу самой судьбой, Богом и Провидением. Но, с другой стороны, забота о чистоте крови, отсутствии в том или ином народе вредных «расовых примесей» объективно уменьшала число союзников Германии в Европе. Не случайно, когда в 43-м году положение Рейха стало критическим, были убраны из обращения термины «недочеловек» и «сверхчеловек», а все народы на оккупированных территориях, кроме евреев, стали считаться арийскими.

Попытки же проводить в жизнь расовую политику на оккупированных территориях только усложняли как управление ими, так и взаимоотношения с местным населением. Например, Гиммлер еще 5 апреля 1942 года в ставке Гитлера заявил, что «наилучший способ решить французскую проблему — это ежегодно проводить среди населения Франции отбор лиц германской крови. Нужно попробовать поместить их детей в самом раннем возрасте в немецкие интернаты, заставить там забыть о том, что волею случая они считались французами, внушая, что в них течет германская кровь, и подчеркивая их принадлежность к великому германскому народу».

Гитлер, однако, весьма осторожно отнесся к идее онемечивания французов, заметив: «Все попытки онемечивания меня не особенно вдохновляют, если только они не подкреплены мировоззренчески. В случае с Францией следует помнить, что ее военная слава зиждется не на идейной позиции большинства населения, но на том, что французы пару раз умело использовали благоприятное для

них соотношение военных сил на континенте (например, вступив в Тридцатилетнюю войну). Но там, где им противостояли немцы, наделенные национальным самосознанием, они всегда получали хорошую взбучку, например, от Фридриха Великого, в 1940 году и т. п. И не имеет никакого значения то, что корсиканец Наполеон, этот уникальный военный генерал, вел Францию к победам всемирно-исторического значения. Большинство французов склонны к мещанству, и поэтому для Франции будет тяжелым ударом, если ее правящий слой лишит пополнения лицами германской крови».

Фюрер отрицал возможность «германизации» поляков путем внедрения в польских землях немецкого языка: «Польский народ остался бы польским народом, только выражающим на чужом языке свои собственные чуждые нам идеи. Такой чуждый нашей расе народ своею более низкой ступенью развития только компрометировал бы достоинство и высоту развития нашего собственного народа». Расовая доктрина нацистов обрекала поляков или на уничтожение, или на депортацию. «Германизации» подлежали лишь те поляки, которых нацистские ученые-антропологи сочли бы близкими к германской расе.

Депортации поляков для очистки «жизненного пространства» от «чуждых элементов» начались в первые же дни оккупации вермахтом. Уже 20 октября 1939 года начальник 16-й оперативной команды СД штурмбанфюрер СС Франц Редер докладывал в Главное управление имперской безопасности (РСХА): «По воле фюрера из населенной поляками Померании должна возникнуть в кратчайший срок немецкая Западная Пруссия. Для осуществления этих задач необходимы, по согласованному мнению всех компетентных органов, следующие меры:

1. Физическая ликвидация всех польских элементов, которые: а) в прошлом играли ведущую роль на польской стороне или б) могут стать в будущем участниками польского сопротивления.

2. Выселение или переселение всех «коренных поляков» и «конгрессоров» (переселенцев из Царства Польского) из Западной Пруссии.

3. Переселение ценных в расовом и прочих отношениях поляков в центр старого Рейха, поскольку речь идет об угасающей немецкой родопреемственности, причем включение в немецкое народное тело должно происходить беспрепятственно. Указанные меры проводились с первого дня».

Имперский протектор Богемии и Моравии Рейнгард Гейдрих, выступая перед чинами оккупационной администрации в феврале 1942 года, заявил, что от 40 до 60 процентов чехов должны слиться с немцами в единый народ, а не подлежащие германизации чехи должны отправиться осваивать «жизненное пространство» на Востоке. Для этой же цели предполагалось использовать не вполне полноценную в расовом отношении часть голландцев. И тех, и других представителей «германских народов» предполагалось сделать «надсмотрщиками» над местным восточнославянским населением.

Из «расово неполноценных» народов в будущем Гитлер собирался готовить слуг для немцев. В мае 1940 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер составил меморандум «Об обращении с инородцами на Востоке» (имелось в виду польское генерал-губернаторство Варшавское). Там, в частности, утверждалось: «Для негерманского населения Востока не должно быть образования свыше четырехлетней народной школы. Там должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что Господь Бог тре-

бует слушаться немцев и быть честными, прилежными и порядочными. Умение читать я считаю для них излишним. Никаких других школ на Востоке вообще не должно быть». А Гитлер в марте 1942 года утверждал в своей Ставке: «Прежде всего мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории (имелась в виду как Польша, так и оккупированные советские территории. — Б. С.). Иначе мы потеряем и детей, и родителей. Мы потеряем весь народ, так как вбитые в его головы знания впрок не пойдут. Самое лучшее было бы, если бы эти люди освоили там для общения с немцами только язык жестов. По радио же было бы полезнее всего передавать музыку в неограниченном количестве. Только к умственной работе приучать их не следует. Не допускать никаких печатных изданий... Эти люди будут чувствовать себя самыми счастливыми, если их по возможности оставят в покое. Иначе мы вырастим там наших злейших врагов! Но, конечно, если действовать в интересах наших учительшек, то первым делом следовало бы открыть в Киеве университет».

На практике подобные программы представляли собой несбыточные утопии, к осуществлению которых можно было бы теоретически приступить лишь после окончания войны и обретения Германией мирового господства. В реальной действительности и в Польше, и на оккупированных советских территориях газеты все же выходили, да и в школах учили отнюдь не только расписываться и считать до пятисот, хотя университетов, конечно, не открывали.

Реальность корректировала и чисто антропологические догматы расовой теории. Так, 2 июня 1942 года, суммируя в Ставке впечатления от поездки в Полтаву, в штаб группы армий «Юг», Гитлер признал, что посеще-

ние Украины «заставило меня несколько пересмотреть прежние расовые воззрения. В Полтаве я видел столько голубоглазых и светловолосых женщин, что я даже подумал — вспомнив фотографии норвежек или даже голландок, представленные вместе с прошениями о женитьбе, — а не следует ли, вместо того чтобы говорить о проблеме «распространения северного типа», поднять вопрос о необходимости «распространить южный тип» в наших североевропейских государствах».

Однако подобный «либерализм» фюрер допускал лишь в частных разговорах. Расовая доктрина национал-социализма не оставляла на земле места «малым народам», лишенным родины-почвы, — евреям и цыганам, подлежащим поголовному уничтожению. Дальше в «шкале вредоносности» шли поляки — «наследственные враги» немцев, численность которых надо было максимально ограничить, а государственность ликвидировать, не допуская никаких форм самоуправления. Однако тотального истребления польской нации нацисты не предусматривали.

Следующими после поляков вверх по шкале расовых предпочтений шли русские и белорусы, такие же, как и поляки, «недочеловеки», Untermenschen, но, по крайней мере, пользовавшиеся преимуществом перед поляками при назначении на посты в местном самоуправлении на оккупированных территориях. После белорусов и русских более высокую ступеньку «расовой пирамиды» занимали литовцы и украинцы. Литовцы, как обладавшие еще совсем недавно собственным государством, имели преимущество в виде самоуправления, как и два других прибалтийских народа — латыши и эстонцы. Однако из-за длительного существования на одной территории и предполагаемого нацистами «расового смешения» с поляками ни

литовцы, ни украинцы не считались «арийскими народами».

Следующими по шкале шли уже собственно «арийские народы». Этой чести из населения СССР удостоились только эстонцы, латыши, казаки, татары Крыма и Поволжья, калмыки, осетины, ингуши, чеченцы и ряд других народов Северного Кавказа и Закавказья. Они в перспективе подлежали германизации и должны были составить единую общность с германским народом.

За пределами СССР к «арийским народам» относили французов, итальянцев, испанцев, португальцев, венгров, греков, румын, словаков, болгар, сербов, словенцев турок и некоторых других. При этом итальянцы, венгры, румыны, словаки, хорваты и болгары считались особыми, «союзными народами», что повышало их статус и с точки зрения расовой теории.

Далее, ближе к вершине расовой пирамиды, следовали «германские народы»: датчане, норвежцы, голландцы, фламандцы, валлоны, люксембуржцы, чехи, англичане, ирландцы, шведы, финны. Их предполагалось в первую очередь использовать для колонизации «восточных территорий».

Различие между народами хорошо проявилось в построении войск СС. Представители германских народов наряду с собственно немцами служили в элитных эсэсовских дивизиях, танковых и моторизованных (они еще назывались «германскими»). Например, такая известная и прославившаяся в войну дивизия, как танковая дивизия СС «Викинг», комплектовалась в значительной мере из норвежцев, датчан и голландцев. А валлоны сформировали бригаду «Валлония», впоследствии развернутую в дивизию. Напротив, представители арийских народов — латыши, эстон-

цы, французы, украинцы, белорусы, венгры, хорваты и др. — формировали только пехотные дивизии СС (их называли «добровольческими»), уступавшие по оснащению вооружением и боевой техникой элитным «германским» дивизиям.

В 1943 году, когда для стран антигитлеровской коалиции уже стало очевидно поражение Германии, расовая политика национал-социалистов претерпела вынужденные изменения. Термин «недочеловек» был изъят из употребления, и украинцы, белорусы, литовцы, русские и даже поляки официально признавались теперь «арийскими народами» и принимались на службу в вермахт и СС. Геббельс официально заявил по поводу этих «восточных народов»: «Нельзя изображать этих людей, надеющихся завоевать освобождение нашими руками, животными, варварами и тому подобным и одновременно рассчитывать на то, что они будут страстно желать победы немцев».

К тому времени расовая теория уже утратила всякий смысл как с точки зрения пропаганды, так и с точки зрения практической политики. Германия терпела поражения на всех фронтах, причем не только от «германских народов», англичан и американцев, что вроде бы было не так обидно, но и от русских, которых еще вчера называли «недочеловеками». Последние два года существования расовая доктрина перестала быть сколько-нибудь действенным политическим оружием и превратилась в анахронизм.

Антисемитизм и холокост

Из расовой доктрины национал-социалистов логически следовало «окончательное решение еврейского вопроса», иначе говоря, полное истребление

евреев Европы. Гитлер считал, что евреи разрушительно действуют на германскую расу и вытесняют немцев из самых престижных профессий. Потомки от смешанных браков евреев и немцев, по мнению Гитлера, были особенно опасны для разрушения «германского духа», поэтому сексуальная связь немцев с евреями была вскоре после прихода нацистов к власти объявлена преступлением. Например, выступая 13 сентября 1937 года в Нюрнберге на имперском партийном съезде труда, Гитлер обрушился на евреев как главных виновников всего плохого, что происходит в мире. Вот как запомнилась эта речь адъютанту Гитлера от люфтваффе Николаусу фон Белову: «Фюрер долго готовился к этой речи, и она прозвучала призывом к западным демократиям, которых он предостерегал насчет «генерального наступления жидовского большевизма на нынешний общественный строй и против всех наших духовных и культурных ценностей». Такого, заявил он, еще не бывало во всем мире со времен появления христианства, победного шествия ислама или эпохи Реформации. «В нынешней Советской России евреи занимают 80% всех руководящих постов», — утверждал Гитлер. Указав на «красную революцию» в Испании, против которой выступил с оружием Франко, он заклинал «большую семью европейских народов» осознать «огромность всемирной опасности большевизма».

В «Моей борьбе» Гитлер утверждал: «Надо видеть эту низкую еврейскую манеру сразу же, как по мановению волшебной палочки начинают поливать местного человека грязью из сотен и тысяч ведер; нет той самой клеветы, которая не обрушилась бы на голову такой ни в чем не повинной жертвы; надо ближе познакомиться с таким методом покушения на политическую честь противника, чтобы убедиться в том, на-

сколько опасны эти негодяи прессы. Для этих разбойников печати нет ничего такого, что не годилось бы как средство для их грязной цели». Здесь же он вспоминал: «Окончательно оттолкнуло меня от евреев, когда я познакомился не только с физической неопрятностью, но и с моральной грязью этого избранного народа...

Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта и прежде всего в области культурной жизни народов, в котором не был бы замешан по крайней мере один еврей? Как в любом гнойнике найдешь червя или личинку его, так в любой грязной истории непременно натолкнешься на еврейчика.

Когда я познакомился с деятельностью еврейства в прессе, в искусстве, в литературе, в театре, это неизбежно должно было усилить мое отрицательное отношение к евреям...

Это чума, чума, настоящая духовная чума, хуже той черной смерти, которой когда-то пугали народ. А в каких несметных количествах производился и распространялся этот яд!..

Одобрительные театральные рецензии всегда носились только к еврейским авторам. Резкая критика никогда не обрушивалась ни на кого другого, кроме как на немцев. Уколы против Вильгельма II становились системой так же, как специальное подчеркивание французской культуры и цивилизации. Пикантность литературной новеллы возводили до степени простого неприличия. Даже в их немецком языке было что-то чужое...

Отношение евреев к проституции и еще больше к торговле девушками можно наблюдать в Вене лучше, чем где бы то ни было в Западной Европе, за исключе-

нием, быть может, некоторых портов на юге Франции. Стоило выйти ночью на улицу, чтобы натолкнуться в некоторых кварталах Вены на каждом шагу на отвратительные сцены, которые большинству немецкого народа были совершенно неизвестны вплоть до самой мировой войны, когда часть наших германских солдат на Восточном фронте имела возможность или, точнее сказать, вынуждена была познакомиться с таким зрелищем...

Что было совершенно непонятно, так это та безграничная ненависть, с которой они относятся к собственной народности, к величию своего народа, та ненависть, с которой они бесчестят историю собственной страны и вываливают в грязи имена ее великих деятелей.

Эта борьба против собственной страны, собственного гнезда, собственного очага бессмысленна и непонятна. Это просто противоестественно.

От этого порока их можно было излечить иногда на несколько дней, максимум на несколько недель. В скором времени при встрече с тем, кто казался тебе излеченным, приходилось убеждаться, что он остался прежним, что он опять во власти противоестественного».

Гитлер провозглашал: «Никакое примирение с евреями невозможно. С ними возможен только разговор по принципу: либо — либо! Либо — они, либо — мы!»

Раз нельзя излечить, надо уничтожить. И уничтожали, приводя их, так сказать, в «естественное состояние».

Там же Гитлер подчеркивал: «Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предастся этим грехам, обречена».

Государство, по Гитлеру, должно стать средством «сохранения и дальнейшего развития коллектива одинаковых в физическом и моральном отношениях человеческих существ».

Смещение рас ослабляет государство и ведет его к гибели. По мнению Гитлера, «рядом живущие, но не вполне смешавшиеся друг с другом расы и остатки рас не умеют должным образом объединиться против общего врага. С этим связано то свойство, которое у нас называют сверхиндивидуализмом. В мирные времена это свойство иногда может еще быть полезно, но если взять эпоху в целом, то приходится констатировать, что из-за этого ультраиндивидуализма мы лишились возможности завоевать мировое господство».

В «Моей борьбе» Гитлер писал: «Если бы мы во время войны потравили газом 12 или 15 тысяч евреев — растлителей народа... то это, возможно, спасло бы жизни миллионов людей, неизмеримо гораздо более ценных для будущего Германии». Вероятно, от этой фразы и идет широко распространенное представление о газовых камерах, будто бы широко применявшихся в Освенциме и других лагерях смерти.

Еще 30 января 1939 года Гитлер зловеще предупредил: «Если международным еврейским финансовым кругам в Европе и за ее пределами удастся снова втянуть народы в мировую войну, то ее результатом станет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе».

Глава Германского трудового фронта Роберт Лей заявил еще в мае 1942 года в Карлсруэ: «Необходимо не просто изолировать еврейского недруга от человечества — евреи должны быть истреблены».

Как отмечал, еще до холокоста, один из первых историков национал-социализма Конрад Гейден, «согласно программе национал-социализма и речам и писаниям Гитлера... евреи в искупление зла, нанесенного ими германскому народу, должны быть совершенно изгнаны из политической жизни, а также в значительной мере удалены с занимаемых ими государственных должностей и из бизнеса».

Между прочим, экземпляр перевода книги Гейдена «История национал-социализма» хранился в сталинской библиотеке. Иосиф Виссарионович подчеркнул в тексте слова Гитлера, сказанные в 1922 году: «В правом лагере евреи стараются так резко выразить все имеющиеся недостатки, чтобы как можно больше раздражить человека из народа; они культивируют жажду денег, цинизм, жестокосердие, отвратительный снобизм. Все больше евреев пробираются в лучшие семьи, в результате ведущий слой нации стал по существу чужд собственному народу». Чувствуется, что «малый народ» генсек любил ничуть не больше, чем фюрер, хотя «окончательное решение» и приберегал «на потом».

Вплоть до начала Второй мировой войны евреев собирались депортировать из Германии за пределы Европы — на Мадагаскар, в Палестину, некоторые другие места. С началом войны, и особенно после нападения на Советский Союз и оккупации обширных территорий на Востоке, было принято решение уничтожить всех евреев, находящихся в сфере германского господства. Ранее же, даже после принятия в 1935 году антиеврейских нюрнбергских законов (они приведены в приложении), евреи еще могли существовать в Рейхе, находить себе работу, сохранять свою частную жизнь и кое-какую собственность. По-

этому многие евреи не торопились эмигрировать, да и ни одна страна не горела желанием принять сразу десятки и сотни тысяч беженцев. После начала Второй мировой войны евреям практически перестали выдавать разрешение на выезд за пределы Рейха. Ловушка захлопнулась.

2 апреля 1941 года, накануне похода против России, Гитлер вызвал будущего рейхсминистра оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга и информировал его о планах «окончательно решить» еврейский вопрос путем полного истребления евреев Европы. Оккупированным территориям Польши и СССР в этом деле отводилась особая роль. Сюда, подальше от глаз общественности, собирались депортировать евреев Западной Европы. Жители Германии и стран Западной Европы думали, что евреев отправляют основывать новые поселения на Востоке. Но никаких следов подобных поселений обнаружено не было. Несчастных размещали в гетто и концлагерях, где им оставалось только дожидаться своей смерти.

После двухчасовой беседы ужаснувшийся планам Гитлера Розенберг только и смог записать в дневнике: «Сегодня я не могу писать об этом, но я этого никогда не забуду». А 20 мая 1941 года отдел IV В4 СД Адольф Эйхман получил указания, что «в скором времени предстоит окончательное решение еврейского вопроса», в связи с чем всем полицейским подразделениям предписывалось не допустить эмиграции евреев из Рейха и оккупированных территорий Западной Европы. Впоследствии на оккупированную советскую территорию депортировали евреев из Германии, Польши и стран Западной Европы. Всего здесь погибли, по некоторым оценкам, почти 2 млн. евреев.

Один из наиболее распространенных мифов, связанных с «окончательным решением еврейского вопроса», это то, что о нем не знали главари Третьего Рейха. То ли Гиммлер и Эйхман творили холокост без ведома Гитлера, то ли, напротив, Гитлер обо всем был прекрасно осведомлен, а вот второй человек в Рейхе, Геринг, ничего об этих ужасах не знал и к «окончательному решению» отношения не имел. Во всяком случае, именно так вел свою защиту рейхсмаршал на Нюрнбергском процессе. Также 81-летняя, умершая 10 февраля 2002 года, секретарша фюрера Траудль Юнге записала под диктовку Гитлера его последнее завещание, которое он составил в 1945 году в своем бункере перед самоубийством. По утверждению Юнге, за все три года службы у фюрера она ни разу не слышала, чтобы он обсуждал еврейский вопрос. Сотрудники Центра Симона Визенталя, занимающегося розысками причастных к холокосту нацистов, скептически отнеслись к такому утверждению. Юнге сказала, что, только узнав после войны о холокосте, она почувствовала себя виноватой за то, что хорошо относилась к Гитлеру. А ведь миллионы немцев действительно не знали, что евреев не только выселили из немецких городов, но и физически уничтожили. И вина немцев не в том, что они не знали о холокосте, а в том, что выбрали и поддерживали Гитлера, стремившегося построить счастье германского народа на костях других народов, прежде всего еврейского.

Есть один документ, который все ставит на свои места. Это — протокол совещания от 16 июля 1941 года. В нем участвовали Гитлер, Геринг, Борман, Кейтель, рейхслейтер и рейхсминистр Розенберг и рейхсминистр Ламмерс, начальник канцелярии Рейха. На совещании фюрер заявил: «Мы не должны раскрывать

свои цели перед миром... Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае не надо осложнять наш путь излишними декларациями. Подобного рода заявления являются излишними, ибо мы можем сделать все, что в наших силах, а что не в наших силах, мы все равно сделать не можем... Мы были вынуждены в интересах населения занять район, навести в нем порядок и принять меры безопасности. Мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т. п. Отсюда и происходит наше регулирование. Таким образом, не должно быть выявлено, что речь идет об окончательном урегулировании (еврейского вопроса. — Б. С.). Все необходимые меры — расстрелы, выселение и т. п. — мы, несмотря на это, осуществляем и можем осуществлять.

Мы, однако, отнюдь не желаем превращать преждевременно кого-либо в своих врагов. Поэтому пока мы будем действовать так, как если бы мы намеревались осуществлять мандат (оккупационных сил. — Б. С.). Но нам самим при этом должно быть абсолютно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем.

Исходя из этого, речь идет о следующем:

Ничего не строить для окончательного урегулирования, но исподволь подготовить все для этого.

Мы подчеркиваем, что несем свободу».

Во исполнение этих решений Геринг уже 31 июля 1941 года отдал распоряжение шефу РСХА Гейдриху: «В дополнение к поставленной перед Вами 24 января 1939 года задаче по решению еврейского вопроса путем эмиграции или выселения, вызванных требованием времени, я поручаю Вам провести необходимую организационную, техническую и материальную подготовку для всеобщего решения (Gesamtlösung) еврейского вопроса на территории Европы, находящей-

ся в сфере германского влияния. В тех случаях, когда это входит в компетенцию других центральных органов, следует привлекать их к сотрудничеству. Кроме того, поручаю Вам представить мне в ближайшем будущем полный план предварительных организационных, технических и материальных мероприятий по осуществлению окончательного решения (Endlösung) еврейского вопроса».

Для маскировки «окончательного решения» в «Имперском законодательном вестнике» было опубликовано распоряжение полиции от 1 сентября 1941 года. Всем евреям предписывалось носить на одежде видную издали желтую шестиконечную звезду. Принципиальному же решению эта проблема подлежала только по окончании похода на Россию, причем, как подчеркивалось в распоряжении, «великодушным образом».

Как справедливо утверждает столь компетентный свидетель, как бывший адъютант Гитлера от люфтваффе полковник Николаус фон Белов, «я, даже и без документальных доказательств, твердо убежден в том, что уничтожение евреев осуществлялось по категорическому указанию Гитлера, ибо немыслимо предположить, что Геринг и Гиммлер предприняли бы нечто подобное без его ведома. Конечно, Гиммлер не информировал фюрера о каждой детали, но в этом деле действовал с его одобрения и в полном согласии с ним». Риббентроп в мемуарах высказал робкое предположение, что Гиммлер провел «окончательное решение» без ведома Гитлера, поскольку фюрер лишь однажды в его присутствии говорил о массовых казнях евреев. Но, во-первых, Риббентроп непосредственного отношения к «окончательному решению» не имел, обеспечивая лишь его дипломатическое прикрытие. Так что подробности ему знать было не толь-

ко не нужно, но даже вредно — не смог бы он так убедительно врать представителям нейтральных стран. Ну, а во-вторых, представить себе, что министр внутренних дел может уничтожить миллионы людей без ведома главы правительства, обладающего правами абсолютного диктатора, вряд ли сможет человек в здравом уме и твердой памяти. Точно так же в СССР массовые репрессии пытались списать на Ягodu, Ежова и Берия, стремясь обелить при этом Сталина.

Фон Белов также пишет, что «было ужасающим констатировать, как все безудержнее рос антисемитизм Гитлера по мере продолжения боев в России. В разговорах с Гиммлером и Геббельсом он не оставлял никакого сомнения в том, что все творимое с евреями его совершенно не беспокоит». Уже одно это свидетельство доказывает, что фюрер был вполне в курсе того, что собой представляло «окончательное решение».

Постановление о начале проведения «окончательного решения» в жизнь было принято на печально знаменитом совещании в Ванзее 20 января 1942 года. В нем участвовали не первые лица государства, а лишь высокопоставленные чиновники ряда министерств и ведомств, в том числе шеф гестапо Генрих Мюллер и глава «еврейского» подотдела СД Адольф Эйхман. Те, в ком была хотя бы половина еврейской крови, приравнивались к евреям и подлежали «эвакуации». Даже тот, у кого евреями был только один из дедушек или одна из бабушек, подлежал «эвакуации», если он был особо неблагоприятен в расовом отношении, т. е. внешне очень напоминал еврея. На совещании было отмечено, что в Европе, после того как с 30 января 1933 по 31 октября 1941 года из Рейха и присоединенных территорий эмигрировало около 537 000 евреев, осталось еще около 11 млн. евреев, в

том числе в Германии в границах 1937 года — 131 800, в Австрии — 43 700, в польских землях, присоединенных к Германии, — 420 000, в генерал-губернаторстве — 2 284 000, в Белостокском округе — 400 000, в протекторате Богемия и Моравия — 74 200, в Латвии — 3500, в Литве — 34 000, в Бельгии — 43 000, в Дании — 5600, во Франции — 865 000 (в том числе 700 тыс. — в неоккупированной части), в Греции — 69 600, в Голландии — 160 800, в Норвегии — 1300, в Болгарии — 48 000, в Англии — 330 000, в Финляндии — 2300, в Ирландии — 4000, в Италии — 58 000, в Хорватии — 40 000, в Албании — 200, в Португалии — 3000, в Румынии, включая Бессарабию, — 342 000, в Швеции — 8000, в Швейцарии — 18 000, в Сербии — 10 000, в Словакии — 88 000, в Испании — 6000, в Европейской части Турции — 55 500, в Венгрии — 742 800, в СССР — 5 000 000, в том числе на Украине — 2 994 684, в Белоруссии, за исключением Белостокского округа, — 446 484. Как можно понять, евреи Прибалтики в данном перечне в состав евреев СССР не входят. С учетом этого, общее число евреев Европы должно составить, если суммировать все приведенные выше цифры, около 11 млн 284 тыс. Кроме того, по мнению участников совещания, в азиатской части СССР проживало еще около 5 млн. евреев. Сложный вопрос, насколько точны были представленные участниками совещания цифры. Можно предположить, что они скорее завышены, чем занижены. Во-первых, исполнителям «окончательного решения» очень хотелось подчеркнуть масштабы и трудность стоящей перед ними задачи. Во-вторых, тут мог иметь место двойной счет, когда евреи, эмигрировавшие после 1933 года из Германии, а после 1938 года из Австрии, могли в дальнейшем учиты-

ваться также среди евреев Франции и Чехословакии, будучи в то же время посчитаны и как германские и австрийские евреи.

Во многих странах статистика позволяла выделить как «евреев» только лиц, исповедующих иудаизм. В то же время многие евреи там приняли христианство или стали атеистами (в Польше таких, вероятно, было сотни тысяч, а в Германии — десятки тысяч), но, согласно расовой теории нацистов, они также подлежали истреблению, равно как и лица, имевшие лишь половину еврейской крови. Эти последние в большинстве своем не попадали и в советскую статистику, которая определяла евреев по национальности (этнической идентификации), а не по вероисповеданию. Повторяю, оценить точность этих цифр сложно, это потребовало бы отдельного исследования, по объему значительно превышающего нашу книгу. Можно только предположить, что эти цифры скорее завышены, чем занижены. Чиновникам надо было дать представление своим начальникам, сколь сложная задача стоит перед ними, сколь многочисленны враги рода человеческого. Однако вряд ли приведенное число евреев завышено больше чем на полмиллиона человек.

Теперь перед нами встает самый сложный, больной и политически важный вопрос: сколько же евреев погибло в ходе холокоста. Для начала надо исключить из общего числа евреев тех стран, до которых нацисты не смогли добраться. Это — Англия, Ирландия, Финляндия, Швеция, Болгария, Португалия, Швейцария, Испания и Турция. В сумме это дает примерно 475 тыс. человек. Так что реальной добычей нацистов могли стать не более 10 809 000 евреев. Из этого числа надо вычесть еще около миллиона совет-

ских евреев, проживавших на неоккупированной территории. Остается около 9,8 млн. человек.

Насчет числа жертв «окончательного решения еврейского вопроса» у немцев систематической статистики не велось. Об этом ясно свидетельствуют материалы процесса Эйхмана, которые я привожу в качестве приложения к книге. Знаменитая цифра в 6 млн. жертв холокоста появилась в результате донесения Эйхмана Гиммлеру, составленного в августе (по другим данным — в октябре) 1944 года. Согласно этому донесению, текст которого так и не был найден, в лагерях смерти, главным образом в Польше, было уничтожено около 4 млн. евреев, а еще примерно 2 млн. погибли от других причин, главным образом от действий айнзатцкоманд на оккупированной советской территории. Причем Эйхман сам признался, что хотел потрафить Гиммлеру, который собирался доложить Гитлеру о ходе «окончательного решения». Гиммлер спрашивал Эйхмана — сколько же мы этих гадов все-таки придушили? Рейхсфюреру хотелось, чтобы евреев было уничтожено не менее 6 млн. — больше половины от общей численности европейского еврейства — точнее, от того числа, что было определено на совещании в Ванзее. В тот момент война неумолимо и быстро шла к фатальному для Германии концу. И Гиммлеру, и Эйхману должно было согреть душу сознание того, что более половины зловредного «малого народа», по крайней мере в Европе, они уничтожили. С этой мыслью рейхсфюреру было слаще помирать, когда 26 мая 1945 года, арестованный английскими военными властями, он раскусил ампулу с цианистым калием. Вот оберштурмбанфюрер и потрафил рейхсфюреру. Эта цифра — 6 млн. — вполне устроила и палачей, и жертв. Последних потому, что доказывала, как ужасен был холокост, уничтоживший

более половины евреев. Поэтому серьезного исследования, насколько данная цифра соответствует действительности, до сих пор не предпринималось.

Между тем то, что цифры, приведенные Эйхманом, очень уж круглые, сразу же наводит на мысль, что они взяты, если не совсем с потолка, то просто на глазок. Эйхман прикинул и решил, что две трети евреев уничтожили в концлагерях в Польше, а еще треть — айнзатцкоманды на оккупированной советской территории. Сколько же именно и где уничтожили евреев на самом деле, никто точно не посчитал.

Здесь я могу привести только несколько самых общих соображений, как следует решать эту проблему, которой, очевидно, вплотную будут заниматься уже следующие поколения историков и демографов. Во-первых, если деятельность айнзатцкоманд, истреблявших евреев на советской территории, еще более или менее полно документировалась регулярными донесениями (хотя их сколько-нибудь полная сводка до сих пор отсутствует), то о числе евреев, умерщвленных в лагерях смерти, сохранились лишь разрозненные сведения. В этих условиях остается единственный метод весьма приблизительной оценки числа жертв холокоста — демографический. Надо попытаться определить, сколько примерно насчитывалось евреев в Европе к середине 1941 года, когда фактически началось, с массовых убийств евреев на оккупированных советских территориях, проведение в жизнь «окончательного решения», а затем подсчитать, сколько их осталось в живых к середине 1945 года. Об этом существуют только отрывочные данные. Например, из 68 тысяч членов еврейской общины Кракова войну пережили всего несколько сотен человек. Это свидетельствует о том, что директива Гимmlера была выполнена достаточно скрупулезно.

19 июля 1942 года рейхсфюрер СС приказал, чтобы к концу года Польша была очищена от евреев: «Эти меры следует осуществлять в духе создания в Европе нового порядка с целью необходимого этнического разделения рас и народов, обеспечения безопасности и чистоты Германского рейха, а также областей его интересов». Подобным же образом обосновываются и все последующие этнические чистки в мире, хотя ни одна из них, по счастью, не превзошла по своим масштабам затеянного нацистами «окончательного решения еврейского вопроса».

При всех подсчетах надо принять во внимание изменение границ, происходившее в 1938—1945 годах, и точно определить, в каких именно границах приведены исчисления для той или иной страны. Поскольку большинство данных переписей относятся к периодам, с одной стороны, ранее 1941 года, а с другой стороны, позднее 1945 года, надо учесть также еврейскую эмиграцию в Палестину. С 1919 года по май 1948 года она составила 450 тыс. человек, в том числе 377 тыс. человек — из Европы. При этом надо ясно представлять себе, что число жертв-евреев в годы Второй мировой войны, вообще говоря, не равно числу жертв холокоста. Немалая часть евреев умерла своей смертью за годы войны. Точно так же они умерли бы в этот период и в том случае, если бы не было войны и геноцида. Также нельзя относить к жертвам холокоста и тех евреев, кто погиб в рядах сражающихся армий, в том числе и на стороне Гитлера — в армиях Венгрии и Финляндии (например, в финской армии для военнопленных-евреев даже проводились иудейские богослужения). Так, например, по некоторым оценкам, от 120 до 180 тыс. евреев погибли в рядах Красной Армии и еще около 80 тыс. погибли в

немецком плену. Если первые, безусловно, не являются жертвами холокоста, то вторые частично должны быть включены в эту категорию, а именно те, кто был расстрелян в плену как еврей. Однако несомненно, что часть пленных евреев умерли просто от суровых условий содержания, были убиты при попытке к бегству или по другим причинам, не связанным с их расовым происхождением, как и миллионы военнопленных других национальностей. А ведь евреи сражались не только в составе Красной Армии, но и в армиях США, Англии, Франции, Италии, Югославии, Греции, Финляндии, Румынии, Болгарии и Венгрии. При этом необходимо подчеркнуть, что выжить в плену реально имели серьезные шансы только евреи из английской и американской армий, худо-бедно защищенные благодаря тому обстоятельству, что в руках англичан и американцев также находились немецкие военнопленные. Евреям же из состава советской, польской или французской армий можно было уцелеть только в случае, если удавалось скрыть свою национальность, поскольку в рамках «окончательного решения» военнопленные-евреи подлежали поголовному истреблению.

Точно так же и гражданские лица из числа евреев, умершие от голода и болезней, а не в результате прямых репрессий, отнюдь не всегда являются жертвами «окончательного решения». Если люди умерли на оккупированных территориях, то в большинстве случаев это может быть приравнено к холокосту, поскольку в гетто намеренно создавались особо тяжелые условия существования и они весьма скудно снабжались продовольствием. Однако те евреи, которые умерли от лишений военного времени (это

характеризуется понятием «избыточная смертность» — по сравнению с показателем мирного времени) в советском тылу, конечно же, жертвами холокоста не являются.

Есть еще одна специфическая группа жертв среди евреев во Второй мировой войне. Это были лица, депортированные среди прочих с территорий, занятых Красной Армией в 1939—1941 годах, т. е. из Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины и Прибалтики как представители «эксплуататорских классов» и «политически неблагонадежных элементов». Самый яркий пример здесь — видные деятели Бунда Генрик Эрлих и Виктор Альтер, арестованные НКВД соответственно в Бресте и Ковеле осенью 39-го. Первый покончил с собой в Лубянской тюрьме в мае 1941 года, а второго расстреляли по распоряжению Сталина в феврале 1943 года. Некоторое число евреев было расстреляно в числе польских офицеров весной 1940 года. Но еще больше депортированных евреев умерло в ГУЛАГе в самую суровую военную зиму 1941/42 годов, когда зэков почти не кормили. В этом случае число жертв могло исчисляться десятками тысяч.

Кроме того, значительное число евреев стало жертвой антисемитизма, широко распространенного в советских партизанских отрядах. Например, 24 сентября 1943 года командир партизанского отряда имени Лаврентия Берии, Герой Советского Союза Кирилл Орловский рассказывал комиссии по истории Отечественной войны ЦК компартии Белоруссии: «Я организовал отряд имени Кирова исключительно из евреев, убежавших от гитлеровского расстрела. Я знал, что передо мной стоят невероятные трудности, но я не боялся этих трудностей, пошел на это лишь только потому, что все окружающие

нас партизанские отряды и партизанские соединения Барановичской и Пинской областей отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. Например, «партизаны»-антисемиты отряда Цыганкова убили 11 человек евреев, крестьяне деревни Раджаловичи Пинской области убили 17 человек евреев, «партизаны» отряда им. Щорса убили 7 человек евреев».

Партизаны также придерживались теории, будто гестапо засылает к ним своих агентов-евреев, чтобы на них уж точно не пало подозрение в шпионаже. Авторы подобных теорий даже не задумывались, что немцы никогда не пошлют к своим врагам тех, для кого самым страшным наказанием стало бы возвращение в немецкий тыл. Подобных мнимых агентов регулярно отлавливали, как свидетельствуют приводимые в приложении документы, пытками заставляли признаться, а затем расстреливали. Вероятно, жертвами антинемецких партизан (не только советских, но и украинских, и польских) стали тысячи, если не десятки тысяч евреев.

Надо вообще признать, что и в Польше, и на оккупированной территории СССР значительная часть населения с энтузиазмом участвовала в «окончательном решении еврейского вопроса». Например, руководитель советского подполья Могилева Казимир Мэттэ признавал: «В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений. Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически, а расстрелять только некото-

рых, занимавших ответственные должности. Остальная часть населения — советски настроенная — сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, так как они отдавали себя на убой, не сделав ни одной, хотя бы стихийной попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны. Кроме того, и просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места (будто русские или белорусы не стремились к тому же самому! — Б. С.), установили круговую поруку между собой, часто позволяли нетактичное отношение к русским, запугивая привлечением к ответственности за малейшее выступление против еврея и т. д. «И вот теперь евреи тоже ожидают помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают», — говорили они. Общий же вывод у населения получился таков: как бы немец не рассчитался со всеми так, как с евреями. Это заставило многих призадуматься, внесло недоверие к немцам». Подобные антиеврейские настроения преобладали среди значительной части населения Польши, Украины, Белоруссии и Прибалтики, входивших прежде в пресловутую «черту оседлости» в Российской империи, восточнее которой евреям селиться было запрещено. Это облегчало проведение в жизнь «окончательного решения». Иногда местные жители сами уничтожали евреев, а немцы только наблюдали за этим. Например, в местечке Едвабна под Белостоком 10 июля 1941 года, вскоре после его оккупации немцами, местные польские жители в первые дни немецкой оккупации уничтожили с особой жестокостью (забили камнями, палками или сожгли живьем), по разным оценкам, от 600 до 1600 евреев, с возмущением отвергнув предложение немцев оставить в жи-

вых ремесленников, необходимых для нужд вермахта: «Что же, мы вам польских ремесленников не найдем, что ли!» Считается, что на расправу польское население подвигли репрессии советского НКВД, среди служащих которого было немало евреев. Мир узнал об этом преступлении из книги польского историка Яна Томаша Гросса «Соседи: история уничтожения еврейского городка», вышедшей в 2000 году. Для польской общественности это стало шоком и вызвало официальные извинения польского правительства за преступления поляков против евреев. Подобные самочинные расправы прошли также в Литве, Латвии и на Западной Украине, но по масштабам они не шли ни в какое сравнение с организованными айнзатцгруппами массовыми казнями. Во всех странах были люди, рискуя жизнью, прятавшие евреев, и люди, с энтузиазмом выдававшие их на расправу.

Трудно сказать, насколько с учетом всех перечисленных поправок уменьшится традиционное число в 6 млн. погибших (а что оно уменьшится — скорее всего). В то же время подобный скрупулезный подсчет выбьет почву из-под ног историков-ревизионистов, спекулирующих на очевидной неточности и некорректности выведения существующих цифр. Думаю, что в любом случае число жертв холокоста составит несколько миллионов человек, причем точность определения итоговой цифры будет невелика — плюс-минус миллион или два. Утверждения историков-ревизионистов, настаивающих, что непосредственно в ходе «окончательного решения» было казнено не более 30 тыс. евреев и еще более миллиона погибло от голода, болезней и прочих тягот военного времени, являются чудовищно приуменьшенными. Даже в отдельных донесениях айнзатцгрупп о числе унич-

тоженных евреев фигурируют цифры, значительно превышающие 30 тыс. убитых. Так, например, оперкоманда 3-й опергруппы А, действовавшая на территории Литвы, 1 декабря 1941 года докладывала об уничтожении в период с 2 июля по 30 ноября 99 804 человек, из которых 99 067 были евреями. Из оставшихся 717 были причислены к «коммунистам», а 15 — к террористам, 1 был назван «русским политруком», а еще 3 обозначены только национальностью — русский, поляк и литовец. Кроме того, был казнен один немец из Рейха, ранее принявший иудаизм. Следует отметить, что среди уничтоженных были не только евреи Литвы, но еще и несчастные, депортированные в Литву из Берлина, Мюнхена, Франкфурта-на-Майне, Бреслау и Вены. Таковых насчитывалось 3994 человека.

А вот гебитскомиссар области Слоним Герхард Эррен с гордостью отчитался 25 января 1942 года: «При моем прибытии в область Слоним она насчитывала около 25 тыс. евреев, из них только в городе Слониме около 16 тыс. — свыше двух третей всего населения. Устройство гетто было невозможным, так как не было ни колючей проволоки, ни достаточной охраны. Поэтому я начал заранее подготовку к большой акции. Сначала у евреев была изъята мебель для немецких учреждений и расквартирования вермахта... Акция, проведенная СД.11.13, освободила меня от бесполезных едоков; оставшиеся в Слониме около 7 тыс. евреев включены в процесс производства, работают с прилежанием из страха смерти и весной также пройдут сортировку для сокращения. Сельская местность была основательно очищена вермахтом, к сожалению, только в населенных пунктах численностью не более 1000 жителей. В районных центрах после проведения

восстановительных работ для налаживания движения по линии Запад — Восток еврейство будет сокращено до необходимого количества ремесленников и рабочих». Кстати сказать, данное свидетельство доказывает, что и части вермахта принимали посильное участие в «окончательном решении». Между прочим, генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе в рапорте рейхскомиссару Остланда Генриху Лозе от 31 июля 1942 года, где сообщалось об уничтожении в Белоруссии 55 тысяч евреев, даже жаловался, что вермахт слишком усердствует в «окончательном решении», отбивая хлеб у карательных органов и нарушая планы проведения акции: «Командование армейской тыловой зоны, превысив свои полномочия, вмешалось в наши приготовления к ликвидации евреев в Глубоком. Без согласования со мной оно ликвидировало 10 тыс. евреев, систематическое устранение которых, безусловно, планировалось и нами». Так что в холокосте порой было и что-то вроде соцсоревнования между СС и армией.

В отчете же Опергруппы Д о расстреле евреев в Крыму отмечалось, что всего было расстреляно 75 881 человек. В том числе в период с 16 ноября по 15 декабря было расстреляно 17 645 евреев, 2504 крымчака (представителей тюркского народа, исповедующего иудаизм), 824 цыгана и 212 коммунистов и партизан. Здесь, без учета крымчаков, доля евреев среди расстрелянных поднимается до 85%, а вместе с крымчаками превышает 95%.

Есть также свидетельства применения немцами газовых автомобилей — душегубок для ликвидации евреев. Например, начальник полиции безопасности и СД в Остланде 15 июня 1942 года с беспокойством докладывал в Берлин: «В распоряжение коман-

дира полиции безопасности и СД в Белоруссии еженедельно поступает транспорт с евреями, подлежащими особой обработке. Трех уже имеющихся там автомобилей недостаточно. Я прошу выделить еще один пятитонный автомобиль. Дополнительно прошу прислать для имеющихся 3 машин (2 «Даймонд», 1 «Заурер») еще 20 рукавов для откачки газа, так как имеющиеся уже негерметичны». Нет никакого сомнения, что душегубки действительно применялись для уничтожения заключенных, в том числе евреев. Они были удобны из-за простоты конструкции — в кузов автомобиля выводился выхлопной газ, и находившиеся там узники тихо умирали от угарного газа. Это делалось для того, чтобы щадить нервы палачей, которые не видели своих жертв (к тому же за рулем душегубок часто были не немцы, а советские граждане). Это — в идеале. На практике же люди чувствовали запах выхлопного газа, начинали понимать, что с ними происходит, и отчаянно кричать. Кстати сказать, в конце 30-х годов свои «душегубки» были и у советского НКВД, причем о масштабах и способах применения до сих пор мало что известно. Что же касается немцев, то у них не было советского опыта массового террора времен Гражданской войны и «Великой чистки» 1937—1938 годов. Расстрельные команды, занимавшиеся уничтожением евреев, не привыкли к тому, чтобы видеть сотни трупов, лежащих в ряд, о которых потом с гордостью говорил Гиммлер. Поэтому, как свидетельствовал на следствии и на Нюрнбергском процессе командир опергруппы Д Отто Олендорф, действовавшей при группе армий «Юг», расстрелы проводились со сравнительно большой дистанции из карабинов, автоматов и пулеметов, чтобы палачи не видели лиц казни-

мых, и многие жертвы выживали и впоследствии свидетельствовали о холокосте. В НКВД действовали куда более профессионально. Там расстреливали «врагов народа» в упор в затылок из пистолетов. Между прочим, пистолеты чекисты предпочитали использовать немецкие — системы «вальтер».

Применение немцами душегубок, повторяю, сомнений не вызывает. А вот что касается пресловутого газа «циклон-Б», которым будто бы травили евреев в больших помещениях в концлагерях (под видом бани), то его реальное использование для этих целей вызывает большое сомнение. Согласно показаниям австрийского инженера Вольфганга Фрелиха, данным на процессе против издателя Герхарда Ферстера, владельца издательства «Neue Visionen», и писателя Юргена Графа в связи со швейцарским законом «О расовой дискриминации», состоявшемся в швейцарском городе Бадене 16 июля 1998 года, «инсектицид циклон Б — абсорбированная в гранулятообразную субстанцию-носитель синильная кислота. При соприкосновении с воздухом она высвобождается. Температура кипения синильной кислоты 25,7°... Температура в «газовой камере» «лагерей уничтожения», даже если принять во внимание подъем температуры от присутствующих в ней людей, и даже в теплое время года не могла превышать 15°. Тогда, чтобы кислота испарилась в количествах, достаточных для создания ядовитой атмосферы, потребовалось бы несколько часов. Но, согласно высказываниям свидетелей, смерть жертв наступала очень быстро. Они говорят: от «мгновенно» до 15 минут. Чтобы вызвать такую быструю смерть, палачам пришлось бы расходовать до 40—50 кг «циклона Б» для одного отравления. И это делало бы работу в газовых камерах невозможной.

Зондеркоманды, которые согласно свидетелям, очищали газовые камеры, войдя в них, даже в противогазах, тут же падали бы мертвыми. Через открытые двери огромные объемы синильной кислоты выходили бы наружу и отравили бы весь лагерь, все вокруг». Тем не менее, 21 июля 1998 года подсудимым был вынесен следующий приговор: Юргену Графу — 15 месяцев тюрьмы с обязательной отсидкой и 8 тыс. франков штрафа; Ферстеру — 12 месяцев с отсидкой и 12 тыс. франков штрафа.

В чем не приходится сомневаться, так это в том, что газ «циклон-Б» действительно производился в Германии в период Второй мировой войны в качестве дезинфицирующего средства. А вот использовался ли он еще и в качестве боевого отравляющего вещества для уничтожения евреев и других заключенных в концлагерях — большой вопрос. Вполне возможно, что евреев в лагерях смерти истребляли с помощью более традиционных способов: расстреливали, морили голодом, не оказывали медицинской помощи, содействуя распространению в лагерях эпидемий.

Противники ревизионистов обычно утверждают, что у немцев в газовых камерах была мощнейшая система вентиляции, которая будто бы позволяла удалить оттуда весь газ в течение нескольких минут. Следует оговориться, что следы этих мощнейших вентиляционных установок так и не были найдены. С другой стороны, нет никаких данных, в том числе даже послевоенных показаний свидетелей, что «циклон-Б» применялся для уничтожения евреев на оккупированных советских территориях в 1941—1943 годах, что выглядит достаточно странным. Казалось бы, там ему самое место, чтобы не заставлять страдать подчиненных Олендорфа и других руководителей

айнзатцкоманд, которым приходилось торопливо и небрежно расстреливать толпы несчастных у свежевырытых могил, оставляя к тому же многочисленных нежелательных свидетелей преступления. Необъяснимым выглядит, почему нацисты охотно применяли «циклон-Б» в оккупированной Польше и в Германии, но отказывались иметь дело с ним в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии, в Крыму и на Кавказе. О применении «циклона-Б» для уничтожения людей мы знаем главным образом из показаний и воспоминаний бывшего коменданта Освенцима Рудольфа Гесса. Не исключено, что он испытывал давление со стороны следователей и надеялся на помилование, повторяя пропагандистские стереотипы.

О том, что пленные немецкие офицеры часто давали ложные показания не только советским, но даже и английским и американским следователям лишь для того, чтобы улучшить условия своего содержания, говорит, например, Николаус фон Белов: «Передвигаться следовало бегом под постоянные окрики охраны. Питание было недостаточное и плохое. Бад-Ненндорф, где мне пришлось просидеть почти три месяца, явился апогеем всего моего плена. По ночам я слышал вопли заключенных. Мое предположение, что их истязают, было недалеко от истины.

Через несколько дней, когда я немного «обжился», меня вызвали на допрос. Пришлось бежать рысцой. Следователи заставляли меня часами стоять (в НКВД это называлось «читать стенгазету»). Они опять принялись за уже подробно изученную в Изерлоне тему — предполагаемые секретные распоряжения Гитлера (о продолжении борьбы после его смерти. — *Б. С.*), — только с той разницей, что теперь мне не верили. Когда же я, придерживаясь истины, в здра-

вом уме и со знанием дела, существование таких приказов отрицал, тон допроса становился еще более резким, а обращение со мной — еще хуже. Мне уменьшили и без того жалкую пайку, убрали из моей камеры всю убогую мебель, а на ночь бросали одеяло, завернувшись в которое, я спал на голом полу. Но и этот «ночной покой» длился всего четыре часа. Утром в 4.00 часовой одеяло отбирал. Так продолжалось примерно с неделю, в течение которой меня не допрашивали. Потом опять отвели на допрос, и я повторил свои показания. Один из допрашивавших, различными способами пытавшийся вытянуть из меня нужные показания, был, как оказалось, английский историк Тревор-Ропер.

Последствием моего упорного «отрицания» явилось продолжение попыток сломать меня. Все это показалось мне настолько глупым, что я решил, просто дабы улучшить свое положение, начать плести англичанам всякие небылицы... Я преподнес им — хотя и не слишком грубо утрированную — смесь вымысла и правды. Последние дни в бункере я описал такими, какими я их пережил. В качестве первого успеха я смог констатировать возвращение в мою камеру прежней «мебели». Мне дали бумагу и ручку, и я письменно изложил свои показания в семи пунктах. С тех пор меня оставили в покое, но сначала я все еще находился в одиночном заключении. Впоследствии мне доставило немалое удовольствие прочесть в книге Тревор-Ропера «The Last Days of Hitler (1947)» («Последние дни Гитлера») чушь о якобы данном мне Гитлером задании передать Кейтелю его секретное послание». Кстати, судя по всему, фон Белов в мемуарах немного слукавил. В действительности ему было приказано доставить не секретный приказ Кейтелю о продолжении сопротивления, а политическое заве-

щание Гитлера его преемнику Деницу, но адъютант не слишком заботился о выполнении этой миссии, предпочтя позаботиться прежде всего о спасении собственной жизни.

А вот, например, показания обер-ефрейтора вермахта Ле-Курте, данные военному трибуналу 374-й стрелковой дивизии 29 ноября 1944 года (в качестве документа советской стороны они фигурировали на Нюрнбергском процессе): «До пленения меня войсками Красной Армии, то есть до 4 февраля 1944 г., я служил в 1-й самокатной роте 2-й авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обеспечения... В ноябре 1942 года я принимал участие в расстреле 92 граждан. С апреля я принимал участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял. Мною делались отметки в особой книге, сколько я расстрелял военнопленных и мирных граждан... Кроме расстрела военнопленных, я еще занимался расстрелом партизан, мирных граждан и сжигал дома вместе с населением. В ноябре 1942 года я принял участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял... Кроме этого, я еще участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мной было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню, заходил в дома и предупреждал население, чтобы из домов никто не выходил, дома будем жечь. Я поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался из дома, я их загонял обратно в дом или расстреливал. Таким образом, мною было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины, дети...»

На Нюрнбергском процессе свидетельствам, предоставленным стороной обвинения, создавался режим наибольшего благоприятствования, к ним не

принято было подходить особенно критически. Хотя с некоторыми свидетельствами, особенно предоставленными советскими прокурорами, случались проколы, например, когда речь зашла о Катыни (советские обвинители пытались возложить вину за расстрел польских офицеров в Катыни на немцев при помощи лжесвидетельств). Что же касается показаний Ле-Курте, то их недостоверность видна прямо-таки невооруженным глазом. С чего это вдруг, спрашивается, браваый ефрейтор, попавший в плен в феврале 44-го, начинает столь подробно вспоминать о преступлениях осени 42-го? Он что, надеялся, будто ему за это дадут усиленный паек? И кто, спрашивается, мог уличить его в преступлениях полуторагодичной давности? А уж некоторые детали совсем фантастичны и явно придуманы не беднягой Ле-Курте, а следователями-смершевцами. Тут и таинственная книга, куда заносится, сколько человек расстрелял каждый солдат. Ни одного экземпляра такой книги ни советские, ни союзные войска так и не обнаружили, и непонятно, зачем ее вообще надо было вести. А уж сцена, когда солдаты обходят дома и предупреждают жителей, чтобы они ни в коем случае не покидали жилищ, так как их собираются жечь, могла родиться только в советском сознании, привыкшем выполнять самые идиотские приказания начальства. Интересно, нашелся бы хоть один нормальный человек, который бы после подобного предупреждения не попытался бы спастись любой ценой. И подобных сомнительных документов о «немецких зверствах» — тысячи и тысячи, наряду, оговорюсь, с еще большим числом документов военного времени с немецкой стороны, которые не вызывают сомнений в своей подлинности. А к явно недостоверным относятся, в частности, послевоенные свидетельства бывших офицеров СС,

охранников лагерей смерти и уцелевших узников о том, будто евреев было уничтожено до 20 миллионов или что в одном только Освенциме было истреблено 6 миллионов одних только еврейских детей. Столь же фантастичны и утверждения, будто в каждом из лагерей смерти — Освенциме, Майданеке, Треблинке, Собиборе и других — было уничтожено по несколько миллионов евреев. Все эти цифры находятся в слишком вопиющем противоречии с демографической статистикой, какие бы широкие допуски мы ни делали.

Следует отметить, что, вообще говоря, в чисто материальном плане холокост принес немцам одни убытки. Частично расходы на «окончательное решение» окупались конфискованными у жертв золотом и драгоценностями, но ведь эти драгоценности, в конце концов, можно было конфисковать у несчастных евреев и не уничтожая их. Золотые коронки, выдернутые изо ртов трупов, были лишь ничтожным довеском. Зато расходы на проведение акции были значительно больше. Одна только кремация одного тела умершего или умерщвленного узника лагеря смерти требовала от 12,5 до 15 кг кокса, так что утилизация миллиона жертв требовала до 14 тыс. тонн кокса. Всего же только в крематориях Аушвица (Освенцима) и Биркенау за сутки можно было сжечь 4756 трупов. Кстати сказать, с учетом крематориев Майданека и других лагерей смерти за 1942 и 1943 годы можно было сжечь, при использовании на полную мощность, значительно больше 4 млн. евреев, которые, согласно докладу Эйхмана, были уничтожены в лагерях смерти и концлагерях, так что метод оценки жертв холокоста по емкости крематориев оказывается бесполезен. Для проведения холокоста привлекались десятки тысяч бойцов зондеркоманд и охранников лагерей смерти, которых в противном случае можно

было бы использовать на фронте, в борьбе с партизанами или для работы в военной промышленности. Сотни тысяч и миллионы евреев в ходе депортаций к месту уничтожения порой перевозились на сотни и тысячи километров к местам уничтожения, что также требовало значительных расходов, отвлечения транспортных средств, дефицитного горючего и затрудняло военные перевозки. Не говоря уже о том, что многие еврейские ремесленники в Польше и на оккупированных советских территориях работали для нужд германской армии, а многих евреев можно было бы использовать для работы в промышленности. Но последнее применялось только в минимальной степени, и то главным образом со второй половины 1943 года. Не говоря уже об огромном ущербе престижу Германии, когда еще в ходе войны о холокосте стало известно в странах антигитлеровской коалиции. Однако национал-социалисты на идеологии не сэкономили. Ведь физическое уничтожение еврейства было одной из главных целей национал-социализма, наряду с достижением мирового господства.

Долгое время уничтожение евреев осуществлялось в глубокой тайне даже от ряда высших чиновников Рейха. Но 4 октября 1943 года, выступая перед старшими офицерами СС в Познани, Гиммлер заявил: «Я хочу откровенно поговорить с вами об очень серьезном деле. Сейчас, между собой, мы можем говорить о нем вполне открыто, но никогда не стану говорить об этом публично. Точно так же, как, повинаясь приказу, мы выполняли свой долг 30 июня 1934 года и ставили к стенке заблудших товарищей (имеется в виду убийство Рема и его сторонников. — Б. С.) — но никогда не говорили и не станем говорить об этом. Наш природный такт побуждал нас никогда не ка-

саться этой теме. Каждый из нас ужасался, но в то же время понимал, что в следующий раз, если это будет необходимо, он поступит так же.

Сейчас речь идет о депортации и об истреблении еврейской нации. Звучит это просто: «Евреи будут уничтожены». И все члены нашей партии, безусловно, скажут так: «Искоренение евреев, истребление их — это один из пунктов нашей программы, и он будет выполнен».

А потом приходят к нам все 80 миллионов достойных немцев, и каждый просит за своего порядочного еврея. Все остальные, конечно, свиньи, но вот именно этот — хороший еврей. Ни один из тех, кто говорит так, не видел своими глазами, как это происходит... Большинство присутствующих здесь знает, что это такое — видеть 100, или 500, или 1000 уложенных в ряд трупов. Суметь выдержать это — за исключением отдельных случаев человеческой слабости, — и сохранить в себе порядочность — вот испытание, которое закалило нас. Это славная неписаная страница нашей истории, ибо мы знаем, как трудно было бы нам сегодня — в условиях бомбежки, тягот и лишений военного времени, если бы в каждом нашем городе еще жили евреи: скрытые саботажники, агитаторы и смутьяны. Эта славная страница нашей истории так и не будет написана...

Богатство, которым они владели, мы у них забрали. Я дал строгий приказ, выполненный обергруппенфюрером СС Полем (начальником хозяйственного управления СС. — *Б. С.*), передать все это Рейху. Мы ничего не оставили себе. Совершившие ошибки понесут наказание в соответствии с приказом, отданным мной в самом начале, который гласил: каждый, кто присвоит себе хотя бы одну марку из этих, — под-

лежит казни. Несколько сотрудников СС — их немного — нарушили этот приказ, и их казнят. Пощады не будет. У нас есть моральное право, у нас есть обязательство перед немецким народом уничтожить эту нацию, которая хотела уничтожить нас. Но у нас нет права обогащаться, даже если речь идет только об одной шубе, об одних часах, об одной марке или одной сигарете. Наконец, мы не хотим, уничтожая бациллу, дать ей заразить себя и умереть самим. Я никогда не позволю себе остаться в стороне и наблюдать за тем, как появляется пусть даже маленькая червоточина и как она начинает расти. Где бы она ни появилась, мы вместе выжжем ее. Однако в целом мы можем сказать, что, вдохновленные любовью к нашему народу, мы справились с этой труднейшей задачей. При этом мы не нанесли никакого вреда нашему внутреннему миру, нашей душе, нашему характеру...»

Два дня спустя, 6 октября 1943 года, Гиммлер, выступая перед гауляйтерами и рейхсляйтерами в Познани, несомненно, по поручению Гитлера, решил, что пришла пора ввести их в курс программы уничтожения еврейства, чтобы сделать их безусловными соучастниками геноцида. Рейхсфюрер говорил проникновенным, задушевным голосом, но от услышанного у собравшихся мороз пробежал по коже: «Прошу вас хорошо лишь выслушать сказанное в этом кругу и никогда об этом не говорить. К нам поступил вопрос: «Что делать с женщинами и детьми?» И в этом деле я решил найти абсолютно четкое решение. Я не считаю, конечно, справедливым истреблять одних мужчин, — скажем, убивать их или приказывать убивать — и возвращать из детей мстителей нашим сыновьям и внукам. Надо принять трудное решение — смести этот народ с лица земли... Вам теперь ясно —

запомните это. Возможно, позднее мы к этому вернемся, если немецкий народ что-нибудь скажет на сей счет еще раз. Лучше, полагаю, будет, чтобы мы все сообща — понесли за наш народ, взяли бы на себя ответственность (ответственность за дело, не за идею) и потом унесли бы эту тайну в могилу».

Осознав, за что им теперь придется отвечать в случае становившегося все более неотвратимым военного поражения, чиновники с горя перепилились, так что в вагоны поезда, увозившего их из Познани, рейхсляйтеров и гауляйтеров пришлось укладывать почти как поленья. После этого инцидента Геббельс пообещал в будущем не давать гауляйтерам выпивать больше двух рюмок коньяка в день. И ведь кое-кого из гауляйтеров действительно повесили. Но лишь меньшинство. Избежали петли и такие активные участники «окончательного решения», как рейхскомиссар Украины и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох и рейхскомиссар Остланда, куда входили Прибалтика и Белоруссия, Генрих Лозе. Первый получил пожизненное заключение, а второй отделался 10 годами тюрьмы. Некоторых же хоть и не казнили, но подвергли издевательствам. Так, бывшего гауляйтера Саксонии Мартина Мучмана, 66-летнего старика, в мае 45-го со связанными руками, в одних трусах прогнали по городу Анненберг, в 70 км от Дрездена, а затем поставили на постамент одного из памятников для всеобщего обозрения. От расправы его спасло подразделение НКВД, поместившее Мучмана в Хемницкую тюрьму.

С точки зрения здравого смысла, «окончательное решение» было безумием. Ведь уничтожая миллионы евреев, нацисты в условиях военного времени лишили германскую экономику миллионов рабочих рук, которые вполне можно было использовать, пусть даже на подневольной основе. «Окончательное решение» по-

рой затрудняло снабжение армии, так как еврейских ремесленников не всегда можно было быстро заменить. Неслучайно по просьбе военного командования и оккупационной администрации зондеркоманды до поры до времени щадили евреев-ремесленников, работавших для нужд армии. Казалось бы, с рациональной точки зрения для национал-социалистов выгоднее было бы согнать евреев Европы в трудовые лагеря, где они могли бы работать для увеличения военно-экономического потенциала Рейха. Гитлер прекрасно понимал все невыгоды «окончательного решения» как в экономическом, так и пропагандистском отношении. Однако он питал просто мистическую, звериную, необоримую ненависть к евреям и предпочел пойти по пути их полного уничтожения, несмотря на все очевидные риски и невыгоды подобного образа действий. Уничтожение евреев в его сознании неразрывно связывалось с торжеством германской расы. Фюрер проповедовал лозунг: «Евреи должны погибнуть, чтобы жили немцы, чтобы жила Германия». Трагедия мирового еврейства и всего человечества заключалась в том, что бессмысленное с точки зрения здравого рассудка и бесчеловечное «окончательное решение» осуществлялось вполне рациональными и даже оптимальными в плане уничтожения в кратчайшие сроки максимального числа людей методами.

Третий Рейх и «новый порядок» в Европе

Мифом является утверждение, будто германские нацисты в равной мере были врагами всех народов Европы и что с ними сотрудничала лишь жалкая кучка отщепенцев, тогда как во всех оккупированных

странах подавляющее большинство населения активно боролось с нацистами. На самом деле «новый порядок» в Европе, который мечтал установить Гитлер, предусматривал весьма дифференцированное отношение к различным народам.

«Новая Европа» Гитлера строилась в соответствии с расовой доктриной. На оккупированных немцами территориях наилучшему обращению подвергались так называемые германские народы. Они были присоединены к Рейху в составе протекторатов Богемия и Моравия, Дания и Норвегия. При этом «образцовым протекторатом» считалась Дания, где, как и в оккупированной немцами Бельгии, вплоть до 1943 года функционировали королевская власть и прежнее правительство. К германским народам относились также голландцы, фламандцы и валлоны, а также шведы и швейцарцы. Швеция и Швейцария не были оккупированы немцами, но отдельные добровольцы служили в СС. В вермахте и СС служило также значительное число норвежцев, датчан, голландцев, фламандцев и валлонов. Существовал даже проект формирования в войсках СС части, состоявшей из пленных англичан — так называемого Легиона Святого Георгия или Британского добровольческого корпуса.

Вслед за германскими народами шли арийские народы. Сюда относились французы, латыши, эстонцы, казаки России, народы Северного Кавказа и Поволжья, татары Крыма, мусульмане Боснии и албанцы. Всем им позволялось служить в вермахте и СС. Наконец, изгоями были народы, не причислявшиеся к арийской расе: поляки, литовцы, украинцы, белорусы, сербы и русские. Им не позволялось до 1943 года служить в СС и в боевых частях вермахта. По отношению к немцам они оставались абсолютно бесправными, и немцам фактически позволялось совершать

против них любые уголовные преступления, вплоть до убийства. Как уже говорилось, так продолжалось до 1943 года, когда был официально изъят из употребления термин «недочеловек» (Untermensch). С того времени понятие «неарийцы» не применялось. Все народы, кроме евреев, считались арийскими. Евреи и цыгане, естественно, по-прежнему подлежали уничтожению (последние, строго говоря, не по расовому критерию, а вследствие антисоциального, по мнению нацистов, образа жизни; оседлые цыгане репрессиям не подвергались). А вот статус поляков так и остался неопределенным. Хотя их и не истребляли, но относились к ним хуже, чем, например, к литовцам и белорусам, и, как и раньше, не создавали из них коллаборационистских формирований. В то же время иной раз поляки получали преимущество перед теми же белорусами из-за более высокого образовательного ценза. Так, именно по этой причине в рейхскомиссариате Остланд в основном поляки были железнодорожниками, а это были весьма хлебные должности в условиях оккупации.

Созданное на основной территории Польши «генерал-губернаторство Варшавское» должно было стать вечной колонией Рейха, где все административные должности могли занимать только немцы. А польские территории Западной и Восточной Пруссии, Вартеланда (бассейна реки Варта) и Верхней Силезии, присоединенные к Рейху, подлежали полной германизации как за счет немецких переселенцев, так и поляков, в расовом отношении признанных подходящими для превращения в немцев.

Имелись еще так называемые союзные нации: это венгры, румыны, словаки, хорваты, словенцы, итальянцы и, до некоторой степени, французы, поскольку правительство Виши стало союзником Гит-

лера. Со словенцами ситуация, строго говоря, была не вполне определенной. С 1941 года основная часть Словении с Люблянкой была оккупирована Италией и присоединена к Итальянскому королевству, а меньшая часть — к Германии, став частью австрийских гау Нижняя Штирия, Каринтия и Крайна. Но после выхода Италии из войны вся Словения, большая часть населения которой поддерживала страны Оси, оказалась оккупирована германскими войсками. Фактически словенские националисты во главе с генералом Львом Рупником добились, что основная часть Словении фактически стала германским протекторатом, получив правительство во главе с Рупником, опиравшимся на отряды так называемой белой гвардии.

Сербия находилась под прямой германской оккупацией, но там функционировала местная сербская администрация во главе с генералом М. Недичем, и после войны Гитлер не исключал возможность создания союзного Рейху сербского государства. Банат, где немецкое меньшинство составляло почти пятую часть населения, имел особый статус и фактически напрямую подчинялся германским оккупационным войскам. Также и область Косово-Метохия имела особый статус, лишь формально входя в состав Сербии. Албанскому населению здесь был предоставлен ряд привилегий, и были открыты школы с преподаванием на албанском языке. Зона же итальянской оккупации Косово-Метохии была соединена с Италией.

В целом в Югославии на стороне немцев выступали словенцы, хорваты, боснийские мусульмане и албанцы (территория, населенная македонцами, была присоединена к Болгарии, где, кстати, в конце войны была сформирована болгарская дивизия СС). Против них в составе коммунистической партизанской

армии Иосипа Броз Тито сражались большинство сербов (особенно тех, кто жил в Хорватии и Боснии) и практически все черногорцы, а также часть македонцев. Кроме того, в рядах партизан сражались немало боснийских мусульман и хорватов. На территории Албании немцы сформировали целую албанскую дивизию СС «Скандербег». Албанцы же Югославии сражались в основном в рядах албанских коммунистических партизан под руководством Энвера Ходжи. По этой же линии во многом продолжалось противостояние и во время югославских войн 1990-х годов.

Финны в меньшей степени считались союзной нацией, поскольку вели свою «отдельную» войну против СССР, лишь по необходимости взаимодействуя с немецкими войсками. Но финнам, как представителям германского народа, позволялось вступать в германские части СС в качестве добровольцев вместе с норвежцами, датчанами, а также шведами, швейцарцами, голландцами, фламандцами, валлонами и испанцами.

Относительно французов Альфред Розенберг утверждал, что «в ходе борьбы против соседей французская нация потеряла много крови, в результате чего произошло изменение характера французов». Более или менее подходящий элемент, по его мнению, остался в Северной Франции, и особенно в Нормандии, которую даже можно назвать «маленькой Германией». Гитлер же презрительно именовал Францию «африканским мулатским государством». Расовая теория нацистов требовала биологической чистоты расы. Между тем как раз законы биологии говорят о том, что именно смешение малых рас дает более жизнеспособное потомство. Известно, например, что собаки-метисы гораздо лучше поддаются дрессировке

и приспособляются к условиям существования. Среди людей также насчитывается масса гениев, в расовом отношении представляющих собой метисов. За пределами далеко ходить не надо, достаточно вспомнить нашего национального поэта Пушкина, в чьих жилах текла негроидная кровь. Но нацистам расовая теория была нужна как орудие пропаганды, для сплочения немецкого этноса и изгнания или истребления «чуждых расовых элементов».

Устройство «Новой Европы» в идеале мыслилось следующим образом. Великогерманский Рейх должен был включать в себя Германию в границах конца 1938 года (с аннексированными Австрией и Судетами) с дополнительным включением в ее состав протектората Богемия и Моравия, Эльзас-Лотарингии и перечисленных выше польских территорий, а также Мемеля. Остальная польская территория в составе «генерал-губернаторства» (с включением Белостокского округа и Восточной Галиции со Львовом) должна была стать колонией Рейха.

В протекторатах Богемия и Моравия, Дания и Норвегия функционировали местные правительства, которым подчинялись органы местного самоуправления, полиция и даже небольшие национальные вооруженные силы, насчитывавшие, например, в чешских землях около 7 тыс. человек. Правда, в 1943 году, с ухудшением военной обстановки, права местных властей в протекторатах были существенно урезаны. А в протекторате Богемии и Моравии это произошло еще в начале 1942 года. Чешское правительство фактически уже не заседало как единый орган, а его прежний глава А. Элиаш был казнен по подозрению в связях с союзниками. В 1943 году был распущен совет Национального единства — маррионеточный чешский парламент. Во всех протекто-

ратах ключевые министерства возглавили немцы, и на их территории стали действовать германские суды. А в Дании в марте 1943 года даже прошли свободные парламентские выборы — единственные в оккупированной Европе, на которых победили умеренные коллаборационисты, а не откровенно фашистская партия. Это ускорило введение в августе 43-го чрезвычайного положения с фактическим переходом власти к командованию германских оккупационных войск.

Вокруг Рейха также должен был быть создан пояс «буферных» государств, целиком зависимых от Германии и дружественных ей, поскольку создавались они родственными германскими народами. В их число планировалось включить Норвегию, Данию и Голландию в довоенных границах. Бельгию предполагалось разделить на два государства. К бельгийской Фландрии предполагалось присоединить французскую Фландрию — департаменты Нор и Па-де-Кале и создать Фландрское государство. Валлония же должна была объединиться с северо-восточной Францией. Оставшаяся часть Франции должна была стать независимым государством под руководством союзного Рейху правительства маршала Петена. Судьба Люксембурга оставалась сначала неопределенной — то ли сохранить Великое герцогство как «буферное» германское государство, то ли включить его в состав Рейха. Но уже в августе 1940 года был взят курс на аннексию Люксембурга, на который было распространено действие германских законов, и все административные должности заняли немцы — как местные, так и приезжие.

На положении колоний-рейхскомиссариатов должны были остаться и занятые вермахтом советские территории — Остланд (с включением Прибал-

тики и Белоруссии), Украина и Крым. При этом Трансильвания (район Одессы и междуречье Днестра и Южного Буга) отходила к Румынии, а Карелия — к Финляндии. Предполагалось также создать рейхскомиссариат Кавказ, с включением как Северного Кавказа, так и Закавказья, но так как Северный Кавказ оставался зоной боевых действий, а Закавказье немцам захватить не удалось, этот комиссариат так и не был создан. Допускалось также создание еще одного комиссариата в Поволжье, а также рейхскомиссариата «Центральная Россия», однако до практической реализации дела не дошло, так как соответствующие регионы оставались зоной боевых действий. Эти территории подлежали, как и генерал-губернаторство, постепенной германизации за счет немецких переселенцев и местных фольксдойче (этнических немцев). Арийские народы на этой территории должны были либо германизироваться, либо сохранить свою самобытность. Славяне подлежали, в зависимости от расовых характеристик, либо германизации, либо депортации в неоккупированную часть России, на Урал и далее. Часть из них могла остаться на оккупированных территориях для выполнения той работы, от которой отказались бы немцы и их союзники. Численность славян не должна была возрастать более определенных величин и регулироваться путем голода и репрессий.

На оккупированной советской территории на различном уровне германские военные и оккупационные власти делали попытки наладить отношения с местным населением. Например, 25 октября 1941 года главнокомандующий германской сухопутной армией фельдмаршал Вальтер фон Браухич утвердил инструкцию по борьбе с партизанами, где говорилось:

«Борьба с партизанами значительно облегчится, если немецким войскам удастся разумным и справедливым обращением с населением завоевать доверие последнего и твердыми энергичными мерами показать жителям превосходящую силу германской армии, способной взять их под свою защиту». А 10 апреля 1943 года начальник СС и полиции в Белоруссии Курт Готтберг на совещании в Минске заявил: «Карательные экспедиции с целью тотального уничтожения целиком и полностью ошибочны. Тогда стреляют не в тех, в кого нужно, а в безвинное население. Когда убивают стариков, женщин и детей, поджигают деревни, то население говорит, что немцы хуже, чем большевики, и женщины убегают в женские батальоны бандитов». В большинстве районов подобное осталось на уровне деклараций. В целом же в тех случаях, когда власть осуществляло командование вермахта, то оно обычно было более гуманным по отношению к местным жителям, чем оккупационные власти, представленные чинами СД и СС.

Значительно повредило немцам то, что на большей части советской территории они сохранили колхозы и совхозы, считая, что таким образом будет гораздо легче изымать продовольствие для нужд германской армии. Например, 18 ноября 1942 года в разведсводке IV управления НКВД «О положении в оккупированных противником районах Сталинградской и Ростовской областей, Северного Кавказа и Калмыцкой ССР» отмечалось: «В изданных германским командованием приказах объявлено, что колхозы, совхозы и МТС являются теперь собственностью германской армии. Колхозное и государственное имущество не подлежит никакому разделу. Колхозники и рабочие совхозов и МТС превращают-

ся... в рабочую силу, работающую под надзором и руководством германских военных властей».

Частная собственность на землю сохранялась только в Прибалтике, в казачьих районах и в горских районах Северного Кавказа. Другие территории, прежде всего некоторые территории Украины и Крым, должны были стать после войны районами новой германской колонизации. Отсутствие здесь частной собственности на землю, прежде уничтоженной большевиками, должно было облегчить этот процесс.

На совещании 16 июля 1941 года Гитлер особо подчеркнул: «Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германского Рейха...

В основном дело сводится к тому, чтобы получить огромный пирог, с тем чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли им, в-третьих, использовали его.

Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Это имеет и свои преимущества: партизанская война дает нам возможность истреблять всех, кто против нас...

Создание военной державы западнее Урала (независимой от Германии. — Б. С.) никогда снова не должно встать в повестку дня, даже если нам придется воевать для этого сто лет. Все мои последователи должны знать: Рейх будет в безопасности только в том случае, если западнее Урала не будет чужих войск. Защиту этого пространства от возможных опасностей берет на себя Германия. Железным законом должно быть: «Никому, кроме немцев, не дозволяется носить оружие!»

Вместе с тем местные немцы (фольксдойче) в Литве, Белоруссии и на Украине не пользовались особыми привилегиями. Их положение было, безусловно, лучше, чем коренного местного населения, в частности, за счет специально выдаваемых им дополнительных продовольственных карточек, но хуже, чем даже германских народов, вроде голландцев. С точки зрения расовой теории эта часть фольксдойче была подозрительной, поскольку их предки активно смешивались с неарийскими народами. Советских фольксдойче в вермахте в основном использовали как солдат и унтер-офицеров, им не очень охотно присваивались офицерские звания, а звания от майора и выше им, равно как и прибалтийским немцам, присваивались только по личному распоряжению Гитлера.

Российская империя была колониальной державой. Народы Кавказа и Средней Азии, видя в Советской власти наследницу империи, не прекращали борьбу и в 20-е, и в 30-е годы, в основном под исламскими и сепаратистскими лозунгами. Закономерно, что кавказские горцы германские войска встретили как своих освободителей. Немцы, со своей стороны, вели политику, отличную от политики на территориях славянских народов СССР. Здесь распускались колхозы, а немецкие оккупационные власти не вмешивались в традиционный уклад жизни горских народов. Немцы шли на Кавказ под лозунгами: «Немецкие солдаты — ваши братья! Переходите на их сторону и помогайте им! Да здравствует свободный Кавказ под защитой Великой Германии Адольфа Гитлера!» Подобным же образом в казачьих областях Юга России восстанавливалось традиционное казачье самоуправление, а земля передавалась казакам. Также и в Прибалтике, где не было колхозов, земля осталась у крестьян и сохрани-

лось местное самоуправление. Ни того, ни другого не было в славянских районах. Колхозы сохранялись под тем предлогом, что с их помощью легче снабжать действующую армию, а местное самоуправление давно разрушено большевиками и русские, белорусы и украинцы не имеют опыта такого самоуправления.

Справедливости ради необходимо заметить, что о преступлениях Гитлера те же карачаевцы или балкарцы, преподнесшие Гитлеру золотую сбрую, не имели ни малейшего понятия. Издававшаяся в Берлине газета северокавказских коллаборационистов «Газават» выходила под лозунгом «Аллах над нами — Hitler с нами». «Газават» публиковал очерки истории Сопротивления Советам на Кавказе. Так, в номере от 11 августа 1943 года в передовице «Мы отомстим!» некто Гобашев задавал товарищам по борьбе риторический вопрос: «Не нам ли мстить, когда наш родной Кавказ за годы большевистской ежовщины похоронил в тюрьмах НКВД 46 000 лучших своих сынов, наших братьев и отцов».

В июне 1941 года в горах Кавказа прозвучала радостная весть: Германия начала войну против большевиков, Германия протягивает руку братской помощи угнетаемым большевиками народам Восточной Европы. Опустели аулы Карачая. Сотни, тысячи карачаевцев ушли в горы и там под руководством Кады Байрамукова организовали повстанческие отряды. Крупнейший из этих отрядов, непосредственно руководимый Кады, вскоре вырос до 400 человек.

Далее, когда фронт был еще далеко, карачаевцы-повстанцы уже вели мужественную борьбу против большевиков, которым приходилось держать в Карачае многочисленные гарнизоны. Когда же фронт приблизился к горам Кавказа, действия руко-

водимых Кады Байрамуковым повстанцев настолько активизировались, что они смогли отрезать для красных все пути отступления, в частности Клухорский перевал, через который несколько тысяч красных пытались уйти в Сванетию. Сотни убитых комиссаров (не во исполнение преступного гитлеровского приказа о ликвидации комиссаров, а из-за искренней ненависти к ним местного населения. — Б. С.), тысячи пленных красноармейцев, большие отары отбитого у отступающих большевиков скота, огромное количество воинского снаряжения и оружия — таковы были трофеи повстанцев. При активной помощи карачаевцев германские войска заняли Карачай обходным движением без единого выстрела. По тропинкам, известным только сынам гор, вошли германские солдаты-освободители в аулы.

Во время пребывания германской армии в Карачае Кады Байрамуков организовал борьбу с большевистскими бандами, скрывающимися в лесах, и многие из них были целиком уничтожены (на этот раз партизанило славянское население и красноармейцы-окруженцы. — Б. С.). Начался отход германской армии с Кавказа, и аулы Карачая опустели. Вместе с германской армией ушла большая часть горцев, ушел и Кады Байрамуков.

Теперь он возглавляет Карачаевское освободительное движение. Под его непосредственным руководством гордые сыны Карачая готовятся к борьбе с большевиками не на жизнь, а на смерть.

«Под священным знаменем «Газавата» мы или умрем, или снова вернемся в родной Карачай», — говорит Кады Байрамуков. И в его глазах горит непреклонная решимость. «Да, мы вернемся в наши аулы», — вторят вождю его испытанные друзья, ставшие под знамя «Газавата» — бойцы горского легиона.

Борьбу балкарцев против большевизма в эпоху коллективизации описал на страницах «Газавата» офицер горского легиона Я. Халаев, бывший колымский узник. Он рассказал о восстании, вспыхнувшем 17—18 февраля 1930 года в Чегемском и Эльбрусском районах: «На знамени восставших было «Долой коммунистов и колхозы!», «Да здравствует свободная жизнь в свободной Балкарии!»... На подавление восстания были вызваны отборные горные войска (за исключением мусульман-горцев) из Ростова-на-Дону, Орджоникидзе и других городов, и только 20 апреля 1930 года удалось жестоко подавить восставших. В Чегемском ущелье, под Су-Аузу, 19 балкарских «орлов» под командой Кулиева около двух недель сражались против двух эскадронов красных войск, и только отсутствие боеприпасов победило их. Отдельные войсковые группы жидов — Аркадина, Савицкого, Мурата и др., неся большие потери в людях, продолжали борьбу с партизанскими отрядами. Рассеять партизанские отряды удалось только путем жестокого издевательства над родными партизан (абреков). Последние, во имя спасения оставшихся в живых и влачивших жалкое существование родных, вынуждены были временно прекратить борьбу и пожертвовать собой. Парткомиссары, ссылаясь на статью Сталина «Головокружение от успехов», гарантировали свободу добровольно являвшимся партизанам. Но обещание свое не выполнили. В 1937—1938 годах они уничтожили обманутых, т. е. всех участников восстания, их пособников и вместе с ними ни в чем не повинных балкарцев. Но смирить балкарцев не удалось, балкарцы возненавидели коммунистов, колхозы и «остро отточенный меч» Сталина — ГПУ. Не горе, а злоба угнетала балкарских «орлов», и они усердно го-

товились к битве. Клятву, данную у могил павших сынов Балкарии, балкарские патриоты выполняли честно, а особенно активно в 1941—1942 годах с помощью освободительной армии Adolfa Hitler'a. Деятельность балкарских партизан — абреков и всего населения Балкарии хорошо известна германскому командованию».

Методы чекистов и красноармейцев в борьбе с горцами-партизанами ничем не отличались от тех, которые применяли немцы в борьбе с белорусскими и украинскими партизанами: захват в заложники и расстрел родственников повстанцев, сожжение непокорных аулов. В 1994 году и позднее так же действовал НКВД и против украинцев, поддерживавших УПА, и против «лесных братьев» Прибалтики.

Халаев привел пример гибели одного такого селения: «Тысячи балкарцев, кабардинцев, карачаевцев и других народов Северного Кавказа уничтожены большевиками в 1941—1942 годах за то, что они желали поражения Сталина. Осенью 1942 года только в одном балкарском селе В. Балкария большевики убили 575 мирных жителей, причем убиты только старики, женщины и дети, которые не могли скрыться в горах. Их жилища дотла сожжены бандами НКВД. Поводом для этой кровавой оргии послужило то, что жители этого села восстановили мечеть и молились в ней за победу немцев.

Эти зверства бледнеют по сравнению с тем, что творят теперь с беззащитным населением особые отряды НКВД в районах Северного Кавказа».

Но главные зверства были еще впереди. Тогда, в августе 43-го, безнадежную борьбу вели еще повстанцы Чечни и некоторых других районов. В «Газавате» приводились свидетельства одного горца, в июле

1943 года перебежавшего из Красной Армии к немцам, а ранее наблюдавшего агонию чеченского восстания: «Я в Грозном был 10 июня 1943 года. Там идет страшное побоище. Вся Чечня горит в огне. Аулы днем и ночью непрерывно бомбардируются советской авиацией. Все чеченцы изъяты из армии и возвращены в Чечню. Все чеченцы согнаны в 3 горных района, оцеплены красными войсками и обречены на гибель. Несмотря на неравенство сил, наши доблестные сыны гор — абреки ведут отчаянную борьбу за их освобождение».

Это была прелюдия депортации чеченцев в Казахстан в феврале 1944-го. В ходе этой депортации в Чечне появилась своя «огненная деревня» — аул Хайбах, где войска НКВД сожгли заживо более 700 женщин, стариков и детей.

Не избежали депортации также карачаевцы и балкарцы. Если в Чечне, до которой немецкие войска так и не дошли, под выселение попали как действительные участники партизанской борьбы, так и ни в чем не повинные мирные жители, то в Карачае и Балкарии жертвами депортации стали те, кто в лучшем случае сохранял нейтралитет или даже сотрудничал с Советской властью. Ведь все активные коллаборационисты покинули Балкарию и Карачай вместе с отступающей германской армией. Кстати сказать, им еще относительно повезло. После войны западные союзники выдавали мусульман Кавказа и Поволжья не столь активно, как русских, казаков и уроженцев Восточной Украины и Восточной Белоруссии. Те же, кто был выдан, либо расстреливались, либо отправлялись на 20 лет в ГУЛАГ. Выжили там немногие, хотя уцелевшие были освобождены по амнистии значительно раньше — в 1956 году. По утверждению английского

историка Николая Толстого, «в 1946 году на Западе находилось предположительно около 80 тысяч мусульман, и непохоже, чтобы их насильно репатриировали». Позднее многие кавказские мусульмане перебрались в Египет, Турцию, Сирию и другие исламские страны и больше уже никогда не вернулись на родину. Возможно, поэтому в последующие годы, вплоть до нашего времени, сепаратистские тенденции среди карачаевцев и балкарцев оказались выражены слабее, чем среди чеченцев. Ведь в спецпоселениях, где шансов выжить было все-таки больше, чем в исправительно-трудовых лагерях, оказались многие активные участники чеченского повстанческого движения. Некоторым партизанам удалось скрыться в высокогорье и избежать депортации. В результате в Чечне сохранилась преемственность традиции Сопrotивления, а в Карачае, Балкарии и Кабарде она была в определенной мере утрачена.

В марте 1943 года рейхскомиссариат Остланд был упразднен. Генеральный комиссар Белоруссии стал подчиняться непосредственно министру по делам восточных земель, а для Прибалтики была учреждена специальная рейхсрезидентура. Литва, Латвия и Эстония стали называться не генеральными округами, а землями, находящимися под защитой Германии. Подобная реформа должна была продемонстрировать местному населению намерение Германии расширить его права и возможность создания в будущем на этих территориях союзных с Германией государств, тем самым побудив его более активно вступать в коллаборационистские формирования. Тогда же, в связи с причислением восточных славян к арийцам, при генеральном комиссариате Белоруссии был создан Бе-

лорусский комитет доверия во главе с бывшим главой Белорусской рады и депутатом Польского сейма Радославом Островским (Астровским) — некий прообраз будущего белорусского правительства. Был также создан Союз белорусской молодежи и Белорусская краевая оборона, однако все эти образования получили поддержку местного населения лишь в западных районах Белоруссии, ранее входивших в состав Польши. С партизанским движением в Восточной Белоруссии БКО оказалась справиться не в состоянии. Крупные соединения партизан в этом регионе удалось ликвидировать только регулярным германским войскам в самый канун начала генерального наступления Красной Армии в Белоруссии в июне 1944 года.

В целом сильное партизанское движение существовало на оккупированной советской территории в Белоруссии, ряде регионов Украины, в Крыму, в Брянской и Смоленской областях. При этом на Западной Украине преобладали партизаны антисоветской Украинской повстанческой армии, которая боролась как с немцами, так и с советскими и польскими партизанами, а потом и с регулярными советскими частями. В других странах Европы партизаны были особенно сильны в Югославии, Польше, Албании, Греции и Италии. Во Франции также имелись партизаны — «маки», прежде всего в южных горно-лесистых департаментах, но размах партизанского движения значительно уступал итальянскому. По остроумному замечанию русского писателя Анатолия Гладилина, во Франции массовая запись в Сопротивление началась только после высадки в Нормандии. Но, несмотря на огромные трудности, создаваемые партизанами, немцам удалось контролировать основные магистрали в своем тылу и обеспечивать военные перевозки. Ни одна

крупная операция на фронте не была сорвана по срокам из-за действий партизан. По этому поводу, например, 17 сентября 1943 года капитан вермахта Вольфганг Фидлер писал из Могилева своему знакомому подполковнику: «Партизаны всюду и нигде... Взрывы на железной дороге, путях сообщения, диверсионные акты на всех имеющихся предприятиях, грабежи и т. д. не сходят с повестки дня... Партизаны все больше наглеют, так как у нас нет достаточного количества охранных войск, чтобы действовать решительно... На широких просторах господствуют партизаны. Удивительно, что мы еще довольно сносно обеспечиваем подвоз и снабжение фронта».

Вообще, в 1943 году произошло некое усреднение положения на всех оккупированных Германией территориях. В более либеральных протекторатах и «германских» странах Западной Европы режим постепенно ужесточался, а в Восточной Европе — смягчался, хотя на Западе положение населения все равно оставалось значительно лучше, чем на Востоке.

15 ноября 1942 года эвакуированная в Пятигорск ленинградка Елена Скрябина записала в дневнике: «Большая часть населения Пятигорска «приняла» немецкую оккупацию. Произошло это в основном потому, что немцы предоставили полную свободу частному предпринимательству. Процветают не только частные предприятия, но даже и отдельные коммерсанты: они пекут пирожки и продают их на рынках, предлагают свою продукцию в рестораны и кафе, работают в тех же ресторанах официантами и поварами, торгуют квасом и минеральной водой... В церквях идут службы, венчания, крещения... Открыты театры. Они всегда переполнены, и билеты нужно заказывать за несколько дней до спектакля».

В конце 1942 года Генштаб ОКХ издал приказ, регламентирующий использование русских добровольцев в частях вермахта. Там, в частности, говорилось: «Подбором добровольцев ведает штаб батальона. Он же принимает присягу на верность фюреру... Из добровольцев создаются строительный батальон, вспомогательные части по борьбе с партизанами и т. п., чтобы немецких солдат использовать в действующих частях... Ведется список добровольцев, принявших присягу, и регистрация учетных карточек в батальоне... На каждого добровольца составляется анкета. Добровольцы идут к нам, чтобы создать себе лучшие условия в настоящем и будущем, а поэтому необходимо создавать для них лучшие жизненные условия. Воспитывать их в духе борцов с большевизмом. Прививать им «воинскую гордость» (путем выдачи обмундирования и знаков различия). Немецкий солдат должен быть образцом для добровольцев. Младший комсостав специально подбирать для обслуживания добровольцев. Препятствовать панибратству. Немецкий солдат должен оставить за собой превосходство, но в то же время проявлять заботу о добровольцах. Добровольцев, говорящих по-немецки, назначать доверенными лицами... Дисциплинарные взыскания на добровольцев накладывать как на немецких солдат (денежные взыскания не налагать)... Самым большим наказанием должно быть направление в лагерь для военнопленных (бывших гражданских лиц направлять в гражданский лагерь)». В приказе также подчеркивалось, что «вооружение добровольцам выдается не всегда», и запрещалось ставить их на охрану складов оружия и боеприпасов. Добровольцы получали весьма скромное содержание — от 30 до 42 марок в месяц, расквартировывались отдельно от немцев —

совместного проживания с «недочеловеками» расовая теория не допускала, да и опасались немцы своих вынужденных союзников. Зато продовольствием «хи-ви» (Hilfswillige — «добровольные помощники») обеспечивались наравне с немецкими солдатами. Только вот немецкую форму им выдавали далеко не всегда, да и то часто старую.

Как отмечает немецкий историк К.Г. Пфедфер, «добровольные помощники» «оказывали нашим войскам очень большую помощь... Принимая во внимание трудности, создаваемые партизанской войной, можно сказать, что немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение длительного времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам». Как и в Югославии, на советской территории основную тяжесть борьбы с партизанами несли не немцы, а местные коллаборационистские формирования.

Следует отметить, что «хи-ви» и другие бойцы вспомогательных немецких формирований служили Гитлеру не только для того, чтобы не умереть с голоду, но и благодаря своим давним антисоветским убеждениям. Так, 7 декабря 1942 года Особый отдел Сталинградского фронта направил заместителю наркома внутренних дел Виктору Абакумову донесение с выдержками из писем казаков, служащих в немецкой армии, своим родным. Один из них, Семен Ларин, сообщал отцу: «Имею право гордиться, что нахожусь в германской армии солдатом, числюсь как донской казак. По мобилизации не воевал, сразу пошел на сторону германской армии. Вообще у красных не воевал ни одной минуты...» Ларин и другие казаки были объявлены во всесоюзный розыск.

А в 1943 году казакам было разрешено приносить присягу на верность фюреру, причем автором текста присяги был атаман Всевеликого Войска Донского в Гражданскую войну генерал Петр Краснов. Казаки обещали: «Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови...

В поле и крепостях, в окопах, на воде, на воздухе, на суше, в сражениях, стычках, разъездах, полетах, осадах и штурмах буду оказывать врагу храброе сопротивление и все буду делать, верно служа вместе с Германским воинством защите Новой Европы и родного моего войска от большевистского рабства и достижению полной победы Германии над большевизмом и его союзниками».

В полку русских добровольцев «Вейзе» присягали несколько иначе: «Я клянусь перед Богом этой святой клятвой, что я в борьбе против большевистских врагов моей родины буду беспрекословно подчиняться верховному главнокомандующему всеми вооруженными силами Адольфу Гитлеру и как храбрый солдат в любое время готов отдать свою жизнь за эту клятву».

Перелом в настроениях тех, кто выступал на стороне Германии, произошел только в конце 1942 года, после поражений, которые страны Оси потерпели под Сталинградом и в Северной Африке. В германских донесениях с тревогой отмечалось, что уже с 20-х чисел ноября 1942 года в связи с известиями о поражениях немцев в Северной Африке и под Сталинградом наблюдался значительный рост дезертирства из коллаборационистских формирований.

Следует подчеркнуть, что по отношению к ряду свежее испеченных советских граждан, проживавших на территориях, присоединенных к СССР только в 1939—1940 годах, термин «коллаборационизм» вообще утрачивает смысл. Для литовцев, латышей, эстонцев, жителей Западной Украины и Белоруссии, а также Бессарабии Советская власть и Красная Армия были оккупантами, и с тем же основанием коллаборационистами могли называться те латыши, эстонцы или украинцы, которые сотрудничали с советскими войсками и НКВД. Литовцам так и не дали сформировать дивизию СС, поскольку они считались слишком тесно смешанными с неарийским народом — поляками. Зато эстонцы сформировали дивизию СС, а латыши — даже две, которые вплоть до середины 1944 года сохраняли высокую боеспособность. Только после высадки союзников в Нормандии прибалтийские эсэсовцы, питавшие утопическую надежду, будто в Прибалтике высадятся англо-американские войска, утратили желание сражаться, хотя и оказывали сопротивление наступающей Красной Армии в Курляндском котле. Всего же с учетом «хи-ви», охранных подразделений, полицейских батальонов, двух латышских, эстонской, галицийской, белорусской дивизий СС, РОА, русской дивизии СС «РОНА», а также многочисленных отдельных специальных частей, 162-й пехотной дивизии, сформированной из турецких народностей, северокавказского, грузинского, армянского, тюркского, поволжского легионов СС, казачьих корпусов генералов Краснова фон Панивица и казачьего походного стана генерала (бывшего советского майора) Доманова в вермахте служило от полутора до двух миллионов советских граждан.

Коллаборационизм был распространен не только среди советских, но и среди немецких военноплен-

ных (хотя никто из последних не сражался на стороне Красной Армии с оружием в руках). Вот, например, 9 января 1943 года командующий окруженной в Сталинграде 6-й немецкой армией генерал Фридрих Паулюс издал следующий приказ: «Русские предпринимают неоднократные попытки войти в соглашение с армейским командованием или нижестоящими подразделениями... Различными обещаниями и заверениями они хотят сломить нашу волю к сопротивлению. Все мы знаем, что нас ждет, если армия сложит оружие. Большинству из нас грозит неминуемая смерть или от вражеской пули, или от голода и страданий в кошмарном сибирском плену. Ясно одно — кто сдастся в плен, своих близких уже не увидит. Для нас остается одно — бороться до последнего патрона, несмотря на холод и голод». Три недели спустя армия капитулировала.

А 26 октября 1944 года тот же Фридрих Паулюс, только уже находясь в советском плену, поставил свою подпись под обращением к немецким солдатам, где говорилось: «Наглой ложью является утверждение г-на Гимmlера о том, что с немецкими солдатами в русском плену обращаются бесчеловечно, что с помощью кнута и под дулом револьвера их заставляют выступать с пропагандой против своего отечества. В Советском Союзе с военнопленными обращаются гуманно и корректно...» Надо думать, в тот момент Паулюс не знал, что почти никого из сдавшихся в плен солдат 6-й армии уже нет в живых, а ему самому придется испытывать русский «гуманизм» еще в течение 9 лет. Из 90 с лишним тысяч пленных домой вернулось только 5 тысяч человек. Паулюс, как и большинство пленных генералов, пережил войну и умер в 1957 году в Дрездене.

6 октября 1943 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, выступая в Познани перед рейхсляйтерами и гауляйтерами, так отозвался о генерале Власове: «Мы сказали этому генералу примерно следующее: то, что назад вам пути нет, вам, вероятно, ясно. Но вы — человек значительный, и мы гарантируем вам, что, когда война кончится, вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время — вот вам шнапс, сигареты и бабы. Вот как дешево можно купить такого генерала... Россия может быть побеждена только русскими. И эта русская свинья г-н Власов предлагает нам для этого свои услуги».

А 14 ноября 1944 года в Праге с разрешения немецких властей был создан Комитет освобождения народов России во главе с генералом Власовым. В манифесте КОНР главными целями провозглашались «прекращение войны и заключение почетного мира с Германией» и «создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров». В манифесте также говорилось: «Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием». В реальность их достижений, когда Красная Армия стояла на Висле и у границ Восточной Пруссии, не верил, конечно же, ни один из авторов манифеста.

Но чем же принципиально отличались фельдмаршал Паулус, председатель «Союза свободных немец-

ких офицеров» генерал Зейдлиц и другие члены этого «Союза» и комитета «Свободная Германия», созданных по инициативе НКВД и НКГБ, от генералов Власова, Малышкина, Русской Освободительной Армии и Комитета Освобождения? И те, и другие пошли на сотрудничество с врагом прежде всего для того, чтобы избавиться от тягот плена, и, осознав, что их карьера в своей армии закончена, пытались изыскать возможность для иной, политической карьеры. И те, и другие с помощью одного тоталитарного государства стремились бороться против другого тоталитарного государства, не менее омерзительного и действительно внушавшего им в тот момент отвращение. Только при этом и тем и другим приходилось закрывать глаза на преступления своих тоталитарных хозяев. Были в составе «Свободной Германии» и КОНРа люди убежденные — антикоммунисты и антифашисты, еще до войны боровшиеся против, соответственно, Советской власти и национал-социалистического государства. В КОНРе к их числу относились, например, бывший полковник Красной Армии и генерал РОА Мальцев, отведавший до войны ГУЛАГа, казачьи генералы Краснов и Шкуро, в «Свободной Германии» — коммунисты Пик и Ульбрихт. Но не они численно преобладали в этих организациях, рекрутировавшихся в первую очередь из военнопленных. Правда, Советский Союз оказался среди победителей, а Германия была побеждена — вот и вся разница. И судьба была у советских и немецких коллаборационистов разная. Власов и большинство руководителей РОА и КОНР были повешены. Паулюс и Зейдлиц уцелели, но оказались обмануты своими хозяевами. Паулюс надеялся, что его отпустят на родину, к семье, сразу после окончания войны. А его на всякий случай

продержали в плену, пусть и в комфортабельных условиях, аж до 1953 года. Только когда узник перенес инфаркт, его решили все-таки репатриировать в ГДР, поскольку смерть фельдмаршала, столь активно использовавшегося в пропагандистских целях, произвела бы негативное воздействие на немецкую общественность. Зейдлиц же рассчитывал на важный политический или военный пост в послегитлеровской Германии. Вместо этого в 1950 году его за мнимые военные преступления приговорили к 25-летнему заключению. Правда, в 1955 году его освободили и репатриировали в ФРГ, где мало кто из бывших коллег готов был подать ему руку. Вероятно, если бы победил Гитлер, примерно такая же участь ждала Власова, Жиленкова, Малышкина, Трухина и других генералов РОА. Сталин не верил Зейдлицу и Паулюсу, а Гитлер не верил Власову. Характерно, что в США и Англии таких коллаборационистских формирований, как КОНР и «Свободная Германия», не создавали. Была там, правда, «Свободная Франция», но это было другое — скорее что-то вроде правительства в изгнании, по типу польского правительства в Лондоне. Это были правительства союзников, территории которых были захвачены врагом. Тут играли свою роль два фактора. Во-первых, в западных странах неприятельские пленные были защищены Женевской конвенцией и потому не проявляли склонности к коллаборационизму. Во-вторых, не в американских и британских традициях было столь явное нарушение обычаев войны, как создание альтернативного правительства по отношению к государствам-противникам. Кстати, начало этой практике положил Сталин, одновременно с нападением на Финляндию создав на советской территории марионеточное правитель-

ство «Финской Демократической Республики» во главе с Отто Куусиненом, а еще раньше — Ленин, при вторжении Красной Армии в Польшу в 1920 г. создавший Польский ревком во главе с Юлианом Мархлевским.

Третий Рейх и мистика

До сих пор Третьему Рейху, Гитлеру, Гиммлеру, СС, национал-социалистической партии придают некое мистическое значение. Слишком многих современников и потомков настолько потрясли преступления, совершенные созданным Гитлером государством, что они отказывались видеть в деяниях нацистов здравый смысл и связывали действия нацистов с влиянием потусторонних сил. При этом, однако, как справедливо утверждал германский историк Иоахим Фест, «представление о Гитлере как о человеке инстинкта, шедшем своим путем с уверенностью ясно-видящего или же — им самим употреблявшееся выражение — «как сомнамбула», упускает из виду рациональность и хладнокровие, которые лежали в основе всего его поведения и которые обеспечили его восхождение в не меньшей степени, чем все его способности медиума. Так, надо принять во внимание его необычайную способность обучаться... Большому, чем у своих кумиров и соратников, он научился у своих противников... Наиглавнейшему он научился у марксизма». Сам Гитлер признавался Раушнингу: «Я многому научился у марксизма... Но не этому скучнейшему учению об обществе и не материалистическому взгляду на историю, этой абсурдной чепухе... Я научился их методам».

Вместе с тем надо признать, что его соратники верили в Гитлера как в новоявленного мессию. За не-

сколько дней до смерти Дитрих Эккарт, мистически настроенный журналист, поэт, автор боевого лозунга нацистов: «Германия, проснись!», писал одному из соратников: «Следуйте за Гитлером! Он будет танцевать, но это я нашел для него музыку». А Гитлер в «Моей борьбе» признавал большую степень влияния на себя личности Эккарта и так писал о нем: «Все сторонники и борцы нашего учения должны идти по стопам этих героев (погибших во время мюнхенского путча; сам Эккарт умер через полтора месяца после путча, от инфаркта. — Б. С.), пожертвовавших собой в полном сознании величия наших целей. Эти герои послужат примером всем поколебавшимся, всем ослабевшим. Их дела зовут каждого из нас к исполнению долга, как умели выполнить свой долг до самого конца эти передовые бойцы. К этим героям я причисляю и того человека, кто сумел послужить делу возрождения нашего народа как поэт, как мыслитель и, наконец, как боец. Его имя Дитрих Эккарт».

Соратники наделяли Гитлера мистическими и мессианскими свойствами. Фюрер, как и папа римский, был объявлен абсолютно непогрешимым. Так, Рудольф Гесс провозглашал: «С гордостью мы видим, что есть один человек, который находится вне критики. Это — фюрер. Все мы чувствуем и сознаем: он всегда прав и всегда будет прав. Наш национал-социализм зиждется на полной лояльности и молчаливом исполнении его приказов. Мы верим, что фюрер повинуется высшему зову, требующему изменения курса германской истории. Нет и не может быть никакой критики этой веры».

Мистика в национал-социалистическом учении присутствовала, но совсем не в той дозе, как полагают авторы многочисленных публикаций на тему «Тре-

тий Рейх и оккультизм». Она была связана с расовой доктриной национал-социализма и ее главным тезисом учения о «крови и почве», не выводимым ни из каких рациональных оснований. В «Мифе XX века» Альфред Розенберг писал: «Сегодня рождается новая вера: миф крови. Соединив веру и кровь, мы отстаиваем божественную природу человека, его целостность... Нордическая кровь и есть та материя, которая должна заменить и преодолеть все старые таинства». А Генрих Гиммлер был одержим идеей отобрать в ряды СС только совершенных в расовом отношении индивидов. Он еще 31 декабря 1931 года издал приказ, где, в частности, говорилось: «СС — это избранный с определенной точки зрения союз нордически запрограммированных мужчин». В связи с тем, что «будущее народа зависит от отбора и сохранения расово и наследственно здоровой крови», рейхсфюрер ввел обязательное разрешение на брак для всех членов СС, которое должно даваться «только исходя из принципа наследственного здоровья», в целях «создания наследственно здоровых родов, представляющих ценность с точки зрения запрограммированного германского типа».

Гитлер мечтал о создании «национально ориентированной», «истинно германской» церкви, готовой оправдать все положения расовой теории, противоречащие христианскому учению. Под давлением национал-социалистов и при активном участии симпатизировавшей им фракции «немецких христиан» синод евангелической церкви в Германии избрал 27 сентября 1933 года пастора Кенигсбергского военного округа Людвига Мюллера «епископом Рейха». Гитлер потребовал от него создать евангелическую автокефальную «Церковь Рейха», но эта затея прова-

лилась, встретив противодействие большинства германских лютеран.

В целом же Гитлер и большинство нацистских лидеров, если и не были чистыми атеистами, то, по крайней мере, в своих убеждениях не имели ничего общего с христианством и лишь терпели христианство, лучше относясь к протестантам, как более «национально ориентированным», и хуже — к католикам, так как последние подчинялись папе римскому, неподвластному фюреру. 13 декабря 1941 года Гитлер с гордостью заявил: «У меня шесть дивизий СС, ни один из этих солдат не ходит в церковь, и, тем не менее, они со спокойной душой идут на смерть». Поэтому-то на ременных пряжках эсэсовцев было выгравировано не «С нами Бог», как у солдат вермахта, а «Моя честь — верность». Хотя со временем в войсках СС (например, во французской дивизии СС «Шарлемань») имелись католические священники. Церковь была для нацистов скорее неизбежным злом, чем институтом, который стоит приветствовать. Гитлер вынужден был считаться с тем, что подавляющее большинство немцев были приверженцами различных христианских конфессий. В «Моей борьбе» он писал: «В нашем мире религиозные люди не могут обойтись без догматических обрядностей. Широкие слои народа состоят не из философов: для массы людей вера зачастую является единственной основой морально-нравственного мирозерцания... Если мы хотим, чтобы религиозные учения и вера действительно господствовали над умами широких масс народа, мы должны добиваться того, чтобы религия пользовалась безусловным авторитетом... Сотни тысяч более высокоразвитых в умственном отношении людей отлично прожили и без этих условностей. Для миллио-

нов же людей эти условности совершенно необходимы... Только благодаря догмату религиозная идея, вообще говоря, поддающаяся самым различным истолкованиям, приобретает определенную форму, без которой нет веры... Политику приходится прежде всего думать не о том, что данная религия имеет тот или другой недостаток, а о том, есть ли чем заменить существующую, пусть и не вполне совершенную религию. И пока у нас нет лучшей замены, только дурак и преступник станет разрушать старую веру».

В «застольных беседах» в Ставке осенью 1941 года Гитлер утверждал, что «партия хорошо делает, что не вступает ни в какие отношения с церковью. У нас никогда не устраивались молебны в войсках. Пусть уж лучше — сказал я себе — меня на какое-то время отлучат от церкви или предадут проклятию. Дружба с церковью может обойтись очень дорого. Ибо, если я достиг чего-либо, мне придется во всеуслышание объявить: я добился этого только с благословения церкви. Так я лучше сделаю это без ее благословения, и мне никто не предъявит счет...

Христианский тезис о загробном мире я ничем не могу заменить, поскольку он совершенно несостоятелен. Но вера в вечную жизнь имеет под собой определенные основания. Ум и душа возвращаются в общее хранилище, как, впрочем, и тело. Мы ляжем удобрениями в почву, на которой появится новая жизнь. Я не хочу ломать голову в поисках ответов на вопросы «почему?» и «отчего?». Все равно нам не дано проникнуть в глубину души.

Если и есть бог, он дает не только жизнь, но и способность познания. И если я с помощью данного мне богом разума регулирую свою жизнь, то могу ошибаться, но не солгу.

Переселение тел в загробный мир невозможно хотя бы уже потому, что каждый, кто был бы вынужден взирать сверху на нас, испытывал бы страшные муки: он бы просто бесился от ярости, видя те ошибки, которые непрерывно совершают люди...

Я стремлюсь к такому порядку вещей, когда каждый твердо бы знал о себе: он живет и умирает во имя сохранения своей расы. Задача состоит в том, чтобы воспитать в людях высочайшее уважение к тем, кто особенно отличился в борьбе за выживание расы».

Мистическая вера в великую историческую миссию германского народа служила оправданием любым жестокостям. Гитлер говорил Раушнингу: «Мы вынуждены быть жестокими. Мы должны вернуть себе способность к совершению жестокости с чистой совестью. Только так мы можем освободить наш народ от слабоволия и сентиментального филистерства, от этой любви к «уютю» и к блаженному сидению за вечерней кружкой пива. У нас больше нет времени на прекрасодушие. Мы должны заставить свой народ стать великим, поскольку ему выпало на долю исполнить свою историческую миссию».

Адъютант Гитлера фон Белов свидетельствовал: «За годы моей службы я не раз задумывался над тем, крещен ли Гитлер по католическому обряду и вырос ли он в обычаях своей церкви, чувствует ли он себя с ней связанным. Никаких признаков религиозной набожности я в нем никогда не наблюдал, равно как и преисполненной ненависти антирелигиозной настроенности, скажем, того же Бормана, примитивность и неотесанность которого, проявлявшиеся не только в этом, постоянно действовали на меня отталкивающе.

Не сомневаюсь, что Гитлер по-своему верил во всемогущество бога, но это отнюдь не делало его смиренноподчиненным. И в своих политических действиях и в отношении, например, к евреям или «славянским недочеловекам», он не чувствовал себя связанным никаким нравственным законом, а был убежден в том, что должен постоянно поступать в интересах немецкого народа и, более того, в согласии с Провидением». Точнее не скажешь.

Мистика использовалась Гитлером и его партией главным образом для нужд пропаганды. Как отмечает И. Фест, «как «чудо» и «сказку» национал-социалисты... принялись восхвалять так называемый «захват власти». Специалисты по пропаганде обожали слова из области магии, с их помощью они пытались придать событию ореол сверхъестественности и святости».

Как только Гитлер вышел из дворца Гинденбурга, получив вожденный пост рейхсканцлера, он торжественно заявил, что, с божьей помощью, больше не позволит отторгнуть себя от власти. И уже вечером 30 января 1933 года правительство приняло решение о роспуске рейхстага и проведении новых выборов. Затем последовал поджог рейхстага и террор против оппозиционных партий. А с 7 часов вечера до полуночи 30 января через Бранденбургские ворота прошли в грандиозном факельном шествии 25 тыс. членов НСДАП и «Стального шлема» — организации ветеранов Первой мировой войны.

Подавляющее большинство легенд, связанных с темой «Оккультные и мистические тайны Третьего Рейха», восходит к книге французских журналистов Жака Бержье и Луи Повеля «Утро магов», впервые вышедшей в Париже в 1964 году. Они утверждали, в частности, будто «магический дух фашизма вооружился

всеми рычагами материального мира. Ленин сказал, что Советская власть плюс электрификация всей страны есть социализм. Нацизм в своем роде — это магия плюс танковые дивизии». Подкрепляется данный тезис следующими фактами. Как подчеркивают авторы «Утра магов», «нацизм шумно и открыто объявил себя врагом интеллектуализма. Нацисты жгли книги, придавая этому неслыханному в современной Европе насилию над мыслью характер мрачного, давящего на воображение церемониала. Нацисты выбросили крупнейших ученых в ряды своих «жидо-марксистских» и «еврейско-либеральных» врагов. Это знает каждый. Куда менее известны космогонии, во имя которых нацизм отверг официальную западную науку. И еще менее известны, или совсем неизвестны, религиозные концепции, на которые опирался нацизм, вернее — некоторые его вожди. Но только познание этой скрытой сути нацизма позволяет рассматривать Вторую мировую войну как подлинный великий духовный конфликт.

«Нас проклинаят как врагов духа, — говорил Гитлер. — Да, мы такие, но только в том более глубоком смысле, который не может постичь буржуазная наука в своей идиотской гордыне».

Но попытки Бержье и Повеля связать Гитлера и других вождей Третьего Рейха с какими-то тайными оккультными обществами ничего, кроме улыбки, вызвать не могут. Так, они указывают, со ссылкой на германского ученого-ракетчика Вильгельма Лея, бежавшего из Рейха в 1933 году, что в Берлине существовало тайное общество поклонников романа английского писателя Бульвера-Литтона «Раса, которая превзойдет нас». Там описаны люди, психика которых достигла высшей стадии эволюции: «они будут обладать властью над миром и над собой, которая

сделает их равными богам, а сейчас сверхлюди таятся под землей в глубоких пещерах и скоро появятся, чтобы править человечеством». Члены общества, по словам д-ра Лея, «обладают некоторыми секретными способами изменения расы, применяя которые можно уподобиться подземным сверхлюдям. Для трансформации такого рода у членов общества существует система психических упражнений. Начинают с фиксирования взгляда на яблоке, разрезанном пополам». У Гитлера же, по уверению авторов «Утра магов», «мы найдем мысль о мутации нации», и он будто бы разделял убеждения о существовании «Высших Неизвестных», и, «более того, Гитлер считал, что у него были личные контакты с «Высшими». А что, если Гитлер просто прочел роман Бульвер-Литтона, или какой-нибудь другой, похожий, например, «Пищу богов» Герберта Уэллса? И вообще мотив расовых мутаций, порчи или улучшения крови — это общее место едва ли не всех расовых теорий, равно как и представление о Высших существах, вообще достаточно распространенное в мировой философии и литературе, и Гитлер здесь совсем не исключение. Но уж на этом основании причислять фюрера к какому-либо тайному обществу можно только в фантастических романах. Книга Бержье и Повеля и есть фактически такой роман, где фантазия авторов выстраивает исторические факты и слухи о разного рода событиях.

В «Утре магов» немало и других забавных пассажей. Например, утверждается, будто работы по доводке ракет «Фау-2» на полигоне в Пенемюнде «были прерваны на время... пока проверялось, как будет реагировать в пространстве «вечный лед» и не отразится ли насилие над стратосферой какими-либо бедствиями на Земле». А потом Гитлера будто бы посетило видение, что либо ракеты непременно отка-

жут в полете, либо оскорбленное небо отомстит Рейху и его вождю.

События Второй мировой также часто интерпретируются в мистическом духе. В «Утре магов» читаем: «Три альпиниста СС водрузили на Эльбрусе, священной горе арийцев, благословенное при этом по ритуалу «Черного Ордена» знамя со свастикой. Это было магическое заклинание. Оно знаменовало собой начало новой эры, нового цикла. Теперь климат будет побежден, и огонь на тысячелетия укротит лед». То, что все здесь написанное — полная ахиня, читатель поймет, если примет во внимание, что германские солдаты и офицеры, взобравшиеся на Эльбрус 21 августа 1942 года, не имели к СС никакого отношения, а принадлежали к 1-й и 4-й горно-пехотным дивизиям (проводниками служили четверо дезертиров-красноармейцев), а знамя, которое они водрузили на вершине, было обычным красно-белым германским военным знаменем с черной свастикой и Железным крестом, и, учитывая достаточно напряженные и ревнивые отношения между армией и СС, никто из эсэсовцев и не подумал его освящать. Кстати, кроме знамени, на пике Эльбруса оставили штандарты с эмблемами двух дивизий — эдельвейсом и горечавкой. Но при этом обе дивизии имели только номера, но не имели никаких специальных названий, вроде «Эдельвейса». Поэтому, когда у нас пишут в книгах, в том числе исторических, и поют в песнях о солдатах дивизии «Эдельвейс», — это всего лишь красивый поэтический миф. Символический момент в этом альпинистском достижении, безусловно, был, но к арийской мистике он не имел никакого отношения. Флаг со свастикой на самой высокой горной вершине Европы должен был олицетворять грядущее торжество

Третьего Рейха и был хорошим пропагандистским поводом, по случаю которого коллаборационистские газеты могли писать: «Над Эльбрусом гордо реет германское военное знамя — символ свободы народов». Из этого же разряда мифы, будто Гитлер захватил Норвегию только для того, чтобы, согласно заветам общества Туле, знамя со свастикой развевалось над самой северной точкой Европы и чтобы создать плацдарм для захвата Исландии, где, по одной из легенд, хранится чаша Святого Грааля и священный «вечный лед». И Норвегия, и Исландия, согласно разным легендам, были прародиной германцев — священной землей Туле. Однако ни у одного здравомыслящего человека не вызывает сомнения, что Норвегию Гитлер захватил по стратегическим соображениям — чтобы гарантировать жизненно важные для Рейха поставки железной руды из Швеции. И германский десант в Норвегию всего на несколько дней опередил англо-французский, как раз и имевший целью отрезать Германию от шведских рудников.

А вот как забавно авторы «Утра магов» объясняют стремление Гитлера сражаться до конца даже в заведомо безнадежной обстановке: «С 1943 года Гитлер продолжал, без малейшей надежды на успех, отчаянную, бессмысленную борьбу в явно самоубийственной войне. Почему? Он и нацистские вожди ждали потопа, предвещанного горбигерианцами (последователями Ганса Горбигера — автора теории «вечного льда», присутствующего в космосе и оказывающего решающее влияние на земные события. — Б. С.). Если не было возможности овладеть положением человеческими силами, то для Гитлера оставалась возможность вызвать Суд богов. Потоп будет наказанием

всего человечества. На земной шар падет ночь, все утонет в будущих волнах под ледяным градом».

Звучит красиво. Вот только беда, нет никаких сведений, что Гитлер был знаком с Горбигером или воспринял его учение, или что он хотя бы говорил кому-то из своих собеседников о грядущем потопе. Хотя горбигерианский тезис о «вечном льде» в общественном сознании прочно связался с расовой доктриной национал-социалистов. Наиболее талантливо он спародирован в романе великого писателя-постмодерниста Владимира Сорокина «Лед».

Хотя, если Гитлер действительно был знаком с учением Горбигера, ему должен был импонировать его главный тезис о том, что подлинную науку творит только пророк-мессия, тогда как западная наука плодит только эпигонов. Однако фюрер был в достаточной степени реалистом, чтобы разработку новых видов вооружений доверять специалистам — ученым и конструкторам.

Сражаться же даже в безнадежных условиях фюреру приходилось потому, что другого выхода все равно не было. Попытки заключить сепаратный мир как на Востоке, так и на Западе не привели к сколько-нибудь серьезным переговорам. Никто мириться с Гитлером не собирался. Единственной надеждой оставалось, что западные союзники рассорятся со Сталиным и одна из сторон выразит готовность помириться с Германией, чтобы вместе с ней обрушиться на бывшего союзника. Надежда была призрачной, и Гитлер, в общем, это понимал. Но капитулировать он не собирался и продолжал борьбу до тех пор, пока советские танки не появились у стен рейхсканцелярии.

Как хорошо известно, главным учреждением, призванным выработать научные основы расовой док-

трины, или, проще, с помощью фактов антропологии, истории и культуры обосновать идею превосходства германской расы, стало общество «Аненербе» («Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков»). Оно было основано в 1933 году профессором Фридрихом Хильшером, горячим поклонником германских языческих культов. Общество изучало традиции и памятники древней «нордической» расы. «Аненербе» покровительствовал сам Гиммлер. В 1937 году общество было включено в состав СС, а с 1 января 1939 года научной деятельностью 50 институтов «Аненербе» руководил профессор Вурст, глава кафедры санскрита Мюнхенского университета. В 1942 году общество было включено в состав личного штаба рейхсфюрера СС. От СС общество курировал секретарь-управляющий штандартенфюрер Вольфрам Зиверс, ученик Хильшера (и, кстати, участник заговора 20 июля). «Аненербе» занималось, в том числе, и оккультной тематикой. Оно также широко практиковало археологические исследования. Все раскопки в Рейхе проводились только с ведома «Аненербе».

По линии «Аненербе» ученый и путешественник Эрнст Шеффер стал первым немцем, побывавшим в столице Тибета Лхасе в 1938—1939 годах. Из восьмимесячной экспедиции он привез образцы флоры и фауны, в том числе «арийских» лошадей и «арийский» пчел, фото- и кинодокументы, подробные полевые дневники. Но ничего сверхъестественного не обнаружил.

Об обществе «Аненербе» Бержье и Повель пишут, что программа его исследований формулировалась следующим образом: «Изыскания в области духа, деяний, наследия индогерманской расы. Популяризация

результатов исследований в доступной и интересной для широких масс народа форме. Работы производятся с полным соблюдением научных методов и научной точности». Здесь, строго говоря, никакой мистики не просматривается. Научные методы, конечно, были с солидной поправкой на «расовую теорию» и были призваны дать материал для пропаганды превосходства германской расы. Обществу также ставилась цель пропаганды в сфере науки. От него требовали «содействовать возрождению германского культурного и национального самосознания с помощью весьма эффективных, замаскированных под нейтральные средства политической пропаганды в науке».

Этой цели должны были, в частности, служить антропологические исследования профессора Августа Хирта, гауптштурмфюрера СС, для коллекции которого в Страсбургском университете поставлялись из лагерей смерти черепа евреев. На заключенных концлагерей также проводили опыты по изучению наследственности и по прививке им искусственно ряда инфекционных заболеваний, в частности желтухи и сыпного тифа. Это, вероятно, помимо практической цели борьбы с желтухой, от которой жестоко страдали германские солдаты в Южной России, должно было помочь вывести новый тип сверхчеловека, устойчивый к инфекционным заболеваниям. Проводились и опыты по стерилизации, результаты которых предполагалось использовать для предотвращения размножения «низших рас». Были и чисто практические опыты по ускорению свертываемости крови после ранений. С этой целью заключенным наносились огнестрельные ранения. Таким образом испытывалось созданное в лабораториях «Аненербе»

новое лекарство. Хирт пропал без вести в 1944 году, а руководитель «Аненербе» Вольфрам Зиверс был за все эти «научные изыскания» повешен по приговору Нюрнбергского трибунала в 1948 году. Замечу, что в НКВД испытывали на заключенных действие яда еще в 1938 году, тогда как в Германии опыты над людьми велись только с 1942 года. Приоритет здесь по справедливости принадлежит стране Советов, но ее лидеры в Нюрнберге никто не судил.

Как справедливо отмечает английский исследователь Николас Гудрик-Кларк, «безразличие Гитлера к volkisch-идеям, касающимся древних немецких институтов и традиций, отразилось и в развитии нацистской партии под его руководством... Нет доказательств, что Гитлер посещал «Общество Туле»... Дневник Иоханнеса Геринга о собраниях общества упоминает о присутствии других нацистских лидеров между 1920 и 1923 годами, но имени Гитлера там нет». Не случайно Гитлер писал в «Моей борьбе»: «Молодая победоносная идея, во всяком случае, не даст себе связать руки какими бы то ни было соображениями, кроме соображений о победе нашего дела. Национал-социализм принципиально берет себе право навязывать свои принципы всей германской нации, не останавливаясь перед границами тех или других отдельных земель. Ибо только так мы можем воспитать всю немецкую нацию в идеях национал-социализма. Как церковь не чувствует себя связанной никакими политическими границами, так и национал-социалистическая идея не может останавливаться перед границами отдельных областей Германии.

Национал-социалистическое учение отнюдь не является оружием политических интересов отдельных государств Германии, а претендует на безуслов-

ное господство над всей германской нацией. Национал-социалистическое учение претендует на то, чтобы определять судьбы всего народа и заново реорганизовать всю его жизнь. Вот почему национал-социалисты не могут считаться с границами, которые созданы не нами, а той политикой, которую мы решительно отвергаем.

Чем полнее будет победа наших идей, тем большую внутреннюю свободу сможем мы предоставить каждому».

Древнегерманские языческие традиции зачастую относились к отдельным германским землям (бывшим государствам) и, уж во всяком случае, считались Гитлером не тем средством, которое может стать ключом к победе национал-социализма. В лучшем случае это могло стать подсобным орудием для пропаганды, но все равно оставалось слишком сложным для массового восприятия. Гитлер же рассматривал любую религию прежде всего как средство для политики, но отнюдь не как ее цель. Единственный мистический элемент, который неизменно присутствовал в национал-социалистической расовой доктрине, — это сознание превосходства представителей германской расы над всеми остальными и необходимость уничтожить зловредный «малый народ», рациональному объяснению не поддающиеся. Как подчеркнул Гудрик-Кларк, согласно воззрениям нацистов, «только тотальное уничтожение евреев могло спасти немцев, могло позволить им войти в землю обетованную». Прав Гудрик-Кларк, когда пишет насчет Гитлера, что «описания древнего золотого века, гностических служителей культа и тайного наследства, скрытого в культурных реликвиях, не имели силы для его политического и культурного воображения». Недаром же почти все работы, посвященные популярной теме «оккульт-

ных корней» Третьего Рейха, состоят почти исключительно из описания и анализа деятельности различных оккультных и мистических обществ в Германии и Австрии начала XX века, но лишь в редких случаях встречается упоминание о доказанной связи с тем или иным обществом Гитлера и других нацистских вождей. Что же касается мнения Гудрика-Кларка о том, что «на Гитлера, конечно, повлияли милленаристские и манихейские мотивы ариософии», то эти мотивы отнюдь не уникальны и не являются вотчиной ариософских учений. Их фюрер мог почерпнуть из ряда других учений и из трудов философов, того же Ницше или Карла Маркса.

Вот соратники Гитлера, Рудольф Гесс и Генрих Гиммлер, были куда более склонны к мистике, прислушивались к предсказаниям астрологов (как полагал Гитлер, именно предсказания астрологов толкнули его заместителя на безумный полет в Англию), а рейхсфюрер СС даже поручил мистику и мага Карлу Марии Вилигуту, отставному полковнику австрийской армии, разработку ритуалов «Черного ордена» и присвоил ему звание бригадефюрера СС, но потом разочаровался в его способностях и в 1939 году отправил старика в отнюдь не почетную отставку, исключив его из рядов СС. А еще Гиммлер приказал всех членов СС разбить на три разряда по степени чистоты крови: на тех, кто может доказать свое чисто арийское происхождение с 1650 года; на тех, кто претендует на расовую чистоту с 1750 года, и на всех остальных.

Миф об оккультных корнях национал-социализма и Третьего Рейха остается весьма живучим прежде всего потому, что человеческое сознание отказывается поверить, что творцы величайшей в истории человечества войны, люди, убившие миллионы людей

только потому, что те обладали неподходящим «расовым происхождением», действовали, исходя из рациональных оснований. Гораздо легче видеть в них проводников каких-то зловещих потусторонних сил.

Конец Третьего Рейха и самоубийство Гитлера

По свидетельству фон Белова, уже в ноябре 1944 года Гитлер не раз говорил, что война проиграна, и лишь искал себе подходящее место для гибели. Так, он отказывался покинуть «Волчье логово», заявив, что уже никуда не уйдет из Восточной Пруссии, но 20 ноября изменил свое решение и навсегда покинул Растенбург. Если бы фюрер действительно погиб в «Вольфшанце», в этом была бы своя символика — Волк (а партийная кличка Гитлера была «Вольф») погибал в своем логове, откуда долгие годы руководил величайшей войной в истории. Но Гитлер решил избрать себе другое место для гибели, а заодно и продлить агонию Третьего Рейха. Фюрер колебался между Альпийской крепостью, включавшей его родную Австрию, а также Баварию, где возникло национал-социалистическое движение и так мощно стартовала его политическая карьера, и Берлином. И в конце концов предпочел умереть не в глухой альпийской деревушке, а в столице Рейха. Такая гибель казалась ему наиболее сильным символом и заветом для грядущих поколений нацистов.

Но перед этим должна была еще раз вспыхнуть и погаснуть надежда — контрнаступление в Арденнах. Гитлер рассчитывал, если не сбросить союзников в море, то, по крайней мере, парализовать деятельность Антверпенского порта, а тем самым в значительной мере — и снабжение союзных армий,

нанести англичанам и американцам тяжелые потери и оживить в Англии настроения в пользу мира с Германией. Однако после первоначальных успехов прорвать союзный фронт так и не удалось, почти вся захваченная территория была у немцев отбита, и они понесли не менее тяжелые потери, чем противник.

После неудачи последнего германского наступления в Арденнах Гитлер пал духом. По свидетельству фон Белова, «он произвел на меня впечатление совершенно отчаявшегося человека. Ни раньше, ни потом мне его в таком состоянии видеть не приходилось. Гитлер говорил, что покончит теперь жизнь самоубийством, ибо рухнула последняя надежда на успех. Он ругал люфтваффе, поносил «изменников» из сухопутных войск и выкрикивал примерно следующее: «Я знаю, война проиграна! Превосходство врага слишком велико. Меня предали! После 20 июля случилось то, что я считал невозможным. Против меня выступили именно те круги, которые получили от национал-социализма наибольшую выгоду. Я всех их избаловал. Вот их благодарность! Лучше всего я пушу себе пулю в лоб! У меня нет твердых людей. Такие люди — только Модель и Дитрих. Да еще Рудель. Вот кто был бы моим преемником!» Потом Гитлер взял себя в руки и продолжал: «Мы не капитулируем! Никогда! Пусть мы погибнем, но мы заберем с собой на тот свет весь мир!» Тем временем территория, которая оставалась под контролем немцев, после начала в январе генерального советского наступления на Висле, начала катастрофически сокращаться под натиском с востока, запада и юга.

Вопреки распространенному мнению, укрепления на востоке Германии были устаревшими и никак не могли сдержать наступление современной армии. Поэтому не было шансов защитить Берлин с востока

от наступающей многомиллионной Красной Армии в течение сколько-нибудь длительного времени. Свидетельствует Николаус фон Белов: «В мае 1938 года Гитлер осматривал линию укреплений, предназначенных для защиты восточной границы Германии между Одером и Вартой. Его сопровождали Браухич и инспектор инженерно-саперных войск генерал Фёрстер. Гитлер провел осмотр весьма тщательно и заинтересованно. Молчание его при обходе объектов действовало удручающе. Все они устарели. Надземные башни блиндажей были вооружены только пулеметами. Этим танки не остановить». После этого фюрер резко обрутил руководство сухопутных сил, но начавшаяся вскоре мировая война не позволила сколько-нибудь существенно укрепить рубежи Рейха как на востоке, так и на западе.

30 января 1945 года, выступая с радиообращением в 12-ю годовщину прихода к власти, Гитлер уже не сомневался, что конец близок. Но все равно пытался уверить вермахт и народ, что победа будет за нами, ища для обоснования этого внушавшего большие сомнения тезиса совсем уж иррациональные аргументы, ибо рационально обосновать его не было уже никакой возможности. Фюрер говорил: «Однажды я выбрал свой путь — против всего враждебного мира, согласно моему внутреннему зову, и шел по этому пути к конечной победе, будучи неизвестным и безымянным; часто говорили с надеждой, что я мертв, но неизменно я побеждал. Моя жизнь сегодня абсолютно предопределена обязанностями, возложенными на меня.

Все они вместе составляют одну: работать для моего народа и бороться ради него. Только Тот, Кто призвал меня, может освободить от этого долга. В руках Провидения было убить меня бомбой, разорвавшей-

ся 20 июля в полутора метрах, и, таким образом, положить конец моей жизни, моим трудам. Всемогущий защитил меня в тот день, и я считаю это новым подтверждением доверенной мне задачи.

В грядущие годы я также собираюсь продолжать идти этим путем, бескомпромиссно служа интересам своего народа, не обращая внимания на все угрозы и опасности, вдохновленный святой убежденностью, что Всемогущий Бог не оставит того, кто в течение всей жизни не желал ничего, кроме как спасти свой народ от судьбы, которой он не заслужил.

Сейчас я призываю всю Германию и особенно старых моих друзей по оружию и всех солдат — укрепить свои силы еще более мощным духом сопротивления, до тех пор, пока мы снова — как мы это делали раньше — не положим на могилы умерших в этой невероятной борьбе венки с надписью: «И всё же мы победили».

Поэтому я надеюсь, что каждый немец выполнит свой долг до конца и что он будет готов принести любые жертвы, которых от него попросят; я рассчитываю на каждого немца, способного драться, полностью забыв о собственной безопасности; я призываю больных, слабых и всех негодных к военной службе работать из последних сил; я рассчитываю, что горожане будут ковать оружие, а крестьяне — снабжать хлебом солдат и рабочих, ограничивая самих себя; я надеюсь, что все женщины и девушки будут продолжать поддерживать эту борьбу с предельным фанатизмом».

В последние две-три недели войны генералы вермахта больше думали не о том, как оборонять Берлин, а о том, как спасти побольше своих войск от страшного, как им не без основания казалось, советского плена, сдавшись западным союзникам. Берлин же пред-

ставлялся им гигантской ловушкой, поскольку, исходя из положения, сложившегося к середине апреля, столицу Рейха скорее всего окружит Красная Армия, а не англо-американские войска, и вырваться из кольца будет практически невозможно. 15 апреля, за день до начала советского наступления на Берлин, командующий группой армий «Висла», обороняющейся на Одере, генерал-полковник Готтгарт Хейнрици заявил Шпееру: «Я распорядился, чтобы в Берлине не был взорван ни один мост, так как вокруг города вообще не будет боев. Если русские прорвутся к Берлину, сосредоточенные на флангах наши войска отойдут на север и юг. А севернее Берлина мы упремся в разветвленную систему каналов». Шпеер сразу же догадался: «Выходит, Берлин долго не продержится?» «Во всяком случае, его гарнизон не сможет оказать сколько-нибудь сильного сопротивления», — заверил генерал министра. Хейнрици понимал, что советские войска будут штурмовать Берлин особенно упорно. И еще он догадывался, что Гитлер не покинет Берлин и прикажет оборонять столицу Рейха до последнего, чтобы умереть вместе со своими солдатами. А значит, Берлин превратится в грандиозную мышеловку, из которой не будет выхода. Поэтому лучше не направлять туда основную часть войск группы армий. Пусть они лучше сдадутся англичанам и американцам к северу и к югу от столицы.

Фон Белов вспоминал, как 12 апреля 1945 года к Гитлеру в последний раз прибыл фельдмаршал Кессельринг: «Он, видимо, желал получить информацию из первых рук. Фюрер не оставил никаких сомнений насчет того, что сам он еще не сдался. Кессельринг не дал ввести себя в заблуждение и, вероятно, после этого посещения отбыл с намерением действовать по собственному усмотрению (т. е. стараться спасти как

можно больше немецких войск в южной половине Рейха от советского плена. — Б. С.). Внешне же он по-прежнему держался с присущим ему оптимизмом, ибо всегда считал, что тем самым внушает своим людям мужество даже в самом мрачном положении».

16 апреля 1945 года Гитлер в последний раз обратился к солдатам Восточного фронта. Он утверждал: «Берлин останется немецким! Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не станет русской!» Указывая на смерть Рузвельта, Гитлер заключал: «В момент, когда сама судьба убрала с лица земли величайшего преступника всех времен, решается вопрос о повороте в ходе этой войны». Однако ожидания, что повторится чудо, спасшее Фридриха Великого после смерти императрицы Елизаветы Петровны, не оправдались. Немецкие войска неудержимо стремились на запад, чтобы сдать союзникам. У Гитлера появилась идея выйти из Женевской конвенции о военнопленных, чтобы заставить более упорно сражаться солдат Западного фронта. Ведь в этом случае формально условия плена для них на востоке и западе могли бы стать одинаковыми, если бы западные союзники, в ответ на репрессии Гитлера против американских и британских пленных, также бы вышли из Женевской конвенции. Однако генералы убедили фюрера отказаться от этого шага, поскольку он грозил полным развалом Западного фронта и массовой сдачей в плен в надежде успеть сделать это до того, как союзники объявят о том, что действие Женевской конвенции не распространяется на германских пленных.

19 апреля 1945 года Гитлера посетил Ганс Рудель, которого фюрер единственного за всю войну наградил рыцарским крестом с золотыми дубовыми листь-

ями, мечами и бриллиантами. Он уничтожил за войну 532 советских танка и линкор «Марат», а в Ставку прибыл с плохо зажившей культей. Даже потеряв ногу в феврале 45-го, Рудель, не дожидаясь, пока заживет рана, продолжал совершать боевые вылеты. Гитлер тщетно уговаривал аса принять командование всей реактивной авиацией и прикрыть коммуникации армии Венка. Рудель отговорился тем, что прежде не командовал реактивными самолетами и не верит, что они смогут выполнить эту задачу: неприятельские бомбардировщики легко выведут их из строя, так как их придется базировать на немногих аэродромах с длинной взлетно-посадочной полосой. Да и не могут 180 реактивных истребителей и бомбардировщиков справиться с многотысячными воздушными армадами союзников. Рудель вспоминал: «Верховный главнокомандующий входит почти в 11 часов вечера. Я предвидел предмет беседы, это назначение, которое обсуждалось ранее. Отличительная черта фюрера — ходить вокруг да около и никогда не говорить прямо о деле. И в этот вечер он начинает с получасовой лекции, объясняющей решающее значение развития техники, в котором мы всегда вели за собой мир, преимущество, которое мы сейчас должны использовать до предела и таким образом переломить ситуацию и добиться победы. Он говорит мне, что весь мир боится немецкой науки и техники, и показывает мне некоторые разведдонесения, в которых описаны шаги, предпринятые союзниками, чтобы украсть наши технические достижения и наших ученых. Слушая его, я каждый раз поражаюсь его памяти на цифры и его специальным знаниям технических вопросов. В то же время я налетал уже больше шести тысяч часов, и с моим обширным практиче-

ским опытом я почти все знаю о различных типах самолетов, о которых он говорит, но нет ничего, о чем бы он не мог распространяться с неповторимой простотой и по поводу чего он не сделал бы уместные предположения о модификации. За последние три или четыре месяца его физическое состояние ухудшилось. Его глаза ярко блестят. Оберст фон Белов говорит мне, что за последние восемь недель Гитлер практически не спал, одно совещание сменяется другим. Его рука трясется, это у него с попытки покушения на его жизнь, 20 июля. Во время долгого обсуждения в тот вечер я замечаю, кроме того, что он склонен повторять одно и то же, чего он раньше никогда не делал, хотя его слова четко продуманы и полны решимости».

И еще Рудель свидетельствовал: «На этот раз я не готов принять на себя ответственность и упорно отказываюсь. И вновь я убеждаюсь: любой человек, которого Гитлер считает бескорыстно служащим интересам общего дела, имеет право свободно выражать свою точку зрения и может способствовать тому, чтобы фюрер пересмотрел свою позицию. С другой стороны, Гитлер теряет доверие к тем людям, которые постоянно его разочаровывали и вводили в заблуждение.

Он не соглашается с моей теорией «двух котлов», поскольку не верит, что она способна предсказать, как развернутся события дальше. Он основывает свое мнение на твердом обещании, которое ему дали командующие секторами, о том, что они не будут отступать с занимаемых сейчас позиций по Эльбе, Одера, Нейсе и Судетским горам. Я делаю замечание, что я доверяю немецкому солдату, проявляющему сейчас особую храбрость, поскольку он сражается на немецкой земле, но если русские соберут все свои силы для

концентрированного удара в одном ключевом пункте, они смогут пробить брешь в наших позициях и затем два фронта соединятся».

20 апреля 1945 года, в последний день рождения Гитлера, многие генералы и чиновники просили его покинуть Берлин и отправиться в Берхтесгаден. Кейтель вспоминал: «Я сказал ему только: то, что Провидение столь милостиво пощадило его при покушении 20 июля, и то, что сегодня, в день своего рождения, в эти самые серьезные дни, когда существованию созданного им Третьего Рейха грозит величайшая опасность, он все еще держит руководство в своих руках, дает нам уверенность, что он примет необходимые решения. Мое мнение: он должен действовать, не дожидаясь, пока столица Рейха станет полем битвы. Я хотел продолжать, но он перебил меня: «Кейтель, я знаю, чего я хочу, я буду сражаться перед Берлином, в нем самом или позади него!»

Также и секретарша Гитлера Тройдель Юнге описала день 56-летия фюрера: «Самые важные сановники Рейха пришли поздравить его; они просили, чтобы Гитлер покинул Берлин и прибыл в группу армий «Юг» в Баварии. Он категорически отказался.

Я в это время находилась вместе с другими секретарями в маленьком кабинете. Лицо фюрера было мертвенно-бледным. Он молчал. Он был похож на покойника. Мы осмелились переспросить его, действительно ли он хочет остаться в Берлине. «Конечно, я не уеду! — сказал он. — Я должен ускорить развязку или погибнуть». В последнее время он часто вспоминал о битве при Кунерсдорфе (в которой в 1759 году Фридрих Великий был разбит русскими и австрийскими войсками — кстати, об участии в ней австрийцев у нас часто забывают, — но был спасен от краха смертью

императрицы Елизаветы и переменной курса российской политики при Петре III. — Б. С.).

Мы онемели от удивления. Впервые он говорил безапелляционным тоном, вслух сказав ту правду, о которой мы давно догадывались: он больше не верил в победу. Он потерял веру...

В последние дни я часто встречала фюрера, бродившего, как привидение, по темным лабиринтам бункера, молча пересекавшего коридоры, входящего в комнаты. В какие-то мгновения я спрашивала себя, почему он не положит конец всему этому. Теперь было ясно, что ничего уже не спасти. Но в то же время мысль о самоубийстве отталкивала. Первый солдат Рейха кончает с собой, в то время как дети сражаются у стен столицы. Я решила задать ему вопрос: «Мой фюрер, не кажется ли вам, что немецкий народ ждет, чтобы вы встали во главе войск и пали в бою?» — «У меня дрожат руки, я едва могу держать пистолет. Если меня ранят, никто из солдат не прикончит меня. А я не хочу попасть в руки русских». Он говорил правду. Его рука дрожала, когда он подносил ложку ко рту; он с трудом поднимался со стула; когда шел, его ноги тяжело волочились по полу.

Я до сих пор поражаюсь, с каким спокойным фатализмом мы обсуждали за едой самые удобные и наименее мучительные способы самоубийства.

«Самый верный способ, — говорил Гитлер, — вставить ствол пистолета в рот и нажать спусковой крючок. Череп разлетается в куски, и смерть наступает мгновенно». Ева Браун ужаснулась. «Я хочу, чтобы мое тело было красивым, — запротестовала она, — я лучше отравлюсь». Она вынула из кармана своего элегантного платья маленькую капсулу из желтой меди. В ней был цианид. «Это больно? — спросила она. — Я так боюсь долгой и мучительной агонии. Я приняла

решение умереть, но хочу, чтобы это было по крайней мере без мучений». Гитлер объяснил ей, что смерть от цианида безболезненна. «Она наступает через несколько минут. Нервная и дыхательная система сразу парализуется». Это объяснение побудило фрау Кристиан и меня просить у фюрера одну из таких капсул. Генрих Гиммлер, министр внутренних дел и глава гестапо, как раз только что принес несколько дюжин. «Вот капсула для вас, фрау Юнге, — сказал мне Гитлер. — К сожалению, я ничего лучшего не могу предложить вам в качестве прощального подарка».

21 апреля 1945 года на совещании в рейхсканцелярии Гитлер окончательно объявил о своем бесповоротном решении остаться в осажденном Берлине. Вот как описывает это совещание Э. Кемпка: «На совещании, обсуждавшем положение на фронтах, ближайшие сотрудники Гитлера во главе с Кейтелем, Йодлем и Борманом снова настаивали на том, чтобы Гитлер использовал приготовленные самолеты и отправился вместе со своим штабом в Оберзальцберг. Там он будет в безопасности, и оттуда можно будет руководить военными действиями в этой последней битве лучше, чем из Берлина, окруженного русскими».

Адольф Гитлер отклонил эти предложения. Он заявил, что независимо от развития событий он не покинет столицу Рейха. Он твердо стоял на своем все время с тех пор, как находился в Берлине. По его приказу все имевшиеся в нашем распоряжении самолеты должны были быть подготовлены к эвакуации из Берлина женщин и детей. Он предложил всем своим сотрудникам право покинуть Берлин, если они этого пожелают».

Николаус фон Белов относит окончательное решение фюрера остаться в Берлине к 22 апреля и свя-

зывает его с выявившимся нежеланием командования сухопутных сил оборонять столицу Рейха: «22 апреля Кейтель и Йодль начали решительно настаивать, чтобы Гитлер покинул Берлин. Но он все еще пребывал в нерешительности, пока при докладе обстановки не возник скандал с сухопутными войсками. Донесения командующих бьющимися за Берлин армиями противоречили друг другу. Складывалось впечатление, что каждый из них сражается сам по себе и никакое упорядоченное сопротивление уже невозможно. Генерал Кребс этого противоречия объяснить не смог. Было неясно, что это: следствие русского перевеса в силах или же крах собственного командования? Как будто одно можно было еще отделить от другого! Гитлер пришел в крайнее возбуждение. Он приказал всем присутствующим, включая Кейтеля, Йодля, Кребса и Бургдорфа, выйти из помещения, а затем из его уст полился поток брани в адрес командования сухопутных войск и «давних предателей» из их рядов. Я сидел за дверью в соседнем помещении и слышал почти каждое слово. То были страшные полчаса. После этой вспышки ярости Гитлеру стал ясен конец. Фюрер приказал Кейтелю и Йодлю отправиться к Дёницу и сражаться вместе с ним. Сам же он останется в Берлине и покончит жизнь самоубийством.

Кейтель и Йодль доложили о своем отбытии и направились в Северную Германию. Шауб получил задание уничтожить содержимое личного сейфа в бункере фюрера, а потом вылететь в Берхтесгаден, чтобы сжечь на Оберзальцберге его приватные бумаги.

Окружение Гитлера продолжало сужаться почти с каждым часом. Было заметно, что каждый занят собственными мыслями».

Насчет точной даты, когда Гитлер окончательно решил не покидать Берлин, вносит ясность дневник Мартина Бормана. Вот его записи: «Воскресенье 22 апреля: «Фюрер остается в Берлине».

23 апреля Кейтель еще раз попытался уговорить Гитлера покинуть Берлин. Он вспоминал: «После доклада об обстановке я попросил фюрера о беседе в присутствии Йодля. Должно же быть принято наконец какое-то решение: или предложение о капитуляции, прежде чем Берлин станет полем боя за каждый дом, или же вылет ночью в Берхтесгаден, чтобы оттуда немедленно начать переговоры!.. Я остался наедине с фюрером, так как Йодля вызвали к телефону. Как это часто бывало, Гитлер не дал мне произнести и двух слов. Он сказал примерно следующее: «Заранее знаю, что вы хотите сказать: сейчас должно быть принято окончательное решение! Это решение я уже принял: из Берлина я не уйду; я буду защищать город до последнего. Или я прикажу вести эту битву за столицу Рейха — пусть только Венк снимет с моей глотки американцев и прогонит их за Эльбу! — или же вместе с моими солдатами погибну в Берлине, паду в бою за символ Рейха».

Я возразил: «Это безумие! В такой ситуации я должен потребовать вашего вылета сегодня же ночью в Берхтесгаден, чтобы обеспечить руководство Рейхом и вермахтом; в Берлине, если связь будет оборвана, что может произойти с минуты на минуту, сделать это невозможно».

Фюрер заявил: «Ничто не мешает вам немедленно вылететь в Берхтесгаден. Я даже приказываю вам сделать это! Но сам я останусь в Берлине! Час назад я по радио сообщил об этом немецкому народу и столице Рейха. Отступить от этого я не могу».

И еще Гитлер убеждал Кейтеля: «Именно мое присутствие в Берлине побудит войска сражаться до последнего и удержит население от паники. К сожалению, это необходимая предпосылка удачи уже начатых операций по деблокаде Берлина и успешных боев за город. Только одно доверие ко мне дает вообще какой-то шанс на еще возможный успех, а потому эту борьбу за Берлин я доведу до конца лично! Восточную Пруссию удерживали только до тех пор, пока моя ставка все еще находилась в Растенбурге, а когда я больше не смог поддерживать боевой дух войск своим личным присутствием, фронт там был прорван. Так получится и с Берлином, а потому я своего решения не изменю и своего обещания армии и населению не нарушу!»

К тому времени Гитлер уже несколько не сомневался, что никакой удачи для вермахта больше не будет и что Берлин падет в течение одной-двух недель. По свидетельству начальника генштаба люфтваффе генерала Карла Колера, находившегося в рейхсканцелярии, фюрер еще 22 апреля приказал сжечь все свои личные бумаги и явно готовился к смерти. Так что слова об «успешных» боях и «шансах на все еще возможный успех» предназначались лишь для ободрения генералитета, чтобы не допустить преждевременной капитуляции. Гитлер хотел умереть во главе еще сражающегося Берлина и вермахта.

Еще 23 апреля 1945 года Гитлер заявил: «Было бы... в тысячу раз трусливее покончить с собой в Оберзальцберге (резиденции в «Альпийской крепости». — Б. С.), чем погибнуть здесь». Днем ранее он заявил: «Мне следовало бы принять это самое важное в моей жизни решение еще в ноябре 1944 года (когда войска союзников с запада и востока вышли к границам Германии. — Б. С.) и не покидать ставки в Восточной

Пруссии (оказавшейся под угрозой со стороны Красной Армии. — Б. С.)».

26 апреля 1945 года в Берлине приземлился последний самолет. Прилетевшие на нем фельдмаршал люфтваффе Роберт Риттер фон Грейм и летчица Ханна Рейч предложили Гитлеру бежать в «Альпийскую крепость». Но фюрер предпочел умереть в столице Рейха. Он лишь назначил Грейма главкомом люфтваффе вместо Геринга. Собственно, еще с конца сентября 1944 года Гитлер хотел сделать Грейма фактическим главнокомандующим люфтваффе, оставив Герингу лишь почетные представительские функции.

По свидетельству любовницы Грейма Ханны Рейч, Гитлер спросил Грейма: «Знаете, почему я вас вызвал?» «Нет, мой фюрер», — удивленно ответил свежеспеченный фельдмаршал. «Потому, — заявил Гитлер, — что Герман Геринг изменил и покинул и меня, и родину. За моей спиной он установил связь с врагом. Его действия были признаком трусости. И вопреки моему приказанию он сбежал в Берхтесгаден. Оттуда он дал мне непочтительную телеграмму. Он сказал, что я когда-то назначил его своим преемником и что теперь, поскольку я не могу больше управлять из Берлина, он готов управлять вместо меня из Берхтесгадена. Он закончил телеграмму заявлением, что если он не получит от меня сегодня ответа до 9.30 телеграфом, то будет считать, что мой ответ положительен». Рейч утверждала, что в этот момент в глазах Гитлера были слезы. Он опустил голову, лицо его было смертельно бледным, а когда он передавал текст телеграммы Геринга Грейму, лист бумаги буквально трепетал в его трясущихся руках.

Затем Гитлер с большим трудом справился с дрожью в лице и продолжил: «Ультиматум! Резкий ульти-

матум!! Теперь не осталось больше ничего. Ничто меня не миновало. Никто не остался верным до конца, ничья честь не устояла. Нет таких разочарований, какие бы не выпали на мою долю; нет таких измен, каких бы я не пережил, а теперь еще одна, которая стоит всех прочих. Не осталось ничего. Все зло мне уже сделали».

А ведь ранее Гитлер так говорил о Геринге своему адъютанту от люфтваффе фон Белову: «Это человек железный и беспощадный. В наиболее тяжкие критические времена Геринг всегда оказывался нужным человеком на нужном месте. А его тщеславие и тяга к роскоши — все это показное и сразу, мол, спадает с него, когда он нужен». Но при этом нередко устраивал рейхсмаршалу разносы за то, что, отдав приказы, он не контролирует их исполнение.

Фон Белов вспоминал: «Я воспринимал текст телеграммы буквально и считал, будто Геринг действительно верил в то, что с руководством Запада еще можно вести переговоры. Гитлер назвал это утопичным». Гитлер распорядился держать Геринга под «почетным арестом» в Оберзальцберге. Геринг был также исключен из НСДАП.

Тем же вечером Гитлер сказал Ханне Рейч, передавая ей и Грейму ампулы с ядом: «Ханна, вы из тех, кто хочет умереть со мной. У каждого из нас есть вот такая ампула с ядом. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из нас попал живым в руки русским, и не хочу, чтобы они нашли наши трупы. Каждый отвечает за уничтожение своего тела так, чтобы не осталось ничего для опознания. Ева и я сожжем свои тела. Найдите и для себя свой способ». В этом признании содержится важная деталь. Гитлер собирался распорядиться сжечь свой труп и Евы Браун отнюдь не для того, чтобы исполнить древнегерманский языческий погребальный

обряд, а лишь с целью исключить опознание трупа победителями и возможное глумление над останками. Таким образом, даже в последние дни и часы жизни действия Гитлера были вполне рациональными и отнюдь не мистическими.

Ханна Рейч поняла, что Гитлер больше не верит в победу и твердо решил покончить с собой. Она попыталась в последний раз, со слезами на глазах, отговорить Гитлера от этого шага: «Мой фюрер, почему вы здесь? Почему вы лишаете Германию своей жизни? Если бы стало известно, что вы остаетесь в Берлине до конца, народ был бы поражен ужасом. «Фюрер должен жить, чтобы могла жить Германия» — так говорит народ. Спасайтесь, мой фюрер, это — желание каждого немца».

Но Гитлер решительно возразил: «Нет, Ханна, если я умру, то это будет смерть за честь страны, поскольку я, как солдат, должен подчиниться своему собственному приказу, согласно которому я должен защищать Берлин до конца. Моя дорогая девочка, я не думал об этом. Я твердо верил, что Берлин будет спасен на берегах Одера. Мы послали все, что имели, чтобы удерживать эту позицию. Поверьте, что, когда наши наибольшие усилия не привели ни к чему, я ужаснулся больше, чем кто-либо другой. Потом, когда началось окружение города, осознание того, что в Берлине еще остается три миллиона моих соотечественников, заставило меня остаться защищать их. Оставшись здесь, я верил, что все германские войска последуют моему примеру и придут спасать город. Я надеялся, что они приложат сверхчеловеческие усилия, чтобы спасти меня и тем самым спасти три миллиона своих соотечественников. Но, моя Ханна, я еще сохранил надежду. Армия генерала Венка идет с юга. Он должен, и он

отгонит русских достаточно далеко, чтобы спасти наш народ. Тогда мы опять встанем на ноги».

Ханна Рейч здесь не поверила Гитлеру, справедливо заподозрив, что он лишь пытается ее утешить. Позднее на допросе она показала: «Можно было почти поверить, что он сам верит в то, что говорит... Он ходил по комнате быстрыми неверными и большими шагами, сжав руки за спиной, и голова его качалась вверх и вниз с каждым шагом. Хотя слова его выражали надежду, по его лицу было видно, что война закончена».

Гитлер не верил, что его спасет Венк, как и ранее не верил в то, что фронт на Одере устоит, хотя солдатам этого, понятно, не говорил. Рейч же с Греймом решили, что, когда все кончится, выпьют содержимое ампулы, а потом взорвут себя гранатами. Но из двух влюбленных так поступил только Роберт, ограничившись при этом ядом. Ханна же осталась в живых и рассказала все американским следователям.

Геббельс же, потрясенный изменой Геринга, по словам Рейч, также твердо решил покончить с собой. Он заявил: «Мы показываем миру, как люди умирают за свою честь, и наша смерть будет вечным примером всем немцам, как друзьям, так и врагам. Когда-нибудь весь мир признает, что мы поступали правильно, что мы думали защитить мир от большевизма своими жизнями. Это будет навечно вписано в историю... Мы погибнем во славу Рейха, так что имя Германии будет жить в веках». А жена Геббельса Магда говорила Рейч: «Моя дорогая Ханна, когда придет конец, вы должны помочь мне, если у меня не хватит сил, с детьми. Вы должны помочь мне в уходе из этой жизни. Они принадлежат Третьему Рейху и фюреру. Если их обоих не станет, то и для детей не останется места на земле. Вы должны помочь мне. Я больше всего боюсь, что в по-

следний момент у меня не хватит сил». Для умерщвления шестерых собственных детей чета Геббельс воспользовалась услугами личного врача.

А Ева Браун постоянно повторяла: «Бедный, бедный Адольф, все его оставили, все изменили. Лучше пусть погибнут десять тысяч других, чем он будет потерян для Германии».

27 апреля Гитлер заявил фон Белову: «Я решил дать коменданту Берлина приказ на прорыв. Сам же останусь здесь и умру в том самом месте, где проработал многие годы моей жизни. Но штаб мой должен участвовать в прорыве. Мне важнее всего, чтобы Борман и Геббельс выбрались отсюда живыми». Если раньше Гитлер стоял на том, чтобы люди из его окружения, которым он доверял, остались с ним до конца, то теперь это его первоначальное намерение совершенно изменилось.

По словам Белова, он спросил фюрера, верит ли он, учитывая положение в Берлине, в то, что еще имеется какой-то шанс на прорыв. Он ответил: «Я верю, что теперь ситуация стала иной. Западные союзники не будут больше настаивать, как в Касабланке, на безоговорочной капитуляции. Из иностранной прессы последних недель слишком явно видно, что конференция в Ялте явилась для Америки и Англии разочарованием. Сталин выдвигает такие требования, которым западные союзники уступают против своей воли лишь потому, что опасаются, как бы он не пошел собственными путями. У меня такое впечатление, что Большая тройка разъехалась из Ялты вовсе не друзьями. Да к тому же и Рузвельт умер. Кроме того, Черчилль никогда русских не любил. Он будет заинтересован в том, чтобы русские не слишком далеко вошли в Германию». Но на следующий день, узнав, что Венку не удалось приблизиться к Берлину, Гитлер прорыв

отменил как совершенно бесперспективный. Лишь в день самоубийства он вновь разрешил остававшимся в рейхсканцелярии прорваться из Берлина.

Одновременно с Греймом приказ от Гитлера лететь в Берлин получил и Ганс Рудель. Но его самолет в ночь на 28 апреля смог приземлиться только в районе Рехлина. Единственный кавалер рыцарского креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами вспоминал: «В 3 часа утра я прибываю в Рехлин, диспетчерская которого оборудована радиосвязью. С ее помощью мне удастся связаться с Берлином. Полковник фон Белов говорит мне, что мне уже не нужно следовать в Берлин, поскольку на предназначенное мне место был назначен фельдмаршал Риттер фон Грейм, с которым удалось связаться вовремя, более того, он говорит, что в Берлине уже невозможно приземлиться. Я отвечаю:

«Утром я сяду на «Штуке» (пикирующем бомбардировщике. — Б. С.) на этой магистрали. Я думаю, что на более легком самолете это еще можно сделать. Кроме того, мне кажется важным вывезти фюрера из этого опасного места, так, чтобы он не потерял контроля над ситуацией в целом».

Фон Белов просит меня не вешать трубку, пока он наводит справки. Он возвращается к телефону и говорит:

«Фюрер принял окончательное решение. Он решил, что Берлин нужно удерживать до последнего и поэтому не может оставить столицу, ситуация в которой выглядит критической. Он уверен, что, если покинет город, войска, удерживающие его, будут уверены, что он бросает Берлин на произвол судьбы, и сделают вывод, что любое сопротивление бесполезно. Поэтому фюрер намеревается остаться в городе. Вам не следует пытаться попасть в город, но вы долж-

ны немедленно возвращаться в Судетенланд, чтобы обеспечить поддержку армии фельдмаршала Шёрнера, которому приказано нанести удар в направлении Берлина».

Почему Гитлер предпочел остаться в Берлине, а не улетел еще до окружения столицы Рейха или с последним самолетом последнего фельдмаршала люфтваффе, улетевшим из полностью заблокированного Берлина 29 апреля, за день до самоубийства фюрера? Гитлер так объяснил это в своем политическом завещании: «После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдет в историю как самое славное и отважное выражение жизненной силы немецкого народа, я не могу оторвать себя от того города, который является столицей Рейха. Поскольку силы наши слишком слабы, чтобы и дальше выдерживать натиск врага именно здесь, а собственное сопротивление постепенно обесценивается столь же ослепленными, сколь и бесхарактерными субъектами, я хотел бы, оставшись в этом городе, разделить судьбу с теми миллионами, кого уже постигла смерть. Кроме того, я не хочу попасть в руки врагов, которым, на потеху ими науськанным массам, нужен новый, поставленный евреями спектакль.

А потому я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и рейхсканцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин в тылу, наших крестьян и рабочих, а также о беспримерном участии во всем этом молодежи, носящей мое имя.

То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собой разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекра-

щали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов отчизны, оставаясь верными заветам великого Клаузевица. Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества».

28 апреля по приказу Гитлера за нежелание сражаться Хейнирици был отстранен от командования, но это уже никак не повлияло на ход событий. Большинство дивизий группы армий «Висла» успели сдать западным союзникам. В тот же день Кейтель донес: «Наступление 9-й и 12-й армий вследствие сильного контрнаступления русских захлебнулось, дальнейшее проведение наступления более невозможно. Армейская группа генерала войск СС Штейнера до сих пор не прибыла». По словам адъютанта Гитлера Гюнше, «после этого всем в ставке стало ясно, что этим судьба Берлина была решена».

Гитлер приказал обеспечить достаточное количество бензина, чтобы сжечь их с Евой трупы. Своему адъютанту Гюнше Гитлер объяснил: «Я не хочу, чтобы после моей смерти русские выставили меня в своем паноптикуме». Кемпке с большим трудом удалось достать для погребального костра несколько сот литров бензина из баков разбитых автомобилей. Сожжение продолжалось от 14.30 до 19 часов. Обуглившиеся трупы были похоронены в воронке у стены квартиры Кемпки. Сбылось пророчество, которое Гитлер изрек своему шоферу еще в 1933 году, когда тот вез его в рейхсканцелярию: «Живым я отсюда не выйду!»

Перед смертью фюрер объявил обитателям рейхсканцелярии: «В этом городе у меня было право отдавать приказы. Теперь я должен повиноваться приказу

судьбы. Даже если бы у меня была возможность спастись, я бы не сделал этого. Капитан тонет вместе со своим кораблем».

Фон Белов в мемуарах утверждал: «Теперь, в последние недели, дотоле стойко переносивший все испытания «народ» тоже стал проявлять признаки слабости. Гитлер не захотел признаться самому себе, что требования войны сделались просто чрезмерными, а впал в примитивный дарвинизм, утверждавший, что в этой борьбе победит именно более сильный. Немецкий же народ оказался слабее, а потому должен перестать играть роль среди народов всей Земли. Поэтому Гитлер был, в своем понимании, последователен, требуя неукоснительного осуществления приказа «Нерон», целью которого было превратить Германию в «выжженную землю». Народ, оказавшийся более слабым, считал он, уже не нуждается ни в какой жизненной основе: «Что гнило и старо, что должно пасть, надо не поддерживать, а подтолкнуть». Под конец Гитлер не уставал подчеркивать: «Будущее принадлежит более сильному народу Востока».

Точный момент радикального изменения отношения Гитлера к немецкому народу я указать не могу, но обе эти тональности — хвала и проклятие — до сих пор звучат в моих ушах. Каждая из них в свое время выражала его убеждение. Правда, даже тогда, когда война, с военной точки зрения, уже была проиграна, после Арденнского наступления, он все еще утверждал: народ должен держаться до конца и следовать за ним».

Перед самым самоубийством, в последние минуты жизни, Гитлер разрешил оставшимся в рейхсканцелярии прорыв из Берлина. Он сказал своему камердинеру Линге, когда тот попросил разрешения прорваться с ним: «Я отдаю приказ пойти на прорыв».

Удивленный Линге спросил: «Мой фюрер, а для кого нам теперь прорываться?» Гитлер объяснил: «Для грядущего человечества!» Ему очень хотелось, чтобы кто-то из очевидцев вырвался из кольца и поведал миру об обстоятельствах его смерти. Тогда это удалось сделать только двоим — Кемпке и Аксману (фон Белов также выбрался из Берлина, но он, по разрешению Гитлера, покинул город в ночь с 29 на 30 апреля, еще до самоубийства Адольфа и Евы), которые охотно рассказали западным союзникам, как и когда застрелился Гитлер, а затем отразили это в собственных мемуарах. Другим повезло меньше: они оказались в советском плену и до возвращения на родину в 1955 году могли делиться известными им подробностями только с советскими следователями. Сталин хотел сделать вид, что труп Гитлера так и не был обнаружен, и побудить мировую общественность искать будто бы сбежавшего из Берлина фюрера. Но показания Кемпки и Аксмана быстро разрушили эту легенду.

Составленный 8—11 мая 1945 года советскими патологоанатомами акт обследования останков Гитлера содержит ряд очевидных ошибок, которые скорее всего вызваны политическими причинами — стремлением всячески унижить Гитлера даже после его смерти. Эти ошибки следующие: рост Гитлера в акте определен в 165 см, тогда как в действительности фюрер имел рост в 175 см; в акте утверждалось, будто у Гитлера отсутствовало левое яичко, тогда как все прижизненные медицинские осмотры констатировали, что у Гитлера — нормальные половые органы, без каких-либо отклонений; во рту трупа были обнаружены осколки стеклянной ампулы, что позволяло говорить, будто Гитлер отравился; но, как резонно указывали западные критики, в условиях, когда труп обуглился, осколки стекла не могли уцелеть и неизбежно рас-

плавилась бы. Что еще важнее, анализ проб внутренних органов и крови, взятый у трупов Гитлера и Евы Браун, не выявил там каких-либо следов цианистых соединений. Между тем такие соединения были выявлены при анализе проб трупов Геббельса, его жены, детей, генерала Кребса и овчарки Blondi. Линге так описал обстановку в кабинете Гитлера сразу после самоубийства: «Я сразу почувствовал запах пороха, как это бывает после выстрела... Вместе с Борманом мы вошли в комнату... На диване слева сидел Гитлер. Он был мертв. Рядом с ним — мертвая Ева Браун. На правом виске Гитлера зияла огнестрельная рана величиной с монету, на щеке — следы скатившейся двумя струйками крови. На ковре около дивана была лужица крови величиной с тарелку. На стенке и на диване виднелись брызги крови. Правая рука Гитлера лежала на его колене ладонью вверх. Левая — висела вдоль тела. У правой ноги Гитлера лежал пистолет системы «вальтер» калибра 7,65 мм, а у левой ноги — пистолет той же системы, калибра 6,35 мм. Гитлер был одет в свой серый военный китель, на котором были золотой партийный значок, Железный крест 1-го класса и значок за ранение в Первую мировую войну, который он носил все последние дни. На нем были белая рубашка с черным галстуком, черные брюки навыпуск, черные носки и черные кожаные полуботинки. Ева Браун сидела на диване, подобрала ноги. Ее светлые туфли на высоких каблуках стояли на полу. Губы ее были крепко сжаты. Она отравилась цианистым калием...

С помощью Бормана... я уложил еще не остывшее тело Гитлера на пол и завернул его в одеяло... Тело Гитлера я и эсэсовцы из личной охраны Линдлофф и Рейсер... понесли через приемную к запасному выходу в парк. Стоявшие в приемной Геббельс, Бург-

дорф, Кребс, Аксман, Науман, Гюнше и Раттенхубер подняли для приветствия руки. Затем из кабинета Гитлера вышел Борман и вслед за ним Кемпка с телом Евы Браун на руках. Геббельс, Аксман, Науман, Раттенхубер, Кребс и Бургдорф направились за телом Гитлера к запасному выходу».

Что происходило дальше, описал адъютант Гитлера Гюнше: «Я подбежал к Кемпке, взял у него тело Евы Браун, которое не было завернуто в одеяло, и понес его к выходу. От Евы Браун исходил характерный острый запах цианистого калия... Завернутое тело Гитлера лежало на земле в двух метрах от запасного выхода. Рядом с ним, с правой стороны, я положил тело Евы Браун. В этот момент Борман нагнулся над телом Гитлера, отвернул одеяло с его лица, посмотрел на него несколько секунд и вновь прикрыл одеялом. В парк рейхсканцелярии и на бомбоубежище с воем и свистом падали снаряды. Густые облака дыма неслись над растерзанными деревьями парка. Рейхсканцелярия и прилегающие здания были объаты сплошным пожаром. Борман, я, Линге, Линдлофф, Кемпка, Шедле и Рейсер взяли приготовленные бидоны с бензином и вылили на трупы Гитлера и Евы Браун все 200 литров. Зажечь бензин долго не удавалось. От сильного ветра, вызванного бушующим пожаром, гасли спички. Я схватил лежащую у двери ручную гранату, чтобы с ее помощью поджечь бензин. Но я не успел вытащить запал, как Линге поджег бензин, бросив на трупы сожженную бумагу. Трупы Гитлера и Евы Браун были моментально охвачены пламенем. Дверь бомбоубежища плотно прикрыли, так как языки пламени пробивались через оставшуюся щель. Борман, Геббельс, Аксман, Науман, Кребс, Бургдорф, Гюнше, Линге, Шедле, Кемпка, Рейсер и Линдлофф стояли еще несколько секунд на верхней площадке лестни-

цы и затем все молча спустились в бомбоубежище. Я пошел в кабинет Гитлера. Там все оставалось по-прежнему. На полу, около лужи крови, все еще лежали оба пистолета Гитлера. Я поднял и разрядил их. При этом я увидел, что выстрел был произведен из пистолета калибра 7,65 мм. Второй пистолет, калибра 6,35 мм, тоже был заряжен и снят с предохранителя. Я спрятал оба пистолета в карман и передал их потом адъютанту Аксмана лейтенанту Хаману. Я также передал ему плетку Гитлера. Хаман хотел сохранить револьверы и плетку Гитлера в качестве реликвий для «Гитлерюгенда».

Замечу, что Кемпка в своих воспоминаниях ничего не говорит, что от Евы Браун исходил характерный запах цианистого калия (запах горького миндаля), хотя именно он нес ее тело. Не исключено, что запах цианистого калия в кабинете Гитлера остался от тех ампул, которыми травили его любимую овчарку Блонди и других собак. По свидетельству Кемпки, после измены Гимmlера фюрер засомневался, не подсунул ли тот им вместо ампул цианистого калия пустышки, и распорядился опробовать яд на собаках. И цианистый калий подействовал безотказно. А заодно Гитлер отправил на тот свет свою любимую овчарку, чтобы она не попала русским в качестве трофея. Как отмечал Кемпка, «ему тяжело было передавать для этой цели доктору Газе свою любимую собаку Блонди. Эта овчарка сопровождала его во многих поездках и в минуты одиночества была его самым верным другом». И, что характерно, согласно советскому акту судебно-медицинской экспертизы трупа, который идентифицировали как труп Евы Браун, были зафиксированы огнестрельные ранения (одно или несколько) в районе груди. Поэтому нельзя исключить, что на самом деле Ева не отравилась, а все-таки за-

стрелилась из пистолета калибром 6,35, который валялся как раз рядом с ее правой рукой. Точно так же нельзя исключить, что тело, опознанное как тело жены Гитлера, в действительности принадлежало другой женщине. Добавлю, что гильза (или гильзы) от пули, которой было совершено самоубийство, так и не была найдена. И, что любопытно, за 17 дней до самоубийства Ева интересовалась у генерала Герхарда Энгеля, как можно надежнее всего застрелиться. То, что пистолет калибра 6,35 мм в момент смерти был в руках Евы Браун, однозначно подтверждает в своих мемуарах Кемпка со ссылкой на Гюнше: «Ева Гитлер сидела, прислонившись к спинке дивана, рядом с мужем. Она отравилась. Однако и у нее в руке был наготове пистолет. Правая рука ее повисла, пистолет лежал на полу рядом».

Строго говоря, акт экспертизы останков Гитлера составлен с рядом очевидных ошибок, что не дает основания однозначно утверждать, что это — труп фюрера. В частности, описание его зубных мостов не полностью совпадает с рентгеновским снимком его зубов и с описанием, имеющимся в его медицинской карте. Однако все-таки сам по себе зубной протез Гитлера был достаточно сложным, чтобы допустить наличие еще одной столь сложной конструкции у трупа, который был найден в саду рейхсканцелярии, но не принадлежал Гитлеру. Ведь вся разница между гитлеровским протезом и протезом, который описан в акте советской экспертизы, заключается в следующем. У фюрера мост верхней челюсти состоял из 9 золотых и фарфоровых зубов, был закреплен стальными штифтами на втором правом и втором левом резцах. Из акта же советской экспертизы и фотоснимков челюсти предполагаемого трупа Гитлера

следует, что в верхней челюсти трупа искусственные зубы были закреплены на первом правом и втором левом резцах. Однако у найденных останков и в медицинских документах Гитлера количество и расположение искусственных зубов совпадали, так что скорее можно предположить, что различия в порядке их крепления проистекают из ошибок либо в акте советской экспертизы, либо в рисунке, который по памяти сделал зубной техник фюрера. Поэтому, скорее всего, в саду рейхсканцелярии действительно был найден труп Гитлера.

Скорее всего, что при экспертизе трупа Гитлера эксперты сознательно стремились любой ценой, в политических целях, обосновать версию об отравлении и поэтому подтасовывали факты. Сталин не хотел, чтобы Гитлер вошел в историю умершим честной солдатской смертью. Его гораздо больше устраивал образ трусливого преступника, у которого не хватает ни сил, ни решимости застрелиться и который предпочитает с помощью яда уйти от ответственности. Поэтому во рту трупа, как утверждали советские эксперты, якобы были найдены осколки стеклянной ампулы, хотя они никак не могли уцелеть в том костре, на котором сжигали трупы, особенно если учесть, что заботились прежде всего об уничтожении лиц, чтобы затруднить опознание. В частности, отсутствие левого яичка могло быть внесено в акт экспертизы с целью подкрепить слухи о сексуальной неполноценности фюрера. Данным обстоятельством можно объяснить то, что фрагменты черепа Гитлера, на которых явно было видно выходное отверстие от пули, не были извлечены из ямы при первой эксгумации. Их обнаружила лишь год спустя новая комиссия, разбиравшаяся с остан-

ками фюрера. Но даже эта находка так и не позволила дать окончательный ответ на вопрос, как именно застрелился Гитлер: в висок или в рот. Но то, что он именно застрелился, а не отравился, сегодня уже не вызывает сомнения.

Однако до сих пор продолжают дебаты на тему, застрелился Гитлер или отравился. Смерть от яда кажется оппонентам Гитлера более позорной для предмета их ненависти, чем смерть от пули, поэтому они предпочитают рисовать ласкающую воображение картину: фюрер в своем бункере, трусливо раздавливающий ампулу, то ли с крысиным ядом (что уж совсем невероятно — от него смерть не мгновенная, а мучительная), то ли с цианистым калием. Этот сюжет отражен, например, в картине Кукрыниксов «Конец». А уж некоторые чрезмерно охочие до сенсаций журналисты и историки до сих пор выдвигают версии, что Гитлеру все-таки удалось улизнуть из осажденного Берлина. Фюрер будто бы уплыл на подводной лодке в Латинскую Америку, а то и еще дальше — в Антарктиду! Или какими-то неведомыми путями смог пробраться в Тибет или Гималаи, в легендарную Шамбалу, которую упорно искали нацистские и советские теософы и где он мирно умер много лет спустя после окончания Второй мировой войны. Найденные же в саду рейхсканцелярии останки якобы принадлежат не Гитлеру, а совсем другому человеку. При этом спекулируют на недостаточно точно составленном советскими специалистами протоколе идентификации, действительно не дающем стопроцентной гарантии, что найденные в саду рейхсканцелярии сильно обгоревшие останки — это тела Гитлера и Евы Браун. Но сторонникам версии о «спасенном Гитлере» приходится при этом игнорировать показания многочисленных свидетелей самоубийства фю-

рера, не оставляющие никаких сомнений в том, что Гитлер на самом деле покончил с собой.

На смерть Гитлера откликнулся его преемник гросс-адмирал Карл Дениц: «Наш фюрер Адольф Гитлер погиб. В глубочайшем трауре и благоговении склоняется немецкий народ. Заранее предвидел он ужасную опасность, которую несет большевизм, и борьбе с ним посвятил всю свою жизнь. Эту борьбу и его непоколебимо прямой путь завершила героическая смерть в столице германского государства. Его жизнь была посвящена до конца службе на благо Германии. Его борьба с большевизмом имела значение для Европы и всего цивилизованного мира. Фюрер назначил меня своим преемником. С сознанием всей ответственности я принимаю на себя руководство немецким народом в этот тяжелый, решающий нашу судьбу час. Моя первая задача — спасти немцев от наступающего большевистского врага. Только ради этой цели борьба продолжается. И до тех пор, пока британцы и американцы будут препятствовать достижению этой цели, мы будем вынуждены продолжать защищаться от них и бороться с ними. В этом случае англичане и американцы продолжают борьбу не в интересах своих народов, а для распространения большевизма в Европе». Дениц сделал ставку на достижение сепаратных договоренностей с западными державами. При этом он учитывал настроение германских солдат и офицеров, которые не без оснований боялись русского плена гораздо больше, чем английского или американского.

Поскольку Сталин скрыл от западных союзников, что останки Гитлера были обнаружены, появилась масса спекуляций на тему, будто Гитлер жив. Фюрера находили повсюду, от Аргентины до Тибета, где он будто бы и кончил свои дни. Никто из серьезных по-

литиков или журналистов на Западе на подобные версии даже не обращал внимания, поскольку уже к осени 45-го из показаний свидетелей, бывших с фюрером в рейхсканцелярии до последних минут его жизни, стало ясно: Гитлер мертв. Глава американской разведки Брайан Конрад, подытоживая свидетельства о последних днях Гитлера, с иронией писал: «Немедленным последствием смерти Гитлера стала разрядка напряженности в бункере. Трагическое состояние сменилось более веселым. Впервые в бункере появились сигареты (что всегда запрещалось при жизни Гитлера). Затем принялись составлять планы — не о массовом самоубийстве, как это было верноподданнически обещано при жизни Гитлера, а о массовом побеге».

Что же касается наци № 3, Мартина Бормана, то сомнения в его смерти были столь серьезны, что его даже на Нюрнбергском процессе на всякий случай заочно приговорили к повешению. Тут уж для журналистов было раздолье. Время от времени Бормана находили то в Парагвае, то в Аргентине, то в Бразилии, то в Италии. Затем, в начале 70-х годов, были обнаружены останки Бормана в Берлине, что подтверждало показания ряда свидетелей о его самоубийстве 2 мая 1945 года, и в 1973 году франкфуртский суд официально признал Бормана умершим. В 1998 году это было доказано также генетической экспертизой. После этого один из сторонников версии о чудесном спасении Бормана британский историк Хью Томас выдвинул гипотезу, что останки умершего в конце 50-х годов в Латинской Америке Бормана самолетом доставили в Берлин и захоронили в том месте, на которое указывали свидетели как на место предполагаемой гибели рейхсляйтера. Вообразите себе зафрахтован-

ный трансатлантический авиалайнер, на котором везут гроб с сопровождающими, его приземление в западно-берлинском аэропорту и тайное захоронение. Это — не детектив, это — фантастика!

Преступления союзников по антигитлеровской коалиции против немцев

Многие преступления против немцев в последние полгода войны, когда война пришла на немецкую землю, и в первые послевоенные месяцы диктовались чувством мести. Неслучайно 16-летний берлинец Дитер Борковский, в преддверии неизбежного падения столицы Рейха, 15 апреля 1945 года описал в дневнике встречу в электричке с солдатом-фронтовиком, кричавшим: «Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие — русские, поляки, французы, чехи и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!»

Красная Армия ознаменовала свой приход в Германию массовыми изнасилованиями. Английский историк Энтони Бивор определил количество немецких женщин, изнасилованных красноармейцами, в 2 млн., основываясь на фразе одного врача, что после войны в Германии родилось два миллиона детей в результате насилий, совершенных советскими солдатами. Однако эта цифра выглядит преувеличенной. Все советские войска в Европе, с учетом убитых и раненых, насчитывали 9—10 млн. человек, из них не более

5—6 млн. — на германских землях. Сам Бивор подчеркивает, что многие женщины были изнасилованы многократно — по 10—15 и более раз. В то же время в изнасилованиях участвовали не все военнослужащие, и сомнительно, что почти половина всех военнослужащих, прошедших через Германию, насиловали немецких женщин, как ранее они насиловали поляк, а их соседи — женщин Венгрии, Румынии, Югославии, Австрии, Чехословакии... В Венгрии, в частности, сохранили столь же печальную память о массовых изнасилованиях красноармейцами многих тысяч венгерских женщин. В Германии же речь скорее должна идти о сотнях тысяч, а не миллионах изнасилованных немок. Число же убитых гражданских лиц, вероятно, исчислялось тысячами или десятками тысяч. Даже вместе с жертвами бомбардировок и боевых действий, а также теми, кто погиб в ходе бегства и послевоенной депортации немцев с восточных земель, число жертв среди немецкого гражданского населения — по разным оценкам, от 2 до 2,5 млн. человек, — оказывается многократно ниже, чем число жертв среди советского гражданского населения. Его я оцениваю, с включением избыточной смертности от голода и болезней и сталинских репрессий и депортаций, в 16,9 млн. человек. Хотя, вместе с тем, не вызывает никаких сомнений, в том числе из данных, приводимых Бивором, что число убийств и изнасилований, совершенных Красной Армией, на порядок больше, чем количество тех же преступлений, совершенных англо-американскими войсками в Германии. Там эти преступления были быстро пресечены командованием, а 66 военнослужащих казнены за совершенные преступления. В то же время нет ни одного свидетельства, ни в книге Бивора, ни за ее пределами, что в Красной Армии хоть один солдат был рас-

стрелян за изнасилование немки (а насиловали в том числе и несовершеннолетних девочек). Дальше гауптвахты дело обычно не шло.

Между прочим, немцы заметили, что советские солдаты и офицеры предпочитали полных женщин. Поэтому насилию относительно чаще подвергались жены и дочери крупных партийных функционеров, которые только и могли сохранить относительную упитанность в последние голодные месяцы войны. Их судьба вызывала даже определенное злорадство со стороны некоторых немцев не из числа «элиты».

Бивор отмечает важную причину различия в поведении советских и западных военнослужащих: у англичан и американцев не было недостатка ни в деньгах, ни в продовольственных пайках, ни в сигаретах — этой универсальной валюте послевоенной Германии. Они просто могли купить любовь немок, как до этого покупали любовь француженок. У красноармейцев же не было ни денег, ни излишков продовольствия и махорки, и любовь они добывали силой. Бивор склонен объяснять массовые советские насилия прежде всего мстью. Думаю, что это был не главный мотив. Ведь в книге хорошо показано, что советские солдаты и офицеры насиловали и немок, и поляк, и советских же девушек-«остовок», на которых смотрели как на «немецких овчарок». Предлог для насилий можно было найти всегда. Так, генерал Милован Джилас, один из ближайших соратников Иосипа Броз Тито, а впоследствии — известный диссидент, вспоминал, как в 1944 году в Сербии красноармейцы изнасиловали и убили 111 сербских женщин. Джилас как раз и прибыл в Москву, чтобы добиться наказания виновных. Но, несмотря на протесты Тито, насильники не были осуждены. Подчеркну, что уж сербам красноармейцам точно не за что было мстить!

Можно добавить, что массовые изнасилования и убийства красноармейцами сербских женщин вызвали визит в Москву югославской делегации. Мстили не только противникам, но и союзникам. Красноармейцы знали, что для начальства они — расходный материал, жили одним днем, а командиры боялись сдерживать их инстинкты, опасаясь стать жертвой солдатского гнева — пусть лучше насилуют немок...

Вот еще один пример. 3 апреля 1945 года уполномоченный Совнаркома СССР по делам репатриации Ф.И. Голиков докладывал Г.М. Маленкову о преступлениях бойцов и командиров Земландской группы войск в Восточной Пруссии: «4 февраля заместитель по строевой части командир 298 ап 192 сд майор Слюнтяев и командир дивизиона этого же полка майор Мубараков во время выбора метода места для КП дивизиона обнаружили в бараке господского двора 8 мужчин и одну женщину. Последняя, хорошо владевшая русским языком, рассказала, что она латышка, насильно угнанная из-под Риги, а мужчины — французы.

Вечером Слюнтяев и Мубараков организовали выпивку и пригласили их к себе в блиндаж. Подвыпивший майор Слюнтяев взял красноармейцев Чавкина и Романова, произвел у французов обыск, изъял ценные вещи, а их приказал расстрелять. Красноармейцы открыли огонь из автоматов, а Слюнтяев — из пистолета. Вернувшись в блиндаж, все указанные военнослужащие по очереди изнасиловали латышку.

5 февраля в бараке были обнаружены три трупа французов, а остальные пять человек, по-видимому, уцелели и скрылись.

Боясь, что женщина донесет о случившемся, майор Мубараков приказал расстрелять и ее, что и было выполнено красноармейцем Чавкиным.

12 марта майоры Слюнтяев и Мубараков осуждены на 10 лет, разжалованы в рядовые и направлены в штрафной батальон. Красноармейцы Чавкин и Романов приказом командира дивизиона направлены в штрафную роту...»

В той же Восточной Пруссии писатель Лев Копелев, в 1945 году — майор-спецпропагандист, а впоследствии — участник диссидентского движения, тоже наблюдал жуткие вещи. Вот только одно его свидетельство: «Несколько русских девушек, угнанных в Германию, работали официантками у нас в штабном казино. Одна из них, самая красивая, несла ведро супа. Несколько пьяных солдат увидели ее: «Гоп-ля, немка, сучка» — и из автомата очередь поперек спины. Она умерла в тот же час. Плакала: почему, за что? Был зачитан приказ маршала Рокоссовского: расстрел за грабеж, изнасилование, убийство гражданских лиц». Большинство красноармейцев впервые увидели жизнь лучше той, что они знали на родине. Это был своеобразный шок, нередко провоцировавший самые дикие выходки по отношению к мирным жителям.

Если старшие офицеры и подчиненные им красноармейцы столь сурово расправились с союзниками-французами и соотечественницей-латышкой, вся вина которых была в том, что их угнали на работу в Германию, можно представить, что приходилось терпеть от них собственно немецкому мирному населению. Неудивительно, что немцы предпочитали сдаваться в плен англичанам и американцам.

И что характерно, офицеры-убийцы не были расстреляны, а всего лишь направлены в штрафные час-

ти. Поскольку воевать оставалось всего неполных два месяца (а в Восточной Пруссии — и того меньше), у них был высокий шанс уцелеть.

Если убийства и изнасилования мирных немецких и других иностранных граждан могли быть списаны на стихийные проявления мести и выход накопившейся агрессии, то имелись случаи организованного террора против немцев, санкционированного из Москвы. Так, уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту Иван Александрович Серов в конце мая 1945 года докладывал маршалу Жукову: «Войсками фронта в ответ на террористические проявления немцев расстреляно 567 участников фольксштурма — членов фашистской партии». В переводе на нормальный язык это означает обыкновенный расстрел заложников, запрещенный международными конвенциями и вмененный в вину германским генералам на Нюрнбергском процессе. Объявить участником фольксштурма (ополчения) можно было едва ли не каждого немца, а в национал-социалистической партии состояла десятая часть всего населения Германии. Жертвами таких репрессий стали тысячи немцев.

Впрочем, и западные союзники относились к немецким военнопленным без большой симпатии, насмотревшись на лагеря смерти и послушав рассказы уцелевших узников. Ганс Рудель вспоминал свой первый допрос в американском плену: «В штабе нас в первую очередь допросили три офицера Генерального штаба. Они начали с того, что показали несколько фотографий, на которых, по их словам, были изображены жертвы злодеяний в концентрационных лагерях. Они доказывали нам, что, поскольку мы сражались за эту мерзость, мы также частично несем вину

за это. Они отказались мне поверить, когда я сказал им, что никогда в своей жизни не видел ни одного концлагеря. Я добавил, что, если какие-то эксцессы и совершались, они достойны всяческого сожаления и порицания, и подлинными виновниками должны быть наказаны. Я указал им, что такие жестокости совершались не только немцами, но и всеми другими народами во все времена. Я напомнил им о бурской войне. Следовательно, эти эксцессы нужно судить по тем же самым критериям. Я не могу поверить, чтобы груды тел, изображенные на фотографиях, были сняты в концлагерях. Я сказал им, что мы видели такие картины не на бумаге, а на самом деле, после воздушных атак на Дрезден, Гамбург и другие города, когда четырехмоторные бомбардировщики без всякого разбора буквально затопили их фосфором и бомбами огромной разрушительной силы и тысячи женщин и детей стали жертвами этой бойни. И я заверил этих джентльменов, что, если они особенно интересуются жестокостями, они найдут обильный материал у своих восточных союзников».

После войны Рудель оказался в школе командного состава британских ВВС в Танжмере. Его перевода туда добился майор Бадер — самый популярный британский летчик Второй мировой войны. Рудель потерял в бою ногу, а Бадер обе, и, как и его немецкий товарищ по несчастью, летал на протезах. Бадер сам был военнопленным в Германии и предпринял несколько попыток к бегству. В Англии Рудель имел одну очень любопытную дискуссию: «Во время одного из последних дней в Танжмере у меня состоялась многое разъясняющая дискуссия с курсантами RAF, которые учились в летной школе. Один из них, не англичанин, надеюсь, без всякого сомнения, разъярить

или унижить меня, спрашивает, что, по моему мнению, со мной могут сделать русские, если я вернусь в свои родные места в Силезии.

«Я полагаю, русские достаточно умны, — отвечаю я, — чтобы воспользоваться моим опытом. В области борьбы с танками, которая неизбежна в любой новой войне, мои пояснения могут поставить противника русских в невыгодное положение. Я уничтожил более пятисот танков и, если предположить, что в течение нескольких следующих лет я должен буду подготовить пять или шесть сотен пилотов, каждый из которых уничтожит по крайней мере сотню танков, вы сами сможете догадаться, сколько танков должна будет выпустить промышленность противника, чтобы возместить все эти потери».

Этот ответ порождает всеобщее удивление, и меня взволнованно спрашивают, как это можно совместить с моим прошлым отношением к большевизму. До сих пор мне не позволяли сказать что-нибудь пренебрежительное про Россию — их союзника. Но сейчас мне говорят о массовых депортациях на восток и рассказывают о случаях изнасилования и жестокостей, о кровавом терроризме, с которым орды, нахлынувшие из азиатских степей, мучают покоренные народы... Это нечто новое для меня, потому что раньше они тщательно избегали затрагивать эту тему, но сейчас их взгляды точно соответствуют нашим собственным, достаточно часто высказываемым мнениям, и выражены они в тех словах, которые часто скопированы из нашего лексикона. Командиры RAF, которые пилотировали «Харрикейны» на стороне русских под Мурманском, делятся своими воспоминаниями, они крайне резкие. Из всех наших сбитых почти никого не осталось в живых.

«И вы хотите работать на русских!» — восклицают они.

«Мне было очень интересно услышать ваше мнение о ваших союзниках, — отвечаю я. — Конечно, я не сказал ни слова о том, что думаю об этом сам, я только ответил на вопрос, который вы мне задали».

19 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ о введении наказания в виде смертной казни через повешение или 15—20 лет каторжных работ для «немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев», а также для «изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

По этому указу казнили как солдат, офицеров и генералов, действительно совершивших военные преступления, так и солдат и офицеров, просто попавшихся под руку, из которых пытками были выбиты признания в несуществующих преступлениях. Нередки были случаи расстрела немецких военнопленных, особенно эсэсовцев, на месте, когда красноармейцы отказывались брать их в плен. Так, член Военного совета Северо-Западного фронта П.К. Пономаренко 26 марта 1942 года отмечал: «Конечно, сдаваться будут мало... если будем расстреливать пленных на виду у немцев (под Холмом перебили группу, шедшую из города к нашим частям с поднятыми руками)». Против того, чтобы расстреливать сдавшихся немцев подальше от линии фронта, где расстрел нельзя было наблюдать с немецких позиций, Пантелеймон Кондратьевич как будто не возражал. Всего в советском плену, по официальным советским данным, побывало 2,73 млн. германских военнослужащих, из которых умерло около полумиллиона немцев и австрийцев. Западные историки порой нахо-

дятся в плену советских данных о числе пленных (да простят мне невольный каламбур), основанных на непосредственных донесениях из боевых частей. Так, в Германии до сих пор верят, что в советском плену погибли 1,1 млн. солдат и офицеров вермахта. Но первичные доклады о числе пленных зависели обычно только от творческих способностей составившего их офицера или генерала. Например, командир 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса генерал Кириченко доносил, будто 29 июля 1942 года взял 300 пленных. По свидетельству же его заместителя полковника Бардадина, на самом деле было захвачено лишь 13 человек. Также маршал Жуков после взятия Берлина сообщал, что войска 1-го Белорусского фронта взяли 90 тысяч пленных, среди которых только 600 офицеров, что дает соотношение 149:1. Между тем в немецкой армии один офицер приходился на 34 рядовых, а в безвозвратных потерях на востоке это соотношение было 1: 36. Очевидно, военнопленными были объявлены гражданские служащие расположенных в Берлине правительственных учреждений.

Кстати, подобным завышением числа пленных грешили и боевые донесения западных союзников. Так, если мы возьмем военный дневник американского генерала Джорджа Паттона, то количество немецких пленных, будто бы захваченных его 3-й армией за все время кампании на западе, значительно превысит численность противостоявших ему немецких войск.

Вернувшиеся из плена немцы свидетельствовали, что при конвоировании в тыл выбившихся из сил пленных конвоиры пристреливали. Также широко известны зверские расправы красноармейцев над ранеными немцами после захвата госпиталя в Феодосии в январе 1942 года и в других местах. Здесь сказались не столько чувство ярости и мести, сколько

расчет командиров и политработников, по прямому подстрекательству которых часто происходили расправы с пленными. Красноармейцы тем самым отрезали себе дорогу в немецкий плен, поскольку не сомневались, что с ними поступят столь же жестоко. То есть в Красной Армии происходили те же самые эксцессы с пленными, что и в вермахте, но масштаб их был значительно меньше, ибо вплоть до последних месяцев войны Красная Армия захватила сравнительно мало немецких пленных. Всего до 1 января 1945 года в плен было взято лишь около 650 тыс. немцев. К пленным же, захваченным в последние месяцы войны и в рамках общей капитуляции, относились более гуманно, и многих из них освобождали через несколько месяцев прямо в Германии. В то же время среди пленных, захваченных в первые годы войны, смертность была очень велика. Как я говорил, не уцелел почти никто из солдат 6-й немецкой армии, взятых в плен в Сталинграде. Кстати, надо отметить, что была велика смертность и среди 250 тыс. германских и итальянских пленных, захваченных союзниками в Тунисе в мае 1943 года. Размещенные в лагерях в пустыне, многие из них умерли от эпидемий и недостатка воды и пищи еще до эвакуации в Англию.

Особенно долго задержались в советском плену германские генералы, которых советская сторона старалась не отпускать вплоть до 1955 года, чтобы они не могли участвовать в строительстве бундесвера. Всего из 376 немецких генералов, оказавшихся в советском плену, умерло 99, или 26,3%, тогда как среди офицеров, содержащихся примерно в таких же условиях, как и генералы, и значительно лучше, чем рядовые, смертность составила лишь 6,3%. Конечно, многие генералы были людьми довольно преклонного возраста и страдали различными хроническими

заболеваниями, которые не способствовали долголетию в условиях плена. Однако складывается четкое впечатление, что Советский Союз проводил целенаправленную политику уничтожения пленных германских генералов. Так, еще в декабре 1945 — январе 1946 года, согласно распоряжению Сталина, по указу от 19 апреля 1943 года были осуждены 18 генералов, 28 офицеров и 39 унтер-офицеров. Из них 66 человек, в том числе почти все генералы, были приговорены к повешению и повешены на площадях освобожденных советских городов, а 19 — к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет. Среди казненных генералов были как настоящие преступники, повинные в преступлениях против человечества, вроде бывшего начальника СС и полиции рейхскомиссариата Остланд обергруппенфюрера и генерала полиции Фридриха Еккельна, так и обычные фронтовые генералы, которым вменили в вину военные преступления, совершенные их подчиненными (советским, английским и американским генералам подобные преступления в вину, разумеется, никто не ставил). Однако даже некоторые из тех генералов, кто первоначально отделался тюремным заключением или каторжными работами, впоследствии все равно были расстреляны. Так произошло, например, с бывшим командиром танковой дивизии СС «Мертвая голова» Гельмутом Беккером, которого в феврале 1953 года расстреляли по обвинению в «саботаже строительных работ». А генерала Гельмута фон Паннвица повесили только за то, что он командовал казачьим корпусом, сформированным главным образом из бывших красноармейцев. Паннвиц стал одним из немногих немецких генералов, которого уже в наши дни полностью реабилитировал Верховный суд России, затем, правда, стыдливо отозвавший реабилитацию.

Крайне подозрительны и обстоятельства смерти в плену от острой сердечной недостаточности ряда немецких генералов, в том числе фельдмаршала Эвальда фон Клейста в 1954 году и бывшего коменданта Берлина генерала артиллерии Гельмута Вейдлинга в ноябре 1955 года, буквально накануне запланированной передачи его правительству ФРГ. У меня есть сильное подозрение, что здесь поработали наследники специальной лаборатории НКВД профессора Мойрановского, где разрабатывали яды для незаметного устранения неудобных людей и испытывали действие ядов на заключенных, в том числе и на германских военнопленных.

Краткая библиография

- Агония и смерть Адольфа Гитлера. М.: Звонница, 2000.
- Безыменский Л.А.* Гитлер и германские генералы. М.: Вече, 2004.
- Безыменский Л.А.* Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. М.: Международные отношения, 1995.
- Белов Н.* Я был адъютантом Гитлера. Смоленск: Русич, 2003.
- Бержье Ж, Повель Л.* Утро магов. М.: Миф, 1991.
- Бивор Э.* Падение Берлина. М.: АСТ, 2004.
- Болдт Г.* Последние дни Гитлера. Минск: Пейто, 1993.
- Вестфаль З. и др.* Роковые решения. М.: Воениздат, 1958.
- Война Германии против Советского Союза 1941—1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз /Под ред. Рейнгарда Рюрупа. Берлин: Argon-Verlag GmbH, 1992.
- Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1—3. М.: Воениздат, 1968—1971.
- Геббельс Й.* Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.
- Гейден К.* Путь НСДАП. Фюрер и его партия. М.: Яуза; ЭКСМО, 2004.
- Герцштейн Р.Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996.
- Гитлер А.* Моя борьба. М.: Т-Око, 1992.
- Гот Г.* Танковые операции. М.: Воениздат, 1961.
- Гудрик-Кларк Н.* Окультизмные корни нацизма. М.: Яуза; ЭКСМО, 2004.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998.
- Грюнберг К.* Адольф Гитлер: Биография фюрера. СС — черная гвардия Гитлера. М.: Республика, 1995.

- Дашинчев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1,2. М.: Наука, 1973.
- Де Ионг Л.* Пятая колонна в Западной Европе. М.: Вече, 2004.
- Дениц К.* Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1964.
- Другая война 1939—1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.
- Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. Париж: YMCA-Press, 1994.
- Залесский К.А.* Вожди и военачальники Третьего Рейха. М.: Вече, 2000.
- Зенгер Ф., фон.* Ни страха, ни надежды. М.: Центрполиграф, 2003.
- Зубков С.В.* Окультизм магия Третьего Рейха. М.: Вече, 2004.
- Итоги Второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
- Карель (Шмидт) П.* Восточный фронт. Кн. 1, 2. М.: Изографус; ЭКСМО, 2003.
- Кейтель В.* Размышления перед казнью. М.: Терра, 1998.
- Кемпка Э.* Я сжег Адольфа Гитлера. М.: Раритет, 1991.
- Кессельринг А.* Люфтваффе: Триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М.: Центрполиграф, 2003.
- Любовь диктаторов. Муссолини. Гитлер. Франко. М.: АСТ-Пресс, 2001.
- Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Действительность. Минск: Попурри, 2002.
- Маништейн Э.* Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Терра Фантастика, 1999.
- Меллентин Ф.В.* Танковые сражения 1939—1945 гг. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
- Мержанов М.И.* Так это было (последние дни фашистского Берлина). М.: Политиздат, 1971.
- Мировая война 1939—1945. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
- Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М.: ТЕРРА, 1996.

- Первушин А.И.* Окультизм тайны НКВД и СС. М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Нева, 1999.
- Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.
- Расплата. Третий Рейх: падение в пропасть. М.: Республика, 1994.
- Раушининг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: Миф, 1993.
- Риббентроп И., фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние мысли. М.: Мысль, 1996.
- Руге Ф.* Война на море 1939—1945. М.: Воениздат, 1957.
- Сайер Г.* Последний солдат Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2002.
- Семиряга М.И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.
- Соколов Б.В.* Оккупация: правда и миф. М.: АСТ-Пресс, 2002.
- Соколов Б.В.* Адольф Гитлер. Жизнь под свастикой. М.: АСТ-Пресс, 2003.
- Сталинград. Событие. Воздействие. Символ: Сборник статей / Под ред. Ю. Фёрстера. Пер. с нем. М., 1994.
- Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1992.
- Фест И.* Адольф Гитлер. Т. 1—3. Пермь: Алетейа, 1993.
- Ширер У.* Взлет и падение Третьего Рейха. Т. 1—2. М.: Воениздат, 1991.
- Широкорад А.Б.* Тевтонский меч и русская броня. Русско-германское военное сотрудничество. М.: Вече, 2003.
- Шпеер А.* Воспоминания. М.: Прогресс; Смоленск: Русич, 1997.
- Шунков В.Н.* Вермахт. Минск: Харвест, 2004.
- Энциклопедия Третьего Рейха. М.: Локид; Миф, 1996.
- Эрхард Л.* Полвека размышлений. Речи и статьи. М.: Руссико, 1993.
- Якобсен Г.-А.* 1939—1945: Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995.

Dissecting the Holocaust/ The Growing Critique of 'Truth' and 'Memory'. / Ed. By E. Gauss. Capshaw (Alabama): Theses & Dissertations Press, 2000.

Erickson J. The Road to Berlin. Boulder (Colorado): Westview Press, 1983.

Frieser K.-H. Schlagen aus der Nachhand — Schlagen aus der Vorhand. Die Schlachten von Char'kov und Kursk 1943 // Gezeitenwechsel im Zweiten Weltkrieg? / Hrsg. von R.G. Foerster. Hamburg — Berlin — Bonn: Verlag E.S. Mittler & Sohn, 1996.

Hitler's Secret Conversations. N. Y., 1953.

Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg 1941—1945. 3., durchges. Und erg Aufl. München: Verlag für Wehrwissenschaften, 1996.

Rudel H.-U. Stuka-Pilot. N. Y., Ballantine Books, 1963.

www.militera.lib.ru

www.warrax.croco.net.

**1. Й. Геббельс. Речь о тотальной войне,
18 февраля 1943 года**

Итак, вы, сидящие здесь передо мной, представляете в этот момент весь немецкий народ. И я хотел бы задать вам десять вопросов, на которые вы вместе со всем немецким народом должны дать мне ответ перед лицом всего мира, а особенно наших врагов, слушающих нас сейчас по радио.

Первый: англичане утверждают, что немецкий народ потерял веру в победу. Я спрашиваю вас: верите ли вы вместе с фюрером и нами в конечную тотальную победу немецкого народа? Я спрашиваю вас: решили ли вы ради завоевания победы идти за фюрером в огонь и в воду даже при самом большом личном бремени?

Второй: англичане утверждают, что немецкий народ устал от войны. Я спрашиваю вас: готовы ли вы, будучи флангой фюрера в тылу сражающегося вермахта, продолжать эту борьбу с ожесточенной решимостью и вести ее, несмотря на все превратности судьбы, до тех пор, пока победа не будет в наших руках?

Третий: англичане утверждают, что у немецкого народа нет больше охоты брать на себя всевозрастающий труд войны, которого от него требует правительство. Я спрашиваю вас: полны ли вы и немецкий народ решимости, если фюрер приказывает это, ежедневно работать по десять, двенадцать, а если нужно, то и по четырнадцать часов и отдать для победы свои последние силы?

Четвертый: англичане утверждают, что немецкий народ сопротивляется тотальным военным мерам правительства. Будто он хочет не тотальной войны, а капитуляции. Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальной войны? Хотите ли вы

вести ее, даже если надо вести ее еще тотальнее и радикальнее, чем мы сегодня вообще можем себе представить?

Пятый: англичане утверждают, что немецкий народ потерял доверие к фюреру. Я спрашиваю вас: разве ваше доверие к фюреру сегодня не еще больше, не еще убежденнее, не еще непоколебимее, чем прежде? Разве ваша готовность следовать за ним, идти по его пути и делать все, чтобы довести войну до победного конца, не стала абсолютной и беспредельной?

Я спрашиваю вас, в-шестых: готовы ли вы отныне отдать все свои силы и дать Восточному фронту людей и оружие, которые нужны ему, чтобы нанести большевизму смертельный удар?

Я спрашиваю вас, в-седьмых: даете ли вы фронту священную клятву, что тыл с высоким моральным духом стоит за ним и даст ему все, в чем он нуждается, чтобы завоевать победу?

Я спрашиваю вас, в-восьмых: хотите ли вы, особенно женщины, чтобы правительство позаботилось о том, чтобы женщина смогла отдать для ведения войны все свои силы и всюду, где только можно, заменила мужчин, которые нужны фронту, тем самым высвободив мужчин для него?

Я спрашиваю вас, в-девятых: одобрите ли вы, если это понадобится, самые радикальные меры против небольшого круга дезертиров и спекулянтов, которые в разгар войны играют в мир и хотят использовать народную нужду в своекорыстных целях? Согласны ли вы с тем, что тот, кто провинится перед войной, должен за это лишиться головы?

Я спрашиваю вас, в-десятых и в завершение: хотите ли вы, чтобы, как того требует программа национал-социалистической партии, именно во время войны среди нас царили равные права и равные обязанности, чтобы тыл тоже солидарно принял на свои плечи тяжкое бремя войны и чтобы все, и те, кто стоит высоко или низко, и те, кто беден или богат, поровну разделяли это бремя?

Итак, я задал вам вопросы. Вы дали мне свой ответ. Вы часть народа, а значит, своими устами провозгласили позицию всех немцев. Своими возгласами вы высказали нашим

врагам то, что они должны знать, дабы не предаваться иллюзиям и не создавать себе ложных представлений. Тем самым мы, как и с первого часа нашей власти все эти десять лет, пребываем в тесном и братском единстве с немецким народом. Самый могучий союзник, какой только есть на свете, сам народ, стоит за нами и полон решимости вместе с фюрером, не страшась самых тяжелых жертв, чего бы то ни стоило, добиться победы в борьбе...

Все мы, дети своего народа, сплотившиеся в этот величайший, судьбоносный час нашей национальной истории, клянемся всему народу, клянемся фюреру и фронту, что здесь, в тылу, мы хотим создать такой блок нашей воли, на который могут безусловно положиться и фюрер, и его сражающиеся солдаты. Мы обязуемся делать в наших жизнях и труде все, что нужно для победы. Мы хотим наполнить наши сердца той политической страстностью, которая всегда, во все времена борьбы партии и государства пылала в нас, как негаснущий огонь. Мы никогда не хотели в этой войне впадать в объективистскую мечтательность, которая принесла германской нации в ее истории так много горя. Когда началась эта война, мы направили наши взоры только и исключительно на нацию. То, что служит ее борьбе за свои жизненные интересы, хорошо, и должно сохраняться и поощряться. Мы хотим подходить к решению крупных проблем этого отрезка времени с горячим сердцем и холодной головой. Тем самым мы маршируем по пути, ведущему к конечной победе. А в основе всего лежит вера в фюрера. Вот почему я хочу в этот вечер еще раз раскрыть глаза всей нации на ее великий долг. Фюрер ждет от нас таких свершений, которые затмят все, что было до сих пор. Мы хотим быть на высоте его требований. Мы гордимся им, а он должен иметь возможность гордиться нами. Только в период больших кризисов и потрясений национальной жизни показывают себя на деле истинные мужчины, а также и истинные женщины. Тут уж никто не имеет права говорить о слабом поле, ибо оба пола доказывают свою одинаковую боевую решимость и душевную силу. Нация готова ко всему. Фюрер приказал, мы следуем за ним. В этот час национального осмысления и внутреннего подъема мы еще вернее

и нерушимое будем верить в победу. Мы видим победу в осязаемой близости, нам надо только протянуть руку и схватить ее. Мы должны найти в себе решимость поставить на службу ей абсолютно все. Таково веление времени. А потому наш лозунг: «Вставай, народ, да грянет буря!»

2. Антисемитские законы Третьего Рейха

(1) ЗАКОН «ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА» ОТ 7 АПРЕЛЯ 1933 ГОДА

Целью данного закона было ликвидировать политизацию, существовавшую в правительственном аппарате Веймарской республики, и главное — изгнание из него евреев. Заметим, что в 1933 году около 12% работающих евреев были служащими государственных учреждений, и нацисты провозгласили, что это действительно значительное число и есть зримое выражение еврейского господства в Германии. Закон был сформулирован следующим образом:

«Правительство Рейха приняло закон, публикуемый ниже:

1.1. Для упорядочения национального профессионального аппарата служащих и для упрощения администрирования разрешается, согласно тексту данного постановления, уволить со своих должностей нижеследующие категории чиновников, даже если для увольнения нет указаний в существующих законах.

1.2. Чиновниками в этом законе именуются лица, нанятые прямо или косвенно на службу Рейхом или другими государственными органами, чиновники муниципалитетов или муниципальных советов, чиновники общественных судов, а также учреждений, аналогичных сим... Эти же указания распространяются на работников системы социального страхования, имеющих права и обязанности чиновников.

2.1. Увольняются чиновники, поступившие на государственную службу после 9 ноября 1918 года и не имеющие соответствующей квалификации или способностей. Текущее

жалованье им будет выплачиваться в течение трех месяцев после увольнения.

2.2. Чиновники лишаются права на временное пособие, пенсию, а также права сохранять за собой чин, форму, медали за выслугу лет...

3.1. Чиновники неарийского происхождения переводятся на пенсию (п. 8 и далее); если они получили какое-либо почетное звание, их лишают его.

3.2. Подпункт первый настоящего параграфа не распространяется на тех, кто пребывал на службе до 1 августа 1914 года или воевал на фронте во время Мировой войны на стороне немецкого народа и его союзников, или же на тех, чьи родители или дети пали на войне. Дополнительные исключения возможны по разрешению министра внутренних дел, согласованному с соответствующим министерством или верховным бюро по делам службы за границей.

4. Разрешается увольнять чиновников, не доказавших своими действиями готовность непоколебимо в любой момент встать на защиту интересов государства.

Рейхсканцлер Адольф Гитлер

Министр внутренних дел Фрик

Министр финансов граф Шверин фон Крозигк

Дополнительный «арийский параграф» появился четыре дня спустя, 11 апреля, в инструкции по применению закона:

2-3. (1) Неарийцем считается тот, чье происхождение неарийское, особенно если у него родители или родители родителей евреи. Достаточно, если один из родителей или родителей родителей был неарийцем. Особенно важно, если один из родителей или родителей родителей исповедовал иудаизм.

(2) Если чиновник не состоял на службе до 1 августа 1914 года, он обязан доказать, что принадлежит к арийской расе, или воевал на фронте, или что он сын или отец павших на войне. Доказательством считается предьявление

справок (свидетельства о рождении, свидетельства о браке родителей, армейских справок).

(3) Если арийское происхождение ставится под сомнение, следует обратиться к эксперту по этим вопросам при министерстве внутренних дел...

В той же инструкции есть, однако, небольшая уступка чиновникам, принятым на работу до 1914 года; а также ветеранам Мировой войны (и их детям). Эта уступка была сделана в результате личного вмешательства президента Гинденбурга (еще до публикации закона), а также особой переписки между ним и Гитлером.

22.04.1933 — увольнение евреев-врачей из поликлиник;

25.04.1933 — введение процентной нормы для евреев в школах и университетах;

06.05.1933 — включение профессоров и нотариусов в категорию «профессиональных чиновников»;

02.06.1933 — увольнение из поликлиник зубных врачей и техников;

05.07.1933 — отмена пособий для молодоженов, если один из партнеров — неариец (обратите внимание: запрета на смешанные браки еще не существует);

14.07.1933 — отмена выданных после 1918 года разрешений на получение германского гражданства (в основном для евреев из Восточной Европы);

20.07.1933 — распространение действия «арийского параграфа» на адвокатские конторы;

22.09.1933 — учреждение «Государственного отдела культуры», куда доступ был открыт лишь для арийцев (этой организации подчинялась сеть местных профессиональных бюро. Лишь зарегистрированным в них членам позволялось легально заниматься тем или иным видом культурной деятельности. Таким образом, евреев фактически лишили прежних рабочих мест в этой сфере);

29.09.1933 — требование от крестьян доказательств их арийского происхождения;

04.11.1933 — появление «Закона о редактировании газет», запрещавшего евреям или лицам, состоящим в браке с евреями, редактировать немецкие газеты.

(использован материал с сайта www.Pedclub.ru/history/lessons).

(2) НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАКОНЫ

А. Закон о защите немецкой крови и немецкой чести от 15 сентября 1935 года

Побуждаемые сознанием того, что чистота немецкой крови является залогом существования немецкого народа, а также непоколебимой решимостью гарантировать существование немецкой нации во все времена, рейхстаг единодушно принял публикуемые ниже законы.

§ 1.1. Браки между евреями и государственными подданными немецкой или родственной крови запрещены. Заключенные вопреки этому закону браки не имеют юридической силы, даже если они оформлены в обход этого закона за пределами Германии.

2. Процедура аннулирования такого брака может быть осуществлена только государственным прокурором.

§ 2. Половая связь между евреями и государственными подданными немецкой или родственной крови запрещена.

§ 3. Евреям запрещается нанимать на работу у себя в дом женщин — государственных подданных немецкой или родственной крови, не достигших 45 лет.

§ 4.1. Евреям запрещено вывешивать флаг Рейха как национальный флаг, а также использовать цвета Рейха для иных целей.

2. В то же время им разрешено демонстрировать еврейские цвета. Это право охраняется государством. (Имеется в виду вывешивание флагов со звездой Давида.)

§ 5.1. Всякий, кто нарушит запрет, установленный в п. 1, будет наказан тюремным заключением в один год и принудительными работами.

2. Лицо мужского пола, нарушившее запрет, установленный в п. 2, будет наказано тюремным заключением без принудительных работ.

3. Всякий, кто нарушит указания 3 и 4, будет наказан тюремным заключением сроком до одного года и штрафом или одной из этих мер наказания.

§ 6. Министр внутренних дел Рейха совместно с заместителем фюрера и министром юстиции Рейха разработает специальные законодательные и административные положения о применении и исполнении этих законов.

§ 7. Закон вступит в силу на следующий день после его опубликования, кроме 3, который вступит в силу лишь с 1 января 1935 года.

Нюрнберг, 15 сентября 1935 года,
в день Партийного Съезда Свободы.
Фюрер и канцлер Рейха: Адольф Гитлер
Министр внутренних дел: Фрик
Министр юстиции: Гиртнер
Заместитель фюрера: Р.Гесс

Б. Закон о гражданстве Рейха

Рейхстаг единогласно утвердил следующий закон, провозглашаемый ниже:

§ 1.1. Подданным государства является всякий находящийся под защитой Германского Рейха и потому несущий перед ним особые обязанности.

1.2. Подданство Рейха даруется согласно указаниям Закона о подданстве Рейха и государства.

2.1. Гражданином Рейха является лишь подданный государства немецкой или близкой ей крови, доказавший своим поведением, что он готов и достоин верно служить немецкому народу и Рейху.

2.2. Право гражданства даруется путем выдачи свидетельства о гражданстве Рейха.

2.3. Только гражданин Рейха обладает всеми политическими правами, в соответствии с законом.

3. Министр внутренних дел по согласованию с фюрером издает административные инструкции по проведению в жизнь и исполнению данного закона.

Нюрнберг, 15 сентября 1935 года,
в день Партийного Съезда Свободы.
Фюрер и канцлер Рейха Адольф Гитлер,
Министр внутренних дел Фрик.

**В. Первое пояснение к закону о гражданстве Рейха
от 15 сентября 1935 года, изданное
14 ноября 1935 года**

4.1. Еврей не может быть гражданином Рейха. Он не имеет права голоса в политических вопросах, не может занимать должностей в государственных учреждениях.

4.2. Чиновники-евреи будут уволены до 31 декабря 1935 года.

5.1. Евреем считается лицо, среди предков которого во втором поколении (бабки и деды) имелось не менее трех лиц еврейской расы...

5.2. «Мишлинг» (метис, полукровка), который является государственным подданным, также считается евреем, если он происходит от двух еврейских предков.

**(3) ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ГРУППЕНФЮРЕРА СС
ОЛЕНДОРФА, НАЧАЛЬНИКА АЙНЗАЦГРУППЫ-D, НА
СУДЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
В НЮРНБЕРГЕ 3 ЯНВАРЯ 1946 г.**

О л е н д о р ф: С июня 1941 года до смерти Гейдриха, то есть до июня 1942 года, я руководил оперативной группой «D» и был уполномоченным начальника полиции безопасности и СД при 11-й армии.

Э й м е н: В какой области действовала группа «D»?

О л е н д о р ф: Группа «D» действовала на Южной Украине...

Э й м е н: Если официальные задачи этой группы были связаны с деятельностью против евреев и коммунистических комиссаров, то в какой степени эта группа занималась ими?

О л е н д о р ф: Что касается вопроса о евреях и коммунистах, оперативная группа и руководители отдельных опера-

тивных команд имели устные распоряжения, которые были им даны до выступления.

Э й м е н : Каковы были эти инструкции по отношению к евреям и коммунистическим деятелям?

О л е н д о р ф : Им было поручено ликвидировать евреев и политических комиссаров в районе операций оперативных групп на русской территории.

Э й м е н : Когда Вы говорите «ликвидировать», Вы имеете в виду «убивать»?

О л е н д о р ф : Да. Это значит убивать.

Э й м е н : Скажите, знаете ли Вы, сколько всего человек было уничтожено и ликвидировано оперативной группой «D» за период Вашего руководства?

О л е н д о р ф : С июня 1941 по июнь 1942 года оперативные команды сообщили, что уничтожено примерно 90 тысяч человек.

Э й м е н : Скажите Трибуналу подробно, как проводились эти массовые казни?

О л е н д о р ф : Местная оперативная команда пыталась учесть всех евреев и объявила регистрацию. Регистрацию проводили сами евреи... Евреев после регистрации собирали в одно определенное место. Оттуда их позднее перевозили к месту казни. Как правило, местом казни был противотанковый ров или просто яма. Казни осуществлялись по-военному, по команде.

Э й м е н : Каким образом они транспортировались к месту казни?

О л е н д о р ф : Их привозили в грузовиках к месту казни, причем столько, сколько можно было казнить немедленно. Таким образом, все это проводилось по возможности быстро, то есть промежуток между действительной казнью и осознанием, что это совершится, был очень незначителен.

Э й м е н : После того как они были расстреляны, что делали с их телами?

О л е н д о р ф : Их хоронили в этой яме или в противотанковом рву.

Э й м е н : Что вы делали с личной собственностью и одеждой казненных?

Олендорф: Ценные вещи изымались при регистрации, то есть в тот момент, когда людей собирали. Они конфисковывались и передавались через главное управление безопасности Рейха в министерство финансов или непосредственно в это министерство. Одежда вначале раздавалась населению, но позднее она собиралась НСФ (национал-социалистическое благотворительное общество) и распределялась этой организацией.

Эймен: Вся эта личная собственность в то время регистрировалась?

Олендорф: Регистрировались только ценности.

Эймен: Скажите, пожалуйста, все жертвы — женщины, мужчины и дети — казнились одинаково?

Олендорф: До весны 1942 года одинаково. Затем последовал приказ от Гимmlера, что в будущем женщины и дети должны уничтожаться только в душегубках.

Эймен: А как женщины и дети подвергались казни раньше?

Олендорф: Также, как и мужчины: их расстреливали...

Эймен: Опишите Трибуналу конструкцию душегубок и их внешний вид.

Олендорф: По внешнему виду нельзя было сделать заключение о назначении душегубок. Это были закрытые грузовики. Они были устроены таким образом, что при пуске мотора газ из выхлопной трубы проходил в кузов, и примерно через 10—15 минут наступала смерть.

Никитченко: Вы в своих показаниях говорили, что оперативная группа имела целью уничтожение евреев и коммиссаров. Правильно?

Олендорф: Да.

Никитченко: По каким мотивам истребляли людей?

Олендорф: Был приказ о том, что еврейское население должно быть полностью уничтожено.

Никитченко: В том числе и дети?

Олендорф: Да.

Никитченко: Только ли детей евреев уничтожали?

Олендорф: Да.

Полковник Джон Эймен — обвинитель от США Генерал-майор юстиции. И. П. Никитченко — член Международного военного трибунала от СССР.

Из приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге «Преследование евреев».

Подобные доказательства, представленные Трибуналу, усугубляют факт преследования евреев нацистским правительством. Это история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах.

Когда свидетеля Бах-Зелевского спросили, как могло случиться, что Олендорф, как он признал, с находившимися под его командой людьми убил 90 тысяч человек, он ответил:

«Я лично считаю, что, когда в течение долгих лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен».

Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на суде:

«Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежат некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого) — изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет снята».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее:

«Только **представитель расы**¹ может быть гражданином, а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может быть представителем расы».

¹ В оригинале «фольксгеноссе» (т. е. «товарищ по народной общности»).

К осени 1938 года нацистская политика в отношении евреев достигла стадии, принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигали и уничтожали синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские дельцы — арестам. На евреев был наложен коллективный штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, и передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине.

Нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя оно было жестоким и безжалостным, не идет, однако, ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны на оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабского труда. Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела 4-В.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз. Мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма, показывавшего общие могилы сотен жертв, впоследствии обнаруженных союзниками.

По вопросу об Освенциме Трибунал заслушал показания Гесса, являвшегося с 1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. комендантом лагеря. Он заявил, что только в одном лаге-

ре Освенцим за этот период времени было истреблено 2500 тысяч человек, помимо того, что 500 тысяч погибли от болезней и голода.

Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения.

По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выискивающие евреев для так называемого окончательного решения вопроса. В некоторые страны-сателлиты (Венгрия и Болгария) были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагеря уничтожения в Германию. Известно, что к концу 1944 года 400 тысяч евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110 тысяч евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито 6 миллионов евреев, из которых 4 миллиона было убито в пунктах для истребления людей.

(по материалам сайта www.holocaust.ioso.ru).

(4) 6 ИЮНЯ 1960 ГОДА, ПРОЦЕСС ЭЙХМАНА В ИЕРУСАЛИМЕ Из стенограммы заседания

Эйхман. Господин капитан, я читал, будто Гёсс сказал, что он убил четыре миллиона евреев. До сих пор я считал это число весьма завышенным. Но если мы теперь хотим говорить о цифрах вообще: миллион это, или четыре миллиона, или это сто человек — это ведь в принципе безразлично. Я за все эти 15 лет иногда прикидывал сам. В конце войны я говорил моим офицерам о пяти миллионах — такое число мне туманно представлялось тогда. На языке конца света — или как его еще назвать? — эти точные цифры были мне совершенно не нужны.

Я теперь уже не помню, говорилось ли в еврейском ежегоднике для Европы о десяти миллионах евреев, и не знаю, входили туда оккупированные немецкими войсками рус-

ские области или нет. Во всяком случае, я пытался определить базис. Я читал, что через несколько месяцев после войны союзники обнаружили еще 2,4 миллиона евреев. Это я читал. Эмиграция из Германии, Австрии, ЧССР — я прикинул, ну, пусть 1,2 миллиона эмигрировали. Еще естественное снижение численности. Я не статистик, просто я это так прикинул. Так что думаю: да, получается, что около шести миллионов евреев были убиты; так я это себе представлял. Прав ли я в этом, господин капитан, я не знаю.

Л е с с (следователь). Фамилии убитых евреев в вашем отделе регистрировались?

Э й х м а н. Эвакуированных евреев? Или... тех... всех... всех? У меня этого не было. Не было такого!

Л е с с. Почему же вас запрашивали относительно свидетельств о смерти евреев?

Э й х м а н. Меня запрашивали. Но списков не было. Не имеет ведь смысла отрицать то, что произошло. Мне бы пришлось заводить слишком... очень... очень большое — скажем, бросающееся в глаза, по меньшей мере — делопроизводство такого... такого рода. Нет, его не было.

Д е с с. Когда концентрационные лагеря давали в Главное управление имперской безопасности отчеты об умерших, разве они не должны были попадать и к вам, если там были евреи?

Э й х м а н. По евреям этого не делали. Когда вначале были приказы об отдельных экзекуциях, тогда, конечно, были личные дела, а когда пошли уже списки, это было уже... массовое дело. У нас их не было...

Э й х м а н. Нет. Я никогда не получал отчетов. Конечно, они должны были отчитываться перед Главным управлением делами и хозяйством. Меня однажды посетил статистик, профессиональный статистик. Фамилия этого человека была Цахариас или похожая. Мне кажется, начиналась с буквы «Ц». Это ведь можно установить. Перед этим мой начальник Мюллер сообщил мне, что надо будет сделать отчет для Гитлера, — для фюрера, сказал он тогда; по приказу Гиммлера и на машинке фюрера. Я это слово услышал тоже в первый раз. Это была пишущая машинка с огромными ли-

терами, я должен был распорядиться, чтобы, когда статистик закончит отчет, ее доставили из управления гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, потому что в полиции безопасности была только одна такая машинка.

Ну хорошо, тот человек, статистик, пришел ко мне в отдел. У него было указание от рейхсфюрера составить подробную статистику о положении дел с решением еврейского вопроса в Европе; все дела с грифом «государственная тайна», все надо было предоставить этому сотруднику. И он был явно в курсе дела, это я сразу заметил. Он уже запросил всех командующих полицией безопасности.

Л е с с. К каким выводам он пришел?

Э й х м а н. Он объединил все дела по уничтожению на Востоке. Это было к тому времени, вместе с эмиграцией и естественным сокращением, как он это называл, наверное, 4.500.000 или 5 миллионов. Такое число осталось у меня в памяти. Тем самым — так было сказано в том отчете — проблема евреев в Европе в основном закрыта.

Л е с с. Вы не знаете фамилию статистика?

Э й х м а н. Она начиналась на «Ц». Почему-то мне кажется — Цахариас?

Л е с с. Доктор Корхер?

Э й х м а н. Корхер? Боже мой, я так ошибся? Корхер, Корхер? Эту фамилию я тоже слышал!

Л е с с. Какие материалы вы представили этому статистику?

Э й х м а н. Все дела с грифом «государственная тайна», как было приказано. По всем эшелонам, о которых нам было доложено.

Л е с с. Эти материалы содержали и цифры об уничтожении евреев?

Э й х м а н. Нет. Уничтожение — нет. У меня их никогда не было.

Л е с с. Только число эвакуированных и поезда? Вам ведь сообщали, когда эшелон отправлялся.

Э й х м а н. Такие сообщения мы получали. Я знал только эти числа, и по ним Гюнтер в своем кабинете отмечал на стене — ведь это... это, наверное, десятки раз видел д-р

Лёвенгерц... каждый, кто туда заходил, мог видеть этот график, длинную кривую. Жаль, что я уже не помню общего числа.

Л е с с . Вы и до этого уже составляли отчет о числе депортированных евреев?

Э й х м а н . До того, как пришел статистик? Господин капитан, я не знаю. Если было приказано, то, разумеется, делал, но вспомнить не могу. При многочисленной писанине — потому что наша работа состояла ведь только из писанины — сейчас на самом деле очень трудно уверенно отвечать о каком-то отдельном деле из этой писанины.

Л е с с . Статистик приходил потому, что Гиммлер находил число уничтоженных евреев слишком низким?

Э й х м а н . Нет. Этот статистический отчет был сделан затем, чтобы дать Гиммлеру возможность информировать Гитлера. Потому что я потом получил документ обратно, с пометкой Гиммлера:

«1. Фюрер принял к сведению. 2. Черновики уничтожить».

Или слова «черновики» не было. Просто «2. Уничтожить».

Л е т о п и с е ц . Доктор Рихард Корхер, известный в научных кругах статистик, не был членом СС. Гиммлер пользовался его услугами, так как верил, что средствами статистики сможет разоблачить неточности и приписки своих нижестоящих «фюреров». Численным балансом уничтожения евреев он надеялся произвести впечатление на Гитлера. Однако, к огорчению Гиммлера, случая передать отчет лично Гитлеру ему не представилось.

Пришлось отдать его Мартину Борману. Тот сначала вернул документ, причем с замечанием, что в такой форме он не может быть представлен Гитлеру; что слова «ликвидация» и «особое обращение» должны быть заменены другими. Но когда это было сделано, Борман продолжал тянуть. Он понимал: хотя евреев надо уничтожить, но глава государства не желает знать об этом официально.

Л е с с . Я показываю вам теперь фотокопию, письмо рейхсфюрера СС начальнику полиции безопасности и СД

Берлина. Государственная тайна. Вы мне можете сказать, чьи это инициалы там внизу?

Э й х м а н . Это подпись Гиммлера, «ГТ». С грифом «государственная тайна», из полевой ставки рейхсфюрера:

«Я получил статистический отчет инспектора по статистике об окончательном решении еврейского вопроса. Полагаю, что в качестве возможного материала на будущее, для целей прикрытия, этот отчет весьма хорош. В настоящее же время его нельзя ни публиковать, ни знакомить с ним других лиц. Важнее всего для меня по-прежнему то, что теперь евреев отправляют на Восток; что является единственно возможным решением с человеческой точки зрения...»

Л е с с . Ну что? Как это следует здесь понимать: для целей прикрытия?

Э й х м а н . Да, мне это теперь тоже не ясно; ведь после того как статистик в основном... Хотя что значит — в основном? Он ведь все вещи назвал и сосчитал, он привык это делать как статистик.

Л е с с . Может быть, отчет статистика Корхера не содержал никаких цифр, относящихся к убитым евреям. Отсюда выражение «для целей прикрытия».

Э й х м а н . Нет, это не подходит. Там же были все цифры, какие статистику дали из... прислали с Востока, иначе их вообще не оказалось бы в этом отчете. И это был отчет для... для фюрера, и никто не стал бы там ничего — скажем так — причисывать. «Для целей прикрытия» — это для меня необъяснимо.

Л е с с . В последней фразе здесь написано:

«Я хочу, чтобы в кратких месячных отчетах полиции безопасности сообщалось только число отправленных за месяц евреев и сколько еще осталось на данный момент».

Значит, вы подавали ежемесячные отчеты о вывезенных евреях?

Э й х м а н . Да, конечно. Видите ли, это же отчетность, и месячные отчеты относятся к ней, совершенно ясно. Наверное, месячные отчеты стали казаться ему слишком длинными. Могу себе представить.

Л е с с . Раньше ваш отчет содержал больше сведений?

Эйхман. Да, там была вся ситуация, все трудности в отдельных странах. Общий, я бы сказал, охватывающий все вопросы рабочий отчет; разумеется, в соответствующей... в соответствующей краткой форме.

Но скольких убили — этих цифр я не имел. Когда статистик находился у меня, чтобы сделать свой анализ, неделю или две недели он был в моем отделе, каждый день — он посылал отсюда телеграммы и всевозможные запросы в самые разные учреждения. И вот я думаю... Ведь возможно следующее... Да, это теперь... теперь мне все совершенно ясно про это письмо, почему там сказано «с целью прикрытия». Ведь статистик получал от меня только общее число вывезенных, а не убитых.

Лесс. С какого времени вы знали доктора Вильгельма Хёттля?

Эйхман. С Хёттлем я познакомился в 1938 г. где-то в Вене. Он в то время тоже был, я думаю, в СД.

Лесс. Он был все эти годы в СД? Он тоже был в Венгрии?

Эйхман. Я сейчас не уверен, что Хёттль был в Венгрии, но если он там был, то я, наверное, говорил с ним и там.

Лесс. Вы рассказывали Хёттлю, что в Венгрии вы организовывали и контролировали вывоз евреев в лагерь уничтожения Освенцим?

Эйхман. Организовать и контролировать — такого я Хёттлю никогда не говорил.

Лесс. А что говорили?

Эйхман. Может быть... может быть, говорил в соответствии с действительным положением дел, поскольку Хёттль был ведь в то время, я полагаю, давно уже начальником отдела в управлении VI Главного управления имперской безопасности, он знал о делах не хуже меня. Управление VI, они занимались разведкой. Почему бы им не быть в курсе дел своих же — если можно так сказать — служб.

Лесс. Вы говорили Хёттлю, сколько было уничтожено евреев?

Эйхман. Сколько, как я думал? Если он меня спросил, то возможно, что я назвал ему ориентировочное число. Разумеется.

Л е с с. Я прочту вам теперь место из 31-го тома материалов Международного военного трибунала по делу главных военных преступников в Нюрнберге — письменные показания д-ра Вильгельма Хёттля, данные под присягой. Я цитирую:

«Меня зовут д-р Вильгельм Хёттль, штурмбаннфюрер СС, майор СС. Моя должность до капитуляции Германии была: референт и заместитель начальника отдела в VI управлении Главного управления имперской безопасности. Управление VI было так называемым иностранным управлением СД и занималось разведкой во всех странах мира. Это примерно соответствует английской «Интеллидженс сервис».

Далее:

«В конце августа 1944 г. я беседовал в своей квартире в Будапеште с известным мне с 1938 г. оберштурмбаннфюрером СС Адольфом Эйхманом. Эйхман был в то время, насколько я знал, начальником отдела в IV управлении — гестапо — Главного управления имперской безопасности и, кроме того, выполнял поручение Гиммлера — собрать во всех европейских странах евреев и перевезти их в Германию.

Эйхман был под сильным впечатлением выхода Румынии из войны, последовавшего в те дни. Он выразился в том смысле, что война Германией уже проиграна и у него лично никаких шансов не остается. Он знает, что Объединенные Нации считают его одним из главных военных преступников, потому что на его совести миллионы еврейских жизней. Я спросил его, сколько именно, на что он ответил, что это число — большая государственная тайна, но мне он скажет, потому что мне как историку это должно быть интересно. Он недавно делал отчет для Гиммлера, так как тот хотел знать точное число убитых евреев. И на основе имевшейся у него информации пришел к следующему выводу. В различных лагерях уничтожения было убито примерно четыре миллиона евреев, а еще два миллиона нашли другую смерть, причем большая их часть была расстреляна оперативными группами, «айнзацкомандами» полиции безопасности, во время военной кампании против России.

Гиммлер был доволен результатом, потому что число уничтоженных евреев должно быть, как он считал, больше шести миллионов. Гиммлер заявил, что пришлет к Эйхману человека из своего статистического отдела, чтобы тот на основании материалов Эйхмана подготовил новый отчет. Я полагаю, что эта информация, сообщенная мне Эйхманом, была верна, потому что он имел самые достоверные сведения о числе убитых евреев от всех занимавшихся этим лиц.

Во-первых, он — его оперативные группы, «зондеркоманды» отправляли евреев в места уничтожения, а во-вторых, он как начальник того отдела в IV управлении, который и занимался еврейскими делами, знал это число лучше всех. К тому же Эйхман находился в тот момент в таком душевном состоянии, что у него совершенно не могло быть намерения говорить неправду». (...)

Л е с с. Я показываю вам документ обвинения 11-го Нюрнбергского процесса военных преступников. Это телеграмма из Будапешта от 17.6.1944 г. В строке «евреи» здесь значится: «Общее число отправленных в рейх 326.009».

Э й х м а н. Число, если его приводит имперский уполномоченный по Венгрии Везенмайер, должно соответствовать. Значит, он получил его от меня или от кого-то из моих людей. (...)

Э й х м а н. (...) Лично я верю, верю и сегодня, что большая часть из 450.000 венгерских евреев, которых увезли в Освенцим, остались живы. Ведь вскоре... да, могу сказать это: каким-то образом из Германии пришел приказ: «стоп!» — остановить депортацию.

Л е с с. От Гиммлера?

Э й х м а н. Да. Командующий полицией безопасности в Будапеште получил из Германии приказ «отставить!».

Не разрешалось продолжать эвакуацию, потому что Освенцим уже не мог принять столько, поэтому Гиммлер и отдал приказ прекратить убийства. Освенцим был переполнен и не мог принять больше никого. Я полагаю, перерыв длился с неделю.

Л е с с. Это означает, что потом все продолжалось дальше?

Эйхман. Да, потом опять, так точно.

Лесс. Что значит: «Завершение всей акции, включая отправку», как написано здесь у советника фон Таддена, связанного с вами в МИДе?

Эйхман. Это означало, разумеется, полную очистку Венгрии от евреев.

Лесс. Включая младенцев, детей и стариков?

Эйхман. В этом случае — да! В этом случае — да. Но в Будапеште за дело взялись не сразу.

Лесс. Запланированная массовая акция в Будапеште, которая была предпринята, планировалась немецкой инстанцией, а не венгерской?

Эйхман. Это единая акция, ее планировали в самом полном взаимодействии обе службы.

Лесс. Но мы видели здесь по документам, что со стороны венгерских инстанций чинилось сопротивление, возможно, за исключением статс-секретаря Эндре. Поэтому вы с вашей группой и были там — чтобы оказывать давление.

Эйхман. Господин капитан, сопротивление в Венгрии оказывали Хорти и его ближайшее окружение.

Сломить это сопротивление не было задачей небольшой команды полиции безопасности и СД, это была задача высоких лиц при фюрере в Берлине, МИДа, рейхсфюрера СС и начальника германской полиции — вот таким тяжеловесам приходилось в это лезть. А не «зондеркоманде Эйхмана», господин капитан.

Лесс. Разве не следует из документов, которые мы здесь видели, что существовал план: за четыре месяца извлечь всех до одного из миллиона евреев и депортировать их?

Это значит, что ваша акция проводилась под сильным давлением, чтобы завершить ее как можно скорее?

Эйхман. Так точно!

Лесс. Что же осталось еще от евреев Европы? Была одна только Венгрия.

Эйхман. Господин капитан, так было с самого начала: эвакуировать как можно быстрее. Если мне был дан приказ — сгонять их с востока на запад как можно скорее, зна-

чит, германскому руководству стало уже в общих чертах ясно, как складывается положение на фронтах.

Но темпы акции, господин капитан, не зависели от меня с моими несколькими людьми.

Я не мог форсировать темп, форсировать темп могло одно только венгерское министерство внутренних дел.

Если бы, например, со стороны венгерской жандармерии чинился — употребим все же это слово — саботаж, то ничего бы вообще не происходило, абсолютно ничего!

Иохен фон Ланг. Протоколы Эйхмана. <http://history.pedclub.ru/shoa/eihman08.htm>.

(5) КАК СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ РАССТРЕЛИВАЛИ ЕВРЕЕВ

Среди советских партизан в годы войны было распространено убеждение, что гестапо засылает к ним евреев в качестве агентов. Ведь жертв геноцида никто не заподозрит, мол, в сотрудничестве с немцами. 10 августа 1943 года командир Осиповичского партизанского соединения Королёв докладывал в Москву: «В последнее время гестапо использует евреев в целях шпионажа. Так, при Минском и Борисовском гестапо были открыты 9-месячные курсы для евреев. Шпионы рассылались по квартирам в городе и засылались в партизанские отряды, последние снабжались отравляющими веществами для отравления партизан и командиров. В Минской зоне был разоблачён целый ряд таких шпионов» (ф. 625, оп. 1, д. 20, л. 578об).

У особых отделов была какая-то мания в каждом еврее-перебежчике видеть немецкого шпиона. А если это был польский еврей, да ещё служивший у немцев, его положение становилось почти безнадежным.

18 марта 1943 года к партизанам бригады Донукалова, действовавшей в районе Минска, перешёл Генрих Максимилианович Чаплинский, 1890 года рождения. Польский еврей, он был профессором Краковской и Львовской консерваторий. Чаплинский много гастролировал по миру, жил в Лондоне, Париже, Антверпене, посещал Бразилию,

Канаду и США. В 1940 году НКВД арестовал его «за нелегальный переход границы в районе Малкина». Чаплинский 7 месяцев провёл в тюрьме города Белостока. С началом советско-германской войны во время бомбардировки бежал из колонны эвакуируемых заключённых. Сам он на допросе в партизанском отряде утверждал, что в районе Червень был отпущен конвоем. В дальнейшем Чаплинский служил переводчиком в немецких авиационных частях и штабах в Минске, Витебске, Могилёве и других белорусских городах. Выручило знание языков — Чаплинский владел польским, русским, немецким, английским, французским, испанским и чешским. Но с точки зрения советских органов безопасности «безродный космополит» Чаплинский, объездивший чуть ли не весь мир, выглядел матёрым шпионом. Пономаренко и нарком госбезопасности Белоруссии Лаврентий Фомич Цанавя 15 мая 1943 года сообщили Сталину основные этапы биографии профессора консерватории и сделали неутешительный для него вывод: «Предварительный опрос Чаплинского даёт полное основание полагать, что он является агентом немецкой разведки, специально подосланным в партизанский отряд Донукалова для проникновения в советский тыл. Причём есть основания полагать, что он является старым агентом немецкой разведки, работавшим в ряде стран по её заданию. Чаплинский передан в Главное Управление «Смерш» т. Абакумову». До этого Пономаренко утверждал также, без каких-либо доказательств, что Чаплинский «немцами использовался в качестве переводчика по серьёзным делам». (РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 21, л. 58-59). Что это были за серьёзные дела, Пантелеймон Кондратьевич не уточнил. Может быть, намекал на какие-то допросы советских агентов? Но люфтваффе ведь никакими полицейскими функциями не обладали, и вряд ли Генрих Максимилианович использовался чем-либо иным, чем переговорами с местными властями насчёт расквартирования и снабжения авиационных частей всем необходимым.

А вот ещё одно, по всей видимости, сфабрикованное дело — о немецких агентах, будто бы засланных в партизанскую бригаду «Дяди Васи» в Белоруссии для проведения ди-

версионной и террористической деятельности. Начальник состоявшей при бригаде спецгруппы НКВД Бэр и начальник Особого отдела бригады Иванов в докладной записке в Центральный штаб партизанского движения утверждали: «14 марта 1943 года партизан отряда им. Суворова Лисогор Иван Максимович (прибыл в партизанский отряд 6.3.43 из 46-го украинского батальона), будучи в деревне Янушковичи, Логойского района Минской области, в доме крестьянина Богушевича, в присутствии партизанки Левиной и семьи Богушевича в пьяном виде проболтался о своей враждебности к Советской власти, высказывая контрреволюционную клевету по адресу вождей партии, и избил партизанку из соединения «Дяди Димы» за то, что она пыталась прекратить его контрреволюционные выпады.

29 марта 1943 года Особым отделом Лисогор был арестован, признался в своих контрреволюционных выпадах и клевете по адресу вождей партии и Советской власти в силу своей враждебности к ним. Следствие было направлено на то, чтобы выяснить, не является ли Лисогор агентом гестапо, засланным со специальным заданием германской разведкой в партизанский отряд. Следствием это было установлено».

Интересно, а каким образом следователи установили, что Иван Лисогор был германским шпионом? Только на основе его собственных признательных показаний. Несомненно, беднягу сильно били, и ему пришлось не только на себя возвести напраслину, но и оговорить своих товарищей по 46-му украинскому батальону — Брейтмана-Петренко, Климова, Токмана и некоторых других, вместе с ним бежавших к партизанам. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что Михаил Иосифович Брейтман, в батальоне служивший под фамилией Петренко, был самым настоящим евреем. Чекистам пришлось придумать, что, будучи разоблачён во время медосмотра как еврей, Брейтман под угрозой расстрела был завербован в качестве агента командиром батальона. Затем он будто бы был направлен в концлагерь для евреев в местечке Малый Тростенец под ви-

дом рабочего, но фактически являлся курсантом специальной «школы гестапо» для агентов-евреев. Михаил Иосифович подробно рассказал (или подписал то, что ему продиктовали следователи) о многочисленных ядах, которые ему демонстрировали инструкторы-немцы, упомянул, в частности, какую-то розовую ядовитую жидкость, но вот беда: при аресте у Брейтмана никаких ядов, взрывчатки или иных орудий «диверсионно-террористической деятельности» найдено не было. Также и товарищи, которых он оговаривал, в качестве вербовщика указали на командира батальона, но больше никого из сотрудников немецкой разведки назвать не смогли. Когда же речь зашла об их сослуживце Балакине, будто бы засланном со шпионским заданием в другой партизанский отряд, то арестованные стали говорить о вещах и вовсе фантастических. Будто бы начальник штаба батальона офицер-эстонец Мельдерс неоднократно собирал их вместе и, вопреки всем правилам конспирации, ставил в пример Балакина, якобы добывающего ценную информацию.

В докладной записке Бэр и Иванов вынуждены были констатировать, что «практической деятельности все эти агенты гестапо в широких размерах осуществить не смогли, за исключением доносов гестаповцам за время пребывания в украинском батальоне на солдат» (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 28, л. 445—458). Не придумывать же, в самом деле, несостоявшиеся диверсии и убийства.

О том, что немцы никогда не рискнут выпустить за линию фронта или к партизанам агента, которому они абсолютно не верят, чекисты предпочитали не задумываться. А еврею Брейтману они никогда бы не поверили из-за одной только расовой принадлежности, делавшей для агента не только бессмысленным, но и заведомо опасным возвращение на германскую сторону.

Лисогор, Брейтман-Петренко, Климов и Токман были расстреляны. Вот чем закончилась пьяная ссора бойца-украинца с партизанкой Левиной. Вероятно, из ревности или просто спьяну Иван Михайлович действительно ударил Ле-

вину. Может, заодно прошёлся и по кому-то из партийных вождей. Но не исключено, что его «контрреволюционные разговоры» целиком и полностью выдумала Левина, чтобы придать доносу большую весомость. А дальше — арест, побои, продиктованные следователями признания и скорый расстрел. Невозможно допустить, что в ситуации, когда против них не было никаких улик, несчастные вдруг в одночасье одумались и признались, что являются германскими агентами, подписав тем самым себе смертный приговор.

В составленной в 1942 году начальником Разведывательного управления Центрального штаба партизанского движения Аргуновым «Справке о провокационных методах борьбы с партизанами», в частности, говорилось: «В отряд тов. Русакова пробралась в качестве санитарки немецкая шпионка, имевшая несколько фамилий — Иткина, Дынкина, Озер. Она вошла в доверие к комиссару отряда Филиповскому и с его помощью устроила в качестве заместителя командира отряда другого немецкого шпиона, Шишко. Ими в одном из боёв убит командир отряда Русаков, оперативный работник Емельянов и лучший разведчик отряда — Боец. Шпионы были разоблачены и расстреляны...

Для забрасывания в партизанские отряды в качестве разведчиков немцы используют евреев, надеясь на то, что партизаны, зная, что немцы евреев жестоко преследуют, будут оказывать им больше доверия...

Немецкая разведка... особо красивых женщин и девушек, снабжает их ядовитыми веществами с задачей влиться в отряд, войти в доверие командного состава и потом произвести отравление» (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 37, л. 10-11, 13).

Бросается в глаза, что все подлинные или мнимые фамилии «немецкой шпионки» — еврейские, а вся история с гибелью командира и «лучших людей» отряда больше смахивает на какие-то внутриотрядные разборки. Да и как сегодня точно установишь, убили ли Русакова и его товарищей немцы и полицейские, или Шишко с Иткиной? Скорее

всего, в данном случае мы имеем дело ещё с одним случаем юдофобии среди партизан.

15 января 1943 года начальник отделения пропаганды политотдела Объединённых бригад юго-западных районов Орловской области, где существовала своя партизанская республика, Иван Гуторов писал в штаб партизанского движения: «Работники НКВД очень усердно разбирают биографии Покровских, Левок и других командиров и бойцов партизанских отрядов, но мало (судя по результатам) занимаются агентурной разведкой среди населения и особенно войск противника. Совершенно не умеют по молодости и опыту работать с двойными шпионами и обычно очень скороспешно их расстреливают, как, например, еврейских девушек Иру и Еву Черняк, последняя будто бы даже окончила школу гестапо в Брянске. Плохо также и то, что работающие в нашем крае особотдельцы и резиденты не знают немецкого языка и не могут поэтому должно использовать немецкие документы» (РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 10, л. 30).

Насчёт того, что в случае с несчастными сёстрами Черняк проявилось неумение чекистов работать с двойными агентами, Гуторов добросовестно заблуждался. Никакими немецкими агентами бедные еврейки не были и быть не могли. Тут одно из двух. Либо сёстрам удалось скрыть своё еврейство, и они согласились стать немецкими агентами только затем, чтобы попасть в партизанский отряд. В этом случае они наверняка бы рассказали о своих контактах с противником командованию отряда. Невероятно, чтобы немцы стали бы вербовать к себе в качестве агентов сестёр Черняк, если бы точно знали, что они — еврейки. Ведь агент должен пользоваться доверием своих хозяев, а к евреям у немцев никакого доверия не было. Наоборот, была почти полная уверенность, что люди, чудом избежавшие «окончательного решения», немедленно раскроются перед партизанами и не подумают работать на своих палачей. Но, скорее всего, сёстры ничьими агентами не были, а просто стали жертвой провокации особистов, решивших поймать

парочку немецких шпионов. И историю о несуществующей «школе гестапо» придумали работники НКВД. Ведь в действительности агентов у немцев готовили школы абвера, а не гестапо! Разумеется, чекисты не собирались использовать в качестве «двойных агентов» придуманных ими же «шпионов-евреек». Сестёр Черняк просто побыстрее расстреляли, чтобы они не успели отречься от выбитых из них признаний.

Содержание

Вступление	5
Творец Третьего Рейха	14
«Моя борьба» — правда и миф	19
Национал-социализм и германский капитал	34
Был ли заговор Эрнста Рема?	57
Третий Рейх и Советский Союз	69
Миф об «умиротворении»	82
Пакт дьявола с сатаной	92
Гонка века: Сталин и Гитлер — кто первый?	104
Сражения Второй мировой: в зеркале мифа	150
Экономика Третьего Рейха	230
«Чудо-оружие»: мифы и действительность	248
Гитлер — полководец	264
Покушение на Гитлера 9 ноября 1939 года	278
Мифы о заговоре 20 июля	279
Мифы о сепаратном мире	300
Расовая доктрина национал-социализма: «сверхчело- веки» и «недочеловеки»	312
Антисемитизм и холокост	322
Третий Рейх и «новый порядок» в Европе	357
Третий Рейх и мистика	384
Конец Третьего Рейха и самоубийство Гитлера	401
Преступления союзников по антигитлеровской коали- ции против немцев	433
Краткая библиография	446
Приложения	450

Борис Соколов

**ТРЕТИЙ РЕЙХ
МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Редактор *В. Акунов*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Л. Федерякина*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Яуза» 109507, Москва, Самаркандский б-р, 15
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18, к. 5
Тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

*Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Балокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru*

*Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kano.ru e-mail: kano@eksmo-sale.ru*

*Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12
(м. «Суарева», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.*

*В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.*

*Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 6.06.2005.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Бум. тип.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 4 000 экз. Зак. № 1251.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

БОРИС СОКОЛОВ

ТРЕТИЙ РЕЙХ

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Книга известного писателя и историка, ниспровергателя мифов Бориса Соколова посвящена государству, существовавшему немногим более 12 лет, но оставившему о себе страшную память у всего человечества. Неудивительно, что история Третьего Рейха обросла множеством мифов. Из книги читатель узнает, каковы были истинные цели вождей Рейха, как готовилась Вторая мировая война, сколько в действительности было жертв холокоста и как родилось число 6 млн. евреев, погибших в результате гитлеровского геноцида, сколько человек потеряло человечество в развязанной Гитлером войне, собирался ли Сталин напасть на Гитлера, был ли Гитлер полководцем и могла ли Германия выиграть войну, в чем была сущность расовой доктрины национал-социализма и как нацисты относились к различным народам, каковы были подлинные и мнимые преступления Третьего Рейха и существовали ли в Освенциме газовые камеры, как повлияла личность Гитлера на организацию нацистского государства, что в этом государстве было от древних мистических учений, а что – от рационального XX века, и многое другое.

Эта книга предназначена для всех, кто хочет разгадать главные загадки Третьего Рейха и Второй мировой войны.

ISBN 5-699-10227-2

